

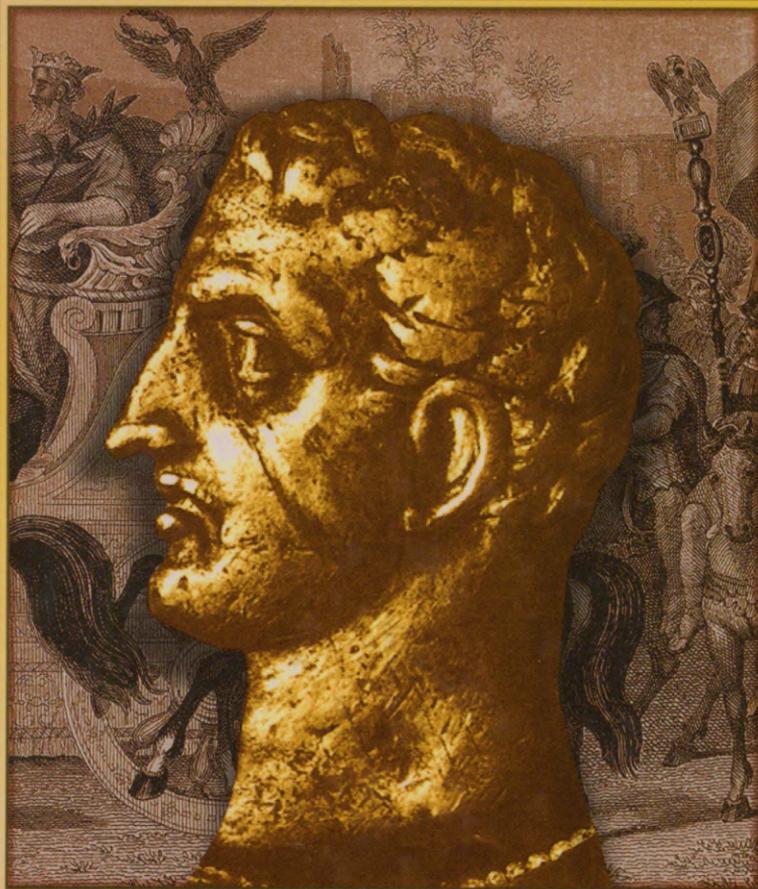
ГАННИБАЛ

ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ГАННИБАЛ

ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Гейвин де Бир

ГАННИБАЛ:

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ
В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

СМОЛЕНСК
«РУСИЧ»
2005

УДК 931/939
ББК 63.3(0)329.6
Б 64

Серия основана в 2000 году

*перевод с английского А. С. Коноплева
по изданию: Sir Gavin de Beer. Hannibal. The Struggle
for Power in the Mediterranean. – London, 1969.*

Бир Гейвин де

Б 64 Ганнибал: борьба за власть в Средиземноморье. – Смоленск: Русич, 2005. – 416 с., ил. – (Популярная историческая библиотека).

ISBN 5-8138-0572-9.

Сочинение Г. де Бира – авторитетное исследование биографии известного полководца древности Ганнибала (242/246–183 гг. до н.э.). На страницах книги читатель познакомится с событиями Первой и Второй Пунических войн, найдет описание похода Ганнибала из Испании в Италию и его знаменитого перехода через Альпы, побед карфагенского полководца при Тразименском озере, в битве при Каннах и его поражения в битве при Заме в 202 г. до н.э. Г. де Бир не оставил без внимания и последний период жизни Ганнибала – правление в Карфагене, службу у сирийского царя Антиоха III и гибель известного полководца. Исследование жизни Ганнибала позволило автору создать широкую картину борьбы за господство в Средиземноморье, апогеем которой стало соперничество Рима и Карфагена.

Издание снабжено приложением – отрывками из «Всемирной истории» Полибия, посвященными первой и второй Пуническим войнам и будет интересно широкому кругу читателей.

УДК 931/939
ББК 63.3(0)329.6

ISBN 5-8138-0572-9

© А. С. Коноплев. Перевод, 2004
© Составление, разработка и оформление серии. «Русич», 2004

Подобно Ганнибалу эта ведьма страхом,
а не силой заставляет наши войска
обратиться в бегство.

Шекспир. «Генрих IV»

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Ганнибала трагична и являет собой закономерный итог конфликта между народами с разными идеалами и обычаями, конфликта, который развивался на протяжении тысячи лет, перерос во вражду двух великих держав Средиземноморья, сопровождался грабежами, захватами земель, борьбой за власть и не мог не закончиться взрывом насилия.

Несмотря на то, что время было упущено, Ганнибал предпринял отчаянную попытку спасти свой родной город, Карфаген; еще до того как он начал действовать, он был обречен на поражение, и есть основания предполагать, что он понимал это. В последней долгой схватке он решил рискнуть всем, но проиграл и не мог возобновить борьбу, потому что все его ресурсы были не только истощены, но и отняты у него противником. Если бы рядом с Ганнибалом шла по жизни какая-нибудь властная, сильная женщина, то Шекспир мог бы использовать это как тему. Но жену его, Имилсу, такой личностью назвать нельзя, ее фигура теряется во мгле веков; Софонисба играет дву-

смысленную и незначительную роль, а Дидона — не более чем призрак основательницы Карфагена, которую сами пунийцы называли Элиссой. Жизнь Ганнибала — это прежде всего история длительной борьбы народов, результаты которой определили судьбу Европы на последующие две тысячи лет.

Чтобы понять смысл ходов ключевых фигур на шахматной доске, необходимо взглянуть на легкие фигуры, с которых всегда начинается игра — на каких клетках они стояли вначале, какими путями шли. Поэтому взгляд исследователя должен прежде всего устремиться к колыбели западной цивилизации, к наиболее заметным народам, населявшим этот регион три тысячи лет назад. Лигуры и галлы, минойцы и греки, финикийцы и карфагеняне, этруски и римляне — все они играли свои собственные партии. Долгое время главной была партия карфагенян против греков; юный Рим тогда еще не принимал участия в игре. Потом римляне начали борьбу со своими соседями — этрусками, галлами и самнитами. И наконец, настало время схватки между Римом и Карфагеном, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Первым актом грандиозной исторической драмы стала Первая Пуническая война, в результате которой Рим превратился в имперскую державу, обладавшую мощным флотом, а Гамилькар приготовился ко второму раунду, замыслив создать личную империю в Испании. Этот раунд был начат его сыном Ганнибалом, который впоследствии совершил изумительный подвиг — переход из Испании в Италию через Альпы. Этим походом я занимаюсь уже около сорока лет. Данная книга — не учебник по древней истории, не пособие по воинской тактике или стратегии. Единственной целью автора было создать легко воспринимающийся и максимально достоверный по фактам текст. Определенные трудности вызывает тот факт,

что главный актер драмы, Ганнибал, не оставил потомкам ни одного документа, написанного им самим; впрочем, то же самое можно сказать и о его сподвижниках. Все, что мы о нем знаем, пришло к нам от или через его смертельных врагов — римлян. Это как если бы история Наполеона была известна лишь по британским источникам.

Главным событием в истории Ганнибала является, несомненно, его переход через Альпы, который не перестает изумлять нас и спустя две тысячи лет. Но это лишь один драматический эпизод в длинной цепи событий, которые происходили и до, и после него, и поэтому эта книга начинается со Сцены и Актеров.

ГЛАВА I. СЦЕНА И АКТЕРЫ

Лигуры и галлы, минойцы и греки

Самыми ранними обитателями Западной Европы, о которых упоминает история, были лигуры, расселившиеся на территории между Средиземным морем и океаном, то есть вплоть до Бискайского залива и пролива Ла-Манш. Когда во втором тысячелетии до нашей эры из Восточной Европы пришли кельты, светловолосые галлы, умеющие обрабатывать металлы и изготавливать боевые топоры, они подчинили лигуров. Немногие из последних сохранили независимость, а именно те из них, кто проживал на юге современной Франции, в северной части Альп (между Францией и Италией), а также на холмах, цепь которых протянулась вдоль изгиба Ривьеры до Генуи и за нее; позднее здесь возникла провинция Лигурия, с которой соседствовала провинция Апуания со своим «мраморным» городом Каррарой*.

Кроме того, некоторое время свободные лигуры

* По другим сведениям, лигуры населяли во II тысячелетии до н. э. территорию от Перенеев до Альп, западную часть Северной Италии и о. Корсика. В I тысячелетии до н. э. были оттеснены другими племенами в район приморских альп и северо-западную часть Аппеннин (Лигурия).

жили в южной части современного Прованса, к востоку от Роны и к югу от Дюранса, пока в 121 г. до н. э. эти земли не стали римской провинцией. Горные племена потомков лигуров, жившие в Альпах и на Апеннинах, были независимы вплоть до периода правления императора Августа, который в память своей победы над ними воздвиг триумфальный памятник в Ла Турби, недалеко от Монако. Таким образом, когда в 218 г. до н. э. Ганнибал пересекал Альпы, лигуры жили в Альпийском регионе.

Поскольку лигуры определенно не были индоевропейцами, они являлись родственниками басков, которые также не относятся к индоевропейской группе; вместе лигуры и баски составляли неолитическую средиземноморскую расу, которую захлестнула волна переселения индоевропейцев — кельтов и галлов.

Итак, на территорию современных Франции и Британии вторглись племена кельтов, которые относились к индоевропейцам. Широко известен отрывок, которым Цезарь начинает свои «Записки о Галльской войне», но зачастую его неправильно понимают. Когда он пишет, что «вся Галлия делится на три части», то имеет в виду именно резкое отличие трех частей страны друг от друга. Он называет эти части: первая — к северу-востоку от Сены и Марны, вторая — между Сенной, Марной и Гаронной, третья — к юго-западу от Гаронны. А далее Цезарь продолжает, что жители каждой из частей Галлии различаются по своим обычаям и языку. Он отмечает, что к северу-востоку от линии Сена-Марна жили белги, т. е. германизированные кельты; между Сенной, Марной и Гаргонной — галлы, настоящие кельты; к юго-западу от Гаронны — аквитаны, баски и иберы, к которым галлы в то время еще не проникли. Это означает, что не все жители Галлии были галлами, и позволяет сделать вывод: те самые «галлы», которые ввели в заблуждение Ганни-

бала в Альпах, галлами вообще не являлись, а были лигурами.

Галлы никогда не проникали на юг Прованса и южнее Дюранса, там жили лигуры; не удавалось им пробиться и к Средиземному морю — вплоть до IV в. до н. э., когда они ворвались на Пиренеи и вбили клин между иберами и басками на западе и лигурами на востоке и основали города, позднее известные как Нарбонна и Тулуза. Именно с лигурами Ганнибал и имел дело, когда отправлялся из Испании, шел по южной Галлии и переправлялся через Рону.

Древнейшие жители Крита, минойцы, появляются в нашем рассказе лишь для того, чтобы вновь уйти. Это не ошибка и не парадокс, просто для судеб их преемников в Средиземноморье важнее всего оказался факт гибели цивилизации Крита и его морского могущества, после чего остальные народы смогли выйти в море. О происхождении минойцев ничего неизвестно, но кое-что можно предположить. Гомер считал, что матерью царя Миноса была финикийка; есть некоторые подтверждения того, что язык минойского линейного письма имеет сирийское происхождение, и это тоже говорит в пользу версии о финикийских корнях минойцев. Может быть, Ганнибал и являлся далеким потомком царя Миноса.

Взрыв вулкана Санторин около 1450 г. до н. э. неизбежно должен был уничтожить значительную часть населения о. Крит и минойский флот. Только этим можно объяснить мгновенную гибель могучей морской державы. Пока минойцы правили морями, другие народы не смели посягать на их исключительное положение, но когда минойская империя рухнула, освободившееся место сразу было занято — сначала микенскими греками, затем — финикийцами.

Греки — индоевропейский народ, пришедший из южной части бассейна Дуная; они переселялись на юг

долиной реки Вардар, причем волна переселения не была единственной. Первую из них представляли ахейцы, которые, вероятнее всего, появились на территории Греции в начале II тыс. до н. э. В Греции ахейцы подчинили себе большинство живших там до них племен, но часть коренного населения, которую греки называли пеласгами, сохранила свободу в таких труднодоступных местах, как Аркадия на Пелопоннесе, и в самой Аттике, где догреческая богиня Афина стала богиней-хранительницей ахейского города Афины.

Дополнительные соображения о ходе развития событий в ту эпоху дает нам изучение греческой мифологии и ее эволюции, на чем и сосредоточили свое внимание Р. Грейвс и С. Керенаи. Первоначально население Средиземноморья вело родство по материнской линии и поклонялось женским божествам, в то время как индоевропейцы отсчитывали род по мужской линии и их боги были по преимуществу мужскими. К богиням древнейшего пантеона — Гере, Афине и Деметре — позднее добавились индоевропейские Зевс, Посейдон и Аид. Но Зевс и его коллеги-боги быстро установили свое верховенство на Олимпе, и это отражает факт подчинения коренного населения Греции индоевропейским пришельцам с севера. Гомер называет ахейцев «светлокудрыми» по той причине, что они отличались от автохтонов — коренного населения, волосы которых были черными, как у басков, иберов, лигуров и докельтских жителей Британии.

В середине II тыс. до н. э. греки создали Микенскую цивилизацию; яркий образец культуры этой цивилизации — дворец в Микенах, открытый Генрихом Шлиманном. Когда погибла Минойская морская держава, микейцы создали свою собственную. Когда ахейцы пришли в Грецию, в их языке не было слова «море» (слово «таласса» является догреческим), но очень скоро

их жизнь оказалась неразрывно связана с морем, а их мастерство как мореходов подтверждается не только быстрым развитием морской торговли и экспедицией для захвата Трои, но и мифами, из которых следует, что греки плавали и далеко на запад Средиземного моря, и на восток, и в Черное море.

Но и микенцам пришлось пережить горечь унижения, потому что в начале XI в. до н. э. другая волна переселявшихся греков — грубых, нецивилизованных и воинственных дорийцев — пришла с севера и предала ахейские города огню и мечу. В Греции наступили так называемые Темные Века, продолжавшиеся триста лет, а первенство на море захватили финикийцы. Однако завоеватели-дорийцы сумели создать свою собственную цивилизацию, основой которой стали города-государства, полисы, в которых расцвели индивидуализм, любовь к свободе, оригинальности, родилась мысль о могуществе человеческого разума; в условиях полисного строя все человеческие способности раскрылись с небывалой до этого силой.

Однако во всех полисах шла непрерывная борьба, и на территории собственно Греции, и на островах, и на западном побережье Малой Азии, где первые дорийские города основали свои дочерние поселения (со временем они превратились в полисы и по богатству и красоте зачастую превосходила метрополии). Перенаселенность полисов, а в Малой Азии — частые нападения враждебных племен заставляли греков искать места для новых поселений все дальше от родных берегов. Было бы неправильно называть эти новые поселения колониями, т. к. они были самостоятельны и не принадлежали метрополиям («материнским городам»), хотя между первыми и вторыми сохранялись связи, порой очень тесные, почти родственные; кроме того, всех греков объединяли общие верования, а метрополии и дочерние города поклонялись общим богам-по-

кровителям. Кроме новых городов, основанных в северо-западной части Средиземноморья, целая группа греческих поселений была образована на южных берегах Италии, а также на юге Сицилии; вместе они образовали «Великую Грецию».

К древнейшим дочерним городам относятся Питекусса (Исихя)* и Кумы, основанные около 750 г. до н. э. В 734 г. до н. э. были основаны Сиракузы — родина Архимеда. Кроме того, в VIII в. до н. э. появились Наксос и Мессана (Мессина), оба — на Сицилии; в Италии — Сибарис и Кротон, где жил в изгнании и основал свою школу Пифагор, Регий (Реджио), и Парфенон, позднее переименованный в Неаполис (Неаполь). В следующем веке в Италии были основаны Тарас, Тарент, Локры, Кавлония и Метапонт, где в 497 г. до н. э. умер Пифагор. Город Фурии, одним из основателей которого был Геродот, заложили в 445 г. до н. э.

Согласно Фукидиду, когда греки впервые пришли на Сицилию, то на восточном ее берегу обнаружили несколько финикийских поселений. Финикийцы переселились на запад острова, предоставив грекам свободу рук на северном, восточном и южном его побережьях. Здесь греки в 689 г. до н. э. основали Гелу, в 628 г. до н. э. — Селинос (Селинунт) и Акрасгас (Агригентум); последний Пиндар назвал «прекраснейшим городом смертных», и в нем же родился Эмпедокл.

Все эти греческие города сыграли огромную роль в судьбе Рима, и не только в связи с культурным влиянием греков на Италию; дело в том, что они вели непрерывные войны — не только с самими римлянами, но и прежде всего с Карфагеном. Греческая экспансия в Средиземноморье продвигалась все дальше на Запад: в 600 г. до н. э. переселенцы из греческого

* В скобках автор дает римские названия греческих городов-колоний. — *Прим. пер.*

города Протиса основали в небольшой бухте на побережье Лигурии город Массалию; теперь в этой бухте находится Старый порт Марселя.

Позже Массалия сама дала начало нескольким дочерним городам, названия которых звучали несколько по-детски: Антиполис («другой город» — Антибы), Гераклес Монойкос («Геракл один в доме» — Монако), Никея («победа» — Ницца), Агата («добрая» — Агд). Потом на побережье Иберии были основаны Пирена (имя одной из возлюбленных бога войны Ареса; город возник недалеко от холма, где она якобы была погребена), и Эмпорий («рынок», Ампурия). По легенде, город Заканфа (Сагунт) был назван так потому, что его основатели приплыли с одноименного острова (сейчас о. Занф). Еще дальше на юг по испанскому берегу возникли Гемероскопей (недалеко от нынешнего Аликанте) и Майнака (рядом с нынешней Малагой). Далее греки продвинуться не смогли, поскольку встретились с энергичным сопротивлением карфагенян.

Греки сделали попытку поселиться и на Корсике, но этруски и карфагеняне, и те и другие — смертельные враги греков, объединившись, нанесли поражение греческому флоту у города Алалия в 537 г. до н. э. Возможно, этруски сводили старые счеты с греками: археологи нашли следы этрусского поселения в Массалии, возникшего раньше греческого.

Наиболее ранние из дочерних городов возникали отнюдь не как торговые центры; для греков-переселенцев жить в новом городе означало прежде всего получить возможность следовать свободному образу жизни, обрабатывать землю, выходить в море за рыбой, продолжать мыслить. Это не помешало некоторым городам, таким как Массалия, быстро разбогатеть благодаря торговле. Сибарис, расположенный на изгибе подошвы итальянского «сапога», получал ог-

ромные доходы за счет своего выгодного положения: многие купцы, направлявшиеся из Тирренского в Ионическое море или наоборот, утраченные опасным плаванием через Мессинский пролив, предпочитали сбывать свои товары в Сибарисе, благодаря чему жители города настолько разбогатели, что слово «сибарит» стало нарицательным для человека, ведущего роскошный образ жизни. Возможно, именно поэтому в 510 г. до н. э. завистливые соседи-кротонцы разрушили Сибарис до основания.

Ритуал основания дочернего города был общим для всех греков и представлял собой красочную церемонию. Переселяющиеся во главе с предводителем-основателем будущего города торжественным шествием отправлялись на акрополь метрополии, возжигали факел от священного огня, получали от жрецов изображения богов-покровителей. Затем садились на корабли и отправлялись в длительное плавание: необходимо было найти достаточно удаленное и вместе с тем удобное место для города, причем обязательным условием было наличие высокого холма, на котором будет воздвигнут акрополь нового города. По прибытии на место на вершине холма устанавливали изображения богов, от привезенного пылающего факела возжигали на жертвеннике священный огонь и совершали обряд жертвоприношения. Эта религиозная церемония незримой нитью связывала материнский и дочерний город, и все греки неукоснительно ей следовали. Где бы ни находились дочерние города, как бы далеко ни заходили греки в своих странствиях, воевали они или жили в мире, все они были связаны и поддерживали контакты через единый центр — храм Аполлона в Дельфах, где находился знаменитый оракул, возвещавший пророчества не только грекам, но и, впоследствии, римлянам. Жрецы Дельфийского храма контактировали с представителями всех стран Древнего мира, были

очень хорошо информированы о событиях в Средиземноморье и поэтому их советы дорого стоили — и в прямом, и в переносном смысле.

Таковы были древние греки — народ, не пожелавший подчиниться власти единого государства и оказавший огромное влияние на умы и события; позднее он был поглощен Римом и стал той почвой, на которой расцвела культура завоевателей.

Гораций сказал в стихах:

«Греция, захваченная железом,
празднует победу:
искусствами своими
она покорила Лаций».

Финикийцы и карфагеняне

Вопреки Ветхому Завету, который называет их сыновьями Хама, финикийцы были ханаанеями, племенем, говорящем на семитском языке. Они жили на полосе земли между Ливанскими горами и морем; эта местность позже стала называться Финикией. Финикийцами, т. е. темнокожими, этот народ назвали греки. Римляне вначале называли их «поны»; со временем это слово трансформировалось в «пуны» («пунийцы»). Собственно же народ ханаанеев жил в Ханаане, местности, расположенной дальше вглубь материка, и южнее, в Палестине.

Финикийцы определенно не были автохтонами, и неизвестно, когда они пришли в Финикию; возможно, это произошло во II тыс. до н. э. Но появились они здесь, уже будучи искусными мореходами; значит, их древняя родина находилась также на морском берегу. Возможно, они пришли с берегов Персидского залива. Узкая полоска земли, на которой они расселились в Финикии, не давала возможности прокормить целый народ за счет сельского хозяйства, поэтому

средства для жизни они получали за счет морских перевозок и торговли. Для подобного рода занятий Финикия была расположена идеально — на полпути между Хеттской державой на севере и Египтом на юге, на пересечении многочисленных караванных путей. Кедры со склонов Ливанских гор служили наилучшим материалом для постройки кораблей и одновременно — высокоценным товаром на продажу.

Финикийцы торговали и на суше, и на море. Они скупали товары со всех концов света: из Аравии — ладан, мирро и оникс, из Индии — драгоценные камни, пряности, слоновую кость и благовонное дерево, из Египта — лошадей, лен, хлопок, из Африки — золото, черное дерево, слоновую кость, страусиные перья и черных рабов, из Испании — пшеницу и серебро, с островов Греции — медь, олово, мрамор и моллюсков, из которых получали пурпурную краску, из Ассирии — ценные ткани, ковры, благовония и финики, с Кавказа — металлы и рабов. Их рынки рабов поставляли невольников и слуг во все дворцы Ближнего Востока и Египта.

Кроме импорта и экспорта товаров, финикийцы наладили собственное массовое производство ваз, драгоценностей, ожерелий, бус, браслетов, брошей, серег, изображений богов, тканей. Они владели великой тайной изготовления прозрачного стекла, которое варили из белого песка своей родины и тирского красного песка, умели изготавливать из моллюска вида мурекс пурпурную краску, столь любимую царями. (Из моллюсков, выловленных у берегов Греции, получали пурпур средних тонов и фиолетовый, из атлантических — темных оттенков, почти черный.)

Финикийцы охотно принимали заказы на строительные работы. Соломон доверил им строительство храма в Иерусалиме, а также целого порта на Красном море. Ассирийский царь Синахериб приглашал

финикийских мастеров и мореходов для строительства флота на Евфрате и в Персидском заливе.

Занятие торговлей предполагает ведение и хранение записей, и в этом отношении весь Западный мир находится в неоплатном долгу перед финикийцами по следующим причинам. Во-первых, они торговали материалом для ведения записей — папирусом, гораздо более легким, компактным и удобным для транспортировки, чем глиняные таблички. Папирусы для письма изготавливали в Египте из одноименного растения, которое и сейчас растет на берегах Нила. Листья складывали и прессовали таким образом, чтобы волокна одного листа пересекались с волокнами другого под прямым углом. Торговля готовыми папирусами процветала в финикийском городе Библ, и название этого города греки использовали для обозначения книги вообще — «библиа». Во-вторых, что гораздо важнее, финикийцы совершили настоящий прорыв в системе письменности. Считается, что письменность была изобретена шумерами в III тыс. до н. э. Это была клинопись на глиняных табличках; некоторые знаки представляли собой идеограммы, обозначающие целые слова, другие — слоги, третьи являлись определительными знаками и служили для уточнения значения слова. Всего в системе шумерской письменности было около 550 знаков.

Одновременно с шумерами к мысли о передаче слова письменными знаками пришли и египтяне. В результате появились иероглифы — маленькие рисунки, или пиктограммы, состоящие из тех же идеограмм, слоговых знаков и определительных. Около 3000 г. до н. э. египтяне создали упрощенную форму скорописи, так называемое иератическое письмо, которое использовалось в повседневной жизни.

Для купцов и торговцев, ведущих списки товаров и записи продаж, такая письменность была громозд-

кой и не отвечала требованиям их ритма жизни. Требовалось что-то более простое — не рисунки и пиктограммы, а простейшие знаки, обозначающие звуки, которые способен воспроизвести человеческий голос (их, как выяснилось, всего около тридцати в речи). Постепенно из практических соображений люди перестали относиться к письменности как к «священным знакам», и от письма-рисунка перешли к буквенному, в котором одна буква обозначает всего один-два звука. Именно в Финикии в X в. до н. э. возникла письменность, основанная на использовании букв. В финикийском алфавите было 22 буквы, и все они были согласными: семитские народы в речи часто «проглатывают» гласные звуки, поэтому читающему запись, состоящую только из согласных букв, было не столь уж трудно понять значение слова из контекста. Финикийский алфавит стал основой для еврейского, греческого, этрусского, латинского алфавитов, а позднее — и для кириллицы, и послужил, таким образом, делу распространения грамотности по всему Западнему миру. Был изобретен инструмент, с помощью которого возможно было не только записать количество проданных товаров, но и передать мысли и чувства. Финикийцы преподнесли нам бесценный дар.

Как мы уже отмечали, финикийский относился к семитским языкам и через древнееврейский был связан с языками израильтян, арамеев, сирийцев и арабов. За исключением немногих отрывочных надписей, вся финикийская и карфагенская литература была утеряна еще в древности, хотя еще при жизни святого Августина, уроженца Северной Африки, на его родине говорили на финикийском языке. По иронии судьбы и по прихоти истории народ, который изобрел алфавит, стал единственным значительным народом античного мира, не оставившим потомкам отчета о своей истории. Особое сожаление вызывает

это обстоятельство у историков, изучающих деяния Ганнибала.

Итак, финикийцы жили, создавали, творили, торговали; но Финикийского государства не существовало. Вместо него на побережье длиной в 200 миль протянулась цепь небольших городков; в каждом из них жили люди, поклонявшиеся одним и тем же богам, говорящие на одном и том же языке, занимающиеся схожими ремеслами. Но каждый городок был независим — в большей или меньшей степени. Такое положение дел хорошо иллюстрирует следующий факт: основывая поселение, финикийцы стремились найти небольшой остров, находящийся недалеко от побережья материка, и с хорошими бухтами для укрытия кораблей, как в Тире и Арадусе. Другим приемлемым для поселения местом финикийцы считали мыс, выдающийся в море, опять же с удобной гаванью; мыс легче оборонять от врагов, нападающих с суши. На подобных местах были построены Библос и Сидон.

Египетская экспансия XVI в. до н. э. заставила финикийцев на время признать власть фараонов, но вскоре колесо истории сделало очередной поворот. Пала Хеттская держава, Египет вступил в полосу кризиса и упадка, и образовавшийся вакуум власти заполнили ассирийцы, которые около 1100 г. до н. э. захватили финикийский город Арадус. В течение следующих столетий давление на Финикию с Востока нарастало — сначала Ниневия, потом Вавилон и Персия спешили захватить лакомый кусок. В 586 г. до н. э. Навуходоносор сломил сопротивление Тира и подчинил его себе, а в 332 г. до н. э. Александр Великий наказал город за непокорность: распял его активных защитников и продал оставшихся в живых в рабство.

Начиная с XI в. до н. э., когда микенцы перестали господствовать на море, финикийцы почувствовали, что настал их час. Они приступили к расширению своей

морской торговли и начали основывать вдали от родины торговые поселения. Подобные торговые пункты в чужих землях греки позже назовут эмпориями (рынками); для удобства изложения мы в дальнейшем будем использовать это определение и по отношению к финикийским торговым поселениям. В зависимости от обстоятельств, если они складывались благоприятно, эмпорий мог превратиться в город. Например, в цивилизованном Египте финикийцы открыли свой торговый двор в Мемфисе, вокруг которого обособлено от местных жителей построили себе дома их купцы. В каком-либо другом месте, где жили сильные и воинственные племена, они занимали остров недалеко от побережья и вели товарообмен с туземцами, в случае опасности уходя с острова в море на своих кораблях. Но некоторые эмпории, и в частности Карфаген, со временем перешли к колонизации окрестных территорий, используя для обогащения труд местных жителей, превращенных в рабов.

Прежде всего финикийцы добрались до Кипра и основали поселение Китион (Ларнака); одновременно они построили несколько укрепленных пунктов на южном побережье Малой Азии. Исследователи считают, что поселение Итанос, открытое на Крите, также принадлежало финикийцам. Но самым впечатляющим достижением финикийской экспансии можно считать основание города на побережье Атлантического океана — Гадеса (Кадиса) в устье реки Бетис (Гвадалquivир) (этот город был любимым детищем финикийцев) и богатейшего впоследствии города Тартесса, который сами финикийцы называли Таршиш, на территории Иберийского полуострова. Река Бетис была сказочно богата серебром, кроме того, Гадес стоял на торговом пути к Британским островам, откуда доставляли необходимое для бронзовой металлургии олово. По традиции, датой основания Гадеса считается 1110

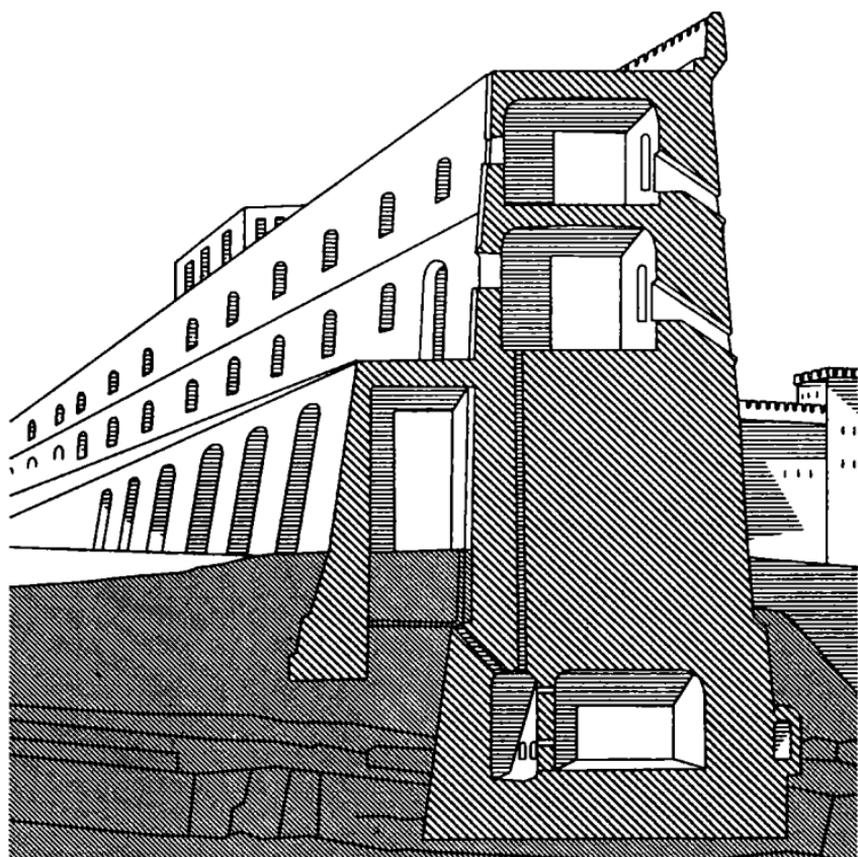
г. до н. э. В честь этого события финикийцы возвели в городе храм Мелькарта, святилище, особо чтимое мореходами (Мелькарт — финикийский аналог Геракла; по легенде, Геракл гостил в Тире у царя Хирама).

Если следовать финикийской традиции, то следующим по времени основания был город Утика, заложенный в 1100 г. до н. э. недалеко от устья реки Баграда на территории современного Туниса. За ним в 950 г. до н. э. был основан Гиппо Заритус (Бизерта), славившийся прекрасной гаванью, и, наконец, в 814 г. до н. э. началось строительство Карфагена.

Легенда гласит, что основательницей Карфагена была Элисса (римляне называли ее Дидоной), сестра царя Тира Пигмалиона. Брат нанес ей жестокую обиду: когда-то Элисса сама была царицей, супругой повелителя Тира, но Пигмалион убил ее царственного мужа и сам занял трон. С горсткой преданных людей Элисса покинула Тир и отправилась на Кипр, а затем — к берегам Северной Африки; корабль пристал недалеко от Утики во владениях нумидийского вождя. Элисса попросила его продать ей участок земли, но благородный вождь согласился дать землю даром — правда, столько, сколько покроет бычья шкура. Элисса нарезала из шкуры самых тонких ремней, связала их и оплела целый холм, возвышавшийся над бухтой. Вождь был вынужден признать, что уговор не нарушен.

Этот холм позднее стал ядром города: на нем возвели крепость, которую стали называть Бирсой («шкура» по-гречески), а сам город называли Карт-Хадашт («Новый город»). Впоследствии он стал известен под именем Карфаген. (Интересно отметить, что много веков спустя тем же способом получили землю в Англии саксонские вожди Хенгист и Хорса.)

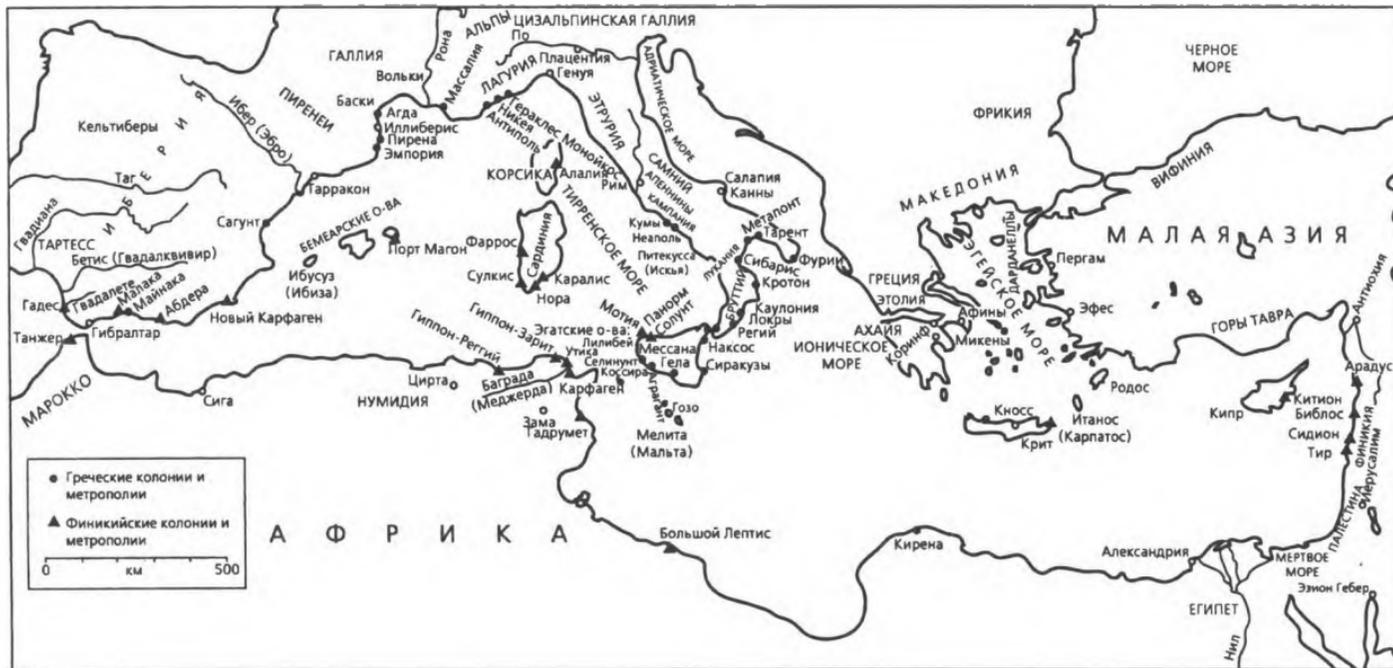
Свои эмпории финикийцы основали и на Сардинии: в VIII в. до н. э. здесь появились поселения Нора (на мысе Пула), Фаррос (полуостров Сан-Марко),

Одни из крепостных ворот Карфагена. Реконструкция

Сулсис (остов Сан-Антиоко) и Каралис (мыс св. Ильи). Немного позже к ним добавились укрепленные пункты Бития, Отока, Боса и, в глубине острова, Макопсис. На Сардинии у финикийцев были не только эмпории, но и настоящие колонии, в которых землю обрабатывали привезенные из Африки рабы.

Примерно в это же время финикийцы обосновались на островах Мелита (Мальта), Гаулос (Гозо) и Коссира (Пантеллерия), которые занимали очень удобное для мореходов положение: в проливе между Сицилией и Северной Африкой и одновременно — на полпути из Финикии в Гадес. Они были удобны для

Средиземноморье во времена греко-римской колонизации

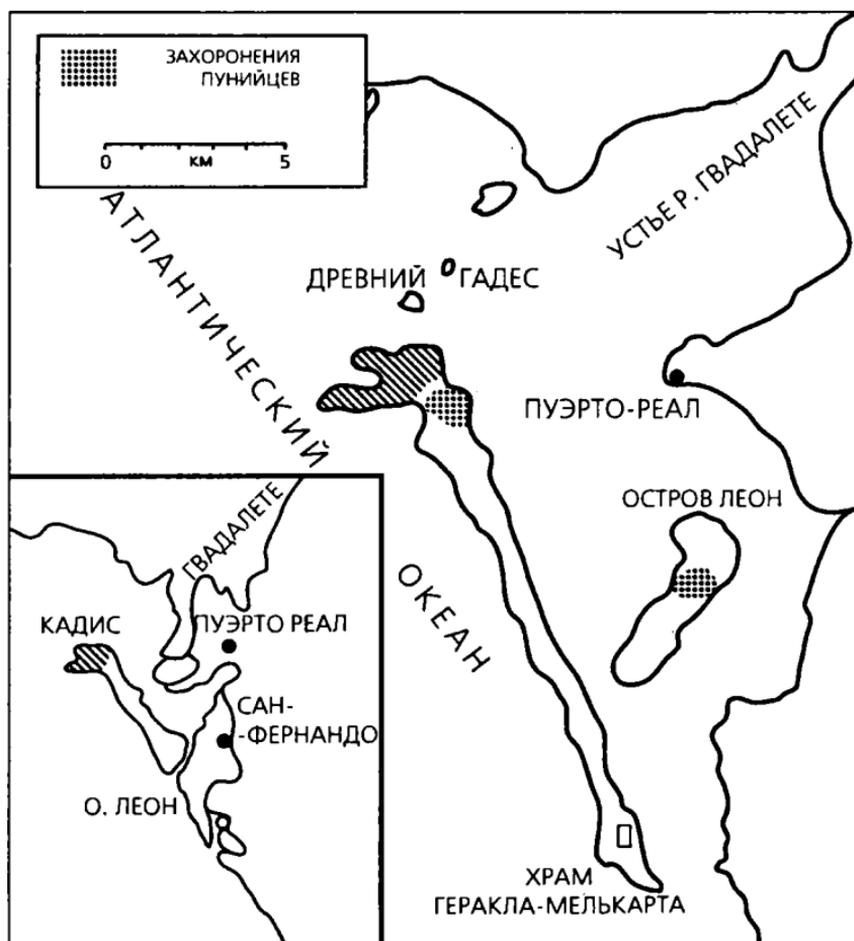
отдыха в перерыве долгого плавания. Идеальным местом считался остров Моция, расположенный вблизи западной оконечности Сицилии и прикрытый с запада еще одним островом, что создавало условия для наблюдения за морем и обеспечивало безопасность кораблей. Моция долго служила главной базой Карфагена в центре Средиземноморья, пока в 398 г. до н. э. тиран Сиракуз Дионисий I не разрушил ее. Но карфагеняне, оставив Моцию, перебрались на соседний остров Лилибеи (Марсала). Крупными опорными пунктами финикийцев на Сицилии были также Панорм (Палермо) и Солунт.

В 654 г. до н. э. Карфаген основал на Балеарских островах поселение Эбуса (Ибиза); это событие имело через несколько веков важное значение для Ганнибала. Балеарцы считались непревзойденными мастерами-прашниками; даже название их родины происходит от греческого слова «баллейн» – метать. Балеарские прашники сформировали особые отряды в армии Карфагена, а впоследствии вносили немалый вклад в победы Ганнибала.

Около 600 г. до н. э. одна из экспедиций карфагенян прошла через Гибралтарский пролив и на Атлантическом побережье Марокко основала колонию Танжер; затем, проникнув еще дальше на юго-запад, они обосновались недалеко от материка на острове Могадор. Восточнее Гибралтара на испанском берегу карфагеняне построили города Абдера (Адра) и Малака (Малага). В Африке, южнее Карфагена, возникли Гадрумет (Суссе) и Лептис Магна (Лебда), а также некоторые другие опорные и торговые пункты. Таким образом, вся юго-западная часть Средиземноморья оказалась под контролем Карфагена.

По мере того как Карфаген выходил из неизвестности на арену истории, его земельные владения росли. Территория, прилегающая непосредственно к го-

роду Карфагену, увеличивалась и составила всю северную часть современного государства Тунис; сюда же добавились береговые линии Ливии и Триполитании. На востоке пограничными городами считались Лептис Магна и Сабрата, на западе — земли нумидийцев, занимавших территорию современных Алжира и Марокко. Захваченные земли обрабатывались, но не карфагенянами, которые предпочитали занимать-

Карта расположения финикийской колонии Гадес

ся торговлей, а обращенными в рабство берберами и другими невольниками.

К африканской родине карфагеняне добавили западные районы Сицилии и Сардинии, Балеарские острова, Мелиту (Мальту) и Коссиру (Пантеллаерию) — все эти районы когда-то были обжиты финикийцами, основателями Карфагена. Кроме того, имелись колонии в Испании — Гадес, Малака, Абдера; Кальпа — Гиблартар — также, вероятно, основанная финикийцами в Марокко — Танжер и Могадор.

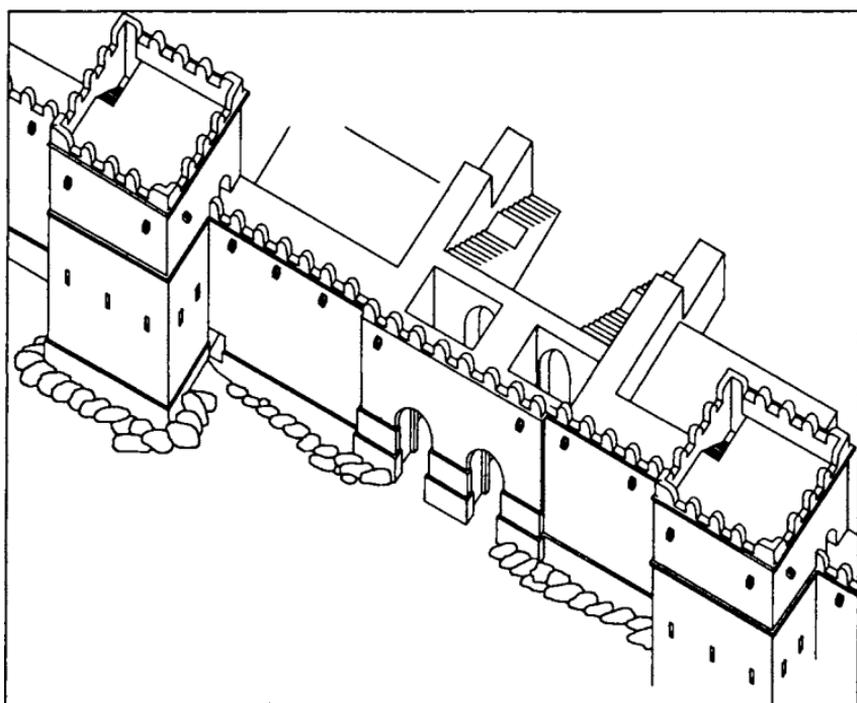
Правление в Карфагене первоначально было монархическим, у власти находилась династия Магонидов. Но поражение карфагенского флота в 480 г. до н. э. в битве при Гимере у берегов Сицилии, победа греков над персами в том же году и упадок могущества этрусков вызвали к жизни как политические, так и религиозные изменения в Карфагене, что вообще было свойственно семитским государствам. Танит была объявлена верховным божеством, а монархию сменило некое подобие Римской республики. Как и в Риме консулы, в Карфагене стали избираться высшие магистраты — суффеты, появился свой сенат — Большой совет и Народное собрание. После попытки одного из полководцев — Малхуса — узурпировать власть в государстве был учрежден Совет судей по надзору за военными начальниками, которые теперь назначались Большим советом из собственного состава. Основу карфагенской армии составляли наемники — государство было достаточно богато, чтобы платить им, причем после выплаты оговоренных сумм от них можно было быстро избавиться. Исключение составлял так называемый Священный отряд, формируемый из карфагенской аристократии и напоминающий римских преторианцев.

По мере того как Карфаген накапливал богатства, он превращался в самый могущественный из фини-

Примерный план древнего Карфагена

кийских городов на Западе; ни один город не мог сравниться с ним по мощи флота и размаху торговли. Однако прочие финикийские города не являлись собственностью Карфагена и сохраняли самостоятельность. Гражданами Карфагена являлись только свободные жители его собственных колоний. Прочие финикийские города имели свои правительства, чеканили свою монету и зависели от Карфагена постольку, поскольку не имели достаточного количества вооруженных сил для своей защиты. Таким образом, между городами финикийцев, разбросанными по Средиземноморью, не было политического единства, и в качестве единой силы они никогда не выступали. На подчиненных территориях, в Африке и Сардинии, карфагеняне собирали с населения дань, и недовольство покоренных народов позже вылилось в ряд восстаний.

Крепостная стена Карфагена. Реконструкция

В свое время Аристотель проанализировал государственное устройство Карфагена. Он отметил, что при занятии государственных должностей знатность имеет в Карфагене бóльшее значение, чем личные способности человека, что вакантные места в коллегияльных органах заполняются путем кооптирования, время занятия должности практически не ограничено сроками; при этом в политической жизни процветает плюрализм. Аристотель указал на особенность, показавшуюся ему нелепой: при прочих равных условиях карфагеняне при распределении должностей отдадут предпочтение тем кандидатам, которые наиболее богаты, т. к. считают, что именно богатые люди знают, как править страной, и имеют для этого достаточно свободного времени. При этом в государственном аппарате процветала коррупция: соискатели мест тратили деньги на подкупы, добиваясь должности, а добившись, стремились вернуть свои деньги и брали взятки, причем данное явление охватило все уровни государственного управления. Такое положение дел шокировало греков и римлян периода Республики, и Аристотель писал, что при правильном государственном устройстве следует предоставлять дело управления не богатым и знатным, а достойным, создавая им условия, в том числе и материальные, для руководства страной.

В основе религии Карфагена лежал культ Ваала, которого многократно проклял Ветхий Завет. Ваал был верховным, но не единственным божеством. И в Тире, и в Карфагене поклонялись Мелькарту; отзвуки имени бога звучали в таких распространенных именах, как Гамилькар и Бомилькар.

В роли ужасного божества выступил Молк, или Молох, в жертву которому приносили детей, сжигая их в огне. Практика жертвоприношений была широко распространена — исследователями открыты хранили-

ща с сотнями глиняных сосудов, в которые складывали несгоревшие кости жертв. Подобные находки сделаны во многих поселениях карфагенян — и в Африке, и на Сардинии. Возможно, что слово Молк (Молох) не было именем бога, а обозначало сам ритуал жертвоприношения.

Единственным женским божеством в финикийском пантеоне была Ашторет, Астарта, или Танит (Тинит), как ее называли в Карфагене, где находился храм этой богини. В храме Танит хранилось множество урн с прахом жертв и велись подробные записи о жертвоприношениях детей. Кроме детей, богам в жертву приносили пищу, напитки, птиц и млекопитающих. На услуги жрецов, приносящих жертвы, были установлены тарифы: в Марселе был найден текст, в котором говорилось, что за обряд принесения в жертву быка жрецу следует заплатить десять серебряных монет; за обряд жертвоприношения для очищения от греха — триста фунтов мяса.

При погребении покойных карфагеняне клали в могилы некоторые предметы повседневного обихода: этот факт говорит о том, что они имели верования о посмертном существовании. Но с течением времени количество и качество вещей, которые клали в гробницы, снижалось; возможно, карфагеняне считали этот обычай пустой тратой денег.

Этруски и римляне

Полтысячелетия в Центральной Италии цвела высокоразвитая цивилизация загадочного народа — этрусков, которые заняли область южнее реки Арно и западнее Тибра, омываемую волнами Тирренского моря. Они настолько отличались от своих соседей, что их происхождение было загадкой и темой для споров на протяжении двух с половиной тысяч лет. Геродот,

писавший свои труды в V в. до н. э., когда держава этрусков еще была могущественна, считал, что они пришли из Лидии, с территории Малой Азии; их гнал голод, и по морю они добрались до западного побережья Италии. Произошло это, по мнению Геродота, почти одновременно с падением Трои, т. е. в начале XI в. до н. э.

Известно, однако, что крупное вторжение киммерийских и скифских племен на территорию Малой Азии произошло позже, а именно в VIII в. до н. э.; оно вызвало массовые миграции народов с востока на запад, и, вероятно, именно тогда этруски пришли в Италию и принесли с собой цивилизацию восточного типа, которая отличала их от других народов Апеннинского полуострова. Финикийцы заняли Северную Африку и запад Сицилии, греки — восток Сицилии и юг Италии, а территория между Арно и Тибром осталась свободной.

В этой части Италии, которая вошла в историю как Этрурия, а позже стала называться Тосканой, этруски основали двенадцать крупных городов. На юге области, занятой ими, находились города Тарквинии, Вейи и Фалерии — самые близкие к Риму города и долгое время — его соперники, Цере — тоже близко к Риму (и впоследствии — его союзник), Вольсинии (вероятно, находился на месте современного Орвьето) на берегу озера Больсена. На севере — Ветулония (Колонна), Руселла (около современного Гроссето), оба — недалеко от побережья. В глубине полуострова располагались Волатерры (Вольтерра), Клузий (Куизи), Арреций (Арреццо), Кортонна и Перузия (Перуджа). Кроме того, этруски построили морской порт Популонию, которая была колонией Волатерры и находилась напротив острова Ильва (Эльба).

Поселения этрусков быстро превратились в богатые, процветающие города с аристократическим

правлением. Народ этрусков не создал единого государства — может быть, не хватило политического гения, а может, им была чужда идея централизации. Это привело к тому, что столетия спустя этруски были поглощены Римом. Но пока, расширяясь на юг и на север, они были силой, с которой приходилось считаться.

Осуществляя экспансию на юг, этруски прошли через Лаций, который, включая Рим, находился теперь под их контролем, и вступили на плодородную

Италия и Сицилия VII—VI вв. до н. э.

землю Кампании. Здесь в 598 г. до н. э. они основали город Вольтурны (старая Капуя), а также города Ацерру, Помпеи, Нуцерию Алфатерну (Ноцера), Нолу, Марсину (в Пестумском заливе), а также, вероятно, Саррент (Сорренто) и Салерн (Салерно) и другие города, местонахождение которых нам неизвестно, но мы располагаем монетами, которые были отчеканены в них; к ним относятся Урина, Велка, Велсу и Ирнти (все названия — типично этрусские).

В 520 г. до н. э. этруски сделали попытку захватить греческий город Кумы, но не добились успеха. Спустя двенадцать лет жители Кум, мстя за обиду, под командованием Аристодема разгромили этрусков в битве у Ариции и начали теснить их в Кампании, тем самым помогая римлянам и латинам выгнать их назад на север от Тибра. Эти события привели к изгнанию из Рима этрусских царей, которые до этого правили городом.

В 474 г. до н. э. тиран Сиракуз Гиерон I сломил морскую мощь этрусков, разгромив их флот в битве у Кум. Гиерон занял остров Исхию, и этруски Тосканы теперь с трудом поддерживала связь со своими владениями в Кампании — пути по суше и по морю заняли враги. В 424 г. до н. э. самниты захватили Капую, в 420 г. до н. э. сабиняне заняли Кумы. Территория Кампании оказалась в руках народа осков. Таким образом, наследство этрусков в Кампании поделили оски, самниты и греки — задолго до того, как на них самих легла тяжелая рука Рима.

Не более успешной была и экспансия этрусков на север, которую они начали около 525 г. до н. э. Пройдя через Апеннины в Умбрию, они основали (или захватили) города Фельсина (Болонья), Марзаботто, Аримин (Римини) и Равенну и вступили в долину По. Западную часть этой плодородной долины населяли лигуры, восточную — венеты. Этруски выгнали их и

основали города Мельпум (Милан), Парму, Мутину (Модена) и Спину в устье По, а также Адрию, по имени которой сейчас называется Адриатическое море.

Этрусские города в долине По были вскоре захвачены галлами, которые пришли из-за Альп в V—IV вв. до н. э. Они захватили Мелпум в 396 г. до н. э. и назвали его Медиолан, а этрусков прогнали. Пришедшие галлы относились к пяти племенам, и впоследствии римлянам пришлось иметь с ними дело. Инсубры обосновались в местности, позднее получившей имя Ломбардия, с центром в Медиолане; ценоманы осели в Бергаме, Брешии, Кремоне, Мантуе и Вероне; бойи — в Фельсине, которую они назвали Болонией (Болонья); лингоны — в прибрежных областях Адриатики между Аримином и Равенной; сеноны, пришедшие последними — между Равенной и городом Сена Галльская. Так север Италии превратился в Цизальпинскую Галлию. Так сложились условия, сыгравшие важную роль в стратегических планах Ганнибала.

Под давлением всех этих врагов — как в Кампании, так и в долине По — этруски постепенно сдавали позиции. Их звезда начала клониться к закату, но сил у них еще было достаточно, чтобы сопротивляться и доставлять неприятности Риму в течение многих лет. Теперь пора обратить внимание на самих римлян.

Та часть индоевропейцев, которых мы называем италиками, пришла в Италию с севера, через Альпы. Они представляли собой множество племен, которые постепенно объединились в более устойчивые, крупные племенные союзы. Племя латинов осело на открытой местности южнее Тибра в его нижнем течении; оно дало название местности — Лаций. Латины представляли не всех италиков: оско-умбрийская группа представляла целый конгломерат племен, говоривших на разных диалектах. К оскам относились сабины, жившие в горах на границах Лация, самниты,

населявшие холмистый Аbruзий (который тогда назывался Самнием) и другие племена, расселявшиеся по Бруттий, Луканию и Апулию — носок, подошву и пятку итальянского «сапога».

Так случилось, что, когда этруски пришли в Тоскану, там жили умбры, а когда греки основали колонии на юге Италии, то там, в Бруттии, Лукании и Апулии, жили оски. Исключение составляла только одна область — самый краешек пятки «сапога», рядом с городом Узентум (Удженто). Там жили мессалы; до нас дошли надписи на их языке, которые показывают, что хотя они и были индоевропейцами, однако являлись не италиками, а иллирийцами, как и обитатели восточного побережья Адриатики, где сейчас расположена Хорватия. Как они оказались в Италии — неизвестно; очевидно какая-то неведомая волна переселений занесла их на Апеннины.

Название «Италия» происходит, скорее всего, от оскского *vitelin*, что означает «страна телят»; первоначально так называли область Бруттий — носок «сапога». Это слово (латинское *uitellus*, итальянское *vitello*) стало позднее обозначать всю страну, расположенную на Апеннинском полуострове.

Несомненно, большое значение для судеб Рима имело то обстоятельство, что в Лации не оказалось воинственных пришельцев — быть может, потому что на побережье в районе устья Тибра не было удобных бухт, и латины могли обживаться относительно спокойно, в то время как умбров теснили этруски, а осков — греки.

Италийцы были грубы и примитивны, и латины не составляли исключения; это видно по их убогим хижинам периода бронзового века, раскопанным на Палатинском холме в Риме, которые датируются VIII в. до н. э. Как раз на этот век падает традиционная дата основания Рима — 753 г. до н. э.

Есть два рассказа об основании Рима: один — легендарный, другой — исторический, основанный на данных науки. Согласно легенде, жил некогда в Лации царь, дочь которого, Лавиния, вышла замуж за чужестранца, Энея, сына Венеры (Афродиты) и Анхиза, спасшегося из захваченной греками Трои. После долгого и опасного плавания по морю Эней с товарищами приплыл в Карфаген, где чуть не попался в любовные сети Дидоны; но судьба влекла его к берегам Италии, где он должен был стать основателем великой державы. Покинув Дидону, он приплыл в Лаций, женился на Лавинии и построил город, которому в честь жены дал название Лавиниум.

Сын Энея Асканий покинул Лавиниум и основал свой собственный город Альба Лонга в Альбанских горах. После него правили двенадцать царей — его потомки, из которых последний, Прокул, умирая, оставил двух сыновей — Нумитора и Амулия. Нумитор стал царем, но завистливый Амулий сверг его, захватил трон, убил единственного сына Нумитора и принудил его дочь, Рею Сильвию, стать весталкой, чтобы она никогда не смогла выйти замуж. Но бог Марс полюбил Рею Сильвию, и она родила двух сыновей, которых Амулий приказал бросить в Тибр. Корзина с детьми поплыла по волнам, но началось половодье, и она зацепилась за ветви фигового дерева у подножья Палатинского холма, где река делала изгиб. Половодье пошло на убыль, и корзина оказалась на склоне холма, где ее нашла волчица, привлеченная плачем детей. Волчица накормила детей своим молоком, а вскоре их нашел пастух Фаустул, который отнес их к себе домой и отдал на воспитание жене, Акке Ларенции. Детей называли Ромул и Рем.

Когда близнецы выросли и узнали правду о своем происхождении, они с друзьями напали на Альба Лонгу, убили Амулия и вновь возвели на престол своего

деда, Нумитора. Затем они пожелали основать новый город, но между ними вспыхнула ссора. Ромул хотел строить город на Палатинском холме, где они с братом были найдены, а Рем — на Аветинском; кроме того, Рем хотел назвать город своим именем. Братья решили устроить гадание по полету птиц, и Рем с Аветина увидел шесть ястребов, а Ромул с Палатина — двенадцать. Таким образом, Ромул выиграл спор и принес жертвы богам. Потом он запряг в плуг быка и телку — символы силы и плодovitости — и провел борозду вокруг Палатина, который обозначил границы будущего города (этрусский обычай). Рем в насмешку перепрыгнул через борозду, что было непростительным оскорблением бога Термина, и Ромул убил Рема. Ромул назвал город Римом; традиционно датой основания считается 21 апреля 753 г. до н. э. — праздник богини Палы, покровительницы пастухов Лация. Известный Марк Теренций Варрон позже высчитал, что город был основан на третий год шестой Олимпиады по греческому календарю, введенному Тимеем из Таормины; первая Олимпиада состоялась в 776 г. до н. э.

Из всей этой занимательной чепухи можно все-таки сделать выводы о том, что латины занимались скотоводством и земледелием, приносили жертвы богам, располагали какими-то вооруженными силами, верили в предназначение, уважали силу и плодovitость и очень уважали собственность, что необходимо для соблюдения закона и порядка. Утверждение о том, что они происходят от Марса и Венеры, вероятно, очень льстило их чувству собственной значимости.

Историческая версия основания Рима не менее интересна. Она начинается с латинов, которые предпочитали строить свои поселения на возвышенностях — может быть, по соображениям обороноспособности города, а может быть, чтобы обезопасить себя от малярии — болотной лихорадки, которая и тогда, и много

лет спустя свирепствовала на болотистых, еще не осушенных берегах Тибра. Именно на горе они построили Альба Лонгу, которая быстро стала центром федерации латинских городов. Это объединение ежегодно проводило общий праздник, принося общую жертву богам в Альбанских горах, где находился храм Юпитера — покровителя всех латинов. Среди прочих в объединение городов входили Ариция, Тускул (рядом с Фраскати), Пренесте (Палестрина) и Тибур (Тиволи).

Кто-то у латинов обратил внимание на семь холмов, исключительно удачно расположенных над Тибром таким образом, что с них просматривается вся прилегающая местность, и основал первые несколько населенных пунктов. Вначале их жителей объединяли только общие верования, но позже, в VIII в. до н. э., когда этруски двинулись на юг, через Тибр и территорию Лация, три общины — римлян, сабинян и этрусков — объединились в одну, которую они называли *civitas*, и это был момент рождения государства Рим.

Значение Рима возрастало не только за счет его стратегического положения как крепости, но и в связи с экономическими преимуществами его географического расположения — между морем и центром полуострова, у удобных переправ через Тибр. Самый старый мост был построен только из дерева, без единого железного гвоздя или скобы — так, чтобы его можно было легко и быстро разрушить.

Ясно, что этруски внесли важный вклад в формирование обычаев, государственного строя и языка римлян. Самая старая надпись, найденная на территории Рима под церковью св. Омобонно, датируется VII в. до н. э. и представляет собой всего лишь фрагмент, вернее, последнюю часть какого-то слова — *iqnus*, но можно с уверенностью сказать, что это окончание — типично этруское.

Многие изобретения и нововведения, приписываемые обычно римлянам, были заимствованы ими у этрусков — сводчатая арка, дренажные канавы, прямоугольная планировка городов. Так называемые римские цифры являются этрускскими; этруски ввели фасции* и топор с двойным лезвием как символ законной власти, орлов — как знамена в войсках, выложенное слоновой костью церемониальное кресло и пурпурную тогу — как атрибуты правителей; они первыми построили амфитеатры, с них началось проведение гладиаторских боев и празднование триумфов. Слово «актер» — этруского происхождения, и они же ввели обычай, сохранившийся до наших дней, давать человеку личное имя и фамилию. Древнейшие римские фамилии происходили от названия родов, и среди них значились Эмилии, Корнелии, Фабии, Горации, Юлии, звучащие на протяжении всей римской истории.

Древнейшими правителями Рима были цари; первые из них, вероятно, являются личностями легендарными, но трое последних — Тарквиний Древний, Сервий Туллий и Тарквиний Гордый — скорее всего, действительно жили и правили, причем были этрусками. Тарквиний Древний осушил болото, находившееся между Палатином и соседним холмом, построив большой дренажный ров, выходящий в Тибр; на осушенном месте был построен Форум. Он также построил храм Юпитера на этом соседнем холме, и во время земляных работ на нем была найдена голова некоего Олуса, от слов *sarut oli*, т. е. «голова Олуса», образовалось название холма — Капитолий, или Капитолийский холм.

Рассказ Вергилия о прибытии Энея из Малой Азии исследователи рассматривают как красивый миф, при-

* Пучок прутьев, связанных кожаными ремнями, с воткнутым в него топором. — *Прим. ред.*

думанной в интересах римской имперской пропаганды. Но не Вергилий запустил эту легенду в оборот. Стихотворец, греческий поэт из города Гимера, что на Сицилии, в VII в. до н. э. придумал сказку о том, что из Трои Эней приплыл на Сицилию. Гелланик из Митилены, современник Геродота (V в. до н. э.), «заставил» троянцев добраться уже до Италии. В следующем веке Тимей из Таормины первым из писателей назвал Энея основателем Рима. В III в. до н. э. эта версия уже была расхожей, и жители греческой области Акарнания (на западном побережье Балкан) умоляли римлян о помощи на том основании, что их предки были единственными из греков, не принимавшими участия в осаде Трои. Жившие в том же веке историк Фабий Пиктор и поэты Невий и Энний не видели в этой легенде ничего надуманного.

Учитывая, что Эней прибыл якобы из Малой Азии, а этруски определенно пришли оттуда, можно сказать, что поэма Вергилия и труды его предшественников стала примером отражения в литературе и преданиях исторического факта, а именно — малоазиатского происхождения народа этрусков. Этот факт проливает свет на роль, сыгранную этрусками в ранней истории Рима, и объясняет многие исторические явления, такие, например, как Троянские игры, которые Эней учредил в память о своем отце, Анхисе, после его кончины. Римляне проводили эти игры, не подозревая о том, что Эней до того, как став римским героем, был героем этрусков, и это подтверждается статуэткой, найденной в Вейях — Эней несет на руках своего престарелого отца, прикрывая его щитом.

Прежде чем расстаться с Вергилием и его «Энеидой», необходимо отметить следующее. Вдохновленный обещанием Юпитера, что он станет основателем Рима, но преследуемый ненавистью Юноны (Эней был

сыном Венеры, а именно ей Парис отдал золотое яблоко, на котором было написано: «Прекраснейшей»), Эней скитался по морям, побывал во Фракии, на Крите, Сицилии и наконец прибыл в Карфаген. Здесь его ожидали новые опасности: Юнона потопила все его корабли и задумала оставить его в Карфагене, используя самые крепкие сети — сети любви. Она была вынуждена прибегнуть к помощи своей соперницы — Венеры, чтобы заставить Дидону полюбить Энея. Этой уловкой Юнона хотела предотвратить основание Рима. Дидона и Эней полюбили друг друга, но Эней помнил о своем высоком предназначении, и, несмотря на все ухищрения Дидоны и ее сестры, Анны, он решил покинуть Карфаген и вновь отправиться в путь. Любовь Дидоны к Энею сменилась ненавистью. Она приказала Анне сложить погребальный костер и водрузить на него свое брачное ложе, всю одежду и вещи Энея, которые он оставил у Дидоны. Анна решила, что Дидона хочет сжечь все это, но Дидона сама взошла на костер и произнесла проклятие в адрес Энея и всех его потомков: «Отныне, финикийцы, в память обо мне вы должны преследовать всех его потомков и досаждают им; никогда не будет дружбы и понимания между вами и его народом. Из моего пепла восстанет Мститель, который будет разить этих выходцев из Трои мечом и огнем. И будет эта вражда длиться вечно». Произнеся это пророчество, она бросилась на меч Энея и убила себя. Через этот эпизод Вергилий ввел в поэму Ганнибала, не называя его имени.

В поэме имя Энея постоянно сопровождается эпитетом «благочестивый», и это подводит нас к теме о религии Рима. Как и все, что касается римлян, их верования носили практический и прозаический характер — конечно, в той степени, в какой могут быть прозаическими суеверия. Мышление римлян было столь же предметно, сколь сурова была их мораль. Они не

воспринимали абстрактного; идеалистическая теология была им чужда. Божества для них были силами, которые охраняют семью, защищают государство, обеспечивают хороший урожай и приплод скота и вообще надзирают за всем многообразием повседневной жизни. Религия римлян — яркий пример политеизма (многобожия): они с готовностью воспринимали культ многих «иностранных» богов, в частности этрусских и греческих.

Некоторые боги Рима были «общественными», связанными с государственной жизнью, другие — «домашними»; последние присматривали за семьей, опекали ее и отдельных членов. Низшими божествами были так называемые «крестьянские» боги, которые покровительствовали простолюдинам, занятым в сельском хозяйстве. К ним относился Янус, бог дверей и проходов и вообще всего, что открывается и закрывается; соответственно, он считался покровителем всех вещей, явлений и событий, которые имеют начало и конец. Ему были посвящены первый день каждого месяца и первый месяц года — январь. Его изображали с двумя лицами — одно смотрит в будущее, другое — в прошлое. Существовал храм Януса, двери которого были открыты в период войны и закрыты во дни мира. За 720 лет римляне закрывали эти двери всего три раза. Кроме Януса, к «крестьянским» богам относился Сильван — очень популярный бог лесов и полей, который присматривает за стадами, пастбищами, помогает крестьянам, пастухам и хранит сельские жилища.

К домашним богам относились гении, охраняющие каждого отдельного человека от колыбели до могилы.

Все многочисленные боги имели свои дни, в которые происходило отправление их культа, причем ритуалы соблюдались с величайшей точностью. Малей-

шее упущение в традиционной церемонии приводило к тому, что ритуал начинали заново.

Отправление культа состояло в основном из принесения в жертву богам продуктов труда крестьян — хлеба, молока и вина, либо животных — свиней, овец, быков. Высшим богам, таким как Юпитер, в жертву приносили белых животных, низшим — например, Термину — черных; рога животных покрывали позолотой, а тело украшали гирляндами и венками. Специальные жертвы приносились в дни бедствий — это часто случалось во время войны с Ганнибалом. Большое значение придавалось гаданию по внутренностям животных и толкованию предзнаменований — обычай, заимствованный у этрусков, а также интерпретации пророчеств из книги кумской Сивиллы, которую царь Тарквиний получил якобы из рук самой пророчицы. Толкованием книги кумской Сивиллы занимались специально назначенные жрецы. К книге пророчеств, как и к советам Дельфийского оракула, часто прибегали в период борьбы против Ганнибала.

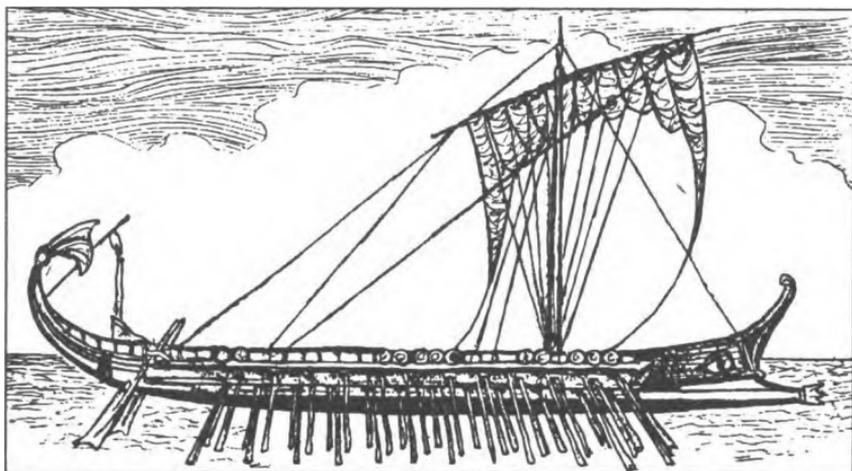
Римляне верили в бессмертие души, но придерживались мнения, что божественное правосудие вершится в земной жизни, поэтому не придавали значения вопросу о существовании рая и ада. Признавая бесспорность посмертного существования, они предпочитали воспитывать своих детей таким образом, чтобы они могли наилучшим образом проявить себя в земной общественной и частной жизни, и твердую нравственность предпочитали рассуждениям о мифологии. Главным в человеке они считали чувство долга и уважение к власти.

Карфаген против греков

На заре освоения западного Средиземноморья, когда финикийцы и греки основывали свои первые поселения вдаль от родных берегов, они почти не обращали внимания друг на друга, потому что свободного пространства хватало и тем, и другим. В конце VII в. до н. э. греческие мореходы доплыли до Тартесса, расположенного на атлантическом побережье Пиренейского полуострова, начали торговать с финикийцами, жившими там и, согласно Геродоту, заключили договор с правителем этого города. Судя по содержанию гомеровской «Одиссеи», греки имели представление о географии западного Средиземноморья.

Соперничество между Карфагеном и греками стало нарастать после VII в. до н. э., и в качестве примера можно привести попытку карфагенян вытеснить фокейцев из Массалии. К востоку от места, где фокейцы основали город, уже находилось поселение карфагенян, и они рассматривали греков как наглых и непрошенных гостей. Карфагенский флот объединился с этрусским и в 537 г. до н. э. нанес поражение грекам у Аламия (Корсика), в то время как карфагенское войско под командованием Малхуса успешно действовало против греков на Сицилии. Ожесточенному соперничеству предстояло длиться еще триста лет.

Изменение в отношениях между карфагенянами и греками — переход от нейтралитета к соперничеству — было вызвано, скорее всего, событиями в Финикии и соседних странах. В 539 г. до н. э. персы сломили величие Вавилонской державы и захватили Тир — метрополию Карфагена. Над Финикией установилось персидское владычество. Столкновение между персами и греками стало неизбежным, и Карфаген решил использовать ситуацию, перейдя в наступление. С тех

Древнегреческая триера

пор карфагеняне проявляли враждебность к любым грекам, с которыми они сталкивались.

Возможно, греки сами спровоцировали конфликт на Сицилии. Понимая неизбежность борьбы, дорийцы из Спарты сделали попытку захватить карфагенские порты в западной части Сицилии и, таким образом, затруднить сношения Карфагена с Сицилией, но не добились успеха.

Когда Ксеркс возглавил второй поход персов против Греции, финикийцы предоставили персидскому царю свои корабли. Чтобы не дать прийти на помощь своим братьям на Балканах (а может быть, просто используя возможность напасть в тот момент, когда сицилийские греки не могли ожидать помощи от балканских), Карфаген сделал попытку высадить войска у Панорма в 480 г. до н. э. Однако тиран Сиракуз Гелон наголову разгромил карфагенян в битве у Гимер.

Одержав победу, Гелон не стал настаивать на уходе карфагенян с территории Сицилии, хотя они ожидали выдвижения подобного требования. Вместо этого при заключении мирного договора между Сиракузами и Карфагеном он поставил условие, что в поселе-

ниях карфагенян на Сицилии прекратятся детские жертвоприношения (подтверждение массовости этого явления дали археологические раскопки на острове).

Таким образом, еще на какое-то время карфагеняне сохранили свои позиции на Сицилии; это объяснялось хронической неспособностью греческих городов жить в согласии друг с другом. Сегеста, вступив в борьбу с городом Селинунтом, призвал на помощь карфагенян, но те отказались, памятуя о разгроме у Гимеры. Тогда Сегеста обратил мольбы к афинянам, и те решили вмешаться в конфликт. Попытка захвата Сиракуз в 413 г. до н. э. закончилась для афинян провалом. Тогда сегестийцы снова воззвали к Карфагену, и на этот раз результат превзошел все ожидания: карфагеняне в 409 г. до н. э. высадились на острове, навели страх на всех сицилийских греков, взяли штурмом Гимеру, Селинунт, Аркагант и заставили тирана Сиракуз Дионисия I подписать продиктованные ими условия мирного договора.

Однако уже в 398 г. до н. э. Дионисий смог нанести ответный удар: он осадил, взял штурмом и разрушил Моцию — островную крепость, которая была главной базой Карфагена у берегов Сицилии. Восстановить Моцию карфагеняне не смогли и вместо нее построили новый город на соседнем острове — Лилибей. Чтобы отомстить Сиракузам, Карфаген вновь высадил войска на Сицилии, они осадили город, но успеха не добились: среди солдат начался мор, и в 397 г. до н. э. карфагенская армия покинула остров.

В 384 г. до н. э. Дионисий напал на этрусский порт Пирги и захватил сокровища храма Астарты, которые использовал для продолжения борьбы против Карфагена. В битве у города Кабала он одержал победу, а у Крония был разбит наголову и заключил мир на условиях карфагенян. На этом неугомонный авантюрист не успокоился, и взяв в осаду Лилибей, он

Греческие воины

почти захватил остров, но карфагеняне разбили его флот в морском сражении. Колоритная фигура той эпохи, Дионисий умер в 367 г. до н. э., опившись вина на празднике: он отмечал свою победу на соревнованиях сочинителей, где первое место заняла его пьеса «Выкуп Гектора».

Между тем захватывающее представление продолжалось. Карфагеняне осадили Сиракузы и смогли взять город — весь, за исключением цитадели. Последние защитники Сиракуз, запершиеся в крепости, призвали на помощь свой материнский город, Коринф, и коринфяне послали на выручку войско во главе с выдающимся военачальником Тимолеоном. Недалеко от Сегесты, у Кримиса, в 339 г. до н. э. Тимолеон нанес карфагенянам жестокое поражение: они понесли тя-

желые потери, Священный отряд погиб почти полностью. Равновесие было восстановлено, и сицилийские греки получили передышку.

В 317 г. до н. э. тираном Сиракуз стал демагог Агафокл. Он сумел восстановить против себя все остальные греческие города Сицилии, и они вновь призвали на остров карфагенян. В 311 г. до н. э. карфагенские войска прибыли на остров и осадили Сиракузы. Агафокл отплыл из гавани города с небольшим флотом и войском, достиг Африки и сам напал на Карфаген. Город он не взял, но причинил столько вреда и наделал столько шума, что карфагеняне сняли осаду Сиракуз и заключили мир, согласно которому сферой их интересов оставалась западная оконечность Сицилии. Агафокл вернулся в Сиракузы, где и был отравлен посредством зубочистки, пропитанной ядом. Через несколько лет Сицилия вновь превратилась в театр военных действий, что было связано с прибытием на остров зятя Агафокла, Пирра.

Рим завоевывает Италию

Драматические события ранней истории Рима проявили в его народе невероятную жизненную стойкость и упорство; эти качества в полной мере потребовались римлянам позже, в период войны с Ганнибалом.

Взлет Рима начинался с завоевания Италии, которое растянулось на полтысячелетия.

У небольшого города, расположенного на берегах Тибра, было много врагов, причем некоторые из них доводились римлянам почти родней, потому что также были латинами и жили в нескольких городах Лация, другие же, такие как оски, умбры, самниты и прочие, считались чужаками, потому что волею судеб обитали не на равнинах, а в гористых местностях Италии. В действительности и они были близкими родича-

ми латинов, потому что относились к той же группе племен.

Настоящими чужаками являлись народы, в течение нескольких веков по разным причинам переселявшиеся в Италию. Первыми были этруски, азиаты по происхождению, что подтверждает и их внешность, и иноземцы по обычаям. Далее, в хронологическом порядке, следовали галлы, жадные до земельных захватов кельтские мародеры, которые пришли с севера и доставили Риму много несчастий, за что жестоко и поплатились несколько веков спустя. Наконец, врагами римлян были и греки, населявшие города Великой Греции — в Южной Италии и на Сицилии. Они же были врагами этрусков и карфагенян, и не раз случилось так, что греки и римляне одновременно сражались с одними и теми же врагами, однако круговорот событий в конце концов сделал их соперниками. Невозможно проследить все логические связи, причины и последствия, в связи с которыми весь этот конгломерат народов оказался вовлеченным в непримиримую борьбу, трудно даже выстроить хронологию всех войн, которые вели римляне, так как зачастую они воевали одновременно против двух-трех противников.

Первой задачей Рима было установление своей гегемонии над той частью Лация, которая непосредственно примыкала к нему. Главным противником здесь была Альба Лонга, создавшая союз латинских городов для борьбы с Римом. Происходило это еще во времена царей, а результатом стали захват и разрушение римлянами Альбы Лонги. Жители разрушенного города были уведены в Рим и поселены на Целийском холме. Таким образом, уже в VII веке до н. э. Рим начал борьбу за лидерство среди латинских городов, которая продолжалась еще несколько веков. Часто на помощь латинам приходили их восточные соседи — сабины.

Этруски не могли отнестись равнодушно к изгна-

нию их царей из Рима, и после неудачной попытки Тарквиния Гордого восстановить свою власть Ларс Парсена, царь Клузия, напал на Рим. В тот раз Гораций Коклес в одиночку удерживал подходы к мосту через Тибр, пока его сограждане разбирали мост, чтобы не пропустить врага в город. В этой войне латинские города помогли Риму победить Ларса Парсену, но впоследствии решили избавиться от верховенства Рима и создать собственную независимую конфедерацию. Эта попытка была пресечена римлянами в сражении у озера Регулл (Regillus) в 496 г. до н. э. Одержав победу, римляне проявили великодушие и заключили с побежденными договор, получивший название Кассиева (по имени консула Спурия Кассия). Договор предусматривал наступательный и оборонительный союз между Римом и другими городами Лация; одновременно Рим соглашался с существованием конфедерации этих городов. Вскоре последовали события, которые позволили проверить прочность этого договора. Над Лацием нависла угроза вторжения эквов и вольсков — полудиких италийских племен, остро нуждавшихся в новых землях для своего расселения. Весь Лаций был захвачен, и только Рим сумел достойно противостоять врагу, а затем освободить и другие города. С этими событиями связано имя Гая Марция Кориолана, который сначала прославился взятием города Кариол, а затем опозорил себя переходом на сторону врага.

И все-таки главным врагом Рима в тот период оставались этруски. Города Вейи и Фидены, расположенные недалеко от Рима, упорно сражались с римлянами более века. В 426 г. до н. э. римляне разрушили Фидены, а в 396 г. до н. э. после десятилетней осады (эти данные, скорее всего, легендарны и связаны с десятилетним сроком осады Трои) Марк Фурий Камилл захватил и разрушил Вейи. Легенда гласит, что один Авгур, жрец из Вейи, попавший в плен к рим-

лянам, сообщил, что боги не позволят римлянам захватить город, пока воды озера Альбано не найдут дорогу к морю. Римский сенат приказал прорыть сквозь горы канал длиной 5 км (он сохранился до наших дней), и воды озера соединились с течением реки Энио, оттуда попали в Тибр, а затем в море.

Не успели римляне разделаться со старым врагом, как над их городом нависла новая опасность. Галлы перешли Альпы и заняли долину реки По, выгнав оттуда этрусков. Считается, что захват галлами Мельпума произошел одновременно с разрушением римлянами Вейи и что по этой причине этруски не могли прийти им на помощь. Как бы то ни было, эти события обозначили начало упадка цивилизации этрусков, который был ускорен нападениями греков на этруск-

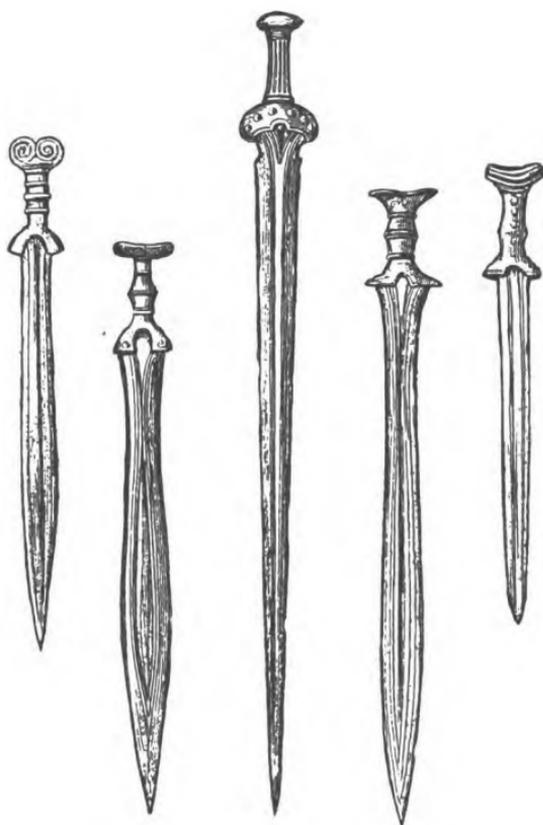

Воины-кельты

ские гавани: в 387 г. до н. э. тиран Сиракуз Дионисий I захватил Пирги — порт города Цере.

В 390 г. до н. э. галльское племя сенонов, продолжая победоносное шествие на юг, прошло через Апеннины и осадило город Клузий. Римляне попытались оказать помощь осажденному городу, чтобы предотвратить дальнейшее продвижение галлов. До этого римляне никогда не встречались с галлами. У реки Аллия, притока Тибра, римское войско встретилось с галлами. Римляне были настолько поражены диким видом противника, что не смогли оказать сопротивления и понесли тяжелое поражение. Преследуя противника, галлы подошли к Риму и захватили город. В руках римлян остался только Капитолийский холм, на котором в крепости заперлись последние защитники города. Город был разграблен и сожжен. Все жители, которые не успели бежать в дружественный город Цере, были уничтожены. Галлы предприняли попытку захватить Капитолий ночью, но римлян спасли священные гуси, обитавшие в храме Юноны. Они услышали приближение врага и, подняв шум, разбудили защитников крепости. Римляне во главе с Марком Манлием Капитолийским отбросили нападающих. Однако через несколько месяцев осады голод вынудил Манлия капитулировать. Вождь галлов Бренн согласился оставить город за большой выкуп — 1000 фунтов золота. Согласно преданию, во время взвешивания выкупа галлы повели себя нечестно и заявили, что вес недостаточен; римляне принялись возражать, и тогда Бренн бросил свой тяжелый меч на чашу с гирями. На вопрос римлян, что это означает, он с грубым смехом ответил: «Что же другое, как ни горе побежденным».

В 360 г. до н. э. и в 348 г. до н. э. галлы предпринимали еще два похода на юг, но в обоих случаях римским войскам удавалось остановить их и не дать приблизиться к Риму. Вскоре римляне столкнулись с новым

Галльское бронзовое оружие (мечи и кинжалы)

противником в лице племени самнитов. Этот воинственный италийский народ обитал в гористой неплодородной местности Самния (ныне Абруцци). Самниты вынашивали планы захвата богатых земель Кампаньи на побережье моря. В 343 г. до н. э. они подошли к Капуе. Капуанцы обратились к римлянам с просьбой о защите, обещая взамен стать подданными Рима. Римляне послали одно войско под началом Валерия Корвина в Кампанью, и здесь между Кумами и Неаполем он нанес самнитам тяжелое поражение. Но второе войско под началом Корнелия Коссы, которое вторглось в Самний, чтобы принести войну в дом врага, попало

в засаду и было окружено. Римлянам с трудом удалось спастись. Затем оба войска объединились и разбили самнитов у Суэсулы. Самниты запросили мира, согласно которому в 341 г. до н. э. ушли из Капуи и Кампании.

Победив самнитов, Рим присоединил к своим территориям плодородную Кампанию. Союз латинских городов заявил, что по Кассиеву миру Рим должен поделиться захваченными территориями. Но римляне отвергли эти притязания, что привело к новой войне. Консулы Публий Деций Мус и Тит Манлий Торкват победили латинов — сначала у горы Везувий, а затем у Синуэссы в 338 г. до н. э. Эта победа имела далеко идущие политические последствия, поскольку стало ясно, что теперь Рим достаточно силен, чтобы противостоять всем городам Лация вместе взятым. Это создавало условия для установления римской гегемонии над латинскими городами. Что Рим и сделал, даровав каждому из них особый статус и установив для разных городов различные привилегии. Таким образом, союз независимых городов перестал существовать. Теперь каждый город имел свой особый статус. Это было началом хорошо известной политики Рима, в которой главным принципом стали слова «разделяй и властвуй». Ланувий, Тускул и Ариция вошли в состав римской территории и их жители получили римское гражданство; Тибур (Тивали) и Пренесте* (Полистрина) лишились части своих территорий, но сохранили относительную независимость; Анций, Калес и Анксур (Террацина) были обязаны принимать римских переселенцев.

Однако римская гегемония не означала полного подчинения латинских городов, вошедших в состав государственного образования, которое условно можно назвать «римской конфедерацией». Они сохранили внутреннее самоуправление и не производили ника-

ких выплат в казну Рима, но были обязаны поставлять солдат для римской армии. Причем в бою римские солдаты шли впереди своих латинских союзников. Каждый из городов Лация мог с течением времени получить права римского гражданства. Так Рим превратил побежденных в своих союзников. В дальнейшем эта мудрая политика принесла свои плоды в борьбе римлян против Ганнибала.

Очень скоро разразилась новая война против самнитов. Она была вызвана тем, что Рим, как бы провоцируя противника, разместил свои гарнизоны в городах Фригеллы и Калес, как раз на границе с Самнием. Кроме того, консул Квинт Публий Филон после долгой осады захватил город Неаполь, который находился под покровительством самнитов. Война началась в 326 г. до н. э., и за первых три года войны римляне подвергли Самний такому опустошению, что противник запросил мира. Но римляне предложили настолько жестокие условия, что самниты предпочли продолжить войну. Дальнейшие события показали, что Рим недооценил противника и слишком рано праздновал победу. Самнитский полководец Гай Понтий оказался настоящим военным гением и вождем, умеющим воодушевлять своих воинов. Умело маневрируя и распространяя ложные слухи, он заманил римскую армию, которой командовали консулы Тит Ветурий и Постумий Альбин, в Кавдинское ущелье (между Канселло и Беневентом), где устроил римлянам засады и предложил им безоговорочную капитуляцию. Римляне сдались. Оставив в заложниках 600 римлян, он отпустил все остальное войско вместе с консулами в Рим. Однако сенат отказался признать условия капитуляции и под стражей отправил консулов назад к Понтию. Последний, в свою очередь, вновь отправил их в Рим.

В этой сложнейшей ситуации римляне принялись действовать с удвоенной энергией. Они заключили союз

с осками, которые населяли Луканию и Апулию, а также начали возводить укрепленные поселения в стратегически важных пунктах, прежде всего на границах римских владений. Жители поселений, возведенных на побережье моря, обычно сохраняли римское гражданство, а расположенных в глубине полуострова получали права латинского гражданства. Одна из таких колоний была образована в Луцерии в 314 г. до н. э. и считалась ключом к Апулии. Действуя таким образом, римляне окружили Самний своими союзниками. Самниты прибегли к такой же тактике и привлекли на свою сторону этрусков и другие племена Центральной Италии. Все эти хитросплетения были сведены на нет в битве у Перузии в 311 г. до н. э. — римское войско под командованием Квинта Фабия Руллиана разгромило самнитов. На юге другая римская армия во главе с Луцием Папирием Курсором (прозвище он получил за быстроту переходов) вторглась в Самний и вновь нанесла врагу поражение, захватив столицу самнитов Бовиан (около Кампобассо). Самниты вновь вынуждены были просить мира, который и был подписан в 304 г. до н. э. По условиям капитуляции самниты потеряли все свои территории на побережьях Тирренского и Адриатического морей, в Кампании и Апулии.

Но спустя шесть лет Рим был вынужден начинать все сначала, т. к. положение, которого он достиг в Италии, многие, кроме самнитов, считали угрожающим для их безопасности и независимости. Сложилась большая коалиция, в которую вошли самниты, этруски, умбры, луканы и галльское племя сенонов.

Во главе коалиции стоял выдающийся самнитский военачальник Геллий Игнаций. Рим создал еще одну латинскую колонию в Нарнии, на территории Умбрии в 299 г. до н. э., а спустя четыре года союзники потерпели поражение от римских войск, которыми командовали Руллиан и Мус, в битве у Сентина. Эта

победа римлян положила конец попыткам их соперников на севере и юге Италии объединиться для совместной борьбы с римлянами. Но это еще не был конец войны, потому что самниты продолжали сражаться в одиночку пока в 290 г. до н. э. их окончательно не разбил Марк Курий Дентат. После этого самниты окончательно признали главенство Рима и отказались от мысли о борьбе за независимость.

За этим последовало присоединение к Риму области сабинов, Пелигн и Этрурии, а также территории сенонов. Последняя была преобразована в область, которую называли Агер галликус, т. е. Галльская область, и здесь римляне основали город Сена Галлика (Сена Галльская). На юге возникла сильная крепость Венузия (Веноза) на земле самнитов, чтобы и здесь сохранять порядок.

Долгая борьба против самнитов и победа над ними имела для Рима огромную важность, потому что, если бы самниты не были сломлены и не вошли в состав конфедерации Рима, они захватили бы Кампанию и установили господство над греческими городами «Великой Греции». Тогда в Италии существовали бы две, а не одна держава, и Ганнибал расправился бы с обеими. Теперь же Рим контролировал всю Центральную Италию от Тосканы и Эмилии почти до Тирентского залива на юге. Большие, так называемые консульские, дороги — Аппиева на Капую и дальше на юг, Фламиниева к Нарнии, Ариминская на север и Валериева на восток связали территорию страны.

Теперь наступила очередь греческих городов, расположенных на юге Италии. Вообще, они находились в хороших отношениях с Римом, потому что жили в непрерывной вражде с осками — дикими обитателями Лукании и Бруттии. Но теперь, когда Рим стал хозяином Апулии, Лукании и Бруттии, богатейший из греческих городов юга Италии — Тарент с озабоченнос-

тью наблюдал за приближением владений Рима почти к самым стенам греческим городов.

В 282 г. до н. э. греческий город Фурии обратился к Риму с просьбой о помощи в борьбе против растущей угрозы со стороны луканов. Рим отправил к Фурии небольшой флот. Между Римом и Тарентом существовал договор, согласно которому корабли римлян не должны были плавать восточнее мыса Лаций. Десять римских кораблей нарушили этот договор, и флот тарентинцев потопил четыре судна римлян, а одно захватил. Через некоторое время в Тарент прибыли римские послы с жалобой городским властям. Тарентинцы не выказали им никакого почтения, сорвали с римских сенаторов тоги и подвергли их страшному унижению, о котором римский историк написал: «Допустили бесчестие, о котором стыдно сказать». После этого война стала неизбежной. Римляне объявили войну Таренту в 281 г. до н. э.

Хотя Тарент и располагал неплохой армией, по мощи она не могла противостоять легионам Рима. Поэтому Тарент решил привлечь помощь извне. Ее не пришлось долго искать. Царь Эпира Пирр мечтал о славе Александра Македонского и вынашивал планы объединить под своей властью все греческие города Южной Италии и Сицилии. Он принял приглашение тарентинцев, пересек Адриатику и высадился в Италии, приведя с собой 30 тыс. пехоты, 3 тыс. конников и 20 боевых слонов. Римляне немедленно выступили ему навстречу.

Противники сошлись у Гераклии недалеко от Тарента. Римской армией командовал Публий Валерий Левин. Римляне не были знакомы с тактикой македонской фаланги, а слоны, которых они никогда не видели, привели их в страшное замешательство (римляне называли слонов «луканские быки»). Римляне потерпели сокрушительное поражение — на поле боя

осталось большая часть их армии, но и войско Эпира понесло тяжелые потери. Согласно преданию, озирая поле боя, Пирр воскликнул: «Еще одна такая победа, и в Эпир мне придется возвращаться одному». Битва при Гераклеи произошла в 280 г. до н. э.*

Пирр понимал, что война будет гораздо тяжелее, чем он ожидал, и отправил в Рим посольство с предложением мира. Римляне заявили, что начнут переговоры только после того, как Пирр покинет Италию. Тогда Пирр решил двигаться прямо на Рим. Пройдя через земли самнитов, Апулию, Луканию и Бруттий, он достиг Пренесте, откуда уже был виден Рим. Ему противостояли две римские армии; кроме того, в самом Риме находился сильный гарнизон. Пирр понял, что в этой ситуации он не сможет добиться успеха, и решил вернуться на зиму в Тарент. Ни один римский или латинский город не перешел на сторону Пирра.

На следующий, 279 г. до н. э. Рим послал в Апулию войско под командованием Публия Деция Муса. Однако римляне вновь потерпели поражение у города Аускула. Сражение было упорным и длилось два дня. Одержав победу, Пирр снова предложил римлянам обсудить условия мирного договора. Одновременно с посланием Пирра римляне получили неожиданное предложение помощи от Карфагена, который опасался, что Пирр может высадиться в Сицилии и оказать помощь греческим городам, расположенным на острове. Обретя нового союзника, римляне решили продолжать борьбу и отказались вести переговоры с Пирром.

В 278 г. до н. э. Сиракузы призвали Пирра на помощь в борьбе против карфагенян. Пирр высадился на

* По другим данным, Пирр произнес подобные слова после битвы при Аускуле в 279 г. до н. э. «Пирровой победой» стали называть такую победу, которая ведет, в конце концов, к поражению. — *Прим. ред.*

Сицилии, где весьма удачно действовал против карфагенян, отняв у них все опорные пункты, кроме Лилибея. Его успехи, как это ни парадоксально, вызвали озабоченность греков, которые сами же и призвали его на помощь. Греческие города почувствовали угрозу своей свободе. Они не собирались объединяться под властью одного человека. Характерный индивидуализм и любовь к свободе для греков делали невозможным прочный союз между греческими городами в Сицилии. Тем временем римляне сумели восстановить свои позиции на юге Италии. Над Тарентом вновь нависла опасность, и город снова позвал Пирра на помощь. В 275 г. до н. э., покидая Сицилию ради Италии, Пирр произнес пророческие слова: «Какое замечательное поле битвы мы оставляем римлянам и карфагенянам».

Для новой войны Рим приготовил две армии: одну под командованием Марка Курия Дентата* — в Самнии, вторую во главе с Луцием Корнелием Лентулом — в Лукании. Чтобы предотвратить соединение армий противника, Пирр быстро двинулся против Дентала. Битва произошла у Беневента в 274 г. до н. э. Римляне разработали тактику борьбы со слонами: солдаты забрасывали животных пылающими факелами, бросали им под ноги доски, утыканные длинными гвоздями. В ходе сражения слоны развернулись и, убегая, смяли ряды своих же воинов. Пирр не понес больших потерь, но потерпел поражение и, не получая свежих подкреплений и средств, счел продолжение войны бесполезным и удалился в Грецию. В Таренте он оставил гарнизон и обещал вернуться.

Римляне наказали всех, кто получал помощь от Пирра или оказывал помощь ему. Тарент сдался Риму

* Существует иное произношение имени римского полководца — Маний Курий Дентат. — *Прим. ред.*

в 272 г. до н. э., Регий — двумя годами позже. Вся Италия — от Арно и Рубикона на севере до Тарентского залива и Мессинского пролива на юге — находилась теперь в руках Рима. Рим стал державой мирового значения в Средиземноморье, что подтверждается заключением договора с Египтом. Из маленького городка на берегах Тибра выросло Римское государство.

ГЛАВА II. ВРАГИ: КАРФАГЕН И РИМ

Первая Пуническая война

Если принять во внимание ту трагическую развязку, которой закончились взаимоотношения Рима и Карфагена, то может показаться странным факт, что на протяжении нескольких веков римляне и карфагеняне относились друг к другу как друзья. Однако это кажущееся противоречие мы часто видим в истории человечества. До римлян у карфагенян такие же отношения складывались с этрусками: они вместе в 537 г. до н. э. в битве у Алалии близ берегов Корсики разгромили флот греков из Массалии и, таким образом, не допустили создания греческих колоний на Корсике и Сардинии. Эти острова еще долгое время оставались исключительной сферой влияния этрусков и Карфагена.

Отношения между Карфагеном и этрусками были гораздо более тесными, чем это обычно представляют. В пятидесяти километрах к северо-западу от Рима располагался порт этрусского города Церы-Пирги. Там археологи обнаружили развалины двух храмов, которые датируются концом VI в. до н. э.; там же были обнаружены три золотые пластинки. На двух из них нанесены надписи на языке этрусков и одна содержит пунические письмена. Надписи посвящены богине —

покровительнице Карфагена. Они гласят: «Матери Астарте. Это священное сооружение царь города Церы Тефари построил в месяц жертвоприношения Солнцу и приносит храм и святилище в дар Астарте, потому что она подняла его своей рукой в третий год его правления... в день поминовения богини. Статуя богини будет находиться в ее храме, пока пребудут звезды на небе». Этот храмовый комплекс в 384 г. до н. э. был разграблен тираном Сиракуз Дионисием.

Начиная с 509 г. до н. э., когда римляне изгнали царей и учредили республику, могущество этрусков клонится к закату. В 524 г. до н. э. они пытались захватить греческую колонию Кумы, но потерпели неудачу. Спустя полвека, в 474 г. до н. э., в морском сражении у этого же города их флот был разбит тираном Сиракуз Гиероном I, который в благодарность за победу передал захваченные трофеи в храм Зевса в Олимпии. Среди добычи был и шлем, находящийся ныне в Британском музее.

Карфаген заключил свой первый договор с Римом в 508 г. до н. э. Второй договор 348 г. до н. э. определял сферами влияния Карфагена Африку и Испанию, давал Риму право торговать с Сицилией и гарантировал неприкосновенность берегов Италии со стороны Карфагена. В 306 г. до н. э. был заключен еще один договор — менее благоприятный для Рима, который ограничивал право римлян плавать в южной части Средиземноморья.

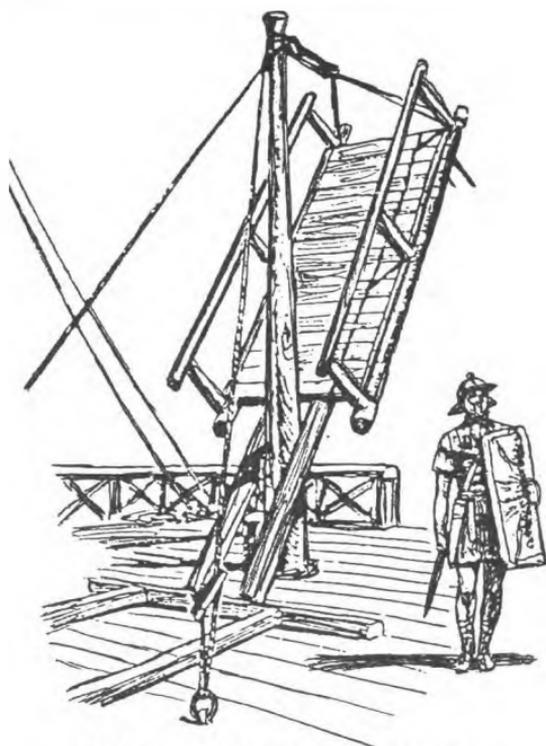
В 277 г. до н. э. происходит сближение Рима и Карфагена. Оно было вызвано борьбой против общего врага Пирра. Пророческие слова последнего о том, что Сицилия станет полем битвы между Римом и Карфагеном, должны были вскоре сбыться. Остров, имеющий треугольную форму, своим выгодным положением оказался обречен вызывать споры трех народов, на которых он как бы указывал своими углами: в двухстах

километрах к западу находился Карфаген, всего в пяти километрах на северо-восток — Италия, а значит и Рим, а юго-восточное побережье было обращено к Греции. Сицилия обладала хорошими гаванями, плодородной почвой, и не случайно позднее ее называли житницей и винным погребом Италии. Веками на острове сохранялся неустойчивый баланс между греками и Карфагенами. Не раз Сицилия становилась причиной вооруженных конфликтов, и Рим по мере нарастания его могущества и влияния постепенно втягивался в борьбу за остров.

Долго тлевший костер возможной войны вспыхнул ярким пламенем неожиданно для всех. Кампанские наемники, которых называли мамертинцами (Мамерс — так именовали оски бога войны Марса), сражавшиеся в Сицилии на стороне Агафокла против Карфагена, захватили греческий город Мессану и превратили его в базу для занятий пиратством в проливах между Италией и Сицилией. Тиран Сиракуз Гиерон II решил очистить Сицилию от пиратов и в 265 г. до н. э. осадил Мессану. Мамертинцы обратились за помощью и к Карфагену, и к Риму. Первыми прибыли карфагенские войска. Римляне некоторое время колебались, поскольку вторжение на Сицилию означало неизбежный конфликт с Карфагеном — самым большим и богатым городом Западного Средиземноморья. В конце концов Рим решил вмешаться. Трибун Гай Клавдий Кадикс высадился на Сицилии, пригласил карфагенского полководца на переговоры и арестовал его. Карфагеняне были вынуждены отойти от Мессаны, и в город вошли римские войска. Так в 264 г. до н. э. началась Первая Пуническая война. Немного спустя карфагеняне заключили союз с Гиероном Сиракузским и осадили Мессану. Римские войска во главе с консулом Аппием Клавдием Кадиксом пересекли пролив на подручных плавательных средствах, напали на вой-

ска Гиерона, на следующий день разгромили карфагенян и сняли осаду Мессаны.

В результате Гиерон разорвал союз с Карфагеном и заключил договор с Римом, по которому обязался всю жизнь быть преданным союзником новых покровителей. Многие греческие города Сицилии состояли в союзе с Сиракузами, и благодаря этому за короткий срок римляне смогли взять под свой контроль большую часть острова. На это потребовалось всего 7 месяцев. В 262 г. до н. э. пала сильная карфагенская крепость Агригент, но карфагеняне сумели удержать Лилибей (Марсала), Дрепанун (Трапани) и Панорм (Палермо), которые снабжались по морю.

«Ворон» — абордажный мостик.

Устанавливался обычно на носу корабля. Со времен Первой Пунической войны это приспособление стало широко применяться на военном флоте Рима

Римляне понимали, что для победы над карфагенянами и захвата всей Сицилии им необходима не только сухопутная армия, но и военный флот, который смог бы противостоять флоту Карфагена. С необыкновенной быстротой, копируя карфагенские суда, римляне построили 120 квинкрем — больших боевых кораблей с пятью рядами весел по каждому борту. На кораблях было использовано новое римское изобретение — перекидные мостики с цепкими крючьями, впивавшимися в палубу неприятельского корабля. По этим мостикам легионеры перебегали на борт вражеского судна и могли сражаться врукопашную в привычной им стихии пешего боя. И все же первые морские сражения римлян были неудачными, а у Липарских островов римляне потеряли целую эскадру, которой командовал Гай Корнелий Сципион. Но в битве при Милах римляне сумели одержать свою первую победу на море. В этом сражении римским флотом командовал консул Гай Дуилий, и в честь его победы из бронзы, захваченной на карфагенских кораблях, была отлита триумфальная колонна и установлена на римском форуме. Колонна была украшена носами трофейных карфагенских кораблей, а на верху ее была установлена статуя самого Дуилия. Так впервые морскому могуществу Карфагена был брошен вызов.

Но эта победа не принесла римлянам желаемых результатов. Карфагеняне, гораздо более опытные мореходы, стали избегать крупных морских сражений и беспокоили противника внезапными нападениями. Тогда римляне решились на военную экспедицию в Карфаген и, следуя примеру Агафокла, высадились в Африке. В 256 г. до н. э. консулы Марк Аттилий Регул и Луций Манлий Вулсон с сорока тысячами солдат на 300 кораблях нанесли поражение карфагенскому флоту у мыса Экном у южного побережья Сицилии и вы-

садились в Африке. Но затем римский сенат допустил одну ошибку — Вулсон с половиной армии был отозван из Африки. Тем не менее, используя местное население, недовольное владычеством Карфагена, Регул смог нанести противнику еще одно поражение, после чего Карфаген предложил обсудить условия мирного договора. На переговорах Регул выдвинул условия, неприемлемые для карфагенян, и они решили продолжать войну. Карфаген нанял дополнительное войско из наемников и пригласил известного спартанского полководца Ксантиппа командовать своей армией. В 255 г. до н. э. Ксантипп разбил римскую армию и взял в плен самого Регула. Рим отослал к берегам Африки флот для того, чтобы спасти уцелевших после катастрофы, но он был полностью уничтожен штормом у мыса Пассаро. После этого римляне отказались от мысли о войне в Африке и сосредоточили все свои усилия на борьбе с карфагенянами на Сицилии.

Прежде всего римляне построили новый флот, с которым уже в 254 г. до н. э. они осадили и полностью блокировали Панорм. Карфагеняне, запертые в городе, были вынуждены капитулировать. Но в следующем году и этот флот погиб во время шторма. В 250 г. до н. э., доставив к городу большую армию и 120 слонов, карфагеняне пытались вернуть город, но потерпели поражение от консула Луция Цецилия Метелла, который сумел захватить всех слонов. Для Карфагена это было страшным ударом, и он снова предложил Риму мирные переговоры, отправив в качестве посланника в Рим Регула и предварительно взяв с него обещание вернуться. Но прибыв в Рим, Регул принялся убеждать сенат в том, что необходимо продолжать войну, потому что силы Карфагена на исходе. Он вернулся в Карфаген с отрицательным ответом римского сената и был предан смерти.

Тем временем командующим карфагенскими войсками на Сицилии был назначен Гамилькар Барка — аристократ, ведущий свою родословную от самой Дидоны. Имя Гамилькар происходит от имени бога Милькарта, а Барка означает «молния». Это был в высшей степени одаренный полководец. Свою хорошо подготовленную армию он воодушевил обещаниями высокой оплаты, сумел добиться стабилизации положения на острове и организовал успешное сопротивление римлянам Лилибея, Дрепанума и Эрикаса — последних крепостей, сохраненных карфагенянами за собой на Сицилии. Успешная оборона этих крепостей объяснялась тем, что по морю они снабжались всем необходимым.

В 249 г. до н. э. римляне построили третий флот из 200 кораблей, и консул Аппий Клавдий Пульхер повел его в атаку на Дрепанум. Перед сражением, согласно обычаю, были совершены гадания, и Пульхеру сообщили, что их результаты неблагоприятны, потому что священные куры, которых содержат в золотой клетке, отказались клевать зерно. Тогда консул воскликнул: «Если они не хотят есть, я заставлю их пить». И выбросил клетку с курами в море. Этот поступок все присутствующие сочли страшным кощунством и знаком грядущей беды; боевой дух римских воинов упал, и в сражении карфагеняне полностью уничтожили римский флот.

После продолжительного периода безрезультатной борьбы Рим предпринял еще одну решительную попытку и в 242 г. до н. э. начал строительство четвертого флота. Города Италии выступили с заявлением, что они истощены строительством флотов и у них больше нет денег. Но все-таки флот был построен за счет пожертвований, сделанных самыми богатыми гражданами Рима. Во главе эскадры встал консул Гай Лутаций Катул, который сумел разгромить и полностью унич-

тожить карфагенский флот в сражении у Эгатских островов у западной оконечности Сицилии.

В 241 г. до н. э. соперники заключили мирный договор, по которому Карфаген соглашался на следующие условия: вся Сицилия, а также все острова между Сицилией и Африкой отходили к Риму; карфагенянам запрещалось плавать в морях, омывающих Италию, а также воевать против Сиракуз или других союзников Рима; Карфаген в течение 10 лет должен был выплатить контрибуцию размером 3 200 талантов серебра. Никогда еще в истории человечества до Первой Пунической войны военное счастье не было столь переменчиво. Она закончилась, но оказалась лишь генеральной репетицией предстоящей ожесточенной борьбы, которая с новой силой вспыхнула между Римом и Карфагеном после непродолжительной передышки.

План Гамилькара

Мирный договор, положивший конец Первой Пунической войне, имел для двух противников различные по своей значимости последствия. Для Рима он означал переход в разряд морских держав, чья мощь нарастала по мере того, как от операций в Италии римляне начинали участвовать в войнах вдали от родных берегов. Если бы римляне оказались неспособны создать собственный флот, они не смогли бы превратить Рим в великую империю.

Результаты войны имели для Рима и политические последствия. Пока римские армии воевали только на территории Италии, захваченные племена и города входили в состав их государства, в результате чего возникло некое подобие конфедерации, члены которой, подчиненные Риму, сохраняли определенную степень автономии, не платили дани, но поставляли в римскую армию вспомогательные войска. С завоева-

ния Сицилии начинается период имперской политики Рима. Города и государства острова (за малым исключением) не вошли в состав конфедерации Рима, но стали подданными, которые платили дань деньгами или продуктами производства и управлялись наместником, назначаемым Римом. Наместник имел почти абсолютную власть. Он назначался на короткий срок — слишком краткий для того, чтобы войти в курс местных проблем, в течение которого этот чиновник старался побыстрее обогатиться, пока не истекли его полномочия. В перспективе подобная система не могла не привести к печальным для острова последствиям. С другой стороны, римская администрация обеспечивала мир и спокойствие на острове и приносила с собой римские законы, которые, хотя и были суровы и примитивны, все-таки обеспечивали некоторое подобие правопорядка и нормальной жизнедеятельности, от отсутствия которых раньше страдало местное население. Так Сицилия стала первой римской провинцией.

Для Карфагена последствия войны были более серьезны и даже трагичны. Лишенный возможности продолжать войну, Гамилькар оставил пост главнокомандующего, и другой военачальник, Гискон, вывел войска из Сицилии в Африку. В самом Карфагене сложилась опасная ситуация: проиграв войну и не получив добычи, правительство не могло выплатить наемникам ту сумму, которая была обещана, оно объявило о том, что армия подлежит роспуску. В результате в 241 г. до н. э. наемники подняли мятеж и взяли Карфаген в кольцо блокады.

Перед лицом этой опасности правители Карфагена вновь вспомнили о Гамилькаре. Мятежники заняли все броды через реку Баграда, но Гамилькар знал, что, когда дует северо-западный ветер, устье реки мелеет настолько, что его можно перейти вброд. Собрав все

боеспособные войска — около 10 тыс. воинов с 70 слонами, он форсировал Баграду, напал на врага и снял блокаду Карфагена. Искусно дезинформируя противника, он нанес поражение бунтовщикам. Полководец распустил часть своих войск, уверяя всех, что они дезертировали. Эти слухи дошли и до бунтовщиков, а тем временем воины Гамилькара собрались в тылу противника, атаковали и нанесли ему большие потери.

Тем временем в районе Туниса оставалось еще около 40 тыс. мятежных наемников. После многочисленных столкновений, хитростей и маневров Гамилькар заманил их в ущелье, заняв оба выхода из него своими войсками. Здесь бунтовщики были полностью уничтожены; это произошло в 239 г. до н. э. Яркое описание всех этих событий дал Гюстав Флобер в своем романе «Саламбо», названном по имени дочери Гамилькара — жрицы богини Танит.

А в это время, пользуясь беспомощностью Карфагена, Рим захватил Сардинию и Корсику, передача которых Риму отнюдь не предусматривалась условиями мирного договора. Римляне использовали тот повод, что, оставаясь в руках Карфагена, Сардиния будет представлять собой постоянную угрозу для побережья Италии. Можно сказать, что острова были преподнесены римлянам «на блюдечке», потому что в 238 г. до н. э. карфагенские купцы, разместившиеся на Сардинии, не веря более в мощь своей митрополии, сами предложили Риму оккупировать остров. Местное население сопротивлялось римлянам, но очень скоро Рим объявил о создании своей второй провинции. Более того, Рим принудил карфагенян признать захват островов и таким образом увеличил размер оплаты побежденными своего поражения.

Это наглое проявление политики силы разъярило Гамилькара не меньше, если не больше, чем его принудительная отставка на Сицилии. Непосредственная

угроза Карфагену была устранена, и установилось некое подобие мира. Но теперь становилась очевидной другая, еще более серьезная угроза: если, используя флот, Рим смог завоевать Сицилию, то что мешает ему высадить армию в Африке и захватить обессиленный и беспомощный Карфаген. Кроме того, существовала опасность прихода к власти в Карфагене сторонников мира с Римом, и это сделало бы положение самого Гамилькара весьма неопределенным. Втайне он разработал план возрождения политической и военной мощи Карфагена. Он надеялся, что это еще возможно.

Карфаген потерял Сицилию, Сардинию и господство на море; но у него еще оставалась Испания. Богатая строевым лесом, полезными ископаемыми, многочисленным населением, она стала надеждой Гамилькара на возрождение его родины. Именно там он хотел создать новую державу под самым носом у римлян. Испания должна была возместить все издержки войны. Эта страна поставляла в карфагенскую армию отличных бойцов, и, что было очень важно, Испания находилась на материке Европы, как и Италия. Даже не имея флота, можно было прийти из Испании в Италию по суше. И, наконец, Испания являлась базой, достаточно удаленной и от Карфагена, и от Рима. Поэтому, как считал Гамилькар, никто не будет знать в точности, что он там делает. С учетом всех этих факторов Гамилькар и принял решение создать в Испании нечто вроде личной империи. И в этом деле ему должен был помочь влиятельный карфагенянин, живущий в Испании, Гасдрубал, по прозвищу Красивый, который был мужем дочери Гамилькара.

У карфагенян не было флота, и они боялись начинать его строительство, потому что римляне могли расценить это как повод для начала новой войны. Таким образом, Гамилькар не мог доставить свою ар-

мию из Карфагена в Испанию морем. Он решил эту проблему, двигаясь по суше на запад вдоль северного побережья Нумидии. Несколько транспортных кораблей с грузом провианта и фуража сопровождали его по морю. Добравшись до Гибралтара и переплыв его на подручных средствах в 236 г. до н. э. Гамилькар достиг города Гадеса, который сделал своей базой. Оттуда он двинулся на восток, воюя с местными племенами. После победы над ними он превращал их в своих союзников. Вскоре под его контролем оказалась вся южная часть Иберийского полуострова. На восточном побережье Испании недалеко от Аликанте он создал свой передовой форпост в городе Луценте. Но в 228 г. до н. э. Гамилькар неожиданно умер, или скорее погиб — похоже, он утонул при переправе через одну из рек. Руководство перешло к его зятю Гасдрубалу, который весьма успешно продолжал осуществление планов Гамилькара и расширил сферу влияния карфагенян до реки Эбро на севере. Он также основал Новый Карфаген (Картахена), гавань которого считалась лучшей на средиземноморском побережье Испании. Со временем небольшое поселение превратилось в цветущий город с сильной крепостью, дворцами, храмами, верфями и арсеналом.

Быстрое продвижение карфагенян до самой Эбро вызвало озабоченность греческих колоний, расположенных на побережье, в частности Массалии, а также Рима, который был союзником последней. В то время римляне не имели земель в Испании и Галлии, и карфагенская экспансия вызывала озабоченность Рима скорее по экономическим, чем военным соображениям. Дело в том, что в древности олово являлось стратегическим материалом: не добавив к девяти частям меди одну часть олова, нельзя получить бронзу — сплав, из которого изготавливали орудия труда и оружие. Медь была довольно доступна, но олово цени-

лось высоко. Главным источником олова для Массалии и Рима был Корнуолл в Британии. Из мест добычи олово на телегах везли в порт Иктин, где местные купцы загружали оловом свои суда и плыли к западным берегам Галлии. Оттуда по суше олово доставляли в Массалию. Диодор Сицилийский сообщает, что путь по суше занимал до Массалии тридцать дней. Сначала «оловянные» караваны шли на юг вдоль побережья Бискайского залива, затем достигли долины Гаронны и в районе нынешнего Каркасона делали поворот к побережью Средиземного моря, вдоль которого и доходили до Массалии. Этот путь пролегал недалеко от северных отрогов Пиренеев, которые вроде бы защищали караваны от нападений с юга, однако существовала опасность, что если карфагеняне продолжают свою экспансию за Эбро, то они смогут установить контроль над «оловянным» путем. Это напрямую угрожало интересам Массалии и Рима.

В 226 г. до н. э. к Гасдрубалу прибыло римское посольство для заключения соглашения по этому вопросу. Стороны договорились о том, что земли к северу от Эбро являются сферой интересов Рима, а к югу — сферой влияния Карфагена. Но южнее этой реки, на берегу моря, находился греческий город Заканфа, он же — Сагунт, который уже после заключения соглашения между Римом и Гасдрубалом попросил у Рима покровительства и защиты, и это событие имело весьма значительные последствия.

В 221 г. до н. э. Гасдрубал был убит, и мантия Гамилькара легла на плечи его старшего сына — Ганнибала.

В игру вступает Ганнибал

Ганнибал, что на пуническом означает «милость Ваала», старший сын Гамилькара Барки, родился в

247 г. до н. э. Со своими тремя братьями — Гасдрубалом, Ганноном и Магоном — он представлял то, что их отец называл «львиным выводком». И действительно, позднее братья оправдали это прозвание, данное им Гамилькаром. Ганнибал детские годы провел в Карфагене — как раз те годы, которые в период Первой Пунической войны стали для его родины самыми трудными. В 237 г. до н. э., когда Гамилькар с войском готовился отправиться в Испанию, чтобы осуществить свой великий замысел, Ганнибал, которому было всего девять лет, попросил отца взять его с собой. Гамилькар как раз готовился принести жертвы богам, чтобы обеспечить успех похода; он заставил сына возложить руку на жертвенных животных и поклясться, что, когда Ганнибал вырастет, он никогда не забудет о том, что Рим — смертельный враг. Этот эпизод, хотя и дошедший до нас из римского источника, а именно из труда Ливия, скорее всего не является выдумкой, так как сам Барка и его дети воспринимали силовую политику Рима и наглое попрание римлянами договоров как личное оскорбление. Поэтому не только Ганнибал, но и его братья принесли клятву, которую потребовал от них отец.

В Испании, в условиях походной жизни и непрерывных стычек, Ганнибал чувствовал себя как рыба в воде. Он рано обнаружил дарование военного тактика, умение управлять людьми, командовать и вести за собой подчиненных. Он был превосходным наездником и хорошо разбирался в лошадях, личное оружие и снаряжение были предметом его постоянной заботы. Красивых и дорогих одежд он не носил, предпочитая вещи, удобные в походе и солдатском быте. Равнодушный к вину и женщинам, неутомимый умом и телом, он мог переносить жару и холод, голод и жажду, и часто в походе его можно было видеть спящим не в шатре на кровати, а среди воинов, на земле, завер-

нувшегося в плащ. Он сам был отличным бойцом, презирал опасности, и неудивительно, что все эти качества в конце концов сделали его кумиром солдат. Его воины были фанатично преданы своему полководцу. Обо всем этом рассказывает нам Ливий, римлянин.

Однажды в Испании отряд конников оказался отрезан от своего начальника — между солдатами и Ганнибалом находилась река. Тем временем приближался противник, и воины растерялись; тогда Ганнибал бросился в реку, переплыл ее, ободрил солдат и увлек их за собой в атаку. Он умел вдохнуть в солдат уверенность в победе и мужество, ради него они были готовы на все, и, как показало время, это были не пустые слова. Необходимо учитывать личные качества Ганнибала, когда мы разбираем задачи, которые он ставил перед своими воинами, и анализируем то, как они выполнялись. Ведь войско Ганнибала не являлось национальной патриотически настроенной армией — это была пестрая масса наемников, набранных из карфагенян, нумидийцев, испанцев, балеарцев, галлов и других, сражавшихся не за родину, а из личной преданности своему вождю.

Кое-что известно из личных качеств Ганнибала как человека. Корнелий Непот сообщает, что он был высокообразованным человеком для своего времени, и это мнение подтверждается деятельностью Ганнибала в качестве государственного деятеля. Он говорил и писал по-гречески; сообщают, что он оставил несколько книг на греческом языке — одна из них содержит описание деятельности Гая Манлия Вулсона в Азии.

Большинство карфагенян не любило греков, но некоторые — и к ним относились Ганнибал и его семья — высоко оценивали вклад греков в развитие человеческой мысли. Интересно отметить, что в семье

Барки имелся собственный пантеон богов, неидентичный карфагенскому. Историк Жильбер Шарль Пикар считает, что именно этим объясняется тот факт, что при подписании договора между Ганнибалом и царем Македонии Филиппом V в качестве свидетелей призывались не только боги Карфагена и Рима, но и Ваал-Шалим, который был аналогом Зевса, Мелькарт-Геракл и Решеф-Аполлон. Следы греческого влияния прослеживаются и в монетах, которые Гамилькар и Ганнибал чеканили в Испании, и здесь мы перейдем к вопросу о внешности Ганнибала.

Большие сомнения вызывают то и дело звучащие заявления о том, что такой-то античный бюст представляет собой подлинные черты лица Ганнибала. Пожалуй, единственным достоверным скульптурным портретом Ганнибала можно считать бронзовый бюст, найденный в Волубилисе, на территории Марокко. По мнению Пикара, подлинность этого скульптурного портрета (в том смысле, что он изображает Ганнибала) подтверждается отлично сохранившимся серебряными монетами, отчеканенными в Картахене. Некоторые из них имеют на аверсе изображение бородатого Мелькарта, лицо которого, по мнению многих исследователей, является портретом Гамилькара. Более поздние монеты, относящиеся к периоду, когда Ганнибал уже принял командование армией, несут на аверсе изображение безбородого лица, имеющего сильное сходство с «бородатым» образцом. Ученые считают, что это сходство позволяет сделать вывод: на монетах изображены Гамилькар и Ганнибал. Если это предположение верно, то у Ганнибала был прямой нос, очень высокий лоб, открытое и энергичное лицо, большие глаза. Бюст, найденный в Марокко, полностью повторяет лицо безбородого мужчины на более поздней монете.

После гибели Гасдрубала в 221 г. до н. э. солдаты единодушно провозгласили Ганнибала своим главнокомандующим. Из этого факта можно сделать вывод о том, что в Испании карфагеняне учредили нечто вроде личной диктатуры выходцев из семьи Барка, в значительной степени независимой от правителей Карфагена, которые просто принимали к сведению «волеизъявление» солдат. Подобное же повторилось несколько веков спустя и в римской истории, когда командующий армией избирался солдатами императором в какой-нибудь удаленной провинции и затем диктовал свои условия Риму.

Армия Ганнибала состояла из профессиональных солдат, которые служили за плату и долю в добыче. Насколько известно, вначале пехота в ней была организована по тактическим принципам греческой фаланги; Ксантипп, командовавший карфагенской армией в годы Первой Пунической войны, реорганизовал ее на основе военного искусства греков. Фаланга представляла собой единую массу тяжелой пехоты, построенную в форме прямоугольника: плечом к плечу в ней располагались по фронту 256 человек, а в глубину полная фаланга должна была иметь 16 рядов. Таким образом, в полной фаланге насчитывалось более 4 000 человек. Тяжелые пехотинцы — гоплисты — были вооружены мечами и длинными копьями, защищены тяжелыми щитами, доспехами и шлемами. Фаланга наносила противнику сокрушительный удар, но ей не хватало гибкости, мобильности, способности маневрировать — особенно на пересеченной местности. Ганнибал почти не брал в свое войско карфагенян — он предпочитал уроженцев Испании и прилегающих к ней районов Африки, считая их лучшими бойцами. Были у него и галлы, которые сражались с большим мужеством, но считались не вполне

Конный и пеший воины армии Ганнибала.

Вооружение состояло из копья, дротика, меча, круглого щита.

Защитный головной убор изготавливали из прочных жил животных. Гребень на шлеме — из жесткого конского волоса.

надежными воинами. Кроме тяжелой пехоты, существовала и легкая, вооруженная дротиками, луками и легкими щитами.

Отличительной чертой карфагенской армии были пращники — выходцы с Балеарских островов, организованные в корпус численностью в 2 000 человек. На вооружении у них имелись пращи двух типов: одни — для боя на дальней дистанции, другие — для ближнего боя. В качестве снарядов для метания они использовали голыши — округленные камни размером с крупную гальку — и свинцовые «пули». Точ-

ность метания была такова, что, как говорили, хороший пращник мог попасть даже в человеческий волос. На поле боя по эффективности стрельбы пращники превосходили лучников.

Кавалерия состояла из тяжелой конницы (в походе на одной лошади ехали два воина, а в бою один находился в седле, второй же сопровождал его пешком), которая набиралась из уроженцев Испании, и легкой галльской конницы, выполнявшей вспомогательные функции. Но самой ценной частью армии Ганнибала были нумидийцы — выходцы из Северной Африки. Их родиной были земли, расположенные западнее Карфагена, проживали они и на территории современных Алжира и Марокко. Нумидиец в переводе значит «кочевник», и они, можно сказать, рождались на коне. Вооруженные копьями и дротиками, легко одетые, они сидели на крепких небольших лошадях, которыми управляли с помощью голоса и палки, не признавая ни седел, ни стремян, ни узды. Тактика у них была такая: яростно нападая на врага, они не ввязывались в крупный бой, если противник был тяжело вооружен; отступали и снова нападали и беспокоили врага, как стая ос. Они обладали небывалым искусством управления лошадьми, были привычны к войне в гористой местности, но отлично сражались и на равнине, неутомимо преследовали отступающего врага и умели маскироваться; одним словом, это была идеальная легкая кавалерия.

Конечно, в карфагенской армии были слоны, как и в период Первой Пунической войны; в обыденном сознании слоны сразу же ассоциируются с Ганнибалом, и следующую часть книги мы решили посвятить рассказу об этих животных, принимавших участие в битвах.

Слоны

Близкое знакомство человека со слоном произошло в глубокой древности. Недалеко от селения Салайях в Ливийской пустыне ученые нашли грубые изображения слонов, которые датированы 4 000 г. до н. э. и относятся к эпохе неолита. Первые рельефы, изображающие слонов, в Египте были изготовлены на рубеже IV—III тыс. до н. э. — в период правления первой династии фараонов. В надписи Аменемхеба, который в 470 г. до н. э. сопровождал Тутмоса III в Сирию, сообщается, что он был вынужден спасаться от слона бегством. Ассирийские цари Ассурнасирапал и Салманасар в IX веке до н. э. требовали от Сирии дань слонами (надпись на Черном обелиске из Нимрода).

Очевидно, впервые европейцы узнали о том, что слонов можно использовать в сражениях, в 331 г. до н. э., когда у Гавгамел произошла битва между войсками Александра Македонского и персидского царя Дария III, который располагал пятнадцатью слонами, но не смог эффективно их использовать — кони самих персов пугались этих гигантов и сбрасывали седоков. Первое достоверное свидетельство об использовании слонов в сражении связано с битвой у реки Гидасп, где сошлись воины Александра Македонского и индийского царя Пора — последний вывел на поле боя двести слонов, но потерпел поражение (326 г. до н. э.). После походов Александра слоны уже считались настолько ценным орудием войны, что за них отдавали целые провинции, и в войсках наследников Александра — Селевка, Антиоха и Деметрия — слоны использовались, о чем мы знаем по изображениям на монетах и из исторических сочинений. Широкое применение боевых слонов привело к тому, что в сражениях перестали использоваться колесницы.

Все слоны, о которых шла речь выше, относились к индийскому подвиду слонов. В 280 г. до н. э. в битве у

Гераклеи римляне имели возможность познакомиться с ними, т. к. в войске у Пирра было 20 слонов. На римских монетах, отчеканенных вскоре после этого сражения, есть изображения слонов, как и на блюде, найденном в Кампании.

Кроме индийского, существует африканский подвид слонов; именно их использовали в сражениях египтяне и карфагеняне. Кроме того, в Африке существовала разновидность слонов, которых называли «лесными» — от своих собратьев, распространенных в Центральной и Северной Африке, они отличались тем, что предпочитали жить в лесах, а не кустарниках и на

Боевой слон

равнинах. Именно лесных слонов использовали карфагеняне, поскольку они обитали совсем недалеко в отрогах Атласских гор и на побережье Марокко; огромные их стада паслись и к югу от Туниса. В настоящее время в Западной Африке лесных слонов не осталось. Они обитают только к югу от реки Сенегал. В войске с римлянами карфагеняне впервые использовали их в 262 г. до н. э. во время осады Акраганта.

У египтян тоже были слоны, и они также относились к лесной разновидности, которая по размерам уступает индийским слонам. В Египет слоны попадали с западного побережья Красного моря и из Эритреи. Царь Египта Птолемей II построил поселение Птолемаида на территории нынешнего Судана специально для ловли слонов и переправлял их по рекам в Египет. Еще в середине XIX в. в этом районе водилось множество слонов.

В 217 г. до н. э. в битве у селения Рафия около Газы сошлись царь Египта Птолемей IV и сирийский царь Антиох III. В войске первого насчитывалось 73 африканских слона, у второго было 102 индийских. Полибий оставил нам описание этой битвы: «Сражающиеся слоны представляли собой великолепное и страшное зрелище. Изю всех сил с разбега они сталкивались лбами, сцеплялись бивнями и пытались потеснить друг друга. Борьба продолжалась до тех пор, пока один из гигантов, чувствуя, что ослабевает, не уступал и не поворачивался боком к противнику. Тогда победитель бивнями наносил страшный удар побежденному». Далее Полибий продолжает: «Большинство слонов Птолемея проиграли схватку, потому что не могли вынести напора индийских слонов; в конечном итоге все они обратились в бегство».

Такой исход схватки слонов закономерен. Высота в холке африканского лесного слона составляет в среднем 2,3 м, а у индийской разновидности — почти 3 м.

Правда, некоторые особи африканских равнинных слонов достигают высоты в холке 3,3 м. Размеры индийского слона позволяли укрепить у него на спине приспособление, которое условно называется «замок» — короб или большую корзину, в которой находились лучники. На африканских слонах такое приспособление не использовалось, поскольку лесная разновидность была мельче других подвидов слонов. Индийские и африканские слоны изображались на монетах и мозаичных полотнах. Они настолько отличаются друг от друга, что сразу можно определить, какой подвид представлен на изображении. Основные отличия африканского лесного слона от индийского следующие: большие уши (у индийского — маленькие), глубокая ложбинка между лопатками и несколько приподнятый круп, в то время как у индийских слонов спина гладкая, покатая к задней части; тело африканского слона расширяется к крестцу, а у индийского — наоборот, сужается; голова находится несколько выше корпуса, а у индийского — несколько ниже; лоб гораздо шире, чем у индийского слона; хобот покрыт глубокими поперечными морщинами, а у индийского слона — почти гладкий и мягкий; на конце хобота два отростка, условно называемые пальцами, а у индийского слона один; роговые пластинки («ногти») на передней части задних ног покрыты складками кожи, как юбкой, в то время как у индийского слона они открыты и несколько выступают вперед.

Судя по монетам той эпохи, слоны Ганнибала в большинстве своем были африканскими. В исторических сочинениях той поры указывается, что погонщики в основном являлись выходцами из Индии. Эту практику ввели египтяне. Именно они первыми стали приглашать из Индии людей, которые владели искусством приручения и обучения слонов как к трудовой

деятельности, так и к боевым навыкам. На многих монетах мы видим людей в характерных для индусов одеждах верхом на небольших африканских слонах. Эти изображения позволяют сделать вывод о том, что африканский лесной слон, обитавший в ту эпоху в Северной Африке, был ненамного выше лошади и вполне мог принять участие в переходе через такие горы, как Альпы. Для индийского слона такая задача была бы невыполнима. Тем не менее существуют доказательства, что у Ганнибала был как минимум один индийский слон. Вероятно, он получил его из Египта, с которым карфагеняне поддерживали дружеские отношения. В 321 г. до н. э., когда македонский полководец Пердикка вторгся в Египет, Птолемей I разгромил его войско и захватил несколько индийских слонов. В 312 г. до н. э. Птолемей получил еще 43 индийских слона, разбив Деметрия в битве у Газы. В период Третьей Сирийской войны (246—241 г. до н. э.) Птолемей III нанес несколько поражений Селевку и также захватил индийских слонов. Известно, что в годы Первой Пунической войны Птолемей II предоставил Карфагену крупную сумму денег; логично предположить, что он дал союзнику и индийских слонов.

Как мы увидим далее, Ганнибал в основном использовал слонов для того, чтобы наводить ужас на те племена, которые раньше не видели этих животных, а также против кавалерии. В сражениях, как видно из опыта Пирра, слоны могли принести больше вреда своим собственным войскам, чем солдатам противника. Поэтому погонщики слонов обязательно имели при себе стамеску и молот, чтобы в случае непредвиденной ситуации можно было быстро убить слона. Однако, как показывает опыт, и это не всегда удавалось сделать вовремя.

Сагунт

Приняв в 221 г. до н. э. командование войсками, Ганнибал еще не был готов к воплощению в жизнь грандиозных замыслов своего отца. Перед этим ему необходимо было завершить некоторые дела, которые не успели сделать в Испании Гамилькар и Гасдрубал, — а именно: подчинить ее себе полностью, чтобы иметь надежный и крепкий тыл в борьбе против Рима. В 221 г. до н. э. он осадил и взял штурмом город Картею (местоположение неизвестно), племенной центр олькадов, расположенный южнее Эбро. Город находился в сфере влияния карфагенян, но до тех пор не был взят ими под полный контроль, и, решив эту задачу, Ганнибал сделал еще один шаг на пути к своим стратегическим целям. После этого он вернулся на зимние квартиры в Картахену.

На следующий год он расширил масштабы операции дальше на север. Маршрут его похода в 220 г. до н. э. проследил исследователь Ф.В. Валбанк, по мнению которого, Ганнибал прошел через горы Сьерра Морена по проходу Пеньярройа, затем от Мериды до города Салмантика (ныне Саламанка), который взял штурмом. Он подчинил вакайев, племя, жившее по среднему течению реки Дурий (Дору), и повернул на юг, пройдя, скорее всего, через Пуэрто де Гуадаррама к реке Таг в том месте, где сейчас находится Толедо. Иберы, изгнанные из Салмантики, объединились с олькадами, которые не забыли прошлогоднюю обиду, и карпетанами. Они сосредоточились в тылу войск Ганнибала, которые собирались начать переправу вброд через Таг. Ночью Ганнибал ускользнул от врага, пройдя вдоль Тага вверх по течению до места, где находился еще один брод, переправился через реку и, вернувшись вниз по течению, занял место напротив противника, который, таким образом, оказался на

другом берегу. Когда иберы начали переправляться через реку, а затем выходить небольшими группами на берег, Ганнибал ударил на них своей конницей и начал уничтожать по частям. Иберы разбежались, некоторые пытались спастись в реке и тонули; тех, кто пытался скрыться по суше, преследовали конники Ганнибала. После этого Ганнибал повел свою пехоту через брод на другой берег и довершил разгром врага. Карпетаны изъявили покорность, и весь Иберийский полуостров к югу от Эбро теперь был под властью Ганнибала. Исключение составлял только греческий город Сагунт. Затем, вновь пройдя через Сьерра Морену (возможно, по проходу Вальдепеньяс), Ганнибал вернулся на юг, чтобы начать подготовку к новой, еще более сложной операции.

К 220 г. до н. э. армия Ганнибала была достаточно многочисленна, опытна и снабжена всем необходимым, чтобы продолжать решение задач, поставленных еще Гамилькаром. Ближайшей целью Ганнибала стал теперь Сагунт, и обстоятельства складывались таким образом, что представлялась возможность неожиданно захватить город. Римская армия была занята войной у себя на родине, в Италии. Галлы, живущие на севере Италии, восстали в ответ на притеснения римлян, усилившиеся в последние годы. В 225 г. до н. э. племена бойев, инсубров, деноманов и другие галльские племена объединились с галлами, пришедшими с западных склонов Альп и в количестве примерно 70 000 человек вторглись в Этрурию, уничтожая все на своем пути. В битве у Фесола (Фьезоле) они разбили римскую армию.

В Риме весть о мятеже галлов вызвала настоящую панику. Были приняты крайние меры: извлечены книги пророчеств Кумской сивиллы, в которых нашли предсказание, что земля Италии будет занята иноземцами дважды. Дабы исполнить это пророчество, сенат

постановил закопать заживо на форуме грека и гречанку, галла и женщину галльского племени. Тем временем в Этрурии войска галлов сумели избежать столкновения с армией Луция Эмилия Пака, повернув на запад, к Тирренскому морю; но здесь их встретила другая армия римлян, только что переправившаяся с Сардинии, которой командовал Гай Аттилий Регул. Галлы оказались между молотом и наковальней и были почти полностью истреблены в страшной битве у Теламона.

Чтобы положить конец восстаниям галлов, сенат принял решение о вторжении в Цизальпинскую Галлию и полном ее завоевании. Гай Фламиний с армией перешел По и вторгся в земли галлов, но сразу попал в такое тяжелое положение, что вынужден был подписать мирный договор на условиях племени инсубров. Нарушив договор, он вновь напал на галлов и добился успеха. Галлы предложили обсудить новые условия договора, но римляне настаивали на том, что они будут диктовать условия мира. Инсубры решили бороться и призвали сородичей с западных склонов Альп, которые и пришли в количестве около 30 000 человек. В битве у Кластидия на севере Италии объединенные силы галлов были снова разбиты войсками консула Марка Клавдия Марцелла. Еще одну победу над галлами одержал консул Гай Корнелий Сципион. Объединившись, войска Марцелла и Сципиона заняли столицу инсубров Медиолан (Милан) и город Ком (Комо). Так, пролив реки крови, Рим добился спокойствия в регионе и учредил здесь новую провинцию — Цизальпинскую Галлию. Чтобы держать местность под контролем, Рим вывел латинские колонии в Пiacенцию (Пьяченца) на юге провинции и в Кремону (севернее По); гарнизоны этих городов должны были держать в покорности инсубров. Латинскую колонию

учредили и в Мутине (Модена), откуда римляне надзирали за боями.

Галлы на время затихли, но не покорились; Ганнибал знал об этом и рассчитывал использовать их недовольство в ближайшем будущем. Он также надеялся, что у Рима возникнут проблемы и на другом фланге — в Иллирии и Греции. Исключая Гамилькара, никому и в голову не приходило, в том числе и римлянам, что карфагеняне могут совершить переход из Испании через Эбро, Пиренеи, Галлию, Рону и Альпы и достичь Италии. Но именно это собирался сделать Ганнибал. Испания, подготовленная усилиями Гамилькара, Гасдрубала и Ганнибала, должна была стать для армии карфагенян источником всех необходимых поставок и людских ресурсов.

Операция готовилась в глубокой тайне и потребовала сбора множества сведений. Необходимо было узнать о природных особенностях и рельефе стран, через которые предстояло пройти, возможных препятствиях и трудностях, воинском потенциале племен и народов, с которыми предстояло столкнуться. Ганнибал отправлял посольства в галльские племена для сбора разведывательной информации: Большое значение имела и информация о политической ситуации: настроения, ожидания, симпатии и антипатии племен, их отношение к Риму, их желание и способность сопротивляться давлению римлян, численность их населения, отношение к карфагенянам (поддержат они Ганнибала или выступят против него? могут ли они помочь воинами, провиантом, фуражом?). Ганнибал понимал, что, выступив из Испании, он будет отрезан от баз снабжения — от Эбро до Италии около 1 500 километров.

Одним из самых сложных был вопрос, чем будут питаться воины во время переходов через Пиринеи, Южную Галлию и Альпы, пока не окажутся в землях

ожидаемых союзников — галлов Северной Италии. Предстояло идти как через плодородные, так и бесплодные земли. Один из военачальников Ганнибала, его тезка Ганнибал Мономах, предложил кормить солдат — в крайних случаях — человеческим мясом, а приучать к нему воинов еще до начала похода. Ганнибал отверг это предложение, но сходство имен, как пишет Полибий, привело к тому, что полководцу стали приписывать кровожадные наклонности, и римляне представляли его себе как чудовищно жестокого человека.

Все эти соображения приходилось принимать в расчет при составлении плана великого похода. Но у Ганнибала была еще одна проблема: пользуясь широкой народной поддержкой, он не имел прочных позиций в Большом Совете Карфагена. Значительная часть членов Большого Совета представляла сторонников партии «миротворцев»; они выступали за мир с Римом «любой ценой». Это были богатые аристократы, которым война с Римом грозила нарушением торговли и финансовым ущербом. Трудно было надеяться на то, что они проголосуют за войну с Римом. А войну надо было начинать, и начинать как можно быстрее, пока обстоятельства были благоприятны для Карфагена. Поэтому Ганнибал решил предпринять психологическую атаку на Большой Совет, используя для этого город Сагунт.

Соседями Сагунта были турдетаны, неоднократно вступавшие в конфликт с греками, жившими в городе. Ганнибал, используя различные ухищрения, разжег пламя войны между этим иберийским племенем и сагунтинцами. Предвидя, что Ганнибал вот-вот вмешается в конфликт, сагунтийцы обратились с просьбой о защите к Риму. Римляне отправили к Ганнибалу посольство, чтобы обсудить сложившееся положение и предупредить, что город находится под за-

щитой Рима, хотя он сам это хорошо знал. Тем временем Ганнибал начал осаду Сагунта (219 г. до н. э.). Когда римское посольство прибыло, Ганнибал встретил его очень холодно и заявил, что у него нет времени на аудиенцию; он надеялся, что римляне здесь и сейчас объявят войну. Но посольство покинуло лагерь Ганнибала и отправилось в Карфаген, чтобы обвинить Ганнибала перед лицом Большого Совета в нарушении договора о разделе сфер влияния в Испании. Ганнибал отправил в Карфаген письмо, в котором просил своих сторонников в Большом Совете о поддержке. Когда римское посольство потребовало ареста Ганнибала, они выступили против и, мало того, возложили вину на сагунтийцев, а членам посольства заявили, что Рим поступает отнюдь не мудро, пренебрегая добрыми отношениями, которые сохраняются между Римом и Карфагеном более двадцати лет.

Осада Сагунта продолжалась. Жители города отчаянно защищались, но через восемь месяцев Сагунт пал. Карфагеняне устроили в городе резню и подвергли Сагунт разграблению, после чего разрушили. В руки Ганнибала попали огромные богатства; золото и серебро он оставил себе для войны с Римом, а множество ценного имущества спешно отправил в Карфаген, чтобы укрепить свои позиции в Большом Совете и повысить свой авторитет в глазах народа. Весть о падении Сагунта достигла Рима одновременно с возвращением из Карфагена римских посланников. Сенат решил объявить войну, но перед этим отправить в Карфаген еще одно посольство из самых уважаемых и родовитых сенаторов. Посольство должно было спросить у большого Совета: действует ли Ганнибал, захвативший и разрушивший Сагунт, с ведома и согласия правителей Карфагена? Большой Совет с полным основанием ответил, что договор между Карфагеном и Римом предусматривает, что ни та, ни другая сто-

рона не будет вступать в конфликты с союзниками друг друга, но в договоре нет ни слова о Сагунте, потому что в момент его заключения город не являлся союзником Рима. Кроме того, договор между Римом и Сагунтом не был утвержден римским сенатом и римским народом. (Заметим, что договор между Гасдрубалом и Римом о разделе сфер влияния в Испании также не был ратифицирован Большим Советом Карфагена, следовательно, не имел законной силы.)

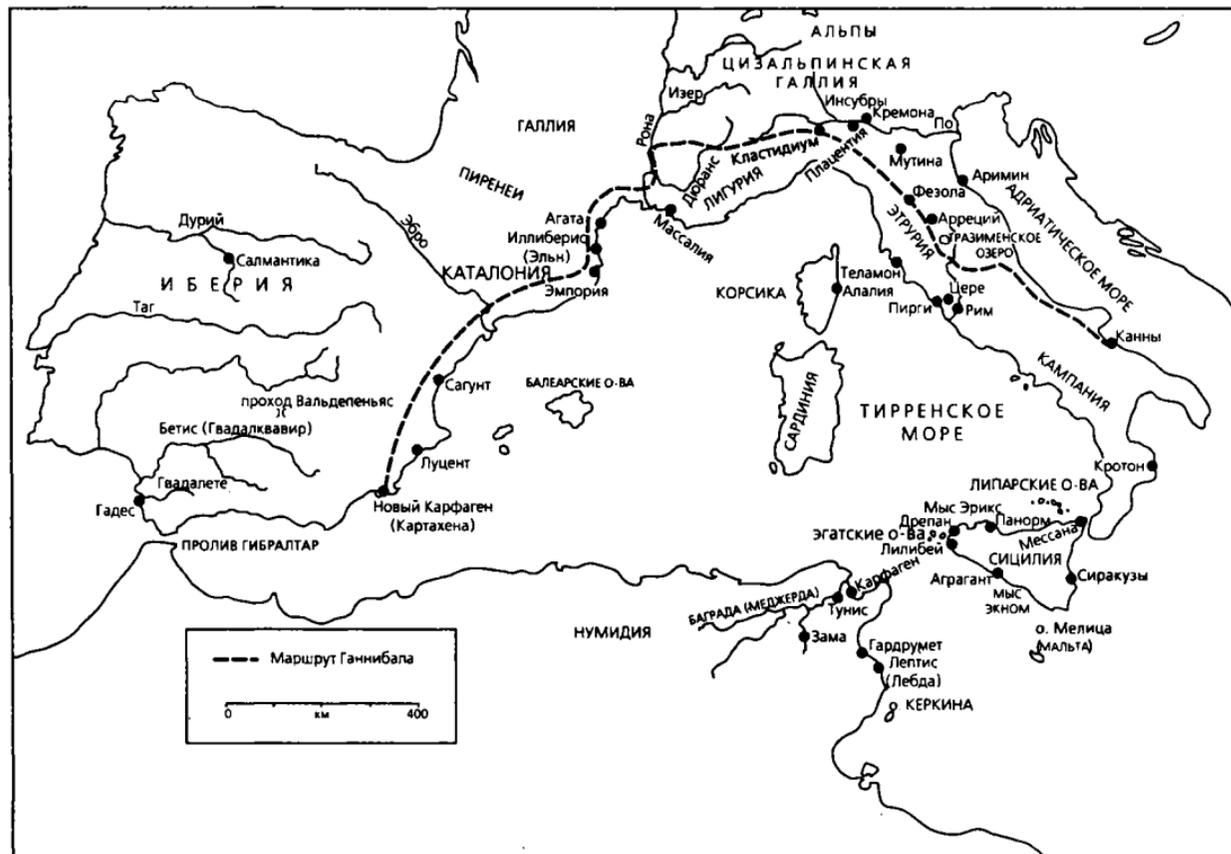
После долгих препирательств Большой Совет спросил римских посланцев, чего же они, в конце концов, хотят. Сенатор Квинт Фабий Максим, глава посольства, собрав края тоги, словно скрывая в ней последнее решение Рима, воскликнул: «В складках тоги несу я войну или мир. Выбирайте!» Карфагеняне ответили, что предоставляют право выбора римлянам. Фабий сказал: «Война». Члены Большого Совета закричали: «Да будет так!» Так была объявлена Вторая Пуническая война.

После взятия Сагунта Ганнибал вернулся в Картахену на зимние квартиры. Весной судьбоносного 218 г. до н. э. он побывал в Гадесе, принес жертву Мелькарту и вернулся, чтобы сделать последние приготовления перед походом. Он обратился к солдатам, стараясь пробудить в их душах и самые возвышенные, и самые низменные чувства. Чтобы затронуть первые, он сказал, что Рим требует выдать его, Ганнибала, их вождя, с которым вместе они совершили столько славных деяний; чтобы разжечь последние, он красочно и живо говорил о богатствах и плодородии тех краев, куда он собирается вести воинов, и обещал им невиданную прежде добычу. Начало похода было назначено на май 218 г. до н. э.

Незадолго до описываемых событий Ганнибал женился на Имиле, уроженке города Кастуло, стоявшего на реке Бетис (Гвадалquivир). Город был основан

Примерный маршрут перехода армии Ганнибала из Испании в Италию

92

одним из предков Имилс; его звали Касталий, и он был выходцем из Дельф, следовательно, в ее жилах текла и греческая кровь. Вместе они прожили совсем недолго. Во время осады Сагунта Имила родила Ганнибалу сына. Предстояла война, и жене, конечно, нечего было делать в условиях походного лагеря, но так считал только Ганнибал. Поэт Силий Италик описывает сцену, в которой Имила просит супруга взять ее с собой в поход: «Неужели наш союз и наша любовь не доказывают тебе, что я способна вместе с тобой преодолеть заснеженные горы? Поверь женскому сердцу, поверь в его силы». Но Ганнибал остался непреклонным и отправил жену и сына в Карфаген.

Вторая Пуническая война начинается

Благодаря политической хитрости Ганнибала получилось так, что именно римляне объявили войну и они могли, при известной интерпретации фактов, считаться нарушителями мирного договора с Карфагеном. На 218 г. до н. э. консулами в Риме были избраны Тиберий Семпроний Лонгин и Публий Корнелий Сципион. Первый должен был находиться в провинции Сицилия, которая располагалась ближе всего к Карфагену и, следовательно, должна была стать местом концентрации римских войск; второй должен был отправиться в Испанию. Необходимо было обезопасить условную границу, проходившую по Эбро и Пиренеям; кроме того, внушали опасения антиримские настроения, распространившиеся к северу от Эбро. Ганнибал очень хорошо знал, что делает, когда осаждал, штурмовал и разрушал Сагунт. Римское посольство, отправленное в Северную Испанию, обнаружило, что авторитет Рима значительно упал; ведь несмотря на то, что Сагунт находился под защитой римского государства, Рим ничего не сделал, чтобы защитить его от

Ганнибала. Следуя обычной практике той эпохи, испанские племена предпочли встать на сторону победителей — карфагенян и, открыто заявив об этом римлянам, указали им на дверь. Послы Рима направились в Галлию.

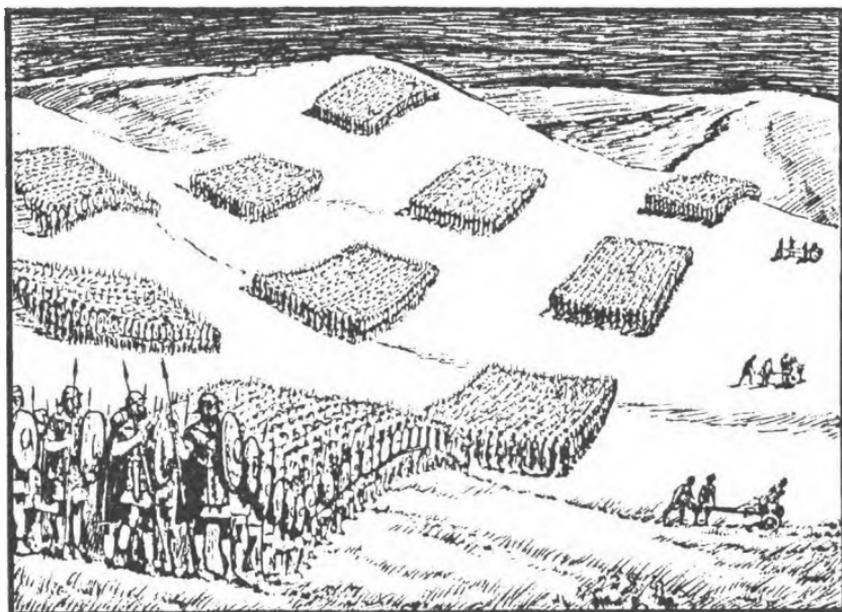
В Галлии римских посланников встретили немногим лучше, чем в Испании. Вожди галльских племен гордо заявили, что никогда не видели ни добра от римлян, ни вреда от карфагенян, и поэтому в предстоящей борьбе они участвовать не будут и не помогут ни одной из сторон. Галлы, занимавшие собственно Галлию, знали, что их братья в Италии недавно стали жертвами суровых репрессий со стороны римлян, лишились земель, были поставлены под надзор латинских колоний, разбиты в сражениях и принуждены платить дань. Обескураженные римские послы вернулись на родину с пустыми руками. Лишь в Массалии, которую они посетили по пути в Рим, им дали твердые заверения в дружбе. По этим причинам сенат и решил послать в Испанию Сципиона с его армией.

Здесь стоит коротко остановиться на вопросе об организации римской армии накануне Второй Пунической войны. Римская армия в то время была основана на принципе личной службы граждан, которые должны были защищать свое государство и свое имущество. Эта армия не была еще профессиональной. Граждане для службы в легионах проходили отбор, и быть записанным в легион считалось честью. Легион, как тактическая единица, делился на десять когорт (эквивалент позднего батальона). В каждой когорте была одна манипула гастатов — 120 молодых людей, вооруженных мечом, дротиком и копьем; одна манипула принципов — более старших по возрасту мужчин, численностью также 120 человек и с тем же вооружением, и одна манипула триариев, мужчин зрелого возраста, численностью 60 человек, вооруженных мечами

и копьями и представлявших собой старую гвардию ветеранов.

В бою манипулы двигались в определенном порядке: впереди гастаты, построенные в десять шеренг по двенадцать человек в каждой; между манипулами гастатов, образующих первую линию строя, были интервалы, по ширине равные ширине самой манипулы; во второй линии шли манипулы принципов, также с интервалами между ними, причем каждая манипула принципов располагалась таким образом, чтобы стоять напротив интервала между манипулами первой линии — в случае необходимости принципы двигались вперед и заполняли собой интервалы между манипулами гастатов. Такое построение повторяет расположение клеток на шахматной доске.

Считается, что подобную структуру войска и порядок построения в бою ввел Марк Фурий Камилл вместо фаланги; легион, выстроенный в три линии,

Построение легиона по когортам

каждая из которых состояла из манипул, был подвижен, мог быстро перестраиваться, вести наступательный и оборонительный бой, в том числе и на пересеченной местности. Третья линия строя состояла из манипул триариев, которые выстраивались в десять шеренг по шесть человек в каждой напротив интервалов между манипулами принципов. В каждую когорту входил также отряд из 120 велитов — легких пехотинцев, вооруженных круглыми щитами и дротиками. Они могли размещаться перед манипулами, в интервалах между ними, в тылу или на флангах. Наконец; каждой когорте придавался отряд кавалерии — турма — из 30 всадников, вооруженных дротиками и пиками.

Легион, таким образом, насчитывал до 4 500 человек; консульская армия состояла из двух римских легионов. Но в период войны каждому римскому легиону придавался легион, набранный из союзников; он состоял из рекрутов, набранных в городах конфедерации. Таким образом, консульская армия увеличивалась до четырех легионов; кроме них, в армии были вспомогательные отряды, набираемые из галлов и других племен. Дополнительно при каждой армии создавался резерв из отборных воинов — 200 конников и 800 пехотинцев, которые выполняли также функцию личных телохранителей консула; их называли экстраординариями.

В походе каждый легионер нес на себе довольно внушительный груз: кроме оружия, щита, доспехов и шлема в него входил шанцевый инструмент и два деревянных щита для устройства ограждения вокруг лагеря; останавливаясь на ночь после дневного перехода, римляне обязательно строили укрепленный лагерь. Легионер тащил на себе котелок для варки пищи и запас провизии — два фунта немолотого зерна на каждый день (как правило, пшеницы), из которой он ва-

Римский легионер в походе.

Для переноса вещей и провианта использовалась палка с плетеной корзиной и мешком

рил себе кашу и пек лепешки, и немного сушеного мяса.

В бою обычной тактикой римлян была атака. Метнув в противника копья и дротики, легионеры стремительно сближались с ним и вступали в рукопашную, используя короткие мечи, которыми можно было и рубить, и колоть. В манипулах солдаты стояли не плечом к плечу, как в греческой фаланге, а на неко-

тором расстоянии друг от друга — так, чтобы можно было сделать замах мечом для нанесения рубящего удара. Римская кавалерия особыми успехами не блистала, так как римляне не были прирожденными конниками в отличие от нумидийцев или галлов.

Основой римской армии являлись центурионы, составлявшие хребет войска — стойкие профессионалы-ветераны, выполнявшие, как мы сегодня сказали бы, функции сержантов. В каждой манипуле было два центуриона — старший и младший. Они были безгранично преданы государству и служба в армии становилась для них делом всей жизни; именно благодаря их усердию и опыту из крестьян и ремесленников получались умелые и дисциплинированные солдаты. Послужной список многих центурионов, приведенный в сочинениях историков или выбитый на их надгробиях, производит большое впечатление.

Римская армия имела один серьезный недостаток: командующие армиями, то есть консулы, менялись каждый год. Система эта была введена для того, чтобы предотвратить узурпацию власти военной верхушкой, но в условиях затяжной войны она делала невозможной следование единой стратегической линии. Если война длилась много лет (как, например, против Ганнибала) обстоятельства требовали отхода от принятой системы, и сенат санкционировал введение должности диктатора — опять же на определенный срок. Через полтора века эта практика привела к возникновению в Риме военной диктатуры.

Такова была армия, которую Лонг собирал на Сицилии, а Сципион готовился вести в Испанию. Тем временем Ганнибал не бездействовал.

ГЛАВА III. ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ И ДАЛЬШЕ

Поход Ганнибала начинается

Ганнибал очень хорошо понимал, что, пока он будет идти в Италию, римляне могут не только нанести удар по Карфагену с Сицилии, но и развернуть операции в Испании и заставить иберийские племена откочнуть от карфагенян. Поэтому в Карфаген он послал армию в 15 000 человек; она включала в себя отряды прашников, лучников и африканскую кавалерию. Кроме того, гарнизон Карфагена был усилен 4000 новобранцев. В Испании он оставил своего брата Гасдрубала Барку, дав ему 15 000 воинов, двадцать одного слона и небольшой флот. В Карфаген он отослал в основном испанцев, лигурийцев и балеарцев, а в Испании остались воины африканского происхождения — это, по мнению Ганнибала, гарантировало лояльность и дисциплинированное поведение солдат по отношению к местному населению.

У самого Ганнибала в распоряжении было 90 000 пехотинцев, 12 000 кавалерии и много слонов. С этими силами в конце мая 218 г. до н. э. он вышел из Нового Карфагена к реке Эбро, которую перешел в июле. Он оказался в Каталонии — холмистой области, населенной воинственными племенами; их сопротивление предстояло преодолеть, прежде чем перейти через Пи-

рени. Разделив армию на три части, Ганнибал вступил в борьбу с племенами Каталонии. Некоторые племена были разбиты и покорились, другие были почти полностью уничтожены. Ганнибал взял штурмом несколько городов — ценой некоторых потерь для своей армии. После этого он выделил 10 000 пеших воинов и 1000 конников для своего брата Ганнона и оставил его охранять проходы в Западных Пиренеях, по которым можно было попасть из Испании в Галлию.

Миновав Эмпорий, армия Ганнибала начала переход через Пиренеи. К этому времени, несмотря на все усилия сохранить тайну, многие наемники знали, что конечная цель похода — Италия, и были напуганы перспективой перехода через Альпы, до которых еще надо было дойти по землям многочисленных и воинственных племен. Один из отрядов численностью в 3000 человек отказался продолжать поход. Ганнибал не стал ни уговаривать, ни запугивать их — подобные меры могли оказать нежелательное воздействие на остальных воинов. Вместо этого он распустил около 7000 солдат, которым не мог полностью доверять, и продолжал поход с армией, в которой осталось 50 000 пехоты, 9000 кавалерии и 37 слонов.

Через какой проход или проходы в Восточных Пиренеях вел свое войско Ганнибал — неизвестно, но существует мнение, что это был перевал Баниул. В высшей точке он достигает 360 м над уровнем моря и находится в 37 км от Эмпории и в 33 км от Иллиберии (Эльн). Возле Иллиберии Ганнибал разбил лагерь. Галлы, обитавшие в здешних краях, знали, что Ганнибал идет в Италию. Желая избежать участи каталонских племен, по землям которых с огнем и мечом прошел Ганнибал, они объединили свои силы и сосредоточились у Рускино (Кастель-Руссиллон). Ганнибал хотел избежать столкновения и пригласил галльских вождей на переговоры; он сумел убедить галлов, что пришел к

ним как друг, а не враг, и они разрешили карфагенянам беспрепятственно пройти через их землю.

Маршрут движения Ганнибала через Южную Галию точно неизвестен. Здесь вдоль побережья во множестве встречались лагуны, топи и болота, но Ганнибал должен был держаться как можно ближе к берегу моря, чтобы обойти город Агду — колонию Массалии и союзницу Рима. Эта местность стала римской провинцией только в 121 г. до н. э., после чего Гай Домиций Агенобарб построил Домициеву дорогу; во времена же Ганнибала настоящих мощеных дорог здесь не было. Правда, есть один источник, который косвенно помогает определить, хотя и весьма приблизительно, маршрут Ганнибала. Полибий, писавший около 150 г. до н. э., приводит расстояния между некоторыми пунктами маршрута Ганнибала в греческих стадиях, округляя числа. Текст Полибия в том виде, в котором он до нас дошел, содержит предложение: «Эти расстояния были тщательно выверены римлянами исходя из того, что одна римская миля содержит 8 стадий». Таким образом, стадия была равна 185 метрам. Но Домициева дорога была построена уже после смерти Полибия, и Страбон, писавший в I в. до н. э., специально замечает, что расчет Полибия не совсем точен и на самом деле греческая стадия составляла 177,5 метра. Современник Страбона Артемидор, напротив, отстаивал точку зрения Полибия. Как бы то ни было, Полибий приводит следующие расстояния в стадиях (в скобках следует перевод в км исходя из того, что 1 стадия = 177,5 м): от Эбро до Эмпории 1600 стадий (285 км); от Эмпории до места, где Ганнибал перешел Рону — 1600 стадий (285 км); от места переправы через Рону до «начала восхождения» и через Альпы до долины Пьемонта 1200 стадий (213 км). Всего от Картахены (Нового Карфагена) до современного Пьемонта получается около 8 400 стадий, или 1 500 км. Правда,

в другом месте своего сочинения Полибий приводит цифру 9 000 стадий, так что возникает разница в 600 стадий (106 км). Возможно, эта разница и незначительна — карты тогда были несовершенны, как и методы подсчета расстояний. Во всяком случае, цифры Полибия можно принять как приблизительные; мы вполне можем положиться на них как на достоверное свидетельство историка, жившего немногим позже описываемых событий.

Расстояние в 285 км, которыми Полибий обозначает отрезок пути Ганнибала от Эмпории до переправы через Рону, почти в точности совпадает расстоянию от Эмпории до Фурке — города на берегу Роны напротив Арля. Недалеко от этого места Рона делится на два рукава: Малая Рона впадает в Лионский залив с запада, Большая Рона несет свои воды восточнее.

Все указывает на то, что именно у современного Фурке Ганнибал переправлялся через Рону. Во-первых, Полибий пишет, что Ганнибал перешел Рону в четырех днях пути от моря, там, где река течет в едином русле. Полибий указывает, что по долине Роны Ганнибал двигался со скоростью 80 стадий (14 км) в день; от моря до Фурке как раз 56 км. Во-вторых, очевидно, что Ганнибал предпочел переправлять войско на том участке реки, где течение наименее быстрое, а значит, и глубины наименьшие, и где берега наименее круты. Всем этим условиям и соответствовала переправа у Фурке. Выше к северу Рона несет свои воды гораздо быстрее; она уже, но слишком глубока. Наконец, когда наступила эпоха составления путеводителей, все они указывали Фурке как место переправы через Рону — несомненно, по тем же самым причинам, по которым выбрал это место Ганнибал. Отметим, что Страбон, а затем «Сборник карт» Петингера и анонимный географ из Равенны в качестве переправы через Рону называют место в 17 км севернее

Фурке, где при переправе Ганнибал столкнулся бы с гораздо большими трудностями — если вообще в этом месте переправа для его армии была возможна.

Одна из заслуг римлян состоит в том, что они создали в Западной Европе целую сеть дорог, многие из которых существуют и сегодня и вполне пригодны для использования. Они указывались в позднейших путеводителях, но все они имели военное назначение и строились со стратегическими целями. До римлян в Западной Европе также существовали пути, сложившиеся еще в эпоху бронзы, по которым шли караваны с грузами из самых разных стран; в Галлии многократно находили предметы греческого и этрусского происхождения. Долина же Роны была местом пересечения нескольких караванных путей. По ним не только путешествовали купцы, но и мигрировали целые народы, перемещались крупные армии. Естественно, что Ганнибал выбрал один из проторенных путей.

Ганнибал переправляется через Рону

Скорость движения армии в планах Ганнибала играла решающую роль: необходимо было перейти Альпы до наступления зимы и не утратить фактор неожиданности в Италию. Поэтому, найдя удобное место для переправы через Рону, он не терял времени. Несомненно, переправа 50 000 пехоты, 9 000 кавалерии и 37 слонов через реку шириной почти в километр представляла собой сложнейшую операцию. Кроме того, переправе войск через Рону пытались помешать. Галльское племя вольков, живущее в этом месте вышло на противоположный берег и всем своим видом галлы давали понять, что не позволят чужеземцам хозяйничать на их земле.

Путем подкупа и уговоров Ганнибал собрал у местного населения все средства, пригодные для пере-

правы — плоты, лодки из цельных выдолбленных стволов дерева — и за два дня подготовил к переправе все войско. Галлы продолжали скапливаться на восточном берегу — и пешие, и конные. Ганнибал понимал, что нельзя допустить атаки противника на переправляющиеся войска. Поэтому он применил одну из своих тактических хитростей: послал Ганнона, сына Бомилькара, с отрядом испанцев вверх по правому берегу реки. На расстоянии 200 стадий (35 км) от места переправы, там, где остров делит Рону на два потока, Ганнон, используя подручные средства, должен был переправиться на другой берег. Наверняка за две с лишним тысячи лет река изменилась, но и сегодня на месте переправы Ганнона есть целая группа островов, а на расстоянии 35 км от Фурке находится остров Бертеласс близ Авиеньона). Как бы то ни было, река здесь делится на два рукава, и один из них несет воды Роны гораздо быстрее, чем у Фурке. Это, однако, не мешало переправе отряда Ганнона: воинов у него было не так уж много, слонов не было вообще и никто не мешал ему перебраться на другой берег. Испанцы переплыли реку, используя щиты, чтобы удержаться на воде.

Переправившись, Ганнон повернул на юг и по левому берегу Роны зашел в тыл волькам. На следующее утро дымом костра он дал сигнал Ганнибалу, который сразу же приказал начинать переправу. Это произошло на рассвете пятого дня пребывания карфагенян у Роны. Для пехоты были приготовлены плоты и лодки — долбленки; лошадей перевозили в больших лодках, либо воины, плывущие в долбленках, держали их под уздцы — по три-четыре лошади сразу; несколько крупных лодок, размещенных выше по реке, гасили скорость и силу течения.

Вольки, собравшиеся на противоположном берегу, подняли крик, потрясали копьями и стучали ме-

чами о щиты. Неожиданно им в тыл ударил Ганнон, захватил лагерь галлов. После непродолжительного сопротивления вольки обратились в бегство. Благодаря этому маневру Ганнибал смог беспрепятственно закончить переправу через Рону. Это столкновение позволило Ганнибалу составить определенное представление о боевых качествах галлов — его будущих союзников на территории Италии.

Теперь Ганнибал мог приступить к переправе слонов. Карфагеняне построили несколько деревянных молов, протянувшихся от берега над гладью реки на 60 м. В конце каждого мола были привязаны плоты длиной около 12 м; чтобы молы не сносило течением, их привязали к деревьям, растущим на берегу. Молы и плоты были посыпаны землей, чтобы слоны думали, что продолжают ступать по земле. Сначала по молам пустили слоних, за ними шли самцы. Когда слоны оказывались на плотках, плоты отвязывали и буксировали к другому берегу. Некоторые животные начинали паниковать, переворачивали плоты и падали в воду. Но река в этом месте была неглубока, и ни один из слонов не погиб. Подняв над водой головы и хоботы, они добирались до противоположного берега. Большая часть слонов была представлена видом африканских малых лесных слонов, достигающих в холке 2,3 м. Отсюда мы можем делать вывод, что глубина реки в месте переправы не превышала 3 м. Именно такая глубина отмечена на переправе через реку Рона напротив Фурке.

Закончив переправу, Ганнибал разбил лагерь. В этот момент он получил неожиданное известие: Сципион со своей консульской армией подошел к устью Большой Роны. В свою очередь Сципион был крайне удивлен, узнав, что Ганнибал переправился через Рону. Римляне уже знали, что Ганнибал перешел Эбро, но ни о его переходе через Пиренеи, ни о дальнейших

целях представления не имели. Теперь Сципион понял, что целью похода Ганнибала является Италия. Вскоре эта догадка подтвердилась. Сципион отправил на рекогносцировку отряд из 300 конников. Ганнибал выехал им навстречу в сопровождении 500 нумидийских всадников. Произошел короткий, но кровопролитный бой. Силы были неравны, и римляне готовы были отступить, но нумидийцы неожиданно прекратили бой и быстро отступили. Римляне получили возможность наблюдать лагерь Ганнибала, после чего быстро вернулись к Сципиону и доложили обо всем происшедшем. Выслушав доклад разведчиков, Сципион немедленно отдал армии приказ выступать. Он двигался по берегу Большой Роны к лагерю Ганнибала, чтобы напасть на него. Но когда достиг места переправы карфагенян через Рону, то обнаружил, что лагерь противника пуст. Еще за три дня до этого Ганнибал ушел на север через день после схватки римлян с нумидийцами. Этот факт важен с точки зрения географии событий: армия Сципиона дошла до переправы через Рону за 3 дня, преодолев около 60 км, а Ганнибал прошел то же расстояние от моря за 4 дня, причем надо учесть, что армия Сципиона состояла не из профессиональных солдат, а из гражданских лиц. Строго следуя римской традиции, римляне возвели укрепленный лагерь, окружив его рвом, хотя и остановились всего на одну ночевку.

Вскоре после переправы через Рону, к Ганнибалу прибыло посольство от галльского племени бойев во главе с вождем Магалом. Галлы предложили Ганнибалу проводников и выразили надежду, что он приложит все усилия для того, чтобы как можно скорее достичь Италии. Вместе с тем Магал считал, что Ганнибалу не стоит вступать в сражение со Сципионом на берегах Роны, т. к. это может обескровить армию карфагенян. Это мнение совпадало с точкой зре-

ния самого Ганнибала. Первый настоящий удар он собирался нанести римлянам уже на земле Италии, где победа произведет наибольший эффект. Именно поэтому на следующий день после переправы через Рону он двинулся на север, избегая встречи с войсками Сципиона. Посольство Магала прибыло к Ганнибалу вовремя. Весть о прибытии галлов подняла моральный дух его армии, которая начала выказывать первые признаки недовольства уже пережитыми и предстоящими трудностями. Как и прежде, воинов больше всего пугала перспектива перехода через Альпы. Кроме того, они помнили, что римляне оказались достаточно сильны, чтобы победить в Первой Пунической войне. Ганнибал собрал воинов и обратился к ним с речью. Он пристыдил солдат и указал на Магала и его спутников, которые только что проделали путь из Северной Италии через Альпы в Галлию. Предки Магала перешли Альпы с женами и детьми 200 лет назад, сказал Ганнибал. Белловез через Туринский проход привел в Италию племя инсубров и основал Медиолан (Милан); за ним переход через Альпы совершил Элитовий, который привел в Италию ценоманов и заложил города Брешия и Верона. Через Альпы переходили бойи, лингоны и сеноны. Всего 20 лет назад на помощь бойям пришли через Альпы их братья из Галлии; не прошло и 7 лет с тех пор, когда гальские вожди Конколитан и Анерозст привели своих воинов в Италию, чтобы помочь цезальпинским галлам в борьбе с Римом.

Чего же, спрашивал Ганнибал, боятся его воины? В Испании под его началом они одерживали славные победы. Они взяли Сагунт и захватили невиданную по богатству добычу. Они одолели Пиренеи и, несмотря на сопротивление вольков, переправились через Рону. Они неоднократно побеждали галлов, а между тем именно галлы всего 200 лет назад захвати-

ли сам Рим. Магал со своими людьми предлагает им проводников и обещает помощь со стороны галлов, живущих в Северной Италии. Так чего же бояться, карфагеняне? С такой речью обратился Ганнибал к своим войнам, вдохнув в них решимость продолжать поход.

Вернемся теперь к Сципиону. Он был крайне удивлен, когда обнаружил, что лагерь карфагенян пуст, а сам Ганнибал со своей армией ушел в неизвестном направлении. С трудом верилось в то, что Ганнибал решится на штурм Альп и на переход по бесплодным землям, населенным многочисленными и воинственными племенами. Но приходилось признать, что именно это Ганнибал и собирается сделать. Понимая, что он не успеет перехватить Ганнибала, Сципион вернулся к устью Большой Роны, посадил свою армию на корабли и под началом своего брата Гая отправил ее в Испанию. Сам он отплыл в Италию, где возглавил армию, расположенную в Цизальпинской Галлии, приняв ее у преторов Луция Манлия и Гая Аттилия. Сципион расположил войска таким образом, чтобы встретить карфагенян на максимально удобных позициях — если, конечно, Ганнибал решится на переход через Альпы и приведет свою армию в долину По.

«Остров»

На протяжении веков вопрос о маршруте продвижения Ганнибала через Альпы представлялся неразрешимой проблемой и был покрыт мраком неизвестности. Сегодня нам ясно, что все вопросы и сама проблема были порождены грубыми ошибками, которые останутся на совести издателей, впервые в XVI в. напечатавших тексты манускриптов Полибия и Ливия. Для того чтобы разобраться с данной исторической

загадкой, посмотрим, какими именно действиями людей она была порождена. Тщательный анализ средневековых и античных текстов с учетом результатов новейших исследований позволит нам точно установить точный маршрут Ганнибала после его переправы через Рону.

Трудная, на первый взгляд, проблема решается довольно просто. И Полибий, и Ливий, который практически дословно повторял своего старшего коллегу, сообщают, что после переправы через Рону Ганнибал двинулся на север вдоль левого берега реки, пока не достиг местности, которую и греки, и римляне называли «Остров». Она описана как территория, имеющая ту же форму, что и дельта Нила, т. е. форму равностороннего треугольника. Местность эта была густонаселена, плодородна, представляла собой низменность и была подвержена наводнениям. С запада она была ограничена Роной, с юго-востока — горной грядой. Таким образом, эта местность не была со всех сторон окружена водой, но известно много примеров, когда часть суши называют островом, хотя она и не окружена водой. Даже сегодня в провансальском диалекте словом «остров» обозначают территорию, подверженную наводнениям и паводкам. Историческая загадка была порождена названием второй реки, которая в манускрипте Полибия (здесь очень важно подчеркнуть, что это был именно манускрипт, т. е. рукопись) называется Скарас (Skaras), в то время как в манускрипте Ливия V Арар (Arar). Самые ранние копии этих манускриптов датируются X—XI в. в., т. е. написаны они были задолго до того, как переписчики и ученые научились тщательно и бережно относиться к текстам. По неизвестной причине название Скарас не устроило издателя XVI в. Перитти, который отпечатал «Историю» Полибия в переводе на латинский, и он спокойно заменил название реки на Арар, как это

сделал и Ливий. То же самое сделал немного времени спустя и печатник Карло Зигоньо. Исаак Касобон в своем печатном издании Полибия, выпущенном на греческом языке, превратил Скарас в Арарос (Aragos), очевидно полагая, что так название реки будет звучать по-гречески.

Уже в XVI–XVII вв. у некоторых людей такое обращение с текстом манускриптов вызывало недоумение. Образованные люди отмечали, что Цезарь в своих «Записках о Галльской войне» и другие древние авторы называют Араром реку Сону, которая течет с севера и впадает в Рону в окрестностях Лиона. Так, Якоб Гроновий указывал, что Сона географически не соответствует тексту манускриптов: Ливий пишет, что вторая река берет начало в Альпах, значит, это не может быть Сона, и никоим образом нельзя назвать земли между Роной и Соной, имеющими форму равнобедренного треугольника. Кроме того, там нет никакой гряды.

Весьма поверхностно зная географию, издатели возражали, что есть еще одна река, которая впадает в Рону и берет начало в Альпах — Изер, значит, это и есть Скарас Полибия и Арар Ливия. По-латински Изер пишется Isaga, в этом слове много общих букв с названием Агаг. В своей работе по античной истории Италии Филипп Клювер заменяет название Isaga именем Агаг. Ошибка была вызвана тем, что в работе над книгой он использовал манускрипт, в котором перед названием Агаг стояло указательное местоимение *ibi* (там), а между ними по неизвестной причине значок, напоминающий букву S, в результате чего запись в манускрипте приобрела вид *ibis arag*. Отбросив две первых буквы и последнюю, Клювер получил слово Isaga. Но оставался еще Полибий со своим Skaras, который Касобон превратил в Aragos, и Клювер добавляет к названию еще одну букву и печатает в своей книге

название Isaras. Ученые потратили довольно много времени, чтобы разобраться во всей этой путанице, а исследователь Хольстен предложил свое объяснение того, каким образом несведующие переписчики могли неумышленно фальсифицировать манускрипты. По его мнению, все дело в неправильной переписи заглавных букв греческого алфавита, в результате чего OICARAS (=Изер) превратилось в SKORAS (=Скарас). Издателям и в голову не приходило, что они стали фальсификаторами, хотя, возьми они на себя этот труд, легко разобрались бы с вопросом сами. Силий Италик, который в своей поэме о Пунической войне использует названия местностей, рек и племен, приведенные у Ливия, называет реку Araga. Сирий был латинским поэтом, и это название подходило ему для соблюдения размера стиха.

Издателям не приходило в голову и то странное обстоятельство, что и переписчики греческого текста Полибия, и их коллеги, копировавшие латинский текст Ливия, независимо друг от друга в одних и тех же местах манускриптов приводят разные названия рек. Не задумываясь над подобными мелочами, они печатали тексты манускриптов в том виде, в каком они попадали им в руки. Ни проверить, ни уточнить географические названия они не стремились даже в тех случаях, когда не знали, о какой именно реке идет речь.

В результате почти все манускрипты Полибия и Ливия, перепечатанные за последние 300 лет, содержали указание на то, что второй рекой, ограничивающей «Остров» с юго-востока, был Изер. Большинство печатных изданий вообще не предупреждало читателей о том, что в текстах Полибия и Ливия названия реки Изер не содержится, что это просто предположение издателей XVI в. Таким образом, все исследователи, которые использовали в своей работе подобные издания, принимали грубейшую ошибку за истину.

Напомним, что Ганнибал переправился через Рону в четырех днях пути от моря, и, согласно Полибию и Ливию, 4 дня у него ушло на то, чтобы дойти до «Острова». Полибий пишет, что на этом отрезке пути скорость движения армии Ганнибала составляла примерно 14 км в день. Значит, Skaras или Агаг, должна была находиться примерно в 112 км от морского побережья. Именно на таком расстоянии от моря в Рону впадает крупная река Эг (Augues — фр.), которая берет свое начало в предгорьях Альп. Эг впадает в Рону с северо-востока под углом 60°. Эта местность между Роной и Эгом густонаселена, плодородна, с северо-востока ограничена невысоким горным хребтом Баронни и имеет форму треугольника.

Река Эг в точности соответствует географическому описанию второй реки, ограничивающей «Остров», и, несомненно, является той рекой, которую Полибий называл Skaras, а Ливий — Агаг. Есть только одно несоответствие, а именно: замечания Полибия о том, что по размерам «Остров» равен дельте Нила. Ни в одном месте по восточному берегу Роны между ней и ее притоками нет участка земли, который мог бы сравниться по размерам с дельтой Нила; очевидно, древний историк допустил ошибку, или она каким-то образом вкралась в текст.

Подтверждением того, что Эг и есть Skaras Полибия, могут служить старинные названия этой реки. В манускриптах X в. ее называют Icarus, Eguer, Egueris, в 1218 г., Ecaris в 1272, Ycaris, в 1321, Agua Iguum в 1393 и Egue в том же году. Полибиев Skaros трансформировался в Icarus и прочие в соответствии с правилами римской филологии — конечная S была отброшена, а к слову добавлены префиксы i или e как, например, в случаях stella-etoile (звезда), scala-escalier (шкала), schola-ecola (школа). Интересно отметить и форму Agua Iguarum: Agua — вода, и именно от этого

слова происходит название реки Augues (Эг), подобно названиям Эгебель, Эгефо, Эгеперс, Агуес Морте, в современном провансальском диалекте вода обозначается словом aigue.

Итак, мы можем с абсолютной уверенностью Skaras и «Остров» Полибия как плодородную территорию, ограниченную Роной, Эгом и горами Баронни, расположенную недалеко от города Оранж. Нет ничего необычного в том, что одна река имела несколько имен. Часто многие реки имели понескольку названий, т. к. в древности люди их обожествляли, а имя бога всегда было табу, и вместо него использовали имена-заменители. Было установлено, что среди прочих наименований реки Эг фигурировало название Aгаus, очень похожее на древнее название города Оранжа — Aгаusio, расположенного рядом с рекой. Один из вариантов этого названия — Aгаuris, возможно, отсюда и появился Агаг Ливия.

Доказать абсурдность утверждения, что Skaras, или Агаг — это Изер, можно многими способами. Территория, заключенная между Роной и Изером, не треугольная по форме, не ограничена горной грядой и не является низменностью; она не подвержена наводнениям; почва здесь каменистая и неплодородная, население даже в наши дни немногочисленно. Расчет расстояний также указывает на то, что Изер не может быть Skaras. Изер впадает в Рону в 200 км от моря, и чтобы дойти до него, Ганнибалу надо было проходить за день не 14, а 25 км. Большая армия с обозом, тяжелой пехотой и слонами не могла двигаться с такой скоростью. Вдобавок ко всему даже если бы Ганнибал дошел до Изера, то не смог бы переправить армию у Понн-Сент-Эспри — здесь слишком быстрое течение и большие глубины. От Эмпории до этого места гораздо больше 1 600 стадий (285 км), названных Полибием.

Ганнибал достигает «Острова»

В связи с четырехдневным переходом Ганнибала от Роны до «Острова» следует остановиться на двух интересных фактах. Армия Ганнибала должна была проходить в окрестностях современного поселка Мелен, примерно в 7 км южнее места впадения реки Дюранс в Рону. В Мелене в 1777 году Барталамей Делэн раскопал скелет слона и рядом с ним — медный медальон. Вначале думали, что это останки человека-гиганта и даже прикинули его рост — 4 метра. Но затем коренные зубы, извлеченные из черепа, показали Клоду-Франсуа Ашару, и он определил, что найден скелет именно слона. В 1788 году Ашар описал находку во втором томе своего труда «Историческое описание Прованса». Делэн приобщил находку к своему собранию древностей, но скелет слона сберечь не удалось — он почти полностью разрушился, когда кости извлекли из земли. Однако в 1824 году граф де Вильнев в своем «Статистическом описании департамента Буш-дю-Рон» писал, что вдова Делэна все еще хранит один из коренных зубов и что М. Тулузен видел часть бедренной кости найденного скелета слона на ферме возле Сент-Этьен-дю-Грэ. Граф де Вильнев высказывал предположение, что, по всей вероятности, найденный скелет — все, что осталось от одного из слонов Ганнибала.

Позже Теодор Андреас Кук в книге «Старый Прованс» коснулся истории с этим слоном и называет его африканским. Если бы Клод-Франсуа Ашар описал виденные им коренные зубы, то можно было бы рассуждать на тему о том, относился этот слон к данной разновидности или нет. Но Ашар никакого описания не оставил, и поэтому речь идет всего лишь об ассоциациях: Ганнибал был африканцем, следовательно, и найденный скелет принадлежал слону африканской

разновидности. Но даже если и так, то это не означает, что слон этот был в составе армии Ганнибала, потому что через сто лет после Ганнибала римляне, занявшие Прованс, использовали здесь слонов. В 121 г. до н. э. Прованс с другими землями в округе вошел в состав провинции Нарбоннская Галлия, и ее наместник Гай Домиций Агенобарб разъезжал на слоне, демонстрируя местным жителям штандарт новой провинции. Африка к тому времени уже много лет была провинцией Рима.

Окажись найденный скелет останками индийского слона, и это еще не доказывало бы его принадлежность к армии Ганнибала. Единственным надежным свидетельством мог бы служить найденный медный медальон, но он был утерян. Наличие медальона говорит об одном: скелет принадлежал не мамонту или другой разновидности диких слонов, останки которых довольно часто находят в отложениях по берегам рек, а именно прирученному слону, который после его гибели был похоронен.

Еще одно замечание касается реки Дюранс. В наши дни она впадает в Рону единым потоком южнее Авиньона. Как доказал Эрнест Дежарден, две тысячи лет назад картина была иная: Дюранс тек к Роне еще тремя рукавами.

Первый из них отходил от основного русла Дюрана возле Маллемора, устремлялся на юг и у Сало-де-Прованс делился на два потока: один тек до Этан де Берр и впадал прямо в море, другой бежал на запад по каменистой равнине Ла Кро и терялся в топях и озерах возле города Арль; воды его в конечном счете стекали в Большую Рону южнее этого населенного пункта. Ганнибалу, который перешел Рону у Фурке, т. е. в районе Арля, не пришлось форсировать эти потоки; Сципиону повезло меньше — по пути на юг к лагерю Ганнибала ему пришлось переходить рукав Дю-

ранса, текущий по равнине Ла Кро. Позже римляне направили русло этого потока в канал Барбегаль; он существует и сегодня, но давно пересох.

Второй рукав Дюранса проходил мимо города Оргон и также нес воды в болотистые низины возле Арля. Римляне построили канал и для него; он известен как Старый Дюранс. Третий рукав был самым полноводным. Он отходил от Дюраса между Шаторенаром и Рогноном, протекал по долине, в которой расположен Мелен и также вливался в болота у Арля. В средние века этот рукав называли рекой Дюрансоль; она пересохла к 1636 году.

Таким образом, со времен Ганнибала эти три рукава заросли тиной и пересохла. Все воды Дюранса текут теперь по единому руслу, которое стало значительно шире в месте впадения в Рону. Если Ганнибалу и пришлось преодолевать какой-то из протоков, то вряд ли это вызвало большие трудности: в этой местности он был в сентябре, когда уровень воды в окрестных реках невысок.

Когда Ганнибал пришел на «Остров», то обнаружил, что местное население вовлечено в настоящую гражданскую войну: два брата из правящей фамилии боролись за власть. Старший, которого звали Бранк, был вождем и в борьбе с младшим, которого поддерживала знатная молодежь, отстаивал свое право править народом. Когда появился Ганнибал, обе стороны обратились к нему с просьбой быть судьей и разрешить их спор. Ганнибал разобрал притязания каждого из братьев, узнал мнение совета племени и решил, что власть должна остаться у Бранка. Младший брат был изгнан, а Бранк, исполненный чувства благодарности, не только снабдил карфагенскую армию теплой одеждой и обувью, необходимой для перехода через Альпы, пшеницей и другой провизией, но и выделил из своих воинов отряд, который прикрывал

тылы армии Ганнибала на следующем отрезке пути — идти пришлось через земли воинственного галльского племени аллоброгов. Заново экипированная армия Ганнибала была готова начать восхождение на Альпы. Маршрут перехода карфагенян через эти горы мы восстановим с помощью древних греков.

Маршрут Ганнибала

Если бы не археологические находки, мы не имели бы подтверждений того, что Ганнибал когда-либо существовал, — за исключением текстов древних авторов, что делает изучение этих текстов и их внимательный анализ особенно важным. К археологическим находкам относятся могилы, оружие, остатки погребальных костров, открытые на месте битвы у Тразименского озера, а также надпись на латинском языке из Брундизия, в которой упоминается имя Ганнибала. О существовании надписи на греческом и пуническом языках, которую Ганнибал оставил в храме Геры Лицинии, нам известно только со слов Полибия, который, правда, видел ее своими собственными глазами.

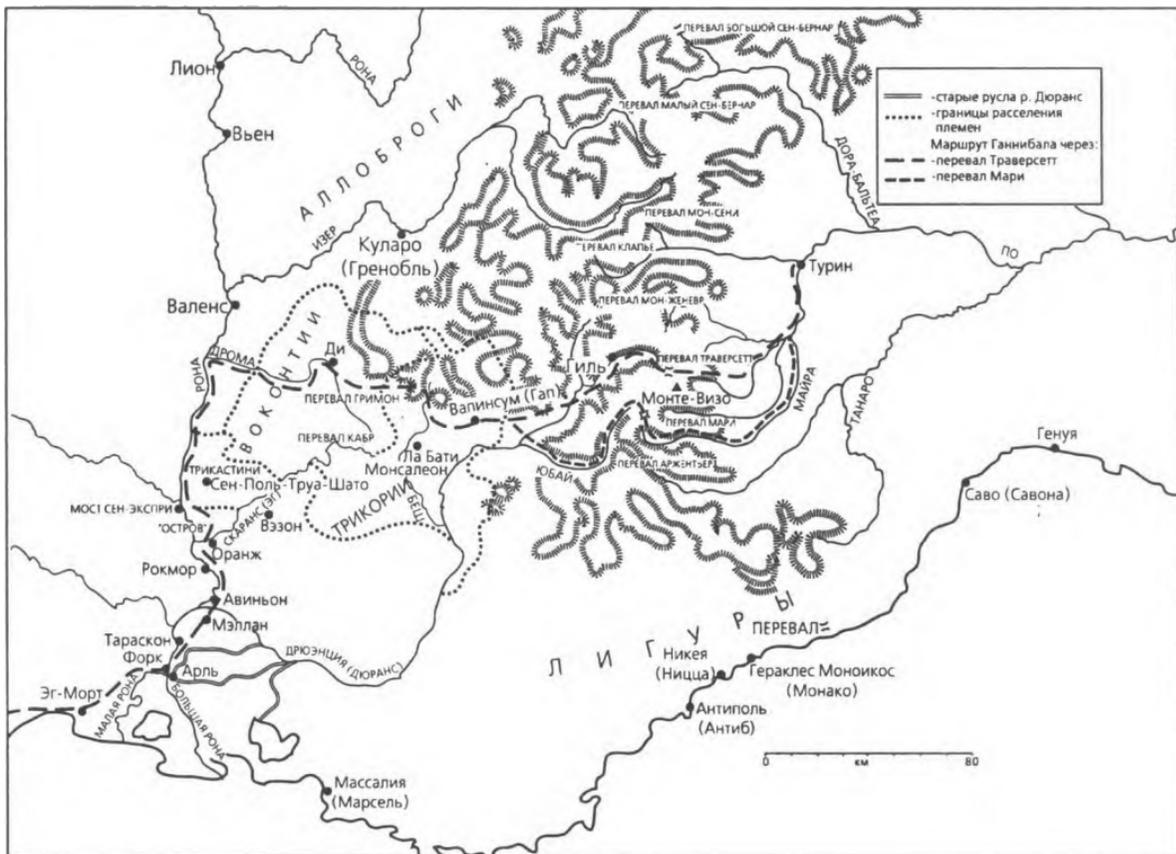
Классические тексты довольно многочисленны, и хотя самые ранние из них были составлены через шестьдесят лет после описываемых событий и все они содержат различные точки зрения, удивительно, что в описании главного они не расходятся. Наиболее ценными являются тексты Полибия, потому что в 160 г. до н. э. он сам прошел по маршруту Ганнибала. Полибий родился в Греции в Аркадии в 202 г. до н. э. и почти двадцать лет был современником Ганнибала; он сам был воином и командовал конницей в Греции; именно он нес урну с прахом Филопемена, последнего великого полководца классической Греции. В 168 г. до н. э. Полибий приехал в Рим в качестве заложника и

жил в доме Эмилия Павла, сына того консула, который сражался и пал в битве при Каннах. Полибий был также домашним учителем Сципиона Эмилиана, который в 146 г. до н. э. захватил Карфаген и завершил Третью Пуническую войну; Полибий лично присутствовал при разрушении Карфагена. Он имел отличную возможность встретиться с теми, кто воевал против Ганнибала. Написанная сжатым, но ясным и четким слогом, его «История» является основным источником наших знаний о Ганнибаловой войне, и, в частности, о его переходе через Альпы.

Единственный упрек, который может быть обращен к Полибию, это упрек в излишней лаконичности и в недостаточном внимании к географическим названиям и наименованиям народов. Однако недостаток информации восполнил своим трудом Тит Ливий, родившийся в Патавии (Падуя) в 59 г. до н. э. Во время написания своей «Истории Рима» и освещения войны против Ганнибала он целиком полагался на Полибия. Ливий расширил текст Полибия за счет привлечения дополнительной информации, ценной не столько по своему объему, сколько по количеству деталей, которые в ней содержатся. Земляк Ливия, Силий Италик, родившийся в 25 г. до н. э. и написавший поэму о Пунических войнах, использовал текст книги Ливия и взял из нее названия местностей и имена действующих лиц в том виде, в каком их приводит Ливий.

Некоторые сведения о переходе Ганнибала через Альпы мы получили от авторов, чьи работы дошли до нас лишь в виде фрагментов, использованных позднейшими писателями. Марк Теренций Варрон (родился в 116 г. до н. э. в стране сабинян), которого писатель Квинтилиан называл «самым образованным из римлян», оставил список проходов в Альпах с указанием, какими именно из них пользовался Ганнибал. Спи-

Переход Ганнибала через Альпы

сок этот дошел до нас потому, что Сервий Марий Гонорат, писавший около 400 г., включил его в комментарий к «Энеиде» Вергилия. Варрон родился через несколько лет после смерти Полибия; Цезарь назначил его заведующим публичной библиотекой в Риме, а поэтому его точка зрения вполне авторитетна. Еще один список альпийских перевалов с обозначением тех, через которые шел Ганнибал, составил в I в. до н. э. Страбон.

В 54 г. до н. э. из Александрии в Рим приехал Тимаген, просивший защиты у Августа. Его работы не дошли до нас, за исключением короткого очерка о переходе Ганнибала через Альпы. Его сохранил для нас Аммиан Марцеллин из Антиохии, который в 390 г. начал писать продолжение «Истории» Тацита. Тема перехода Ганнибала через Альпы была затронута многими римскими авторами; о нем писали Корнелий Непот (I в. до н. э.), Трог Помпей (I в. н. э.), Юстин и Аппиан (II в. н. э.), Европий (IV в. н. э.). Мы называем только крупнейших из историков античности, оставивших наиболее заметный след в науке. И, конечно, мы не можем обойти молчанием великолепное описание событий и исторических фактов, связанных с Ганнибалом, созданное Плутархом.

Отметим, что все названные нами источники принадлежат либо римским историкам, либо романизированным авторам греческого происхождения. Ни один карфагенский источник не дошел до нашего времени, хотя мы знаем, что таковые существовали: согласно сообщению Корнелия Непота, Зосил, который учил Ганнибала греческому языку, позже написал его биографию. Необходимо упомянуть и Силену, который сопровождал Ганнибала во время похода в Италию и чьи записки, по свидетельству Цицерона, были переведены на латинский Луцием Целием Антипатром. Записки карфагенских историков

Ганнибала читал и Полибий, что было доказано рядом исследователей.

В большей части вопросов Полибий и Ливий обнаруживают единство взглядов, но расходятся в следующем: Полибий пишет, что первое сражение Ганнибала на пути к Альпам произошло сразу после выхода из долины Роны; Ливий указывает, что первый бой состоялся гораздо позже, уже после того, как Ганнибал переправился через Дюранс. Исходя из топографических деталей и расчета расстояний и времени движения армии Ганнибала мы должны признать, что Ливий ошибся. Описание сражения, приведенное в данной книге, основано на свидетельстве Полибия и деталях, взятых из произведений других античных авторов.

Куда направился Ганнибал с территории «Острова»? Полибий пишет, что от места переправы через Рону и до начала «восхождения на Альпы» Ганнибал прошел 1 400 стадий (248 км). Из них 800 стадий Ганнибал прошел «вдоль реки», но Полибий не указывает, о какой реке идет речь и какой именно отрезок из пути в 1 400 стадий Ганнибал прошел вдоль нее. Часть пути Ганнибал, по словам Полибия, шел «у самой воды» — значит, дорога была ограничена скалами. Место, которое Полибий называет «началом подъема в Альпы», является, конечно, одним из проходов, по которому Ганнибал проник в Альпийскую горную систему; именно в этом месте он принял свой первый бой в Альпах. Здесь мы вплотную подходим к важному вопросу о географии юго-восточной Галлии, а именно той местности, которая находится между долиной Роны и Альпами, разделяющими Галлию и Италию. Альпы здесь образуют пояс шириной в 200 км; высота их от долины Роны нарастает. Пройти с запада на восток через горную систему Альп можно по долинам рек. На юге это долина Дюранса, на севере — долина

Изера. Между долинами этих рек движение возможно по нескольким проходам, которые ведут из долины Роны в долины притоков, впадающих в Изер и Дюранс.

Ясно, что Ганнибал не пошел вдоль Дюранса — перейдя Рону, он двинулся вверх по ее левому берегу по направлению к «Острову». Но он не дошел и до долины Изера и повернул к Альпам в каком-то другом месте, значительно южнее места владения Изера в Рону.

Проблема заключается в том, чтобы определить где же находится этот проход, ведущий из долины Роны на восток и расположенный севернее Дюранса и южнее Изера. Это может быть перевал, ведущий в долины Увеза, Эга или Дромы, но он должен соответствовать одному условию — находится в 1400 стадиях (248 км) от места переправы через Рону у Фурке. К счастью, античные тексты содержат еще одно ценное указание.

Ливий пишет, что когда Ганнибал отправился с «Острова», он не пошел сразу к Альпам (хотя от Оранжа по долине реки Эг можно было дойти до перевала Палю, а по нему добраться до города Серра, возле которого река Беш впадает в Дюранс в его среднем течении); вместо этого он повернул налево и прошел по территории Трикастини, Воконтии, вступил на территорию Трикории и вновь оказался у Дюранса. Ливию вторит Силий Италий, который также упоминает о землях Трикастини и Воконтии, по которым шел Ганнибал; Тимаген сообщает, что карфагеняне прошли области Трикастини, Воконтии и направились к теснинам Трикории. На самом деле данные названия обозначают не географические области, а являются наименованиями племен; исследователям удалось точно определить места их расселения.

Огюст Лоньон установил, что когда в 121 г. до н. э.

римляне захватили Прованс и Галлию, они позволили галльским и лигурийским племенам сохранить их племенную организацию, которую органично вписали в свою административную систему. Каждое племя продолжало жить на своей территории, межплеменные границы сохранялись. Через несколько веков, когда в Галлию пришла христианская церковь, эти границы превратились в разграничительные линии между округами, которые были подчинены епископам. Таким образом, границы епископств совпадали с границами обитания отдельных племен, живших здесь задолго до возникновения христианства.

Территория Трикастини стала округом Сен-Поль-Трез-Шато. Он находился к северо-западу от Эга; его западная граница тянулась вдоль левого берега Роны почти до Монтелимара, а восточная часть включала в себя город Гриньян.

Территория Воконтии была разделена на два округа — Дью Воконтиорум и Вэзон-ла-Ромен. Эта территория лежит к востоку от Трикастини и занимает почти всю долину реки Дромы, на востоке включая в себя исток и верхнее течение реки Беш, которая является притоком Дюранса. Из долины Дромы в долину реки Беш ведут два прохода — Гримон и Кабр; первый из них расположен ближе к северной границе территории Воконти, второй находится южнее.

Территория Трикорики совпадает с границами округа Гап, расположенного на плодородных землях по среднему течению Дюранса (очень важное обстоятельство). В VI в. епископ Гапа просил епископа Вэзона вернуть в состав его округа небольшую долину Сен-Жалль, потому что она входила в состав территории Трикорики и, следовательно, должна была находиться в ведении епископа Гапа.

Что касается мест обитания других племен, которые имеют отношение к нашему повествованию, то

аллоброги занимали земли к северу от Изера и к востоку и югу от Роны и простиралась до Женевского озера. Позднее эта область стала округом с центром в городе Вьен. Племя каваров, давшее имя городу Кавайону, жило между Дюрансом и Эгом в области, центром которой сейчас является Авиньон. Сегаллоны жили к югу от Изера и к северу от Дромы (округ Валанс).

Подобный подход Лоньона, отождествляющий границы племен с границами епископских округов, вполне правомерен и основан на той посылке, что со времен Ганнибала и до включения Галлии в состав Римской державы, а это промежуток примерно в 100 лет, крупных миграций племен в этом регионе не было и они продолжали занимать свои племенные территории. После прихода римлян пытались мигрировать племена арвернов, гельветов, тевтонов и аллоброгов, но все они были водворены на прежние места обитания силой римского оружия. В течение II в. до н. э. племена, обитавшие в юго-восточной Галлии, оставались в основном на своих племенных землях.

Правомерность метода определения районов проживания племен путем наложения на них границ округов подтверждается и сведениями древних историков и географов, хотя их сообщения иногда довольно смутны и неопределенны. Страбон пишет, что территория Воконтии находится «выше» земли каваров, а Трикории — «выше» Воконтий. Имея в виду, вероятно, степень их удаленности от Средиземного моря: ближе всего к морю, в низменности, земля каваров. Далее на возвышенности — Воконтии, еще дальше от моря — Трикории. Клавдий Птолемей указывает, что район Трикастини лежит южнее земель аллоброгов, восточнее сегаллонов и севернее Воконтий. Это описание в общем соответствует действительности.

Вернемся к Ливию, Силию Италику и Тимагену.

Отправившись с «Острова», Ганнибал не пошел напрямик на Италию, но повернул на северо-запад, прошел через Трикастини и Воконтин в Трикории и оказался в долине Дюранса. Так как Трикастини и Воконтии лежат к северу от «Острова» и южнее Изера, и Ганнибал прошел их, двигаясь на север от «Острова», то, стало быть, «Остров» располагался к югу от Изера и Изер не мог быть «Скарасом» — доказательство вполне очевидное.

Напомним, что с северо-востока «Остров» был ограничен горами Баронни, скалистые отроги которых смыкались с берегом Роны, оставляя между скалами и рекой только один узкий проход Донзер. Если воины Ганнибала двигались этим путем; то одной ногой они шли по колено в воде. Конечно, это преувеличение, но Полибий писал, что часть дороги проходила «у самой воды».

Если от места переправы через Рону отмерить вдоль ее левого берега 248 км, о которых говорил Полибий, то мы окажемся у западных границ территории Воконтии, где-то в этом районе и должен находиться пункт, в котором Ганнибал повернул на восток, достиг Трикории и затем, пройдя по Альпам 1 200 стадий (213 км), добрался до равнины Пьемонта, расположенного у восточных склонов Альпийских гор. Этот пункт — место впадения реки Дромы в Рону; именно здесь Ганнибал повернул на восток и двинулся вдоль левого берега долиной Дромы, у истоков которой, как уже говорилось, находятся два горных прохода — Кабр и Гримон. Оба они расположены в 213 км от места переправы через Рону. Остается определить, по какому из них прошла армия карфагенян. Луций Целий Антипатр пишет, что, по сообщению Селена, который сопровождал Ганнибала в походе, войско двинулось «через проход Кремонис». Селен — единственный из древних авторов, упоминающий это название, но

это не дает нам права не доверять данному свидетельству. Неизвестно почему, но Ливий принимал за Крeмонис перевал, который сегодня называется Малым Сен-Бернаром и находится на самой границе между Францией и Италией. Однако он привел бы Ганнибала не к Турину, куда, как известно, он вышел, а гораздо севернее, на земли племени салассиев. Крeмонис — старое название проходя Гримон, и это наименование мы встречаем в старинных манускриптах, например, в географическом атласе, который был составлен в аббатстве Дурбон. Ливий ошибался, принимая Крeмонис за Малый Сен-Бернар; Силий Италик повторил за ним эту ошибку. Некоторые исследователи отождествляли Крeмонис с Мон-Крамoном, но такое предположение не стоит того, чтобы тратить время на его обсуждение.

Как мы увидим из дальнейшего повествования, проход Гримон отвечает всем условиям, описанным Полибием, и может быть принят за пункт, откуда Ганнибал начал восхождение в Альпы и где состоялся первый бой карфагенян на пути в Италию.

Первое сражение в Альпах

Полибий в своих записках отслеживает события каждого дня перехода Ганнибала через Альпы (весь переход занял пятнадцать дней). Рассказ его краток, но содержателен. От Гримона до Пьемонта Ганнибал прошел 1 200 стадий, или 213 км. События первых трех дней, а именно первое сражение Ганнибала в Альпах и захват вражеского города, изложены в этой главе.

За десять дней Ганнибал прошел вдоль Дромы 800 стадий (142 км), проник в предгорья Альп и встретился с первой опасностью. Пока он шел долиной Роны, аллоброги держались на расстоянии — их сдерживал

отряд, который дал Ганнибалу Бранк. Здесь уместно отметить, что заявление Ливия о том, что именно аллоброги населяли «Остров», не соответствует действительности. Когда карфагеняне достигли предгорий Альп, отряд, данный Бранком, отправился домой; воины Ганнибала остались предоставленными себе в незнакомой и труднопроходимой местности. Аллоброги собрали достаточное количество воинов и заняли перевал, по которому собирались пройти карфагеняне.

Узнав, что враг занял на перевале командные высоты, Ганнибал приказал разбить лагерь и послал отряд галлов на разведку. Он хотел точно знать, где находятся враги и каковы их намерения. Галлы выполнили задание и сообщили Ганнибалу, что противник укрепился на перевале и сторожит его в течение дня, но ночью вражеские воины уходят в расположенный по соседству город. Обдумав ситуацию, Ганнибал составил план действий. Он перенес свой лагерь как можно ближе к противнику, огородив его земляными укреплениями. На ночь большая часть его воинов осталась в лагере; они разожгли множество костров, а сам он с лучшими отрядами двинулся вперед и занял высоты, которые днем занимал противник.

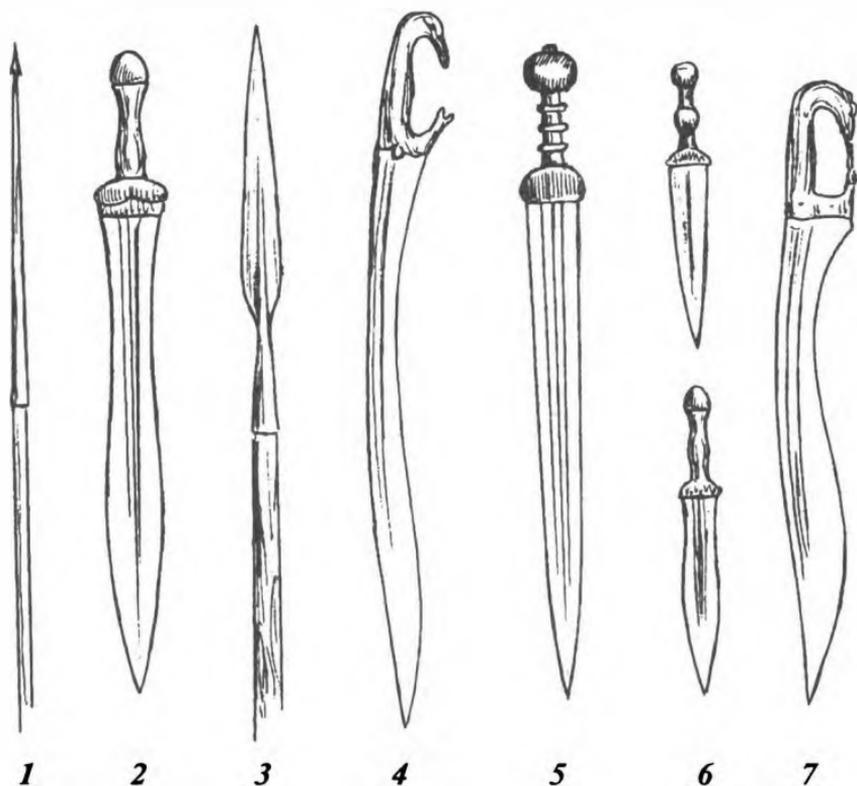
На рассвете враги обнаружили воинов Ганнибала на своих позициях и сначала решили отказаться от мысли о нападении на его войска. Но затем, увидев вереницу лошадей и мулов, нагруженных припасами и медленно бредущих по проходу, они напали на карфагенян, сопровождавших вьючных животных. Нападение было неожиданным и произведено с разных сторон: охрана обоза понесла большие потери. Противник истребил массу вьючных животных, многие из которых погибли, срываясь со склонов. Внезапное нападение породило панику. Сам проход был довольно узким и с одной стороны ограничен глубоким провалом, в котором гибли и лошади, и люди.

Часть раненых лошадей и мулов, обезумевших от боли, повернула назад и внесла хаос в колонну, двигавшуюся по проходу; другие животные, обгаренные кровью, понеслись вперед и врезались в ряды наступающих аллоброгов. Ганнибал, наблюдавший за всеми этими событиями, понимал, что в случае потери провианта он рискует потерять и ту часть армии, которая у него осталась. Поэтому, увлекая за собой воинов, он ринулся спасти колонну, которая двигалась среди теснин. Его воины, занявшие ночью высоты, господствовавшие над местностью, обрушились на врага сверху и причинили ему немалые потери. Сами карфагеняне потеряли многих в результате той неразберихи, которая царила в охваченном боем ущелье.

Аллоброги, уцелевшие в этом побоище, обратились в бегство; поле боя осталось за Ганнибалом. Лошади и мулы с поклажей продолжили путь через перевал. Ганнибал, преодолев его, захватил город, в котором его противники укрывались на ночь. Он был расположен на другой стороне перевала; враг бежал из него, и карфагеняне захватили в городе большое количество вьючных животных, массу скота, предназначенного на убой, и много пшеницы. Теперь вся армия была обеспечена провиантом на 2—3 дня. Что еще более важно, своей победой Ганнибал навел такой страх на местные племена, что больше никто не помышлял о нападении на его войско. Ганнибал остановился лагерем у захваченного города и провел здесь целые сутки.

Таким образом, на первые три дня перехода по Альпам приходятся следующие события: в первый день карфагеняне подошли к проходу Гримон и ночью заняли его командные высоты; на второй день состоялось сражение — противник был разбит, а его город захвачен; на третий день приходится отдых в захваченном городе. Хотя Полибий весьма скуп на детали,

мы можем из его рассказа сделать важные выводы: первое сражение имело место во время перехода через Гримон; город, который позже захватил Ганнибал, имел для его противников важное значение и был расположен относительно далеко от места боя — по другую сторону горного перевала, которым шли карфагеняне. Кроме того, Полибий сообщает нам важную уточняющую информацию: в своем начале проход представлял ущелье и дорога шла между скалами с одной стороны и глубоким провалом — с другой; на

Холодное оружие античности:

1 — дротик; 2 — гоплитский меч; 3 — копье; 4 — копис, греческий изогнутый меч; 5 — гладус, римский прямой колюще-режущий меч; 6 — кинжалы; 7 — фальката — испанский изогнутый меч

скалах можно было разместить вооруженные отряды, которые могли спуститься вниз и нанести неожиданный удар противнику. Далее к востоку ущелье переходило в крутые склоны, поросшие травой; там и развернулось преследование аллоброгов Ганнибалом.

И в наши мы можем видеть, что проход Гримон полностью соответствует описанию Полибия. Если двигаться по нему из долины Дромы, то сначала мы попадем в узкое ущелье Де Газ; именно здесь аллоброги напали на караван с провиантом; немного дальше ущелье переходит в лощину с относительно пологими, поросшими травой склонами, по которым могла маневрировать легкая пехота Ганнибала.

Описание захваченного города также позволяет сделать некоторые выводы. Город, в котором Ганнибал смог захватить провиант и фураж для всей армии на целых три дня, не мог быть расположен высоко в горах и, несомненно, находился в какой-то плодородной долине. Пройдя через Гримон, Ганнибал попал в долину реки Беш, которая является притоком Дюранса и в своем среднем течении орошает обширный плодородный регион с центром в городе Гап; здесь выращивались оливковые деревья — деталь, имеющая важное значение. Вряд ли возможно определить, какой именно город захватил Ганнибал; мы можем лишь отметить, что рядом с местом, где Беш впадает в Дюранс, в галло-римские времена располагался важный город Монс Селевкус, который сегодня называется Ла-Батье-Монсалеон. Он находится в 30 км от прохода Гримон. Нельзя утверждать, что Ганнибал захватил именно этот город, но интересен сам факт существования в ту эпоху достаточно крупного и богатого города, возникшего благодаря плодородию прилегающей к нему территории в столь труднодоступном месте. Кстати, Ла-Батье-Монсалеон находится в двух днях пути (если считать по выкладкам Полибия)

от прохода Гримон — их разделяют 30 км, и Ганнибал, принявший бой в проходе, через день должен был оказаться в том месте, где расположен этот город. Дав воинам на отдых один день и одну ночь, Ганнибал повел их на восток — все дальше в Альпы.

Дюранс

Оставив захваченный город, карфагеняне, по сообщению Полибия, в течение трех дней шли без всяких неприятностей, а на четвертый вновь повстречались с опасностью. Если считать от начала перехода через Альпы (т. е. от вступления войска Ганнибала в проход Гримон), то описываемые ниже события приходятся на четвертый, пятый, шестой и седьмой дни из тех пятнадцати, которые потребовались Ганнибалу для того, чтобы перевалить через Альпийские горы.

В соответствующем месте «Истории» Ливия дополнительно сообщается, что, вступив в Трикории (бассейн Беша в районе Гапа), Ганнибал шел по открытой, равнинной местности и не встречал препятствий, пока не дошел до реки, именуемой Дрюенция (Дюранс). Эта альпийская река была особенно трудна для форсирования; она не являлась судоходной, хотя и несла массы воды. Берега ее обрывисты, и течет она по многим руслам, которые не постоянны, но временами меняются, поэтому и постоянных бродов она не имеет. Переправа затрудняется и тем, что бурные воды реки несут грязь и камни, переворачивая порой валуны, виднеющиеся то здесь, то там из воды. Кроме того, в момент, когда Ганнибал подошел к Дюрансу, он разлился из-за дождей, и это еще более осложнило переправу.

Все эти подробности, сообщенные Ливием, согласуются и с описанием переправы, оставленным Тимагеном; едины эти авторы и в сообщении о том, что

Ганнибал прошел по области Трикории в среднем течении Дюранса. За месяц до этого Ганнибал уже переходил Дюранс в том месте, где он впадает в Рону, у Авиньона; теперь он форсировал реку в ее среднем течении. Важно учитывать время года, в которое карфагеняне переправлялись через Дюранс, и особенности рек в этой части Галлии в данный период.

Даты передвижений Ганнибала по маршруту его похода можно рассчитать следующим образом. И Полибий, и Ливий сообщают, что когда Ганнибал достиг проходов через главный альпийский хребет — а произошло это примерно через неделю после переправы через Дюранс в его среднем течении — на небе было хорошо видно созвездие Плеяд. Это был период, когда Плеяды четко видны на западе небосклона во время восхода Солнца на востоке; таким образом, дата может быть определена астрономическим путем. Этим вопросом занялся сэр Теренс Моррисон-Скотт. Учитывая преломление световых лучей в солнечной атмосфере, координаты места и положение созвездий на небосклоне, он установил, что для наблюдателя, находящегося на 45° северной широты (а она проходит почти точно по главному хребту Альп, разделяющему Галлию и Италию), Плеяды особенно четко видны 8 декабря. Но данное заключение ученого было верным только для 1954 года, когда он исследовал этот вопрос; ведь с 218 г. до н. э. до 1954 г. н. э. прошло 2 172 года, и за этот период звездное небо совершило часть поворота относительно полюса. Проведя дополнительные расчеты и внося коррективы, ученый пришел к выводу, что в 218 г. до н. э. наилучшая видимость Плеяд на западе небо в момент восхода Солнца на востоке была в данной географической точке 7 ноября. В античные времена этот день имел особое значение: он считался началом зимы и от него отсчитывали сроки различных сельскохозяйственных работ.

Если принять 7 ноября за дату перехода Ганнибала через главный хребет Альп, то можно сделать вывод, что через Дюранс он переправлялся в самом конце октября. Здесь точность даты важна потому, что она позволяет получить дополнительные доказательства того, что Ганнибал переходил именно Дюранс, а не какую-то другую реку. Как уже говорилось, от Альп к Роне текут только две реки — Изер и Дюранс, и Ганнибал мог дойти до главного альпийского хребта только по долинам одной из них. Эти реки отличаются по степени полноводности в разные времена года. Изер в основном питают ледники и снежные поля, которые активно тают в летние месяцы, с апреля по август; в этот период Изер достигает пика полноводности. С сентября по март — осенью и зимой — его полноводность минимальна, так как выпадающие дожди и снега удерживаются ледниками и снежными полями до наступления весны. Наименьший уровень воды в Изере наблюдается именно в октябре, и переправа через него не вызвала бы у Ганнибала никаких трудностей.

Дюранс питается ледниками лишь отчасти, т. к. расположен значительно южнее Изера. Ледники и снежные поля в его верховьях невелики и тают раньше. В результате Дюранс достигает пика полноводности два раза в год: в апреле — июле, когда происходит таяние льдов и снегов, и в октябре — декабре, когда идут дожди и лишь незначительная часть влаги удерживается ледниками, а большая попадает в ручьи, питающие Дюранс. В конце октября, таким образом, Дюранс наиболее полноводен. Ливий и Тимаген говорят о трудной переправе, следовательно, Ганнибал переходил именно Дюранс.

Перейдем к вопросу о горных проходах. Страбон приводит следующий список проходов в Альпах, соединяющих Галлию и Италию:

- 1) проход через земли лигуров;

2) проход, ведущий к Тауринии (Турину), которым шел Ганнибал;

3) проход через земли салассиев;

4) проход через территорию раециев.

Заметно, что список составлен в географическом порядке — с юга на север. Первый из проходов — не что иное, как древний торговый путь, пролегающий вдоль побережья Средиземного моря у подножий Приморских Альп и ведущий в Геную; третий — это перевал Малый Сен-Бернар, ведущий в долину Дора-Бальтея, где жило племя салассиев; четвертый, вероятно, Большой Сен-Бернар, потому что собственно Раэция находится на востоке Швейцарии, но римляне включали район, где расположен проход Большой Сен-Бернар, в состав своей провинции Раэция (Rhaetia). Второй проход должен находиться где-то севернее первого, но южнее Малого Сен-Бернара. Имеется только одно указание: он ведет к Тауринии (Турину), и это позволяет предположить, что ведет он из бассейна Дюранса. Слова о пути «которым шел Ганнибал» встречаются не во всех манускриптах и могут быть позднейшей вставкой в текст Страбона, однако и Марк Теренций Варрон, который дополнял и подтверждал сообщения Полибия, составил список проходов в Альпах в следующем виде:

1) вдоль моря через Лигурию;

2) которым шел Ганнибал;

3) которым шел в Испанию Помпей;

4) которым шел Гасдрубал;

5) через Грайанские Альпы.

Здесь первый из проходов — путь вдоль Средиземного моря, пятый — через перевал Малый Сен-Бернар, третий — через перевал Мон-Женевр, что можно определить по дополнительным сведениям у Аппиана и Страбона: они пишут, что перевал, по которому шел Помпей, находится недалеко от истоков Дюранса (впа-

дающего в Рону) и Дора-Рипарии (впадающей в По); сам Помпей в своем письме сенату, которое приводит Саллюстий, сообщает, что прошел не тем перевалом, по которому двигался Ганнибал, а более удобным; четвертый, предположительно, проход Мон-Сени — наиболее удобный между Малым Сен-Бернаром на севере и Мон-Женевром на юге. Остается проход, который Варрон назвал вторым; он должен находиться несколько южнее перевала Мон-Женевр. Мон-Женевр — самый северный из проходов, ведущих из бассейна этой реки. Следовательно, отпадают все горные перевалы, ведущие в Италию из бассейна Изера: Малый Сен-Бернар, Мон-Сени и перевал Клапье, каждый из которых в разное время и разными авторами увязывался с именем Ганнибала.

Прежде чем закончить тему о Дюрансе, зададимся вопросом: почему Ганнибал переходил эту реку? Ответ содержится в сообщениях Помпея и Варрона — заслуживающих доверия свидетелей, которые заявляют: перевал Мон-Женевр, которым шел в Испанию Помпей, — и перевал, по которому прошел Ганнибал, — разные вещи. Если бы Ганнибал направлялся к Мон-Женевру, ему не надо было бы переходить Дюранс — он мог пройти вдоль реки до самого его истока, расположенного у самого Мон-Женевра, или он мог перейти реку гораздо выше по течению, где она представляет собой широкий ручей.

Причина, по которой Ганнибал перешел Дюранс в его среднем течении в октябре, когда он наиболее полноводен, состояла в том, что река преграждала ему путь к главному хребту Альп, за которым лежала Италия. Перейдя Рону, он шел на север к «Острову», затем вновь на север вдоль левого берега Роны до впадения в нее Дромы, и все это время Дюранс находился к юго-востоку от него; повернув на восток, он неизбежно должен был переходить эту реку еще раз.

Ганнибал подошел к месту переправы через Дюранс на шестой день своего Альпийского похода. Далее перед ним открывались два пути. Первый лежал по долине реки Юбай, притока Дюранса, и вел к двум проходам в Альпах — перевалу Мари (южнее пика Монте-Визо) и перевалу л'Аржентер. Второй путь проходил по долине еще одного притока Дюранса — реки Гиль в район, который называется Шато-Кейра; отсюда по перевалу Траверсетт (севернее Монте-Визо) открывалась дорога, ведущая вдоль реки По в долину Пьемонта. Отбросив все проходы, ведущие из долины Изера, и учитывая, что Ганнибал не пошел через Мон-Женевр, мы приходим к выводу, что к главному водоразделу Альп Ганнибал мог идти либо долиной реки Юбай, либо через Кейра. Каким именно путем он двинулся — об этом мы вскоре узнаем.

Второе сражение в Альпах

Вернемся к повествованию Полибия. На седьмой день пути в Альпах Ганнибал вновь столкнулся с опасностью. Племена, обитавшие в местности, по которой шли карфагеняне, сговорились и решили обмануть Ганнибала. Они вышли навстречу войску с оливковыми ветвями и венками — символами дружбы (оливковые деревья растут в долине Дюранса, но их нет в долине Изера). Встретив такое проявление дружелюбия весьма недоверчиво, Ганнибал постарался узнать истинные мысли и намерения этих людей. Они говорили, то знают о захвате города и о том, что Ганнибал побеждает всех, кто дерзает встать на его пути, и клялись, что будут его друзьями. Вожди заявляли, что не причинят пришельцам вреда и не хотят сами пострадать от карфагенян и даже обещали дать Ганнибалу заложников.

Ганнибал не доверял туземцам и продолжал относиться к ним настороженно, но понимал, что нельзя отказываться от предложения дружбы — это могло сделать его врагами все альпийские племена. Таким образом, события развивались по плану варваров: стороны поклялись во взаимной дружбе, туземцы предоставили Ганнибалу заложников и доставили в его лагерь множество животных для прокорма воинов. Они заявили, что полностью отдаются во власть Ганнибала. Подозрительность Ганнибала несколько ослабела: когда вожди предложили ему проводников и воинов, он разместил их в авангарде своего войска и позволил им в течение двух дней вести карфагенян по труднопроходимой дороге, петляющей в неприступных горах. А между тем множество вооруженных варваров незаметно шло по пятам армии Ганнибала и неожиданно напало на карфагенян, когда они вытянулись в длинную колонну на узкой дороге, ограниченной с одной стороны высокими скалами, а с другой — глубоким ущельем.

Если бы Ганнибал полностью доверился туземцам, то его армия погибла бы вся до последнего человека. Но он ожидал чего-то подобного и принял некоторые меры предосторожности: слоны, кавалерия и выючные животные двигались во главе и середине колонны, а замыкала ее тяжелая пехота. Она сумела достойно встретить врага, и шока от нападения не наступило, а это позволило избежать крупных потерь. Тем не менее часть воинов погибла; потеряна была часть выючных животных и боевых коней. Варвары, засевшие на вершинах скал, обрушивали на карфагенян град камней, сбрасывали огромные обломки скал. Колонна войск Ганнибала была разорвана; сам он со своим авангардом сражался впереди, сдерживая натиск варваров, а остальные отряды пробивались к сво-

ему вождю под каменным дождем. Бой шел всю ночь, и только к утру все части войска Ганнибала соединились.

Некоторые дополнительные сведения сообщает Ливий. На узкой дороге, ограниченной скалами, армия Ганнибала была атакована врагами, которые из засад напали одновременно на тыл и голову колонны и ударили во фланг. Они разрезали колонну на две части и вклинились между ними. На следующее утро карфагеняне сумели отогнать противника, и обе части колонны соединились.

Наступил восьмой день перехода через Альпы. Враг отступил, и Ганнибал двинулся к проходам в самой высокой части Альпийских гор. Крупными силами варвары больше не нападали, но их небольшие отряды тревожили то тыл, то авангард Ганнибала и старались отбить от колонны вьючных животных, что им иногда и удавалось. Здесь Ганнибалу оченьгодились его слоны: он разместил их во главе колонны, и туземцы, уstraшенные видом этих чудовищ, не дерзали больше преграждать путь армии Ганнибала.

Конечно, проводники Ганнибала были предателями и вели его армию в коварно расставленную западню, где варварам было удобнее всего напасть на карфагенян. Они оказались в узком ущелье. С одной стороны колонны уходили вверх обрывистые скалистые горы, с которых варвары скатывали валуны и метали камни, с другой шло глубокое ущелье. Воины Ганнибала не могли контратаковать противника, как в первом бою в Альпах, и вынуждены были лишь защищаться.

Об этом ущелье необходимо сделать два важных замечания. Во-первых, где-то рядом с ним должны были располагаться долины, из которых торцы ударили во фланг карфагенской колонны. Во-вторых, на выходе из ущелья должна была возвышаться большая

одинокая скала, на которой, по сообщению Полибия и Ливия, укрепился со своим авангардом и отражал атаки варваров Ганнибал. Все это говорит о том, что Ганнибал, вероятнее всего, двигался долиной Гиля, ведущей в район Кейра, а не долиной реки Юбай. Именно в восточной части долины Гиля есть ущелье, которое полностью соответствует описанию Полибия и Ливия. У него обрывистые склоны, и в античные времена по одному из них примерно на середине высоты была проложена дорога. Римляне знали о ней и пользовались ею, о чем свидетельствует надпись на латыни, найденная в Лез-Эскойере. В надписи упоминаются три племени, обитавшие в Альпах — кариаты, давшие свое имя району Кейра, брицианты и савинкаты, отзвуки имен которых ясно звучат в названиях городов Бриансон и Савен.

Криаты были не кельтским, а лигурским племенем, одним из многих, которых оттеснили в эти дикие и труднопроходимые места Альп кельты-галлы, завоевывающие для себя Галлию. Ганнибал встречался с ними и их родичами и в самих Альпах, и на их восточных склонах. Лигуры были на ножах и с самими галлами, и со всеми, кто пытался проникнуть в места их уединенного обитания — этрусками, римлянами, а теперь и с карфагенянами.

Ущелье, по которому текут воды Гиля, соответствует описанию места, в котором произошло второе сражение Ганнибала в Альпах. Недалеко от входа в него находится дорога, ведущая с юга от перевала Вар; посреди него есть лощина, по которой бежит поток Кристийон, впадающий в Гиль; недалеко от выхода из ущелья есть два перевала — перевал Брамосс, ведущий на юг, и проход Изоар, ведущий на север. Дальше на восток посреди небольшой долины возвышается большая одинокая скала; вершина ее была голой, пока в средние века на ней не построили замок Шато-

Кейра. Все говорит в пользу того, что на пути к главному хребту Альп Ганнибал выбрал долину Ги́ла и прошел через район Кейра.

Переход через Альпы завершен

На девятый день перехода через Альпы Ганнибал подошел к горному перевалу через главный хребет и остановился лагерем на два дня (десятый и одиннадцатый), чтобы дать отдых своим воинам и подождать тех, кто отстал. За это время множество лошадей и вьючных животных, отбитых или отбившихся в пути, пришли в лагерь карфагенян.

Снег уже покрыл горы. Ганнибал видел, что многие воины упали духом — велики были тяготы пути, которые пришлось преодолеть, и не меньшие испытания ждали армию впереди. Он собрал воинов и использовал уникальную возможность показать им Италию, расстилавшуюся внизу перед ними. За двумя цепями гор лежала равнина, по которой струилась река По; отсюда открывался путь на Рим. Чтобы поднять боевой дух войска, Ганнибал напомнил, что на этой равнине их ждут дружественные галльские племена, которые окажут карфагенянам всевозможную помощь.

На следующий (двенадцатый) день Ганнибал свернул лагерь и начал спуск с Альпийских гор. Никаких врагов на своем пути он не встретил, но трудности пути, холод и снега причинили его армии урон не меньший, чем враги в ходе двух сражений в Альпах. Спуск был узким и крутым и покрыт снегом; люди и животные, оступившиеся или сошедшие с тропы, падали в пропасть и гибли.

Но воины, привыкшие к трудностям и лишениям, продолжали упорно идти вперед. Наконец войско достигло места, где не могли пройти ни лошади, ни слоны: узкая тропа была уничтожена гигантским опол-

знем шириной около 200 м, который успел покрыться ледяной коркой и снегом. Люди упали духом; колонна расстроилась и смешалась. Ганнибал осмотрел местность, надеясь увидеть пути отхода, но пошел густой снег, и видимость стала очень плохой.

Положение было хуже некуда. На поверхности старого прошлогоднего снега, слежавшегося и покрытого прочной коркой, скопился слой свежего, недавно выпавшего. Человек, пытавшийся спуститься по склону, проваливался через пушистое покрывало и начинал скользить, падая на колени и стараясь задержать падение в бездну с помощью рук. Лошади копытами пробивали наст, покрывавший прошлогодний снежный покров и вязли в нем, не в состоянии ни вытащить ноги, ни двинуться дальше, а между тем вьюки тянули их вниз. Ганнибал отказался от намерения спуститься по склону и приказал воинам разбить палатки прямо на тропе. Вперед были посланы отряды солдат, которые начали прокладывать дорогу на том отрезке тропы, который уничтожил оползень.

Ливий, рассказывая о походе, сообщает интересную подробность. Необходимо было убрать обломок скалы, принесенный оползнем и перегораживающий дорогу. Воины срубили деревья и обложили бревнами скалу со всех сторон, затем подожгли их. Гигантский костер, раздуваемый порывами ветра, раскалил камень. Когда костер догорел, скалу обильно полили уксусом; она дала трещины и стала легко крошиться, после чего ее разбили кирками. Наконец дорогу сделали проходимой для слонов и лошадей. Слоны жестоко страдали от голода — на голых вершинах Альп, покрытых снегом, нельзя было найти для них пропитания.

Ганнибал поднял армию и продолжал спуск. Равнины он достиг на третий день после выхода из прохода и на пятнадцатый с начала перехода через Альпы.

Придя на равнину, он дал своим воинам трехдневный отдых. Уцелело 12 000 африканской пехоты, 8 000 испанцев, 6 000 кавалерии и все 37 слонов. В ущельях и на перевалах, во льдах и снегах погибло столько же воинов, сколько от руки врага в двух сражениях и при переправах через реки. Римлянин Луций Синций Алимент, бывший пленником Ганнибала, сообщал, что, по словам самого вождя карфагенян, со времени перехода через Рону он потерял 36 000 человек. Вряд ли можно сейчас проверить эти данные, но, согласно Полибию, на Роне Ганнибал имел 38 000 пехоты и 8 000 кавалерии, значит, если после Альп у него осталось 26 000 человек, то за время перехода через горы он потерял 20 000 воинов. В любом случае, армия Ганнибала понесла очень большие потери.

Согласно Ливию и другим античным авторам, Ганнибал прошел через главный хребет Альп по тому проходу, который вывел его в земли племени тавринов и к их главному городу — Турину. Полибий говорит, что Ганнибал хотел заключить союз с этим лигурским племенем, но оно враждовало с галльским племенем инсубров, союзников Ганнибала, и отвергло предложение дружбы. Тогда Ганнибал осадил Турин и через три дня взял его штурмом. Все защитники города были перебиты — в назидание и устрашение другим местным племенам, которые поспешили явиться к Ганнибалу с выражениями покорности, предлагая всевозможную помощь.

Так, пройдя от Картахены за пять месяцев 1500 км, Ганнибал осуществил свой дерзкий план и привел карфагенскую армию в Италию по суше. У него было всего 26 000 воинов; однако он рассчитывал на помощь галлов, и его ожидания оправдались — армия получила пополнения. Однако Фабий Пиктор замечает, что уже в то время Рим в случае крайней необходимости

мог выставить до 750 000 воинов*. Поэтому, стремясь покончить с Римом, Ганнибал ставил перед собой задачу невероятной, грандиозной сложности.

К вопросу о «Ганнибаловом перевале»

Вопрос о том, каким именно перевалом воспользовался Ганнибал для того, чтобы пересечь главный водораздел Альп, был предметом дискуссий на протяжении двух тысяч лет, причем большинства участников спора в угоду своей точке зрения либо допускали ошибки, либо умышленно искажали факты и обстоятельства. Прежде всего, тексты древних манускриптов были искажены первыми издателями, выпустившими их в печатном виде. Их младшие современники, продолжавшие выпускать новые печатные издания, вставили в текст свое мнение о том, какой именно географический объект обозначен тем или иным названием у Ливия, Полибия и других античных авторов, что вносило еще большую путаницу (как это было с рекой «Скарас»). Мэры городов, расположенных в Альпах и их регионе, уверяли, что Ганнибал прошел именно через подведомственные им территории, надеясь привлечь туристов, дать толчок развитию бизнеса и получить дополнительные прибыли.

Некоторые ученые следовали такому принципу: выбирали горный проход — где был он ни находился в Альпах, — который наиболее соответствовал описанию древних авторов, и утверждали, что именно по нему Ганнибал преодолел главный хребет. При этом игнорировались факты, обстоятельства и соображения,

* Указанная цифра представляется очень завышенной. — *Прим. ред.*

которые могли бы опровергнуть их точку зрения. Другие отправлялись в Альпы, чтобы на месте осмотреть горные проходы и убедиться в том, что именно тот, а не другой был выбран Ганнибалом. Генри Маккензи сообщает, что в 1775 году генерал Роберт Мелвилл отправился в Грайские Альпы, чтобы осмотреть перевал, который он считал местом перехода Ганнибала. Этот факт говорит о том, что он игнорировал изложенные Полибием сведения о расстояниях отрезков пути Ганнибала и сообщения Ливия, Силия Италика и Тимагена, потому что этот путь добавлял к маршруту Ганнибала лишние 10 000 стадий (или 180 км) и, кроме того, он не мог привести его к Турину. В горах Мелвилл обогнал одного английского путешественника. Через два дня этот англичанин вновь встретил Мелвилла, возвращавшегося из Грайских Альп. «Что заставило вас повернуть обратно?» — спросил англичанин. «Я не смог перевести моих слонов через скалы», — ответил Мелвилл.

Мелвилл, по крайней мере, действовал методом исключения; другие просто выбирали перевал, который считали соответствующим описанию, и старались «провести через него слонов». При этом подвиду слонов не придавали значения, как и погодным условиям. Игнорировался и тот факт, что до начала преодоления перевала слоны Ганнибала «тренировались» в преодолении препятствий на протяжении пути в 1 000 км. Само использование слонов для доказательства той или иной версии о перевале кажется странным: если слоны преодолеют тот или иной перевал, то это еще не может служить доказательством того, что именно по нему прошел Ганнибал, и наоборот. Многие проходы итальянцы засыпали в эпоху Ренессанса, чтобы обезопасить себя от вторжений из Франции; не будем уж говорить о естественных, природных изменениях ландшафта за столь долгий отрезок времени.

Единственно приемлемыми методами исследования в данном случае являются следующие. Во-первых, критическая оценка сведений, которые содержатся в самых ранних из доступных нам манускриптов. Без этого любая попытка проследить путь Ганнибала будет не более чем игрой воображения. Во-вторых, использование естественнонаучных данных для рассмотрения альтернативных маршрутов, что позволит сразу отбросить варианты, не подходящие под описание по физическим, метеорологическим, ботаническим и другим признакам. Этот метод необходимо применить при рассмотрении каждого отрезка пути Ганнибала, шаг за шагом: переправа через Рону, прибытие на «Остров», начало восхождения в Альпы, переправа через Дюранс в его среднем течении — именно в таком, а не обратном, порядке. Окончательный вывод можно сделать, исходя из трех характеристик перевала: снег, выпавший в предыдущие зимы и слежавшийся до плотности льда, указывает нам минимальную высоту этого перевала; большие потери, которые понесла армия, говорят о его труднопроходимости и крутизне; особенно важно то, что с верхней точки этого перевала Ганнибал показывал своим спутникам долину реки По — далеко не со всех и даже не с нескольких перевалов в Альпах открывается этот вид.

Перевал должен быть достаточно высок, чтобы снег, выпавший в предыдущие зимы, не растаял в течение лета, а оно в Южной Европе на этих широтах достаточно жаркое, и слежался, покрывшись коркой льда, которая доставила воинам Ганнибала столько неприятностей. Нижняя граница многолетних снеговых полей проходит сегодня в Альпах на высоте около 3 000 метров. Конечно, две тысячи лет назад она могла располагаться и ниже, и выше — за этот период наблюдались колебания глобальной температуры и из-

менения климата, и поэтому цифра нуждается в уточнении применительно к 218 г. до н. э.

Есть четыре независимых метода, с помощью которых мы можем уточнить вопрос о колебаниях температур и изменениях климата. Первый основан на изучении ледников, рост или сокращение которых зависит от изменения температур и количества осадков. Границы древних ледников обозначены крупными валунами, которые имеют чаще всего иное геологическое происхождение, нехарактерное для данной местности, а также холмами, которые возникли в результате движения ледниковых языков. За XVI—XIX вв. ледники продвинулись дальше границы, которая существовала до XVI в.; а последнее крупное отступление ледников приходится на конец эпохи великого оледенения (около 10 000 лет назад). Таким образом, сегодняшние ледники Альп — это не останки великого ледника доисторической эпохи, а результат их разрастания в XVI—XIX вв. Сегодня, когда ледники снова отступают, они открывают нашему взору стволы поваленных деревьев — останки лесов, которые были накрыты ледниками в период их недавнего наступления. Некоторые стволы найдены на высоте более 2 250 метров. Даже сообщения древних не всегда могут помочь: Страбон, цитируя Полибия, пишет, что в Восточных Альпах были золотоносные рудники на землях таурисков, приносившие огромные доходы. Сейчас это область Высокий Тауэрн в Австрии; в средние века здесь интенсивно действовали золотые копи и вырос город Гольдберг. В XVII веке наступившие льды преградили пути к некоторым из этих рудников. Из всего сказанного можно сделать один вывод: в 218 г. до н. э. температура была не ниже, чем в наше время.

Второй метод исследует расположение в прошлом зоны лесов над уровнем моря в районах, где отсутствие лесов связано не с движением ледника, дея-

тельностью человека (например, земледелием) или просто использованием лесов на дрова. В Северной Италии сегодня граница лесов проходит примерно на 300 м ниже, чем в древности. Вергилий называет пик Монте-Визо, близ верховий реки По, «укрытая соснами». Сегодня на нем нет сосновых лесов, а Ганнибал, вне всякого сомнения, проходил рядом с Монте-Визо.

Третий метод основан на анализе ископаемой пыльцы растений, которую находят в пластах торфяников и озерных отложениях. Он показывает, что в зависимости от похолодания или потепления климата в отложениях разных эпох преобладает пыльца определенных видов растений, и позволяет заключить: за последние 3 000 лет максимальные температуры приходились на 550 г. до н. э. и 1 200 г. н. э.; в III в. до н. э. температура в целом соответствовала показателям XX в.

Четвертый метод предполагает изучение проб осадочных масс, взятых с большой глубины со дна Атлантического океана — в тех местах, где океанское дно не потревожено активной деятельностью человека. Количество карбоната кальция, содержащегося в пробах, зависит от температуры над поверхностью океана; зная возраст взятых проб и определив содержание карбоната кальция, можно определить наиболее теплые или холодные года далекого прошлого. В пробах, соответствующих середине VI в. до н. э. (550 г. до н. э.), карбоната кальция содержится примерно на 10 процентов больше, чем в осадочных отложениях XX в. Это значит, что мировая температура в те времена была на 1–2° выше, чем сегодня, а в 218 г. до н. э. незначительно ниже, чем в 550 г. до н. э., и незначительно выше, чем в наши дни.

Обобщив все изложенное, можно сказать, что во времена Ганнибала климат был не холоднее, чем в наше время, и граница снежных полей в горах пролегла не ниже, чем теперь; поэтому мы можем отбро-

силь следующие горные проходы, ведущие из бассейна Дюранса: Мон-Женевр (1854 м), уже исключенный свидетельствами Помпея и Варрона, и проход л'Арженгер (1995 м). Остаются два варианта: перевал Траверсетт (2950 м), к которому можно выйти из долины реки Гиль, и проход Мари (2654 м), путь к которому лежит по долине реки Юбай.

С точки зрения трудностей и опасностей проход л'Арженгер значительно превосходит перевал Мари. Дуглас Фрешфилд пишет, что подходы к перевалу Мари обладают «пологими, удобными для обитания склонами, пастбищами и полями для выращивания зерна». Это описание разительно отличается от картины того ущелья, где, по сообщению Полибия, состоялась вторая битва Ганнибала в Альпах. Но Фрешфилда это не смущает; он считает, что Ганнибал шел именно здесь, по проходу Мари, т. к. он «наверняка действовал рационально и выбрал не более высокий и трудный, но тот, что ниже и легче для прохода и расположен южнее». Вот пример того, как авторы, обладающие в общем-то хорошей репутацией, могут идти против очевидных истин, чтобы отстоять свою точку зрения.

Почти наверняка Ганнибал шел через Траверсетт, хотя это не значит, что, составляя план похода, он собирался идти именно по этому перевалу. Он был вынужден им воспользоваться в силу сложившихся обстоятельств; преданный проводниками, он, по словам Ливия, заблудился в ущельях Альп, многие из которых заканчивались непроходимыми завалами и были, таким образом, тупиками. Так как, по определению, горный перевал является местом, в котором хребет гор можно преодолеть на наименьшей высоте, то с высших точек большинства альпийских перевалов нельзя увидеть равнины, лежащие к востоку от Альп. Долина По видна с перевала Клапье, выйти к

которому можно только из долины реки Арк, но она является притоком Изера, и этот перевал мы исключаем — Ганнибал никогда не бывал в бассейне Изера. Давно известно, что долина По хорошо видна именно с перевала Траверсетт. В 1839 году Джейм Дэвид Форбс писал: «Вид, открывающийся с перевала, великолепен; видны даже холмы в окрестностях Генуи». Ему вторил Джон Болл: «Вид, неожиданно открывающийся в ясную погоду, поразителен: перед вами лежит вся долина По до самого Милана». О перевале Мари таких откликов не осталось, но известно, что и с него видна равнина по ту сторону Альп.

С перевалом Траверсетт есть одна неувязка: на максимальной высоте перевала дорога очень узка, и Ганнибал никак не мог собрать здесь всех своих воинов, чтобы показать им долину По. Очевидно, в тот момент с Ганнибалом были только командиры отрядов и другие ближайшие соратники, которые потом, по мере прохождения войска через высшую точку перевала, обращали внимание солдат на открывающийся перед ними вид и сообщали, что Италия совсем рядом. Таким образом, Траверсетт в наибольшей степени отвечает описанию перевала, по которому шел Ганнибал. К нему из долины Гиля ведет узкое дикое ущелье, он достаточно высок для того, чтобы сохранять многолетние снеговые поля, а спуск по нему в Италию опасен и определенно мог привести к большим потерям в армии Ганнибала. Этот перевал использовали в качестве прохода римляне, о чем говорит латинская надпись, найденная в Лез-Эскойере; по Траверсетту часто переходили Альпы в средние века, и в XV в. маркиз де Салу проделал сквозь него тоннель — несколько ниже вершины перевала, что облегчило последующие путешествия. Франциск I на пути в Италию перевез через Траверсетт свою артиллерию. И наконец, от Гримона через Траверсетт и затем долиной По до Салуц-

по ровно 220 км. Эта цифра вполне сопоставима с 1200 стадиями (или 213 км), которые приводит Полибий как протяженность пути Ганнибала через Альпы.

Если же Ганнибал шел перевалом Мари, то он должен был выйти к нему из долины реки Юбай южнее Шорже, а после Барселонетта повернуть не к проходу л'Аржантер (который он мог действительно перейти, сложись обстоятельства по-другому), а на север, и через Сен-Поль пойти к деревням Малассетт и Морин. Возле них начинается ущелье, за которым лежит перевал Мари, и тогда бой происходил бы здесь. Большой одинокой скалы на выходе из Мари нет, но на его северном склоне есть выступы известняка в виде больших утесов. Перевал Мари ведет в долину рек Майра, которая достигает равнины у Дронеро. Здесь, к востоку от Монте-Визо, жили багиенны, лигурийское племя, и их племенной центр, по указанию Птолемея, находился недалеко от Турина. Расстояние от Гримона до Дронеро через перевал Мари также составляет около 220 км. Где бы ни шел Ганнибал — по Траверсетту или Мари, — он в любой случае прошел рядом с пиком Монте-Визо, либо севернее, либо южнее его.

За пятнадцать дней перехода через Альпы Ганнибал прошел 1 200 стадий, т. е. по 80 стадий в день. С такой же скоростью он шел по долине Роны — 800 стадий за 10 дней. Если учесть, что на пятый и пятнадцатый день он не продвигался вперед, то скорость движения — по крайней мере авангарда — составляла около 20 км в день. В 58 г. до н. э. Юлий Цезарь с пятью легионами, набранными в Северной Италии, прошел с восточной стороны Мон-Женевра до границ с Воконтией (перевал Кабр) за семь дней, причем успел дать сражение на территории Трикории. По протяженности путь Цезаря был почти таким же, как маршрут Ганнибала, так что воины Ганнибала передвигались не медленнее, чем легионеры Цезаря.

И в заключение несколько слов о рассказе Ливия про скалу, которую сумели убрать саперы Ганнибала. Многие авторы высмеивали утверждение Ливия о том, что скала была разрушена с помощью огня и уксуса, не приводя при этом никаких доказательств. Однако этот эпизод изложен также у Тимагена и Аппиана. Плиний утверждал: если огонь не уничтожает камень, то, если полить глыбу водой, она растрескается, и, кроме того, валуны можно разрушать огнем и уксусом. Витрувий писал: «Камни, которые не могут взять железо и огонь, можно разрушить и превратить в пыль, если сначала раскалить, а затем облить уксусом». Метелл захватил город Элевтеру с помощью предателей, которые уничтожили одну из башен крепостной стены посредством уксуса; об этом рассказал Дион Кассий. В 1480 г. с помощью «железа и уксуса» был проложен тоннель в гребне перевала Траверсетт. В 1956 г. директор Британского музея естественной истории собственноручно провел эксперимент. Крупные блоки известняка обложили поленьями и подожгли. Когда дрова прогорели, камни облили холодной водой с 10-процентным содержанием уксусной кислоты. Понесся треск, и над блоками поднялось густое облако пара. Когда оно рассеялось, то ученые увидели, что блоки расколоты глубокими трещинами. Так что не стоит сомневаться в достоверности фактов практического характера, которые сообщают нам крупные античные авторы.

ГЛАВА IV. ГАННИБАЛ ГРОМИТ РИМЛЯН

Первая кровь римлян на земле Италии

Осада и взятие города тавринов коснулась только лигуров; римляне еще ничего не знали о появлении Ганнибала в Италии и не подозревали, что над ними нависла его тяжелая рука. В 218 г. до н. э. в Цальпинской Галлии началось восстание племен бойев и инсубров, недовольных образованием римских колоний в Плацентии, Кремоне и Мутинах. Галлы осадили Мутину. Армия римлян, которой командовал Луций Манлий, двинулась от Аримина, чтобы снять осаду, но галлы устроили засаду и нанесли Манлию тяжелое поражение. Остатки армии удерживала оброну на холме до подхода отрядов Гая Аттилия Серрана, которые пришли на выручку, после чего объединившиеся силы римлян сконцентрировались у Мутины.

Восстание бойев было, с точки зрения Ганнибала, преждевременным, но помогло ему в том смысле, что предотвратило отбытие в Испанию из Италии Публия Корнелия Сципиона; с другой стороны, если бы галлы не восстали, то Ганнибал вообще не нашел бы римских войск в Северной Италии, а он стремился к сражению. Удивительно, что римляне не верили в возможность перехода армии Ганнибала через Альпы

и не разместили на перевалах ни одного поста, не послали на разведку ни единого дозорного отряда.

В 218 г до н. э. у Рима было две армии. Первая, которой командовал консул Публий Корнелий Сципион, должна была отправиться в Испанию и уже выступила в поход, когда Сципион по чистой случайности узнал, что Ганнибал перешел Рону. Мы уже знаем, что, отослав армию в Испанию, сам Сципион вернулся в Италию, чтобы возглавить римские войска в северной части страны. Второй армией римлян командовал консул Тиберий Семпроний Лонг; она размещалась на Сицилии и должна была вторгнуться в случае необходимости в Африку. Карфагенский флот крейсировал вдоль берегов острова, угрожая Лилибею, и вдоль побережья Бруттия. Семпроний захватил Мальту и почти сразу после этого узнал, что Ганнибал в Италии, а ему приказано возвращаться в Рим с армией.

Перед тем как двинуться вглубь Италии, Ганнибал обратился к своим воинам с речью. Сначала он построил свое войско кольцом, приказал привести группу пленных и предложил им сразиться насмерть друг с другом парами — двое на двое — с оружием в руках. Тем, кто останется в живых, одержав победу, он обещал дать свободу, коня и оружие и принять в свое войско. Пленные согласились, и многие из них пали в этих импровизированных гладиаторских поединках. Здесь же Ганнибал выполнил свое обещание, а затем обратился к воинам и сказал, что это было не развлечение, но способ объяснить то положение, в котором оказалась армия карфагенян. Пленники согласились биться насмерть, потому что у них был только один выбор — победа или смерть. В таком же положении находится армия карфагенян в Италии, не имеющая опорных пунктов, окруженная смертельными врагами — римлянами, которые коварно лишили Карфаген его владений, островов Сардиния и Корси-

ка, именно в тот момент, когда он был обессилен и не мог помешать захватчикам. Ганнибал в этой речи показал себя специалистом по ведению психологической войны, цель которой заключается не только в подрыве воли противника к сопротивлению, но и в подъеме морального духа и решимости сражаться своих собственных воинов и союзников. После этого Ганнибал пошел вдоль северного берега По, ободряя инсубров и бойев своим приближением и разоряя земли тех галльских племен, которые сохраняли верность Риму. Навстречу ему двигалась римская армия — Сципион перешел По у Плацентии и тоже находился на северном берегу этой реки. Есть некоторые сомнения в вопросе о том, где же состоялось первое сражение между римлянами и карфагенянами, но произошло это у реки Тицина (ныне Тичина), которая вытекает из озера Лаго Маджоре и с севера впадает в По. Столкнувшиеся войска были представлены в основном кавалерией — 6 000 всадников со стороны карфагенян и 2 000 конников с отрядами копейщиков со стороны римлян. Копейщики размещались перед конницей римлян, но были смяты тяжелой кавалерией Ганнибала и бежали, в то время как легкая нумидийская конница ударила римлянам в тыл. Это сражение не относилось к разряду решающих, а больше походило на стычку, в которой римляне потерпели поражение, вели себя беспомощно и чуть не потеряли своего командующего — консула Сципиона, который был ранен, упал и попал бы в плен к противнику, если бы его юный сын (в будущем — знаменитый Сципион Африканский) с отрядом всадников не ударил на карфагенян и спас отца.

Итак, первая римская кровь пролилась; первое поле боя осталось за Ганнибалом. Римляне перешли на южный берег По и отступили, уничтожая за собой мосты. Отряды, которым было поручено разрушение

Римский кавалерист в бою

мостов, и авангард, прикрывавший отход римлян, были захвачены Ганнибалом. Он прошел вдоль берега По, построил мост из бревен, перешел на южный берег и направился к Плацентии, у которой занял позиции Сципион.

В те дни Ганнибалу дважды улыбнулась удача. За одну ночь к нему пришло более 2 000 галлов, перебежчиков из лагеря Сципиона, у которого они служили во вспомогательных войсках; перед уходом галлы перебили часовых — римлян. Ганнибал встретил их радушно и отправил по домам — как мы сказали бы сегодня, в целях агитации в свою пользу среди галльских племен. Второе событие было, пожалуй, еще более важным. Положение со снабжением провиантом было очень трудным, ведь карфагеняне пришли в Италию без запасов провизии, и никто не готовил ее к их приходу. Но у римлян в Класидии (Кастеджо) были большие запасы зерна, и Ганнибал уже хотел начать

осаду этого города, когда явились перебежчики и предложили ему и город, и зерновые запасы за четыреста золотых монет.

Требия

В нескольких милях к западу от Плацентии в По впадает река Требия, текущая с Апеннин на север; Сципион, стоявший в Плацентии, находился к востоку от Требии; на другой стороне реки стоял Ганнибал. Армия Семпрония Лонга, оставившая Сицилию, подошла к Аримину и затем соединилась с силами Сципиона; обе консульские армии оставались у Плацентии. Рана Сципиона вынуждала его передать командование войсками Семпронию Лонгу.

Сципион советовал ему быть осторожным, но последний пренебрегал подобными советами и рвался в бой, потому что Ганнибал продолжал разорять земли галльских племен, сохранивших верность Риму. Сочетая политику кнута и пряника, Ганнибал внушал вождям галлов, что он пришел, чтобы дать им свободу, что сами галлы призывали его и что теперь ему необходима поддержка с их стороны, прежде всего в виде фуража и продовольствия. Узнав, что римляне приготовились к встрече с ним, Ганнибал приказал легкой кавалерии использовать тактику ложного отступления и обратиться в бегство, когда римляне ударят на нее. Ганнибал хотел выманить Семпрония Лонга из лагеря и с укрепленных позиций на равнину и в одном сражении разгромить обоих консулов армии. Ганнибал знал, что Лонг вспыльчив и склонен к быстрым, но не обдуманым действиям. Ганнибал считал, что личные качества Семпрония заставляют его пойти в расставленную ловушку. Кроме того, приближались консульские выборы, и победа над Ганнибалом, как

Командиры римской армии: трибун, легат и знаменосец

думал Семпроний Лонг, добавит ему множество голосов избирателей.

Берега Требии достаточно круты и покрыты кустарником, который может служить для войск отличной маскировкой. Ганнибал тщательно обследовал местность и спрятал в кустарниках на берегу реки

2 000 пеших и конных воинов во главе со своим братом Магоном. Потом он приказал нумидийской коннице на рассвете перейти Требию, подойти к лагерю римлян и напасть на их передовые посты, после чего обратиться в бегство и, заманивая римлян, вновь перейти реку. Такова была ловушка, подготовленная Ганнибалом, и Семпроний Лонг угодил прямо в нее. Он послал своих воинов преследовать нумидийцев, не дав им позавтракать, не до конца проснувшихся и замерзших; когда же они пересекли ледяной поток Требии, то вышли на другой берег окоченевшими и неспособными к бою. Стояла зима и было очень холодно; казалось бы, что для воинов Ганнибала, выходцев из Африки и Южной Испании, худших условий быть не может, но он приказал своим людям плотно поесть перед рассветом, хорошенько разогреться у костров и намазать тела маслом. «Таким образом южане, выходцы из солнечных стран, обратили суровые условия зимы в свою пользу», — пишет римский автор Флор.

Когда легионеры перешли Требию, балеарские пращники обрушили на них град камней. Конница Ганнибала напала на кавалерию римлян и завязала ожесточенное сражение. Римляне не испугались слонов и не побежали, и тогда Ганнибал приказал перебросить слонов на свой левый фланг, где карфагенянам противостояли вспомогательные отряды, набранные из галлов. Галльская конница была смята и обратилась в бегство. Затем пришел черед Магона — он нанес неожиданный удар в тыл римской армии. Легионеры считали, что окружены, но продолжали сражение и начали пробиваться через пехоту Ганнибала назад к Требии, чтобы перейти ее и вернуться в лагерь, но большая часть добравшихся до реки утонула в ней. Шел сильный дождь, и видимость составляла всего несколько шагов. Остатки римских армий отступили к Плацентии и Кремоне. После этой победы Ганнибала те

галльские племена, которые занимали выжидательную позицию, решили перейти на сторону карфагенян. Около 60 000 галлов (многие на конях) явились к Ганнибалу, чтобы вместе с ним продолжать поход по Италии.

Флор сравнивал Ганнибала с молнией, которая прожгла себе путь через сердце Альп и обрушилась на Италию как кара небесная. В первый раз молния ударила по римлянам у Тицины, когда потерпела поражение римская армия во главе с одним из консулов. Сражение у Требии Флор назвал вторым ударом молнии. В битве у этой реки были разбиты соединенные силы двух римских консулов, и римляне поняли, что началась длительная ожесточенная война — Вторая Пуническая. Им предстояло пережить еще горшие потери и бедствия.

После сражения нумидийская конница продолжала совершать рейды по прилегающей местности, и Ганнибал попытался с ходу захватить город Платентию; но взять его не удалось, потому что в завязавшейся схватке Ганнибал был ранен и карфагеняне прекратили бой. Но город Виктумулы с многочисленным галльским населением, не пожелавшим изъявить покорность, Ганнибал взял и разрушил, а жителей истребил — для устрашения непокорных. Затем он двинулся к северным склонам Апеннин, собираясь проникнуть в Этрурию и склонить ее жителей на свою сторону, как и значительную часть галлов, но разыгравшаяся непогода помешала ему. К тому времени он потерял еще семь слонов из тех, с которыми перешел Альпы.

Римские консулы посчитали, что не смогут удержать Ганнибала на линии По, и, оставив гарнизоны в Плацентии и Кремонне, отвели свои войска на зимние квартиры. Сципион остановился в Аримине, прикрывая дорогу к Риму, идущую вдоль побережья Адриа-

тики, а Семпроний разместил войска в Лукке и Арретии, чтобы не допустить Ганнибала в Этрурию. Ганнибал зимовал в Лигурии, и его армии довелось вынести тяжелое испытание. Не хватало провианта и фуража; голодали не только люди, но и животные — слоны и лошади. Последние вдобавок ко всему заболели чесоткой, и Ганнибал велел лечить их, купая в старом вине и уксусе. Зимовку удалось пережить только одному слону, о котором мы еще поговорим несколько позже.

Тразименское озеро

На 217 г. до н. э. консулами в Риме были избраны Гай Фламиний Непот и Гней Сервилий Гемин. Фламиний был тем самым полководцем, под началом которого римские легионеры в 223 г. до н. э. без особого успеха сражались с инсубрами. Несмотря на это, он имел репутацию отличного солдата, доблестного и умелого, и человека, сведущего не только в военных, но и в политических вопросах (он был яростным противником аристократической партии), и находился в оппозиции к сенату. Его вступление в должность консула было несколько необычным: вместо того чтобы отметить это событие традиционными церемониями, посетить храм Юпитера, провести Латинские игры на Альбанской горе, предпринять гадания и принести жертвы богам на Капитолии, он отправился в Арретий и принял командование действующей армией. Его сопровождала толпа прихлебателей, которые надеялись урвать жирный кусок от той богатой добычи, которую сулила победа над Ганнибалом. Коллега Фламиния, Сервилий, принял армию, стоявшую у Аримина.

Армия Фламиния, состоявшая у Арретия, имела задачу не пропустить Ганнибала через удобные прохо-

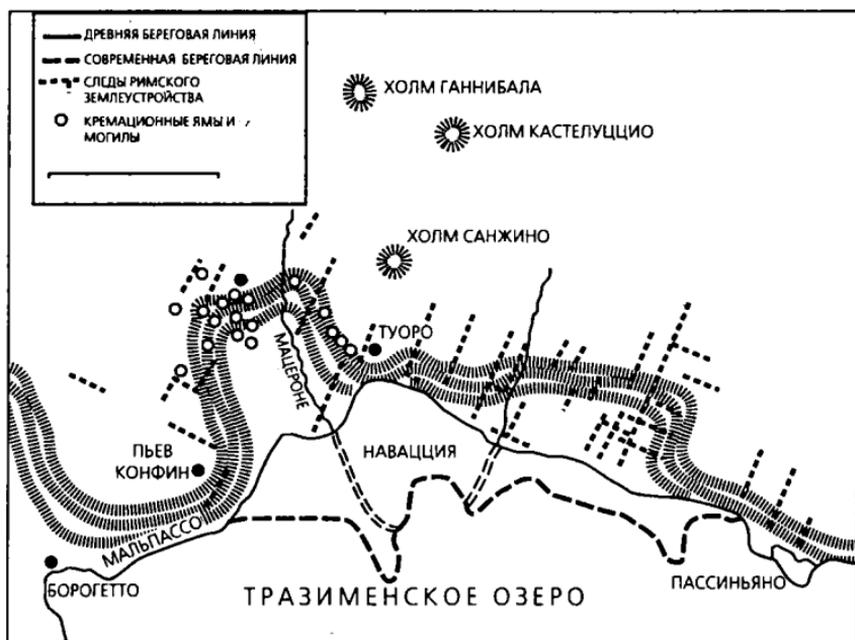
ды в Апеннинах на территорию Этрурии. Но Ганнибал не собирался двигаться этим путем. Он наслаждался шествием пленных, захваченных римлян обратил в рабов, а остальных италийцев распустил по домам без выкупа, чтобы они сообщили своим соплеменникам, что он обещает всем италийцам освободить их от римского ярма и воюет не против Италии, но против Рима. Затем (это было весной 217 г. до н. э.) он покинул долину По и пересек Апеннины, пройдя, скорее всего, по перевалу от современной Болоньи до Пистойи, и оказался в долине реки Арно. Арно сильно разлилась из-за таяния снегов в Апеннинах и притока в нее весенних ручьев, и низины вдоль ее берегов оказались затоплены, так что продвижение вперед давалось очень трудно. Ливий сообщает, что карфагеняне четыре дня шли по затопленной местности. Сухого места для палаток не было, и воины спали на поклаже и трупах выючных животных. Многие воины утонули или умерли от болезней, а сам Ганнибал из-за какой-то инфекции ослеп на один глаз.

Ганнибал ехал на единственном уцелевшем слоне, и этот слон вошел в историю, потому что несколько лет спустя Катон писал, что в битвах Второй Пунической войны, которые произошли на земле Италии, отличался храбростью слон по кличке Сурус. Ганнибал мог ехать только на нем, потому что уже к весне 217 г. до н. э. других слонов у него просто не было — они погибли во время первой зимовки в Лигурии. Сурус значит «сириец», именно в Сирии Птолемей захватил индийских слонов и затем передал часть животных Карфагену. На бронзовой монете, которая была найдена в долине реки Чиана (Ганнибал проходил здесь на пути к Тразименскому озеру), на аверсе изображена голова негра, что указывает на африканское происхождение монеты, а на реверсе — индийский слон. Монета отчеканена в пе-

риод описываемых событий, и поскольку Пирра с его слонами в долине Арно никогда не было, то, вероятнее всего, на монете изображен единственный из уцелевших слонов Ганнибала, на котором он и ехал — Сурус, индийский слон. Отличие этих животных, прежде никогда не виданных в этих местах, должно было произвести сенсацию; именно поэтому изображение слона встречается на монетах, отчеканенных в этот период, а также в скульптурных изображениях того времени.

Армия Ганнибала двигалась в следующем порядке: в авангарде — африканские и испанские ветераны, за ними — галлы, которым Ганнибал не доверял, зная их нестойкость в бою; тылы прикрывала карфагенская конница. Войско преодолело затопленную местность и вступило в плодородные районы Этрурии, богатые пшеницей и стадами скота. На глазах у Фламиния и его воинов, засевших в Арретии, Ганнибал принялся разорять этот благодатный край. Он надеялся, что Фламиний, человек заносчивый и вспыльчивый, потеряет контроль над собой и совершит нечто неосторожное. Ганнибал не пошел на Арритий и не стал нападать на римлян; вместо этого он прошел мимо города дальше на юг по направлению к Кортоне и Тразименскому озеру. Фламиний сразу же заглотил наживку: он отдал армии приказ выступить и преследовать Ганнибала. Офицеры штаба армии Фламиния убеждали своего командующего проявить благоразумие и двинуться на соединение с другой консульской армией, стоявшей у Аримина, но Фламиний и слушать ничего не хотел.

Долгое время историки спорили о том, где же именно в районе Тразименского озера произошло сражение и каким образом располагались войска противников. Споры эти, как оказалось, были пустой тратой времени: Джанкарियो Сузини обследовал озеро и его

Поле сражения у Тразименского озера

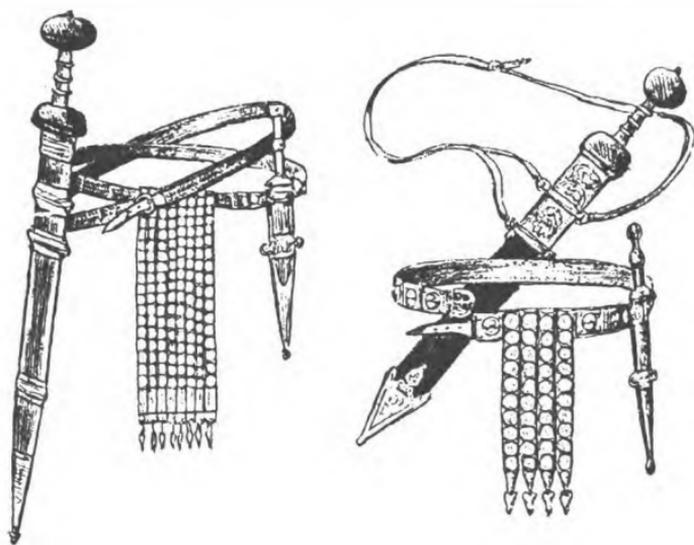
окрестности с помощью новейшей техники и установил, что во времена Ганнибала северная граница озера проходила не там, где она находится в наши дни. Сегодня между Боргетто (северо-западная оконечность озера) и Пассиньяно (северо-восточная оконечность) находится низкая равнина шириной около двух километров; она разделяет побережье озера и прилегающие холмы. Равнина эта возникла постепенно и представляет собой результат длительного природного процесса: река Мацероне за более чем два тысячелетия принесла массу отложений, которые, накопившись, и образовали эту низменность. Кроме того, в 1421 г. на юго-восточной оконечности озера был построен канал, отводящий его воды в реку Нестор; это также ускорило процесс образования равнины.

Местное население называет эту небольшую рав-

нину Навацца, что можно перевести как «бассейн» (или «большая лужа»). Аэрофотосъемка позволила увидеть, что люди отвоевывали землю у озера полосу за полосой, чтобы возделывать ее, постепенно отодвигая воды озера все дальше на юг. Кроме того, на фотографиях присутствуют следы римской системы землепользования: хорошо видны следы древних дренажных каналов и ям, которые делили землю в долине на равные участки площадью по 0,5 гектара, что составляло надел одной семьи. Однако видно и другое: дренажная система, созданная древними римлянами, не доходит до сегодняшней границы озера, причем местами древние каналы отделены от теперешнего берега 1,5–2 километрами. Все это пространство во времена Ганнибала было занято водами Тразименского озера.

Из сказанного следует, что битва происходила в нескольких километрах севернее нынешнего озера, в долине реки Мацероне, окруженной подковообразной грядой холмов, поросших лесом, в районе расположения деревни Санжинето и небольшого городка Туоро. Ганнибал подошел к долине с запада через проход Мальпассо. Часть армии он спрятал на лесистых склонах холмов, огораживающих долину с трех сторон: галльскую и карфагенскую конницу с западной стороны долины, а балеарских пращников — с восточной. Африканская и испанская пехота разбила лагерь на самом видном месте — на возвышенности у Туоро. Вскоре явился Фламиний со своей армией. Еще до начала прохода римлянам были явлены неблагоприятные предзнаменования. Когда Фламиний ссадился на коня, тот встал на дыбы и сбросил консула на землю; когда он отдал приказ поднять знамена — изображения орлов на длинных древках, — один знаменосец не мог извлечь древко своего штандарта из земли, куда он перед этим его воткнул. Поздно вечером он подошел к Борджетто и разбил лагерь. На следующее

утро римляне вошли в долину и прямо перед собой увидели разбитый на холме лагерь карфагенян. В этот момент, когда римляне находились у подножия холмов, на которых сейчас располагается деревня Санжинето, Ганнибал и захлопнул свою ловушку. Его воины обрушились с холмов на римлян и атаковали их с фронта, фланга и тыла. Путь назад для римлян был отрезан; местность была пересеченной, и легионерам не хватало пространства для маневра; Фламиний не имел даже возможности выстроить легионы в боевом порядке. За три часа 15 000 римлян погибло на том месте, где их застала атака карфагенян. Часть воинов Фламиния утонула в озере. Потери Ганнибала составили 1 800 человек, преимущественно галлов. Противники столь яростно сражались, что не заметили, как содрогнулась земля — именно в момент битвы произошло землетрясение, толчки которого явственно ощущались во многих городах Италии; несколько рек даже поменяли свои русла. Фламиний принял смерть

Римские мечи с перевязями и пояса с кинжалами

от рук инсубра, которого звали Дукарий; галл опознал в консуле того римлянина, который шесть лет назад вторгся в его страну и разорил ее, и пронзил Фламиния копьем. Следуя своему правилу, Ганнибал приказал разыскать тело консула, чтобы устроить почетное погребение, но труп Фламиния найти так и не удалось.

Римский авангард из 6 000 воинов, который еще до начала сражения начал взбираться на холм, где стоял лагерь карфагенских пехотинцев, сумел прорубиться через ряды противника и быстро двинулся на северо-восток к реке Нацционе, одному из притоков Тибра. По пятам римлян шла кавалерия под командованием брата Ганнибала, Магарбала. На следующий день римский авангард был окружен и взят в плен. Римских граждан оставили в плену, а жителей союзных Риму городов освободили и отпустили по домам. Описанный нами ход битвы и расположения двух армий подтверждается дополнительными источниками: археологическими и фольклорными. От подножия холмов Санжинето на западе до района Туоро на востоке найдено множество ям глубиной до 6 метров, в которых обнаружен пепел, содержащий, как показал анализ, органические останки. Эти ямы — не что иное, как погребальные рвы, в которые были свалены и сожжены тела 15 000 погибших римских воинов. В ямах найдены также наконечники стрел и копий. Конечно, такую массу трупов можно было похоронить лишь непосредственно на поле боя, и эти погребальные рвы позволяют нам точно локализовать место сражения у Тразименского озера.

К югу от Санжинето найдена еще одна группа захоронений. Некоторые из них содержат пепел и обгоревшие останки костей, в других обнаружены скелеты людей; у многих скелетов отсутствуют кости каких-либо конечностей (рук, ног) либо повреждены кости

черепа. Все скелеты принадлежат взрослым людям, и у всех сохранились зубы. Несомненно, что это захоронения карфагенян — они не сжигали своих мертвецов. В захоронениях не обнаружено оружия или доспехов — известно, что Ганнибал приказывал собирать на полях сражений все, что впоследствии может пригодиться его воинам. На месте сражения удалось найти лишь один бронзовый шлем, наконечник копья и несколько наконечников стрел.

В изучение битвы у Тразименского озера внес свою лепту и фольклор — имеются в виду названия, данные населенным пунктам и объектам народом. Многие из них оказываются не примером фольклорной традиции, а позднейшими спекуляциями; так, известно, что в Англии и Франции любую незначительную возвышенность, отдаленно напоминающую прямоугольник, в новое и новейшее время старались выдать за один из лагерей Цезаря. Однако Джанкарио Сузини нашел три топонима, несомненно связанных с битвой у Тразименского озера. Это название деревни — Санжинето, гора Монте-Санжиньо к северу от Туоро (оба названия имеют единый корень — «кровь») и возвышенность, которая называется Ганнибалов холм, откуда открывается вид на все поле боя; здесь, вероятно, во время сражения находился Ганнибал, наблюдавший за развитием боя и отдававший указания.

Катастрофа у Тразименского озера вскоре была дополнена еще одним несчастьем для римлян. Консул Сервилий, шедший на помощь Фламинию от Аримина, послал вперед отряд из 4 000 конников под началом Гая Центения. Узнав о разгроме Фламиния, отряд повернул назад, но был настигнут и окружен конницей Магарбала и частью погиб, частью попал в плен. Аппиан говорит, что произошло это возле Лаго ди Плестия, у прохода Солфиорито, ведущего от Фолиньо на восток, в страну пиценов. Туда же собирался

двинуться после победы у Тразименского озера и Ганнибал.

Политик и солдат

Ганнибал сломил организованное сопротивление римлян в Северной Италии, и теперь между ним и Римом не было больше войск противника. Весь полуостров был открыт перед ним, и он мог идти, куда хотел, в том числе и на Рим через Этрурию. Она относительно недавно потеряла независимость, признав верховенство Рима, и оставалась в тот момент незащищенной римскими войсками. Часто можно слышать недоуменный вопрос: почему Ганнибал, имевший на своем счету две таких блистательных победы, как Третья и Тразименское озеро, немедленно не пошел на сам Рим?

Подобный вопрос указывает на полное непонимание истинного положения Ганнибала и его подлинных целей, а также на незнание Ганнибала как личности. Военные действия всегда имеют политические последствия. Главной целью экспедиции Ганнибала было ограничение политического могущества Рима до такой степени, когда Рим уже не сможет угрожать благосостоянию Карфагена и ставить под вопрос его дальнейшее существование как самостоятельной и сильной державы. Ганнибал очень хорошо понимал, что римляне, народ гордый и упорный, не устроятся ни тактики террора, ни людских потерь. Он мог рассчитывать лишь на очень ограниченную поддержку с родины, а на практике почти совсем ее не получал; у него не было опорных населенных пунктов и портов, не было союзников — за исключением непредсказуемых и капризных галлов, которые одни из многочисленных племен Италии давали ему воинов,

провиант и фураж. В этой ситуации он не мог не прийти к двум выводам.

Первый вывод заключался в том, что его главной целью и единственной надеждой на успех является разрушение конфедерации городов и племен, созданной Римом; эта задача носила прежде всего политический характер. Все, что Ганнибал делал и предпринимал, служило именно этой цели, и военные действия являлись лишь инструментом, хотя и весьма эффективным, для выполнения поставленной политической задачи.

С учетом изложенного Ганнибал выбирал способы проведения военных операций. Армия его была невелика — всего около 40 000 воинов; у него не было осадной техники, а вся страна была покрыта укрепленными городами, в которых стояли римские гарнизоны. В случае крайней необходимости Рим мог увеличить свою действующую армию в 20 раз. Конница Ганнибала была великолепна, но люди и кони гибли, а заместить их бойцами столь же опытными и умелыми он не имел возможности. У него была хорошая пехота из карфагенян и испанцев, но и римские легионеры им не уступали, если не были лучше — вспомним хотя бы эпизоды прорывов римской пехоты из окружения при Требии и Тразименском озере.

В случае похода на Рим Ганнибала ожидало бы неизбежное и сокрушительное поражение. Город был защищен неприступными крепостными стенами, построенными между 378 и 325 гг. до н. э. Кроме того, римляне не принадлежали к числу народов, которые ошибочно полагают, что стены защищают людей; наоборот, они были уверены, что люди должны защищать стены родного города. Ганнибал, несомненно, являлся человеком, искушенным в вопросах истории войн и сражений, и не мог не знать о неудаче, которая постигла Деметрия Полиоркета. В 305 г. до н. э. Де-

метрий осаждал остров Родос, и хотя располагал штурмовыми башнями, стенобитными орудиями и катапультами, не смог сломить сопротивление родосцев, потому что их город снабжался всем необходимым по морю. Ганнибал не располагал осадной техникой, а Рим мог получать снабжение из Остии по Тибру, и Ганнибал был бессилён помешать этому, потому что не имел флота.

В чем римляне не могли превзойти Ганнибала, так это в полководческом искусстве, в планировании и осуществлении военных операций. Он неизменно следовал следующему принципу: войну надо вести таким образом, чтобы римляне никогда не могли предугадать его следующего шага и не знали, чего следует ожидать от противника, откуда обрушится следующий удар, и, как следствие, допускали ошибки. Ганнибал никогда не выпускал инициативы из своих рук, и во всех его операциях содержался элемент неожиданности. Перед тем как поразить противника оружием, он старался измотать ему нервы.

Для того чтобы с малыми силами добиваться побед, Ганнибал должен был вести войну в высшей степени маневренную. Статичная, позиционная война была для него неприемлема — в ее условиях он не смог бы проявить своего таланта и в конце концов дождался бы того момента, когда попадет в окружение к подавляюще превосходящим силам противника. Ганнибал же непрерывно двигался, используя хитрости, засады, ловушки и даже вероломство для достижения своих целей. Маневренная война должна была способствовать достижению перспективной политической цели — разрушению Римской конфедерации. Разоряя и опустошая земли союзников Рима, Ганнибал хотел показать, что Рим не в состоянии защитить их. От понимания этого факта до отхода вчерашних союзников от Рима и заключения соглашения с ним, Ганниба-

лом, один шаг — так думал карфагенский полководец.

Если принять все сказанное в расчет, то легче будет понять, почему менее одаренный военачальник Пирр мог позволить себе пойти на Рим, а военный гений Ганнибал — нет. За пятнадцать лет своего пребывания в Италии было два случая, когда римляне думали, что Ганнибал идет на Рим. На самом деле Ганнибал шел на Рим один раз, но затем отступил. В другой раз он совершил бросок на Рим, чтобы ввести римлян в заблуждение и заставить их военачальников изменить планы, но не преуспел в своем замысле, как мы позже увидим.

Пока война шла на севере Италии, галлы воздерживались от разорения собственной страны, но с перемещением театра военных действий на юг они предались безудержному грабежу. После победы у Тразименского озера Ганнибал прошел мимо Перузии (Перуджа); спорным остается вопрос о том, пытался ли он взять Сполетий (Сполето), но если и пытался, то это ему не удалось. Путь его лежал через Умбрию, где он разорил поместья римских колонистов, в Апулию. Здесь он остановился около города Луцерия, чтобы дать отдых своей армии. Апулия представляла собой благодатный и плодородный край. Ганнибал разослал по округе партии фуражиров, и они заготовили на зиму огромное количество корма для лошадей. Воины Ганнибала не просто отдыхали; расчетливый стратег, Ганнибал не терял времени и готовился к будущим боям. Изолированный на вражеской территории, он провел реорганизацию своей пехоты: внедрил в тактическую подготовку воинов римский опыт (который он имел возможность многократно наблюдать и которым восхищался), перевооружил их, используя захваченное у римлян оружие. По соседству с Апулией жили итальянские племена, относительно

недавно подчиненные Римом, и Ганнибал надеялся склонить их на свою сторону. Пока еще ни один город Италии не открыл ему своих ворот. Ганнибал выиграл один бой и два крупных сражения, разгромил консульскую армию, но римляне могли с гордостью заявить: ни одна Латинская колония, ни один город Италии не поддержал Ганнибала.

Фабий Кунктатор

Римляне никогда не пытались преуменьшать свои военные поражения. Когда произошла катастрофа у Тразименского озера и толпы взволнованных римлян в ожидании новостей осаждали здание сената, претор Марк Помпоний вышел к народу и сказал: «Римляне, мы проиграли большое сражение. Наша армия разбита, консул погиб». Сенат принял решение готовить город к обороне, восстановить и укрепить крепостные стены и разрушить все мосты через Тибр. Решено было также назначить диктатора; выбор сенаторов остановился на Квинте Фабии Максиме.

Фабий был аристократом, хорошим солдатом и полной противоположностью погибшего Фламиния, который пренебрег всеми церемониями вступления в должность и насмеялся над гаданиями накануне боя. Правда, Джанкарно Сузини полагает, что все отрицательные качества Фламиния сильно преувеличены древними авторами — ведь он был представителем оппозиции и противником сената. Как бы то ни было, Фабий Максим начал исполнение обязанностей с того, что строго запретил всяческие небрежения в церемониях, прежде всего религиозных. Он приказал извлечь книги пророчеств Сивиллы Кумской и тщательно их изучить. Оказалось, что жертвоприношение Марсу отправлялось неправильно, жертвы были недостаточны, и всю церемонию необходимо повторить.

Кроме того, для того чтобы умиловить богов, были приняты следующие меры: принесен обет о проведении игр в честь Юпитера, о постройке храма, посвященного Венере Эрицинской; введена общественная молитва богам о даровании победы; для богов был устроен «пир» – угощение и цветы были предложены изображениям Юноны, Нептуна и Минервы, Марса

Италия 218–216 гг. до н. э.

и Венеры, Аполлона и Дианы, Вулкана и Весты, Меркурия и Цереры. Был дан обет о принесении жертв богам Священной Весны, если будущей весной они даруют военную удачу Риму.

Затем Фабий Максим занялся военными вопросами. Как диктатор, он являлся и главнокомандующим; в его распоряжении была армия, которую Сервилий привел из Аримина в окрестности Рима. Фабий приказал набрать еще два легиона, и его армия по численности превысила карфагенскую (хотя конницы у римлян было меньше, чем у Ганнибала). Ожидая приближения Ганнибала к городу, римляне применили тактику «выжженной земли»: сжигали хлеб на корню, разрушали мосты, отводили жителей за стены городов. Между тем Ганнибал не собирался идти на Рим и оставался в Апулии.

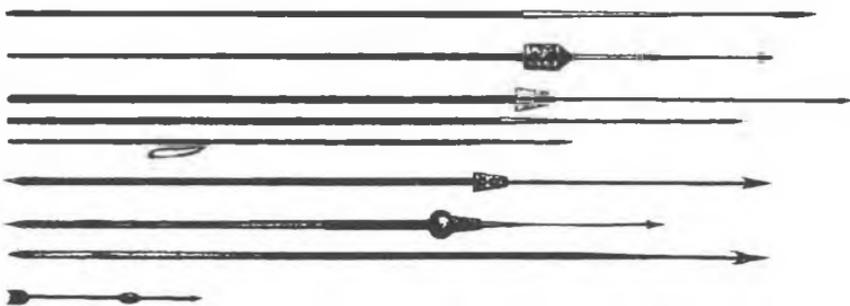
Хотя ни один союзник Рима не переметнулся к Ганнибалу, Фабий не собирался оставлять его в покое и предоставлять Ганнибалу свободу действий в чужой стране. Считая, что союзники должны видеть легионных орлов рядом с неприятелем, он двинулся с армией по Аппиевой дороге через Кампанию, Беневент и горы Самния в Апулию. Тактика и стратегия Фабия коренным образом отличались от методов его предшественников; он считал, что главный способ римлян вести войну — нападать первыми — в борьбе против Ганнибала не годится. Проанализировав все сражения, в которых Ганнибал побеждал римлян, Фабий понял, что этому противнику нельзя давать крупных сражений на открытой местности. Поэтому он располагал свои войска у подножия Апеннин, где кавалерия Ганнибала не могла обойти его, и нападал на небольшие отряды противника, выезжающие за провиантом и фуражом. Ганнибал использовал различные ухищрения, чтобы спровоцировать или втянуть Фабия в битву, но старый солдат твердо держал-

ся избранной линии и не спешил с принятием опрометчивых или рискованных решений. За это римляне дали ему прозвище Кунктатор — «Медлитель».

Не дождавшись отпадения каких-либо городов Рима, Ганнибал оставил Апулию и, пройдя мимо армии Фабия, через горы Самния и земли гирпинов, мимо Беневента, который закрыл перед ним ворота, пришел в Кампанию — практически тем же путем, по которому шел в Апулию Фабий. Этот переход он совершил по нескольким причинам. Кампания была самой плодородной областью Италии, и созревающий урожай Ганнибал хотел забрать для своей армии, а не отдавать его римлянам.

Здесь находились крупные морские порты — Кумы и Неаполь, из которых можно было наладить сообщение с Карфагеном. Крупнейшим городом Кампании была Капуя, наиболее влиятельный из союзников Рима. Благодаря разведке Ганнибал знал, что в Капуе сильна партия недовольных господством Рима, готовых вместе с ним выступить против римской гегемонии в Италии. Наконец, Ганнибал надеялся, что угроза, нависшая над Капуей, вынудит Фабия последовать за ним в Кампанию и на ее равнине дать карфагенянам крупное сражение.

Пройдя Беневент, Ганнибал двинулся вниз по реке

Разновидности римского пилума с V в. до н. э. по III в. н. э.

Калор, захватил Телезию, где находились большие запасы зерна, и подошел к реке Вольтурно, через которую переправился возле города Аллифы. Затем по какому-то перевалу он перешел гору, которую Полибий называет Эрибан, а Ливий — Калликула, и спустился на равнину Кампании. На северном берегу Вольтурно, рядом с городом Казилином, он разбил укрепленный лагерь, откуда нумидийская конница начала производить систематические грабительские рейды по округе. Римские солдаты могли лишь наблюдать за тем, как карфагеняне разоряют поместья — Фабий отдал строгий приказ не вступать в бой с противником.

И в армии, и в правящих кругах Рима тактика Фабия вызвала растущее недовольство. Ганнибал знал об этом и как мог способствовал распространению ложных слухов о Фабии. Он приказал не трогать поместий Фабия во время грабительских набегов, и в Риме стали открыто говорить о том, что Фабий вступил в сговор с Ганнибалом и предал отчизну. Между тем Фабий вел переговоры с Ганнибалом об обмене пленными; выяснилось, что пленных римлян у Ганнибала на 247 человек больше, чем захваченных карфагенян у Фабия. Фабий обещал Ганнибалу, что за этих воинов сенат заплатит выкуп, но сенат отказался платить, и Фабий заплатил из собственных средств, продав все свои поместья, не уничтоженные противником. Таким образом, он снабдил врага деньгами, и этот поступок отнюдь не способствовал росту его популярности в Риме.

Но Фабий все еще был диктатором и продолжал воевать так, как считал необходимым. Он последовал за Ганнибалом в Кампанию, разбил лагерь недалеко от Фалерн, у горы Массик — отсюда он контролировал дорогу, по которой Ганнибал мог бы пойти от Аллиф к Риму. Нельзя сказать, что с этой позиции он угрожал тылам армии Ганнибала, потому что у войс-

Знаменосцы римского войска и легионер

ка карфагенян не было тылов как таковых; Фабий опять уклонялся от сражения, в то время как Ганнибал опустошал земли союзных Риму племен и городов, ждущих от Рима защиты. Усыпив бдительность противни-

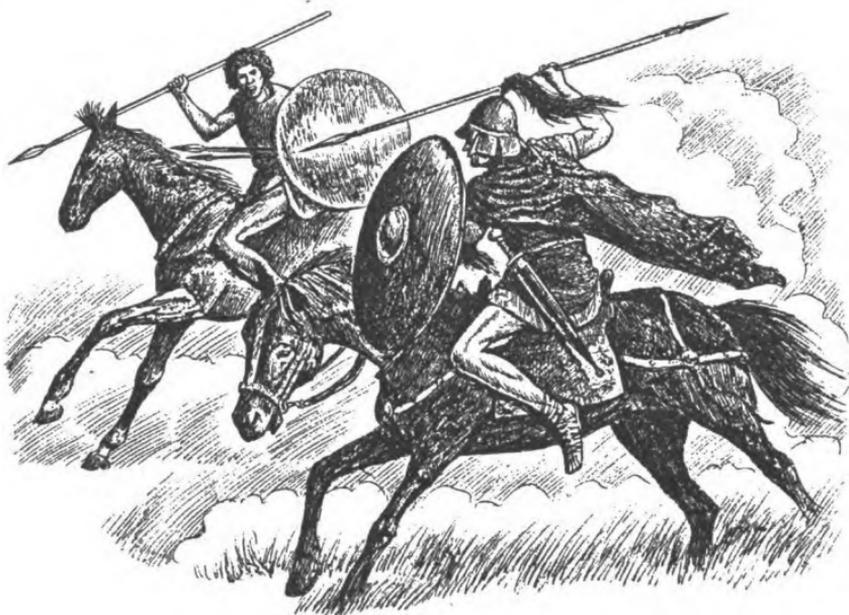
ка своим бездействием, старый хитрый Фабий приготовил Ганнибалу ловушку.

Равнина, на которую Ганнибал привел свое войско, с юга была ограничена рекой Вольтурно, не имеющей в этом месте бродов; переправиться через нее можно было через единственный мост, охраняемый отрядом римлян. На западе было море, на севере — Аппиева дорога, занятая армией Фабия, а Латинскую дорогу прикрывала сильная латинская колония Теан. На востоке находился горный проход, по которому Ганнибал пришел в Кампанию, и гряда высоких холмов. В этом проходе Фабий поставил отряд из 4 000 воинов, одновременно усилив гарнизон Казилина. Затем основную часть своей армии он также передвинул несколько восточнее — на случай, если Ганнибал решит уходить с равнины тем же путем, которым пришел. Ловушка была расставлена умно; все отряды римлян имели хорошее снабжение — с севера из Лация, с юга из Кампании, с востока из Беневента, и Кунктатор мог позволить себе спокойно ждать, что в этой ситуации предпримет Ганнибал.

Ганнибал тем временем анализировал сложившуюся обстановку. Он видел, что из всех возможных путей движения самым трудным является путь назад, через проход в горах, и знал, что, по убеждению римлян, он, Ганнибал, никогда не ходит одним и тем же маршрутом дважды, хотя они и надежно прикрывали перевал. Именно этим путем он и решил прорываться из западни, причем оставлять римлянам огромную добычу, скот и трофеи, которые карфагеняне собрали в Италии, Ганнибал не собирался. Операцию он начал с того, что бросил нумидийскую конницу на армию Фабия, занимавшую Аппиеву дорогу — римляне должны были подумать, что Ганнибал будет прорываться к Аллифам, откуда открывается путь на Рим. Фабий послал навстречу нумидийцам отряд во главе

с Гостилием Манцином, и после сшибки нумидийцы обратились в притворное бегство. Римляне преследовали противника, и в это время из засады по ним ударила тяжелая конница Ганнибала. Она отрезала отряд от основных сил Фабия и уничтожила его; сам Гостилий погиб. После этого карфагеняне подошли к лагерю Фабия, вызывая римлян на бой, но Кунктатор вызова не принял, так как полагал, что войско Ганнибала можно атаковать только в походе, причем не в лоб, а с тыла или фланга.

Затем Ганнибал осуществил план, который сделал бы честь и хитроумному Одиссею. Из захваченного скота он отобрал две тысячи быков и приказал воинам привязать к рогам животных сухие ветви деревьев и факелы. Посреди ночи их подожгли, а обезумевших от ужаса и боли животных погнали вверх по склонам

Конные воины эпохи Пунических войн: нумидийский всадник армии Карфагена и римский кавалерист

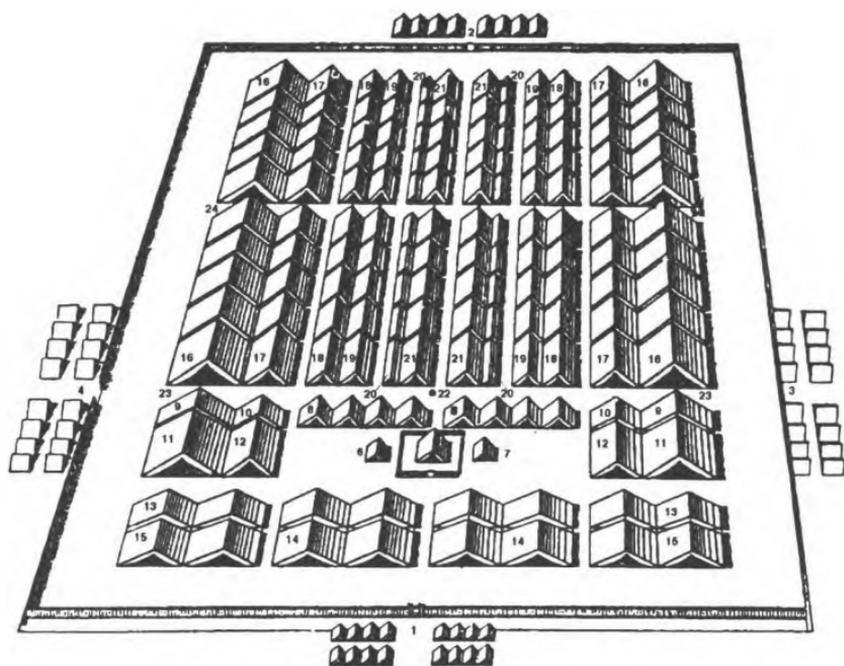
перевала, занятого римским отрядом. Животные лопались сквозь кустарник, покрывающий склоны, поднимая страшный шум, и римляне подумали, что армия противника пытается вырваться из окружения, карабкаясь по склонам на вершины холмов, чтобы обойти занятый проход. Поэтому римские воины оставили перевал и бросились на шум, производимый быками. Этого и ждал Ганнибал. Он послал вперед легкую пехоту, которая уничтожила небольшой отряд римлян, оставшийся сторожить проход, а затем поднял армию и повел ее через перевал. Фабий объявил тревогу и вывел войско в поле рядом с лагерем, но атаковать побоялся — нельзя было понять, что же на самом деле происходит, и он боялся угодить в одну из ловушек Ганнибала, тем более что события разворачивались ночью. Ганнибал спокойно вывел армию с равнины через открывшийся проход и спас всю добычу, провиант и трофеи. Пройдя с другой стороны горной гряды, он через несколько дней уже разбил лагерь недалеко от Аллиф.

Затем Ганнибал двинулся вдоль Вольтурно к Венафруму, откуда по восточной части Лация была проложена дорога на Рим. Он надеялся, что это обеспокоит Фабию, хотя на самом деле собирался идти через Самний и Апеннины на Сульмон (город, в котором родился Овидий). В походе он разграбил земли самнитов, пелигнов и френтанов, а затем подошел к апулийскому городу Геронию (севернее Луцерии), где у римлян находились большие запасы зерна. Жители Геронии не открыли Ганнибалу ворот, и он, взяв город штурмом, сравнял его с землей, перебил жителей, хлеб захватил и разбил рядом с пепелищем сильно укрепленный лагерь. Таким образом, он опять оказался в Апулии, на равнинах которой его кавалерия могла действовать совершенно безнаказанно, и поскольку наступила пора уборки урожая, занялся грабежами,

готовясь к зиме. Однако беспокойство не покидало Ганнибала. Все это время инициатива была у него в руках и он шел по Италии туда, куда хотел. Он обещал союзникам Рима независимость и показывал, что может и уничтожить их, и помогать им. Но до того времени ни один город не перешел на его сторону, и Римская конфедерация казалась более прочной, чем когда-либо.

Провал попытки Фабия поймать Ганнибала в ловушку привел к новым обвинениям диктатора в промедлении и нерешительности. Он продолжал идти по пятам Ганнибала и стал лагерем у подножия горы Кален, рядом с городом Ларин. Отсюда он уехал в Рим по государственным делам, передав командование армий начальнику конницы Марку Минуцию Руфу, который уже давно потерял терпение, считал тактику Фабия негодной и стремился вступить в сражение с Ганнибалом. Воспользовавшись отсутствием главнокомандующего, Минуций двинул армию к Геронию и стал лагерем недалеко от карфагенян. Зная все о характере Минуция, Ганнибал ожидал подобного шага и послал небольшой отряд занять холм, откуда можно было угрожать римскому лагерю. Минуций атаковал превосходящими силами, отбросил противника и перенес свой лагерь на отбитый холм.

Минуций осуждал тактику Фабия, однако сам следовал ей и опасался быть втянутым в крупное сражение. Ганнибал возобновил рейды фуражиров по округе, и Минуций выслал кавалерию для перехвата отрядов противника, а сам во главе пехоты атаковал лагерь Ганнибала, в котором воинов было меньше, чем обычно, но был отбит. Как бы то ни было, он показал, что может дать карфагенянам бой, и сенат предоставил ему такие же полномочия, как и Фабию, который вскоре вернулся к войскам. Таким образом, теперь было целых два диктатора, которые поделили

План римского лагеря (castrum)

1 — Преторианские ворота; 2 — Декуманские ворота; 3 — Правые ворота; 4 — Левые ворота; 5 — Преторий (палатка полководца); 6 — Форум; 7 — Квесторий (палатка квестора); 8 — Палатка трибунов; 9 — Палатка префектов союзников; 10 — Палатка легатов; 11 — Вольноопределяющаяся конница; 12 — Вольноопределяющаяся пехота; 13 — Специальные отряды конницы; 14 — Специальные отряды пехоты; 15 — Вспомогательные войска; 16 — Пехота союзников; 17 — Конница союзников; 18 — Гастаты; 19 — Принципы; 20 — Триарии; 21 — Римская конница; 22 — Жертовенник; 23 — Главный проход; 24 — Проход пятой когорты

армию, взяв каждый под командование по два легиона. Минуций вывел свои легионы и разбил на равнине отдельный лагерь. Перед лагерем Минуция была небольшая возвышенность, и ночью Ганнибал послал отряд, чтобы занять ее; это как он рассчитывал, спровоцирует Минуция на атаку. Между тем на правом

фланге равнины между возвышенностью и римским лагерем Ганнибал в неровностях местности спрятал отряды лучших воинов. Приманка сработала. Минуций атаковал возвышенность, к которой Ганнибал уже подтянул подкрепления; завязался бой. Ожесточение схватки нарастало, и Минуций ввел в дело все свои силы. Ганнибал двинул на врага тяжелую кавалерию. Стороны сражались с равным упорством, но на заходе солнца воины Ганнибала, спрятанные в засаде, нанесли неожиданный удар во фланг римлянам. Легионеров Минуция охватила паника; они обратились в бегство, преследуемые воинами Ганнибала. Но Фабий был рядом: со своими легионами он пришел на выручку и спас войско Минуция от уничтожения. Ливий сообщает, что Ганнибал так прокомментировал действия Фабия: «Наконец-то туча, столь долго клубившаяся на вершинах гор, разразилась грозой». Минуций построил своих воинов и перед их строем благодарил Фабия, просил у него прощения и называл отцом.

Ганнибал зимовал в своем лагере, римляне — в лагере у подножия горы Кален. Срок полномочий Фабия как диктатора истек, и командование войсками перешло к консулу Сервилию и Марку Атилию Регулу, который до новых консульских выборов выполнял обязанности погибшего консула Фламиния.

Канны

Вопрос о назначении диктатора на 216 г. до н. э. в Риме не поднимался. До новых консульских выборов войсками командовали действующие консулы Атилий Регул и Сервилий Гемин, сменив на постах Фабия и Минуция. Подготовка к консульским выборам сопровождалась острой конкуренцией между кандидатами на эту высшую государственную должность. Кандидатом от популяров выступал сын мясника Гай Терен-

ций Варрон, враг сената и аристократов-патрициев. Грубый человек и беззастенчивый демагог, но любимец плебса, он и был избран консулом. Кандидатом от патрициев выдвинули Луция Эмилия Павла, друга Фабия, хорошего военачальника, который в 219 г. до н. э. успешно воевал в Иллирии. Эмилий Павел также был избран консулом. Сенат постановил, что для борьбы с Ганнибалом армия увеличивается до восьми легионов; еще один легион под началом Луция Постумия Альбина направлялся в Цизальнинскую Галлию для наказания племен, которые дали воинов Ганнибалу; предполагалось изгнание части галлов с занимаемых ими земель.

В соответствии с римским обычаем, консулы командовали войском по очереди, через день. Эту абсурдную систему через две тысячи лет возродили Мальборо и Макс Баденский перед битвой у Бленхейна. Но если в свой день Макс бездействовал, а на следующий Мальборо совершал блистательные операции, то с Варроном и Этилием Павлом дело обстояло следующим образом: первый был бездарным военачальником, но рвался в бой, второй был опытным полководцем, но осторожничал.

Отправление должности консула Варрон начал с вызывающей, наглой речи, в которой обвинил сенат и консерваторов — аристократов в непозволительной затягивании войны; он заносчиво обещал покончить с Ганнибалом в первом же решительном сражении. Узнав об этом выступлении Варрона, Фабий Кунктатоп предрек римлянам еще одну катастрофу, более ужасную, чем у Тразименского озера. По его мнению, обстоятельства складывались для Ганнибала более чем благоприятно. Ему противостояла армия, наполовину состоящая из новобранцев, и командовали ею два военачальника, которые имели прямо противоположные взгляды на способ ведения военных действий и были

противниками в политике. Ганнибала заботило одно: запасы, сделанные на зимовку, почти истощились. Он оставил Героний и двинулся мимо Луцерии на юг, перешел реку Ауфид (Офанте) и захватил городок Канны, в котором находился склад зерна, заготовленного римлянами. Не так давно археологи раскопали руины этого апулийского поселения.

Захват Канн вызвал взрыв негодования в римском войске; настроения воинов, стремящихся в бой, всячески подогревал Варрон; но Эмилий Павел, командовавший в тот день армией, не захотел напасть на противника, опасаясь засады, Варрон был вне себя от ярости и обвинял коллегу в том, что он упустил отличную возможность одержать победу и закончить войну. Оба консула высказали друг другу много обвинений, причем Эмилий Павел напомнил о судьбе Семпрония и Фламиния, а Варрон заявил, что Фабиева политика промедления и выжидания не дала никаких положительных результатов.

Ганнибал прибегнул к еще одной хитрости. Ночью он вывел своих воинов из лагеря на равнину с одним оружием в руках; все запасы, трофеи и сокровища были оставлены в лагере, в палатках; в лагере горели костры, но стражи поставлено не было. По замыслу Ганнибала, римляне должны были подумать, что он ушел, пытаясь избежать сражения. На деле же он спрятал армию за холмами и собирался напасть на римлян, когда они примутся грабить лагерь. На рассвете римские разведчики пробрались в лагерь противника и увидели, что он пуст, но заподозрили ловушку. Они доложили обо всем Варрону; римские воины кричали, что надо напасть на лагерь, и были на грани мятежа, но Варрон колебался, хотя с радостью отдал бы приказ о нападении. Решено было прибегнуть к гаданию, и его результаты оказались неблагоприятными: священные куры в золотых клетках

отказались от предложенного им корма. Тем временем в римский лагерь явились два воина, бежавших из плена, и сообщили, что армия Ганнибала спрятана за холмами и ждет, когда римляне нападут на лагерь противника. На этот раз приманка не сработала.

Хотя битва у Канн и была одной из важнейших в истории, до сих пор не совсем понятно, в каком именно месте она происходила. Недавнее открытие М. Гервазно кладбища недалеко от Канн, казалось бы, дало ответ на этот вопрос, но, хотя генерал Д. Лудовико утверждал, что здесь и произошла битва, тщательное изучение примерно 170 скелетов показало, что кладбище — средневековое. Как утверждают археологи Фернандо Берточчи и Джузеппе Генна, захоронения вообще не содержат оружия, но в них найдены византийские ушные кольца X в. н. э., монеты Романа II Младшего и Иоанна I Цимисхия, относящиеся к 959—976 гг. Далее, скелеты представляют собой останки людей самого разного возраста — детей, девочек и мальчиков, подростков, взрослых и стариков — женщин и мужчин. Нет ничего удивительного в том, что у Канн находилось большое кладбище: этот город был ключом ко всей Апулии, а равнина возле него — местом многих сражений. В 861 г. здесь ломбардцы сражались против салернцев, а через десять лет — против сарацин; в 1018 г. византийцы разбили норманнов, которые в 1041 г. здесь же взяли реванш; в 1083 г. Робер Гискар захватил и разрушил Канны.

Из древних манускриптов не ясно даже, на каком именно берегу Ауфида состоялась битва — на левом или правом, но Невло Деграсси указывал, что это несущественно, потому что река часто меняла свое русло, что происходит с ней и в наше время. Он считает, что битва произошла недалеко от собственно города Канны, иначе ее назвали бы битвой у Ауфида, как было с битвами у рек Тицина, Требии и Метавра.

Полибий сообщает, что римская армия стояла лицом на юг, правый фланг был повернут к реке; армия же Ганнибала располагалась фронтом на север. Значит, сражение происходило на левом берегу Ауфида, где бы в то время ни находилось его русло; наше описание битвы построено на этом предположении.

Перед Каннами римляне разбили два лагеря — по одну и другую сторону Ауфида; лагерь на правом берегу реки располагался рядом с городом Канусий. В день командования Эмилия Павла события развивались вяло, произошла одна незначительная стычка. Маховик событий начал раскручивать Варрон, приняв командование утром следующего дня. Римская армия переправилась на северный берег Ауфида и выстроилась в боевой порядок лицом к реке и параллельно ей. Ганнибал перешел реку следом и построил свои войска лицом к римлянам и тылом к реке. Фланги армии Ганнибала были оттянуты к реке: у него было около 40 000 воинов, вдвое меньше, чем у римлян, и таким расположением войск он избегал их обхода солдатами противника. Солнце светило в спину карфагенянам и в лицо римлянам; кроме того, юго-восточный ветер нес на римское войско тучи пыли. В центре римского войска стояла пехота, на правом фланге — римская кавалерия под началом Эмилия Павла, на левом — кавалерия союзников под командой Варрона. Ганнибал на своем левом фланге разместил галльскую и испанскую конницу во главе с Гасдрубалом (это был тезка брата Ганнибала), на правом — нумидийскую конницу, которой командовал Магербал. Центр занимала галльская и испанская пехота, по бокам которой стояли отряды африканцев; ими командовали сам Ганнибал и его брат Магон. Чуть позже Ганнибал произвел в построении изменение: он выдвинул отряды галлов и испанцев, стоявшие в центре, навстречу противнику, так что

построение его войска напоминало лук, выгнутый в сторону римлян.

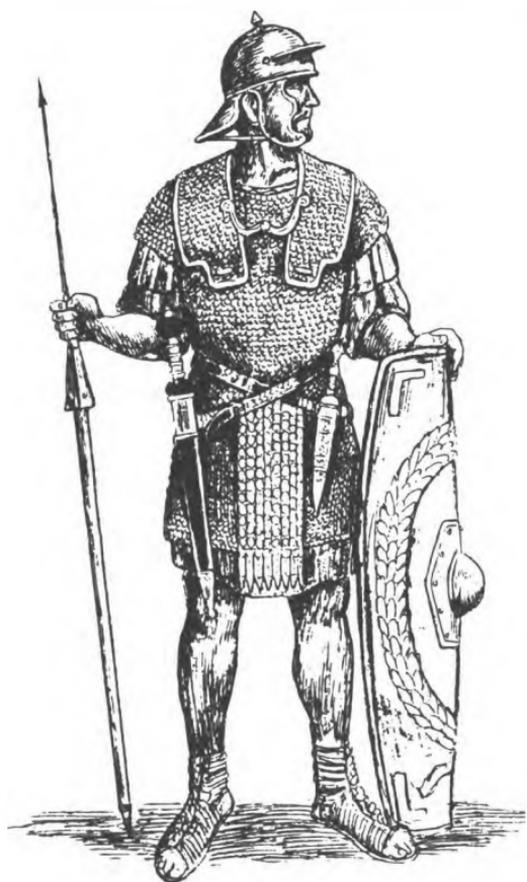
Перед сражением командующие, как обычно, обратились к воинам с речами. Плутарх рассказывает следующий интересный эпизод.

Проезжая перед фронтом армии карфагенян и поглядывая на огромную массу римской пехоты, один из соратников Ганнибала, Гискон, выразил озабоченность численным превосходством противника. Ганнибал ответил: «Есть одна вещь, Гискон, которой ты не заметил». Гискон спросил: «Какая же?» «Во всем этом скоплении людей, стоящих напротив нас, нет ни одного, которого звали бы Гисконом», — ответил Ганнибал. Эти слова взвали громкий смех у его спутников; так, смеясь и шутя, они продолжали объезжать строй своих воинов, которые, видя настроение своих командиров, воспряли духом.

Сражение началось столкновением конницы Гасдрубала (8 000 человек) и кавалерии Эмилия Павла (2 000 человек). Из-за тесноты многие римские конники спешили; постепенно воинов Павла оттеснили, они оказались зажаты между рекой и собственной пехотой и большей частью погибли. Конница Гасдрубала пронеслась позади и вокруг строя римской пехоты и обрушилась с тыла на кавалерию союзников Рима, с которыми уже сражались нумидийцы; союзники бежали с поля боя.

Тем временем римская пехота обрушилась на центральный выступ карфагенского строя и стала вдавливать его внутрь. Ганнибал лично наблюдал за происходящим; пока все шло по его плану. Варрон допустил грубую тактическую ошибку, построив в пехоту плотными рядами, без интервалов и промежутков, в виде прямоугольника. Он рассчитывал этой монолитной массой нанести сокрушительный удар по врагу, но тем самым лишил легионы их главных тактических

преимуществ — способности перестраиваться и маневрировать. Масса римской пехоты продолжала двигаться вперед, и сначала строй воинов Ганнибала выгнулся в противоположную сторону, а затем принял подковообразную форму, обтекая римлян с флангов и оставаясь перед их фронтом. Отряды Ганнибала были выстроены так, что на флангах римской пехоты оказались лучшие бойцы — ветераны-африканцы, и римляне оказались словно между молотом и наковальней. Карфагеняне стиснули римский строй и начали унич-

Легионер

тожать солдат противника, большая часть которых вообще не могла принять участия в сражении и просто стояла, ожидая своей участи. Когда же Магарбал прогнал последние остатки римской конницы с поля боя и со своей тяжелой кавалерией обрушился на тылы римлян, сражение превратилось в бойню. Римлян убивали там, где они стояли, не давая ни одного шанса на спасение. Две консульских армии усиленного состава были уничтожены.

Потери сторон оценить трудно. Древние авторы сообщают, что Ганнибал потерял 6 000 воинов, римлян же было истреблено 70 000. Погиб консул Эмилий Павел. Во время боя, увидев, что он ранен и обливается кровью, военный трибун Грей Корнелий Лентул предложил Павлу своего коня, чтобы он спасся и гибелью консула не усугублял постигшую Рим катастрофу. Но Эмилий Павел отказался и приказал Лентулу скакать в Рим и предупредить сенат, что он, Эмилий Павел, никогда не забывал его наставлений. Что касается Варрона, то он, бежав с поля боя, с остатками союзной конницы отправился к Венуссии. Гарнизоны двух римских лагерей сумели собраться в Канусии — около 14 000 воинов, во главе которых встал молодой военный трибун Публий Корнелий Сципион. Это было все, что осталось от огромной римской армии. Еще одна военная катастрофа обрушилась на римлян, как бы переполняя чашу постигших их бедствий: в северной части Италии легион Луция Постумия попал в засаду. Римляне двигались через лес по дороге, когда бойи внезапно перекрыли путь и вперед, и назад, завалив дорогу заранее подрубленными деревьями, а затем с флангов напали на римлян из лесной чащи. Постумий, избранный консулом на следующий год, погиб, а его два легиона уничтожены.

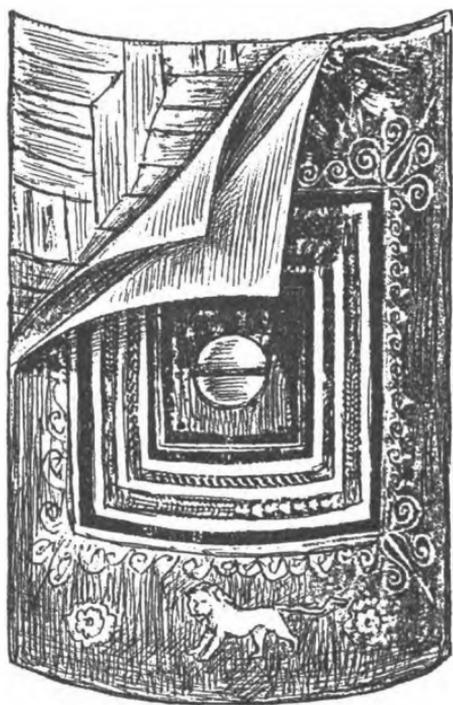
Некоторое время армия Ганнибала стояла на поле боя, собирая трофеи. Передают, что Ганнибал отпра-

вил в Карфаген три бушеля (мера веса) золотых перстней, снятых с убитых римских всадников. Тело Эмилия Павла карфагеняне нашли и предали почетному погребению с воинскими почестями. Пленных — три тысячи пехоты и полторы тысячи всадников — провели перед Ганнибалом. Тех, кто не являлся римскими гражданами, он отпустил по домам, а за римлян назначил выкуп: по 500 денариев за всадника, по 300 — за пехотинца и по 100 — за их слуг и рабов. Затем он отобрал десять пленных и послал в Рим, чтобы они сообщили сенату об условиях освобождения и размерах выкупа, но сенаторы отказались платить и заявили, что такие воины Риму не нужны. В конце концов Ганнибал отпустил пленных, а сенат отправил их в Сицилию, где в наказание они должны были служить, не получая платы. Когда же Варрон с остатками конницы приблизился к Риму, у ворот города его встретили сенаторы и магистраты и благодарили за то, что он спас хотя бы часть воинов и не потерял веры в победу и в республику.

В это тяжелое для Рима время сенат действовал сурово и решительно. Плач и стенания были запрещены, ношение траурных одежд ограничено, распространение слухов строго наказывалось, никому не разрешалось покидать город. Необходимо было умоливать богов, и сенат постановил вновь обратиться к Сивиллиным книгам пророчеств; Квинт Фабий Пиктор был направлен в Дельфы, дабы спросить оракула, какие особые молитвы и подношения следует обратиться к богам, чтобы небеса смилостивились над римлянами. Был проведен набор в армию; должники и преступники освобождены из тюрем, вооружены и зачислены в войско. На общественные деньги государство выкупило у собственников 8 000 рабов и сделало их солдатами. Все ремесленные мастерские изготавливали оружие. Марк Юний Перан был назначен

диктатором, Тиберий Семпроний Гракх — начальником конницы, а претор и ветеран Галльской войны Марк Клавдий Марцелл возглавил войска, стоявшие в Канусии.

Победа у Канн имела для Ганнибала особое значение, поскольку привела не только к военным, но и политическим последствиям: впервые Римская конфедерация, до этого казавшаяся монолитной, дала трещину. Многие города и племена после Канн перешли на сторону Ганнибала: Арпы, Салапия, Гердония и Узент в Апулии, многие города в Лукании, все города (кроме греческих) в Бруттии, пиценты, переселенные римлянами в район Салерна, гирпины, боль-

*Щит легионера — прямоугольный skutum:
состоялся из склеенных дощечек, а затем обтягивался
холстом и кожей*

шая часть самнитов (за исключением пентриев), а немного спустя — Капуя, главный город Кампании и важнейший из союзников Рима.

Ни одна латинская община не перешла на сторону Ганнибала. Латинские колонии Венусия, Луцерия, Канузий, Брундизий, Посидоний (Пест), Коза и Каль (Кальви) подвергались смертельной опасности, но твердо хранили верность Риму, как и греческие города Неаполь, Регий, Фурии и Тарент, и не только потому, что враждовали с племенами Лукании и Бруттия, которые переметнулись к Ганнибалу, но и в связи с чувством глубокой неприязни, которые взаимно питали греки и их соперники в торговле карфагеняне. За этими исключениями, практически весь юг Италии ниже линии реки Вольтурно — гора Гарган (на Адриатическом побережье) был в руках Ганнибала.

Капуя

В Италии Ганнибалу нужны были не только союзники, но и морской порт, который обеспечил бы поддержку людскими ресурсами, деньгами, хлебом, боевыми конями и слонами со стороны Карфагена. В Карфаген он отправил своего брата Магона — сообщить о достигнутых успехах и потребовать немедленной помощи, прежде всего пополнения людьми, ведь армия Ганнибала также несла потери, в то время как захваченные территории надо было удержать и продолжить войну с Римом, нанося ему все новые поражения и расшатывая конфедерацию Рима.

Но в Большом Совете Карфагена у Ганнибала был враг — Ганнон (тезка его брата). Он приводил следующие аргументы: Ганнибал сообщает, что уничтожил римские армии, но просит пополнений; чего он попросит, если потерпит поражение? Он сообщает, что захватил два римских лагеря со всеми припасами, но

требует денег и хлеба; чего он потребует, если его собственный лагерь разграбят римляне? Он сломил могущество Рима в битве у Канн, но разве хоть один латинский город перешел на сторону Карфагена? Нет. С тех пор как Ганнибал ступил на землю Италии, дело не продвинулось ни на дюйм. В Испании Гамилькар вел войну, целиком опираясь на ресурсы этой страны; почему Ганнибал не может делать то же самое в Италии?

Однако вопреки всем усилиям Ганнона Большой Совет решил оказать Ганнибалу помощь, хотя и небольшую — четыре тысячи нумидийских конников и сорок слонов должны были отправиться в Италию. Также было решено переправить из Испании в Италию 20 000 воинов, но осуществить этот план не удалось: в Испании Публий Корнелий Сципион и его брат Гней нанесли поражение Гасдрубалу Барке и одному из Ганнонов и оттеснили их к югу от Эбро. Большой Совет оказался не в состоянии понять, где решаются стратегические задачи войны, и все свое внимание сосредоточили на Испании — ведь римляне там активизировались, а Испания была основным источником серебра для Карфагена. Стремление уберечь этот источник ослепило карфагенскую аристократию, и она не смогла понять, что помощь нужна прежде всего Ганнибалу, который добился первых серьезных успехов по разрушению конфедерации, созданной Римом. Ганнибал вынужден был довольствоваться весьма ограниченной поддержкой, а большая часть средств и воинов была направлена в Испанию. Но уникальная возможность спасти Карфаген и нанести поражение Риму еще не была упущена: на Сардинии началось восстание против римлян, и остров можно было захватить вместе с соседней Корсикой; для этого требовалось немедленно помочь восставшим. Бойи вновь подняли мятеж и могли поднять против Рима всех гал-

лов, живущих в Италии, этруски и умбры были готовы отшатнуться от Рима. Карфаген заключил договор с царем Македонии Филиппом V, который хотел захватить Эпир и высадить войска в Италии. Однако правители Карфагена не смогли использовать ни одну из этих возможностей.

От Канн Ганнибал двинулся на Самний, а оттуда — в Кампанию. Он хотел захватить Неаполь, крупный морской порт, но, увидев его крепостные стены, изменил намерения и двинулся к Капуе. В этом большом и богатом городе было две партии: одна состояла из приверженцев Рима, другая выступала за союз с Ганнибалом. Капуанцам предстояло сделать трудный, но неизбежный выбор. Они послали делегацию к Варрону, который стоял в Венусии, и просили о помощи против Ганнибала. Но Варрон заявил, что они должны прежде всего выполнить свой союзнический долг и сначала помочь Риму: дать деньги, хлеб, 30 000 пеших и 4 000 конных воинов; все это, как сказал Варрон, капуанцы легко соберут в Кампании. Подобные требования не могли не возмутить жителей Капуи, ведь Ганнибал стоял у ворот города со своей армией. Поэтому они изгнали римский гарнизон и заключили соглашение с Ганнибалом: Кампания переходила под власть Капуи, ее жители (за исключением добровольцев) не обязаны были вступать в войско Ганнибала, законы и устои управления в городе оставались неизменными, и Ганнибал передавал капуанцам три тысячи пленных римлян, которых они могли обменять на такое же количество своих сограждан, рекрутированных в римскую армию и посланных служить на Сицилию. Фактически эти 3 000 капуанцев являлись заложниками, гарантирующими лояльность Капуи по отношению к Риму. Заключив соглашение, капуанцы пригласили Ганнибала в город и устроили в его честь роскошный пир.

Измена капуанцев Риму была самым большим успехом Ганнибала, потому что этот успех имел политическое значение. Вслед за Капуей на сторону Ганнибала перешли два близлежащих города страны осков — Калация и Ателлы. В ознаменование нового союза в Ателлах была отчеканена монета с изображением африканского слона. Казалось, планы Ганнибала становятся реальностью.

К союзу с Ганнибалом склонялся еще один город, расположенный к востоку от Неаполя, — Нола. Большая часть его жителей считала, что в случае подхода Ганнибала надо открыть перед ним ворота города. Но в Нолах стоял римский гарнизон, да и Марцелл знал о насторожениях нолянцев и вовремя подошел к городу со своими легионами. Ганнибал тем временем попытался взять Неаполь, но безуспешно, затем разграбил город Нуцерию Алфатерну и появился перед Нолой, где уже стояли римляне. Впервые Марцелл сорвал планы Ганнибала: надеясь на то, что в Ноле у него есть тайные союзники, Ганнибал напал на город, но римляне дали ему отпор и заставили отступить.

Тогда Ганнибал обратил свой взор к Казилину. В этом городе находился единственный мост через реку Вольтурно, поэтому он имел особое значение для Ганнибала. Попытка захвата города с налета не удалась, и Ганнибал взял его в осаду. Римляне снабжали жителей Казилина провизией, отправляя ее в бочонках по течению Вольтурно; но карфагеняне разгадали хитрость и стали вылавливать бочонки из реки. Город был вынужден сдаться; Ганнибал отпустил римский гарнизон в Кумы, взяв выкуп по 7 унций золота с человека. Казилин он передал капуанцам, но оставил в городе карфагенский гарнизон, после чего отправился на зимние квартиры в Капую.

Неоднократно утверждалось, что роскошная жизнь

в Капуе подорвала моральный дух Ганнибала и его армии, что именно поэтому он не одерживал больше громких побед. В этой связи упоминается и старая байка о том, что он якобы собирался, но не решился после Канн пойти на Рим. Ливий сообщает, что Магарбал умолял Ганнибала без промедления двинуться на ненавистный город и убеждал его, что через пять дней он будет пировать на Капитолии. Когда же Ганнибал ответил отказом, то Магарбал со всем апломбом кавалериста, ничего не понимающего в осадах крупных крепостей, воскликнул: «Ганнибал, ты умеешь побеждать, но не умеешь пользоваться победой!»

Миф об утерянной возможности похода на Рим сопровождается столь же безосновательными утверждениями о том, что в Капуе Ганнибал предался утехам любви и поэтому отринул свои великие замыслы. Почву для этих домыслов подготовило одно из замечаний Аппиана: Ганнибал-де проводил время в непривычной для него роскоши и; что было ему вообще-то несвойственно, увлекся женщинами. Но подобное утверждение полностью опровергается Юстином, который сообщает: Ганнибал был настолько равнодушен к женщинам, что с трудом верилось в то, что он родился в Африке. Скорее всего, отрывок из Аппиана является примером римской пропаганды.

216 г. до н. э. стал годом наивысших успехов Ганнибала — и в военном, и в политическом плане; после этого удача начала постепенно отворачиваться от него. Для этого было много причин. Прежде всего, за два года трудных походов и тяжелых боев ядро его армии — африканские и испанские ветераны — понесло значительные потери, восполнить которые не представлялось возможным. Его армия пополнялась «подручным материалом», галлами и италийцами, и гений Ганнибала добивался того, что они становились настоящими солдатами, но все же это были не

те бойцы, что прошли с Ганнибалом из Испании через Альпы на землю Италии.

Кроме того, Ганнибал не только побеждал римлян; каждой своей победой он учил римских полководцев, как надо воевать, планировать и осуществлять операции. Римские военачальники оказались прилежными учениками в искусстве войны. Он и сам учился у римлян — быстро понял, что легионеры в плане подготовки, дисциплины и вооружения превосходят его пехоту, и переиначил свою армию на римский лад, копируя и подготовку, и тактику, и вооружение.

Особое значение имеет то, что римляне сражались на родной земле и дрались так, что как подобает настоящим патриотам. Что касается армии Ганнибала, то большая часть его воинов вообще не имела родины и не знала, что значит — за нее воевать. Они не являлись гражданами, подобно римлянам, а были наемниками — из Африки, Испании, Балеарских островов, Галлии, Лигурии, Италии, Греции — и преданы они были не какой-то абстрактной идее, а лично своему военному вождю — Ганнибалу. Воля и дарование лидера, которыми Ганнибал обладал в высшей степени, позволила ему в течение пятнадцати лет вести своих воинов по чужой земле, вдали от дома, и ни разу его солдаты не подняли мятежа, не выступили против своего военачальника, его многонациональная армия не раскололась изнутри и не распалась. Всего два раза из войска Ганнибала дезертировали отряды, и то небольшие — и это за 15 лет походов и сражений.

И, наконец, Карфаген фактически отвернулся от Ганнибала и предоставил его собственной судьбе. Удивительно то, что, несмотря на все эти трудности, Ганнибал так долго оставался непобедимым.

ГЛАВА V. РИМ ПРИХОДИТ В СЕБЯ

Разрушенные надежды

В последующие двенадцать лет Ганнибал продолжал передвигаться по Италии, одерживая победы в многочисленных схватках; но таких триумфов, как в первые годы войны в Италии, ему повторить не удавалось. Войско его несло потери, хотя и оставалось вполне боеспособным. Звезда Ганнибала и Карфагена медленно, но верно закатывалась; война превратилась в затяжную, в противостояние на истощение сил, и шансов на победу в такой войне у Ганнибала не было. Довольно утомительно описывать летние кампании, перемежаемые затишьями и стоянками армий на зимних квартирах. Эти двенадцать лет можно разбить на два периода: в течение первого, пятилетнего, Ганнибал старался удержать Капую, и второго, семилетнего, когда никаких надежд для Карфагена уже не оставалось.

Из двух консулов, избранных на 215 г. до н. э., один — Луций Постумий — погиб в бою с бойями, и вместо него был избран Марк Клавдий Марцелл, но он отказался от должности в связи с результатами гаданий, которые он посчитал неблагоприятными. В итоге консулами стали старый Квинт Фабий Максим и Тибе-

рий, Семпроний Гракх. Марцелл принял должность проконсула.

Теперь Рим воевал не только с Ганнибалом, но и с Капудей; основным театром войны стала Кампания. Фабий командовал двумя легионами, которые сначала стояли в Теане, а затем были переведены в Каль (Кальви). Гракх принял легионы в Синуэссе и оттуда пошел на Литерн, чтобы прикрыть Кумы и Неаполь; Марцелл с двумя легионами находился в районе Синуэссы, откуда мог защищать Нолу. Таким образом, в Кампании было три римских армии; четвертая, под началом Марка Валерия, стояла в Апулии, защищая Тарент и Брундизий, поскольку Ганнибалу все еще нужен был морской порт, и он мог напасть на эти города.

Именно с этой целью далеко на юге, в Бруттии, карфагенская армия под командованием Гимилькона осадила небольшой греческий город Петелию, который сопротивлялся восемь месяцев, но пал. Та же судьба постигла греческие колонии Козенцию, Локры и, после ожесточенного сопротивления, Кротон. Наконец у Ганнибала был морской порт, и в Локрах высадился Бомилькар с долгожданным пополнением из Карфагена — он доставил нумидийских конников и сорок слонов. Помощь была очень кстати — Ганнибалу противостояло восемь римских легионов, и хотя он набрал рекрутов в Самнии и Капуде, по численности его армия сильно уступала римской.

Новый театр войны почти лишил Ганнибала поддержки из Карфагена. Магон, его брат был готов отправиться с родины в Италию с 12 000 пехоты, 1 500 кавалерии, двадцатью слонами и тысячью талантов серебра. Но за помощью к Карфагену обратились жители Сардинии, а правители Карфагена очень хотели вернуть себе этот остров, пусть даже в ущерб стратегическим интересам. В то же время в Испании братья

Южная Италия и Сицилия 215–204 гг. до н. э.

Сципионы наступали на юг, от Эбро к Гвадалквивиру, и нанесли два поражения Гасдрубалу. В результате Магон с войском отправился в Испанию, а часть карфагенской армии оттуда была перекинута на Сардинию, где ее немедленно разгромили легионы Тита Манлия Торквата. На море Тит Отациллий нанес по-

ражение флоту Карфагена, но не смог предотвратить высадку Бомилькара в Локрах. Римлянам удалось захватить корабль, на котором македонское посольство возвращалось домой после заключения договора с Ганнибалом. Тайное стало явным, и римляне немедленно отправили в Брундизий флот под командованием Марка Валерия Левина, чтобы не допустить высадки в Италии войск царя Македонии Филиппа V. Оставалась еще Сицилия; здесь после смерти Гиерона, давнего союзника Рима, к власти в Сиракузах пришел его внук, юный Гиероним, который заключил союз с Карфагеном. Это также оттянуло часть ресурсов Карфагена, которые были отправлены не Ганнибалу, а на Сицилию.

Римские военачальники стремились окружить армию Ганнибала и измотать ее мелкими боями, не вовлекаясь в крупные сражения. Но Ганнибал сохранял инициативу, действуя из укрепленного лагеря на горе Тифата, в нескольких милях севернее Капуи. Капуанцы пытались захватить Кумы, но Гракх отбил их с большими потерями и сам занял Кумы. Ганнибал пришел к Кумам, чтобы взять город в осаду, но отступил, ничего не добившись. Тем временем Фабий, Гракх и Марцелл соединили свои армии и вернули многие города, переметнувшиеся к Ганнибалу. Марцелл с огнем и мечом прошел по землям луканов, самнитов и гирпинов, и те молили Ганнибала о помощи. Чтобы привлечь Марцелла Ганнибал снова пришел к Ноле и сделал вторую попытку захватить город. В Ноле у него были благожелатели, но попытка предателей сдать город не удалась, и после боя Ганнибал вернулся в свой лагерь на горе Тифата.

В Лукании один из соратников Ганнибала, Ганнон, сын Бомилькара, был разбит легатом Марцеллом Семпронием Лонгом, и отступил назад в Бруттий. Вскоре после этого произошел один из двух извест-

ный случаев дезертирства из армии Ганнибала: 1 200 нумидийских и испанских конников перешли к римлянам.

Вытесненный римлянами с большей части равнины Кампании, остро нуждаясь в продовольствии и фураже, Ганнибал оставил лагерь на Тифате и направился в Апулию, где стал на зимние квартиры в Арпах. Так закончился трудный для него год, в котором римляне начали возвращать потерянные ими территории. Интересно отметить, что римляне научились не ввязываться в большие сражения с Ганнибалом, они ни разу не напали на его войско на марше, а только следовали за ним, стараясь не допустить опустошения врагом слишком больших областей. Этой тактике они придерживались и в последующие годы войны в Италии.

Надежды продолжают рушиться

Союз с Капуей был самым крупным политическим успехом Ганнибала и единственной несомненной удачей в деле разрушения Римской конфедерации, но с военной точки зрения он имел только негативные последствия. Капуя повисла на шее Ганнибала подобно мельничному жернову, так как не могла самостоятельно противостоять римлянам, которые рвались с ней посчитаться. Капуанцы непрерывно засыпали Ганнибала мольбами о помощи, и он, опять же по политическим причинам, не мог им отказывать. Конечно, это мешало ему сохранять инициативу, привязывало к одному месту, а в конечном счете заставляло делать то, чего он никогда не делал раньше — от наступательной тактики переходить к оборонительной.

Консулами в 214 г. до н. э. были Фабий и Марцелл; они продолжали придерживаться прежней тактики —

терпение, постоянное давление на Ганнибала, отказ от рискованных операций и подготовка к осаде Капуи. Численность римской армии выросла до двадцати легионов и составила не менее четверти миллиона солдат вместе с отрядами союзников. Два легиона Луция Корнелия Лентула находились на Сицилии, два — Квинта Муция — на Сардинии, два легиона Манья Помпония — Цизальпинской Галлии, на случай, если Гасдрубал из Испании через Альпы пойдет на Италию, один легион Варрона стоял в Пицене как резерв Помпония, в Испании у братьев Сципионов было два легиона, и еще два составляли гарнизон Рима. Девять легионов действовали против Ганнибала: два под началом Фабия стояло в Кале, два во главе с Марцеллом — в Суэсселе, два под началом Фабия-младшего (сына консула) были размещены возле Венусии и один — в Брундизии на случай появления Филиппа Македонского. Кроме того, во всех колониях и городах, союзных Риму, размещались гарнизоны.

Призыв о помощи, поступивший из Капуи, заставил Ганнибала покинуть Арпы. Никакой поддержки из Испании, Македонии либо Карфагена он не получал — за исключением небольшого пополнения, прибывшего в предыдущем году. А ему жизненно необходимо было ободрить капуанцев и других своих союзников. Он прошел мимо Луцерии, где стоял Гракх, и через Беневент, Телезию и Калатию вернулся в старый лагерь на горе Тифате. Никто из римских полководцев не посмел атаковать его. Зная, что римляне не продвинулись в подготовке осады Капуи, он пошел на ПUTEОЛЫ (Поццуоли) и разбил лагерь у Арвернского озера. Но ПUTEОЛЫ, большой город и крупный порт, нельзя было взять без правильной осады, как и Кумы и Неаполь, а провести такую осаду Ганнибалу было нечем. Тогда он в третий раз пошел на Нолу, но Марцелл вновь предугадал его намерения, быстро дви-

нулся от Суэссулы и успел подойти к Ноле раньше Ганнибала.

Тем временем, пока Ганнибала не было в Апулии, Фабий приказал Гракху переместить его легионы от Луцерии к Беневенту, а своему сыну — занять место Гракха у Луцерии. Это передвижение войск имело важные последствия, потому что Ганнибал приказал Ганнону выйти из Бруттия в Кампанию на соединение с ним. Ганнон мог идти только через Беневент, который теперь был защищен легионами Гракха. Ганнон пошел на Беневент и достиг его почти одновременно с Гракхом, но в городе стоял римский гарнизон, Гракх вошел в него, и теперь Ганнон не мог пройти мимо Беневента без боя. Его армия набрана была в основном из бруттиев и луканов, африканской кавалерии было совсем мало. Легионы Гракха в значительной степени состояли из бывших рабов, которым была обещана свобода, если в первом же бою будут храбро сражаться и одержат победу. Римляне одержали победу, и войско Ганнона было почти полностью уничтожено, хотя сам он спасся. Однако римские командиры посчитали, что не все воины Гракха сражались достаточно отважно, и их наказали — запретили до конца кампании присаживаться во время вечернего приема пищи. Излишней мягкостью римские офицеры не отличались.

Никогда еще в Италии карфагеняне не терпели таких крупных поражений, и Ганнибал попытался взять реванш, вновь пойдя на Нолу. Но Марцелл вновь опередил его, придя первым, и город был спасен. По крайней мере Ганнибал оказался в Кампании, и его присутствие позволило капуанцам убрать урожай. Оставив попытки захватить морской порт в Кампании, он оставил ее и двинулся в Таренту, но к городу уже подтягивались легионы Валерия от Брундизия. Поэтому Ганнибал пошел на север и стал на зимние квартиры в

Салапии, на побережье Адриатики. Как только он оставил Кампанию, Фабий и Марцелл предприняли блокаду Казилина — первый с северного берега Вольтурно, второй — с южного. Сдача города была предрешена, и гарнизон капитулировал перед Фабием с условием, что ему позволят вернуться в Капую. Но выходил гарнизон из города на южном берегу, где стояло войско Марцелла, и он, напав на колонну капуанцев, убил или пленил всех, за исключением пятидесяти человек.

Уход Ганнибала из Кампании, последующее падение Казилина были результатами победы Гракха над Ганноном у Беневента и имели, в свою очередь, собственные последствия. Теперь Фабий мог войти в Самний и соединиться с легионами своего сына, стоявшими в Апулии, и с легионами Гракха, находившимися в Лукании. Вместе они принялись разорять земли городов, примкнувших к Ганнибалу, и многие из них смогли захватить. Требула, Сатикула, Телезия, Компса, Мела, Фулфула и Орбитан в Самнии, Бланда в Лукании и Аэкуа в Апулии заплатили дорожную цену за предательство.

Теперь события войны пошли по совсем другому руслу, и фортуна решительно повернулась лицом к римлянам. Еще один удар Ганнибал получил, когда Валерий отплыл из Брундизия к Аполлонии, где Филипп Македонский собирал свою армию, нанес ей поражение, а флот македонян сжег. Так началась Первая Македонская война.

Тем временем назрели события в Сицилии, которая была яблоком раздора между Карфагеном и Римом в годы Первой Пунической войны и с потерей которой Карфаген никак не мог смириться. В Сиракузах был убит молодой царь Гиероним, и вскоре разгорелись боевые действия между сиракузянами и римскими войсками, находившимися на землях Сиракуз.

Благодаря усилиям сторонников Ганнибала, Гиппократ и Эпикида, Сиракузы остались на стороне Карфагена.

Римский опорный пункт возле Леонтин (Лентини) был захвачен сиракузянами — скорее всего, по наущению Гиппократа. Рим, готовый любой ценой отстоять Сицилию, послал на остров Марцелла с двумя легионами; Марцелл начал активные боевые действия и осадил Сиракузы и с суши, и с моря.

В центре острова несколько городов перешли на сторону Карфагена, причем римские гарнизоны были в них истреблены. В городе Энна римский гарнизон решил опередить местных жителей и сам устроил бойню. Потом у города Гераклея высадился Гимилькон, прибывший из Карфагена с 25 000 пехоты, 3 000 кавалерии и двадцатью слонами — все эти войска Ганнибал с нетерпением ожидал в Италии. Гимилькон захватил Аграгант и пошел на Сиракузы, надеясь перехватить римский легион, высадившийся в Панорме, но он успел соединиться с Марцеллом, и Гимилькон вернулся в Аграгант, а Марцелл продолжил осаду Сиракуз.

В Испании удача была на стороне Сципионов, которые теснили карфагенян; римляне захватили бы их лагерь у Мунды, если бы Гнея не ранили дротиком в бедро, что и остановило легионеров. Наконец, римляне взяли Сагунт, захват которого Ганнибалом стал причиной войны за пять лет до описываемых событий. Все это также пагубно сказалось на положении Ганнибала: всю помощь Карфаген направлял теперь в Испанию, и Гасдрубал не мог прийти на помощь в Италию, на что надеялся Ганнибал.

Взятие Тарента

На 213 г. до н. э. консулами в Риме были избраны Тиберий Семпроний Гракх и Квинт Фабий Максим-младший. Численность римской армии достигла двадцати двух легионов. Из них восемь окружали войско Ганнибала, стоявшее на зимних квартирах в Салепии: два у Фабия в Гердонии (Ордонь), два у Эмилия Лепида в Луцерии, два у Гнея Фульвия Флакка возле Капуи, и два у Гракха у Венусии — дабы предотвратить соединение войск Ганнибала и Ганнона, зимовавшего в Бруттии. Фабий начал кампанию с захвата Арп, где на сторону римлян перешла тысяча испанцев, но карфагеняне сражались столь отважно, что Фабий позволил им соединиться с Ганнибалом у Салепии.

Положение Ганнибала значительно осложнилось, и все его надежды были связаны только с пополнением армии. Он двинулся вдоль побережья на юг, в окрестности Тарента, и повел там лето относительно пассивно. Некоторые города Бруттия проявляли признаки стремления вернуться к Риму, и некоторые так и поступили, но жестокости римлян по отношению к бывшим союзникам пресекли эту тенденцию. Недостаточная мягкость римлян к побежденным создала им дополнительные проблемы.

Чтобы обеспечить лояльность греческих городов Тарента и Фурий, римляне взяли заложников, что, по их мнению, должно было удержать горожан от мятежа. Немногие из них сумели бежать, но пойманные римлянами были преданы столь мучительной казни, что греки были склонны к отпаду более чем когда-либо прежде. Филимен из Тарента с дюжиной сограждан покидал город под предлогом охоты. Случилось так, что они были захвачены карфагенянами и предстали перед Ганнибалом. Они изложили ему настрое-

ния в городе, и Ганнибал обещал свою помощь в обретении Тарентом независимости, а также помог настрелять дичи, чтобы предоставить римлянам доказательства их благонамеренности. Впоследствии эта уловка применялась многократно, и каждый раз, возвращаясь к рассвету, Филимен предьявлял римскому префекту и начальнику стражи охотничьи трофеи. Кстати, и ворота перед Филименом открывали по его охотничьему посвисту.

Ганнибал понимал, что время не терпит и необходимо действовать. Он распространил слухи, что болен — чтобы оправдать свою пассивность и бездействие. Сам же с 10 000 пехоты и отрядом нумидийской кавалерии тайно подошел к Таренту и разбил лагерь. Нумидийцы объезжали окрестности, что утвердило римских командиров в мнении о том, что Ганнибал не собирается предпринимать активных действий и собирает провиант для армии. Глубокой ночью Ганнибал подошел с пехотой к стенам города и, обменявшись условными сигналами с Филименом и его людьми, приблизился к воротам. Заговорщики в городе перебили римских часовых и открыли ворота, и часть воинов Ганнибала вошла в город. Тем временем Филимен покинул город, а затем вернулся к воротам, через которые его впускали в Тарент после охоты, и подав сигнал свистом, сообщил римской страже, что добыча слишком велика, чтобы они смогли внести ее в город. Часовые вышли наружу и немедленно были перебиты, а карфагеняне проникли в город и через вторые ворота. В темноте они обрушились на римлян, которые не понимали, что происходит, но к рассвету пришли в себя и заперлись в цитадели. Ганнибал собрал всех горожан и приказал им написать их имена на дверях своих домов. Все дома без указания имени владельцев на дверях карфагеняне разграбили.

Цитадель, как увидел Ганнибал, была практиче-

План Тарента (с гравюры XVIII в.)

ски неприступна, и чтобы не допустить вылазок римлян, он приказал начать вокруг нее земляные работы. Но римляне неоднократно совершали вылазки, причем разрушили все фортификационные сооружения карфагенян. Тогда Ганнибал решил устроить блокаду цитадели; но располагалась она таким образом, что римляне могли не только удерживать в гавани все корабли Тарента, но и получать помощь с моря. Суда тарентцев так и стояли во внутренней гавани порта в полном бездействии. Ганнибал решил эту проблему, приказав вытянуть корабли на сушу и, протаскив их по улицам города на колесах, спустить на воду во внешней гавани; для этой операции улицы Тарента вымостили заново. Теперь флот Тарента мог действовать в открытом море и полностью блокировал римский гарнизон, засевший в цитадели.

Затем Ганнибал, умевший чутко чувствовать ветер удачи, захватил еще два греческих города. Метапонт сдался ему,

когда римляне вывели оттуда войска, чтобы усилить гарнизон Тарента, а Фурии показали пример того, как можно сдать город с помощью предательства. В этих греческих городах вооруженные жители, как надеялись римляне, должны были дать отпор Ганнибалу в силу ненависти, которую греки питали к карфагенянам. Рядом с Фуриями в Бруттии стояла карфагенская армия под началом Ганнона и Магона, и жители города договорились с ними о том, что если карфагеняне подойдут к городу, то город сдается Ганнибалу. Карфагеняне приблизились к Фуриям и спровоцировали римлян на бой; когда же последние бросились в атаку, карфагеняне отступили и оттянули римские войска от стен города. Затем карфагеняне перешли в контратаку, а горожане закрыли ворота перед отступающими римлянами, крича, что они не хотят впускать врага в город на плечах отступающих. Остатки разбитых римских отрядов рассеялись, а карфагеняне вступили в Фурии.

Тем временем развивались события в Испании, в ходе которых выявились две новые колоритные фигуры, сыгравшие затем немалую роль в истории. Один из нумидийских царей, Сифак (столица его владений находилась в городе Сига, к западу от Орана в теперешнем Алжире), оказался под влиянием побед Сципионов в Испании и все чаще подумывал о том, что его интересы теснее связаны с Римом, нежели с Карфагеном. Это ослабило позиции Карфагена не только в Испании, где нумидийцы все чаще переходили на сторону Рима, но и в самой Африке, где имя Сифака было весьма авторитетно. Сифак сообщил в Рим, что он может надеяться на его конницу, но не пехоту, который не хватает умения и экипировки, и римляне обещали учесть это замечание.

Узнав об этих действиях Сифака, Карфаген пошел на сближение с Галой — еще одним нумидий-

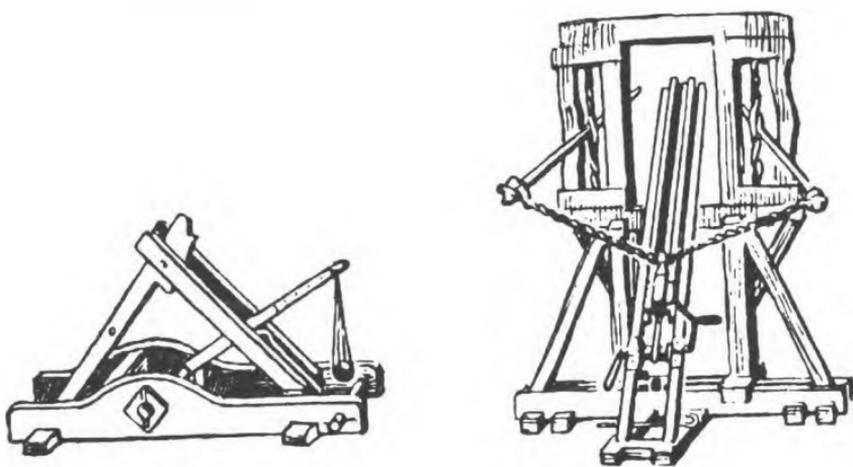
ским царем, чьи владения находились в Месулийской (Maesulian) Нумидии, отцом Масиниссы — юного принца с большими амбициями. Столицей Галы была Цирта (Константина в современном Алжире). Карфагеняне убедили Галу в том, что Сифак стремится прежде всего к усилению собственного влияния в Нумидии, и сделано это будет за его, Галы, счет. Гасдрубала Барку отозвали из Испании, и он с армией Галы, которой командовал Масинисса, разгромил войска Сифака, потери которого, как передают, составили 30 000 человек. Сифакс бежал в Марокко, где набрал другую армию, с которой собирался переправиться в Испанию. Но Масинисса вновь разгромил его, и Гасдрубал смог со своей армией вернуться на Пиренейский полуостров. Но Сципионы достигли успеха, заняв такого союзника, как Сифакс; кроме того, они захватили крепость Таррако (Таррагона), в будущем — столицу римской Испании.

Римляне берут Сиракузы

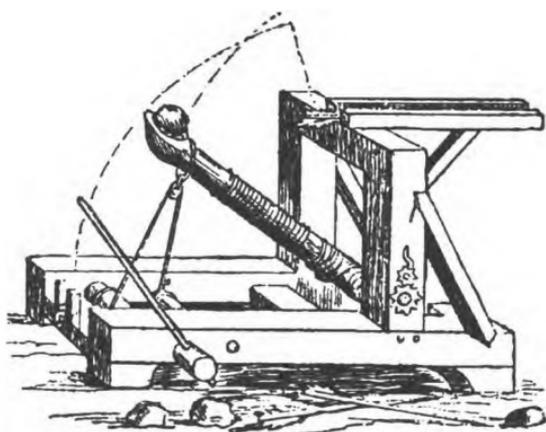
Самое важное событие 212 г. до н. э. — осада Сиракуз и последовавшая за ней трагедия. Бывший царь Гиерон послал одного из граждан города, Архимеда, в Александрию (Египет), где преподавал Евклид, и Архимед настолько превзошел премудрости греческой науки, что прославился своими дарованиями на весь свет. Архимед вернулся в Сиракузы и силой собственного знания помог родному городу противостоять в течение многих месяцев римской осаде, которой руководил сам Марцелл. Баллисты и катапульты Архимеда позволяли сиракузянам метать более тяжелые снаряды на большие расстояния с высокой точностью; он создал метательные орудия, пускавшие дротики и другие снаряды, начиненные воспламеняющимися веществами, что позволило уничтожить римские осад-

ные башни и тараны на расстоянии от города; он научил сограждан устраивать подкопы, в которые проваливались осадные приспособления римлян либо разбивать их огромными валунами вдаль от стен Сиракуз. Используя гигантские коромысла с острыми железными крючьями, уравновешенные грузами на противоположных концах, он ловил римские корабли, подходившие слишком близко к стенам города, поднимал и резко сбрасывал вниз; суда либо тонули, либо попадали в руки к сиракузянам. Считают, что он первым использовал выгнутые зеркала, с помощью которых за счет концентрации солнечных лучей поджигали римские корабли на расстоянии.

Воспользовавшись празднеством в честь Артемиды, когда сиракузяне устроили пир и пребывали во хмелю, воины Марцелла взобрались на стены крепости и захватили Эпиполы и кварталы Сиракуз, прикрывавшие подход к городу с суши. Затем римляне напали на карфагенян, которыми командовал Гимилькон, и сицилийцев, находившихся под командованием Гиппократы, а также приняли бой с сиракузяна-

Метательная машина — онагр

Метательная машина – баллиста

ми, вышедшими на вылазку из Ахрадина – главной цитадели города, при этом создалась угроза флоту карфагенян, который стоял в гавани Сиракуз и его командующий Бомилькар увел корабли. Для римлян военные действия развивались успешно, но неожиданно разразился мор, поразивший оба вражеских войска. Карфагеняне понесли большой урон: Гимилькон и Гиппократ заболели и умерли, а их армии практически перестали существовать. Римляне укрылись в уже захваченной части Сиракуз и понесли меньший урон. Но один из испанских военачальников по имени Мерик совершил предательство и впустил воинов Марцелла в часть города, которую еще удерживали сиракузяне. Марцелл отдал город на разграбление своим солдатам. Приказа о розыске Архимеда от него, однако, не поступало. Но когда римский солдат ворвался в дом Архимеда и гневно закричал, увидев, что он чертит пальцем на песке решение какой-то геометрической задачи, Архимед столь же возмущенно воскликнул: «Не тронь моих чертежей!» Реакция вояки была мгновенной: ударом меча он оборвал жизнь великого ученого.

Спустя полтора века могилу Архимеда обнаружил

не кто иной, как Цицерон, назначенный сенатом квестром на Сицилию. Он нашел ее рядом с одними из сиракузских ворот, запущенную, забытую и поросшую травой. Над ней возвышалась колонна с изображением сферы, вписанной в цилиндр — как напоминание об открытии, которым Архимед установил соотношение между этими геометрическими формами. Позволив воинам грабить Сиракузы, Марцелл позаботился о сохранности царских сокровищ, и они были отосланы в Рим — вместе со статуями и произведениями живописи, захваченными в городе. Согласно Ливию, с этого деяния Марцелла началось знакомство римлян с подлинными шедеврами греческого искусства, горячими поклонниками которого они позднее стали.

Большинство городов Сицилии пыталось договориться с Марцеллом миром, но на острове еще оставались карфагеняне. Находились они у Агригента под командой Ганнона и Эпицида. К ним присоединился один из военачальников Ганнибала, Муттин, который командовал отрядом нумидийской кавалерии. Нумидийцы блуждали по Сицилии и сумели удержать в союзе с Ганнибалом несколько городов. Ободренные их успехами, Ганнон и Эпикид покинули укрепления Агригента и направились к реке Гимере, где карфагенский военачальник Муттин уже несколько раз вступал в успешные стычки с передовыми постами римлян. Но когда явился сам Марцелл со своими легионами, карфагеняне вынуждены были откатиться назад к Агригенту, и стало ясно, что решающий перевес находится на стороне римлян. С точки зрения Ганнибала, сицилийская кампания была более чем бесполезна, поскольку не только не принесла результатов, но и отвлекла войска, которым он во всяком случае нашел бы лучшее применение.

Как бы то ни было, Ганнибалу противостояли два консула, Квинт Фульвий Флакк и Аппий Клавдий,

укрепившиеся в северной Апулии. Гракх стерег Луканию, а Гай Клавдий Нерон из Суэссулы прикрывал подходы к Капуе с юга. Римляне уже начали осаду Капуи, и вскоре из города вновь раздались призывы к Ганнибалу о помощи — римская армия контролировала всю равнину Кампаньи, и капуанцы не могли собрать урожай.

Ганнибал не хотел уходить из окрестностей Тарента и поэтому приказал Ганнону выдвинуться из Бруттия к Беневенту, чтобы дать капуанцам возможность заготовить провиант и фураж и спасти город от голода. Ганнон сумел уклониться от преграждавшего ему путь Гракха, обошел с фланга Нерона, разбил укрепленный лагерь и сообщил капуанцам, что они могут свозить собранный урожай к нему, для чего просил мобилизовать все повозки, которые имеются в их распоряжении. Капуанцы отнеслись к делу безответственно и прислали всего четырехста телег; Ганнон был разгневан — ведь он совершил опасный переход, чтобы помочь Капуе. Он послал горожан собрать еще телег, и вскоре они вернулись с двумя тысячами повозок. Но время было упущено — римляне уже знали о том, что происходит у них под боком. Фульвий Флакк подошел к лагерю Ганнона, напал на карфагенян, захватил повозки с хлебом и взял в плен капуанцев. Сам Ганнон с большей частью своего отряда собирал фураж. Узнав о случившемся, он увел отряд назад в Бруттий. Капуя осталась без провизии.

Чтобы исправить ситуацию Ганнибалу пришлось действовать самому. Четыре римские армии были размещены между Тарентом и Капуей, перекрывая дороги, по которым Ганнибал мог бы войти в Кампанию. Но он сумел отправить к городу 2 тыс. нумидийских всадников. Обойдя римские кордоны, они вошли в Капую. Перед этим им пришлось принять бой, в котором polegло 1,5 тыс. римлян. Фортуна и дальше благо-

приятствовала карфагенянам. Некто Флавий — знатный луканец, до того лояльный Риму, приехал в лагерь Гракха и пригласил его на встречу со своими знатными земляками, уверяя, что они хотят отойти от Ганнибала и восстановить союз с Римом. Поддавшись на обман, Гракх согласился поехать с Флавом и взял с собой только небольшой отряд всадников. По пути люди Флава напали на римлян, и Гракх погиб. Следуя своему правилу, Ганнибал похоронил его с воинскими почестями.

Затем Ганнибал неожиданно появился в своем старом лагере на Тифате. Он подошел к Капуе, не взирая на то, что ее осаждали две консульские армии. Произошло сражение, и римляне уже были готовы отступить, но вдруг с фланга обеих армий появился неизвестный крупный отряд кавалерии, что привело в замешательство и римлян, и карфагенян. Бой был прерван, а сам Ганнибал укрылся за стенами Капуи.

Пока Ганнибал находился в Капуе или рядом с ней, римские военачальники опасались, что он может устроить для них очередную ловушку на открытой равнине Кампании. Поэтому они решили выманить Ганнибала из города. Фульвий Флакк со своей армией пошел на Кумы, а Аппий двинулся в Луканию, откуда он мог угрожать базам Ганнибала на южном побережье Италии. Ганнибал пошел следом за Аппием, но римляне совершили маневр, проскользнули мимо карфагенян и вернулись к Капуе. Вскоре туда же возвратился Фульвий Флакк, и осада возобновилась.

Ганнибал решил, что для Капуи он сделал все, что мог, и двинулся к Таренту. Ему преградило путь войско Марка Центения Пепула, который сам повел легионеров в атаку. Он пал одним из первых, что привело легионеров в замешательство. Римляне были быстро окружены конницей Ганнибала и почти все погибли.

Ганнибал не пошел напрямик к Таренту, и повернул на северо-восток к Гердонию, которую осаждал претор Гней Фульвий. Магона с конницей он отправил перекрыть пути отступления в тылу римского войска, а на его правом фланге устроил засаду. В результате произошло очередное массовое истребление римлян. Сам Фульвий бежал; с ним спаслось около 2 тыс. воинов. Фульвия обвинили в трусости, и он отправился в добровольное изгнание. Его воины, оставшиеся в живых, также понесли наказание: на зимние квартиры они должны были останавливаться на расстоянии не менее 10 миль от любого города.

Две римских армии были уничтожены, их командующие погибли. Ганнибал напомнил, что остается сильным противником, с которым необходимо считаться. Он укрепил свой плацдарм на юге Италии и располагал морскими портами, куда могли прибывать пополнения. Но главная проблема не была решена: власть Рима над Италией оставалась незыблемой, а Капуя составляла лишь исключение из правила. Ганнибал попытался захватить цитадель Торента, но не добился успеха — римляне заранее усилили гарнизон. Провал ожидал его и под Брундицием — в этом городе у него не было сторонников.

Римляне побеждали в Сицилии, добились определенных успехов в войне против Ганнибала, но в Испании потерпели жестокое поражение. Легионы Публия Корнелия Сципиона Старшего сразились с карфагенскими войсками, которыми командовали Гасдрубал (сын Гескона), Магон и Масинисса. Римская армия почти полностью была уничтожена, Публий погиб. Его брат Гней в это время противостоял Гасдрубалу Барке, который старался поднять антиримский мятеж среди кельтиберов. Противники столкнулись у Амторга. Римляне вновь были разбиты; Гней с горсткой воинов попытался скрыться, но был настигнут

отрядом противника и убит. 212 г. до н. э. стал «черным» для дома Сципионов. Карфагеняне вновь вышли на север от Эбро, но дальнейшее их продвижение было остановлено благодаря блистательным действиям молодого римского военачальника Луция Марция, который собрал уцелевшие войска и нанес противнику ощутимые потери.

Ганнибал теряет Капую

К тому времени Капую осаждали три римские армии по 2 легиона в каждой. Ими командовал Аппий Клавдий, Квинт Фульвий Флакк и Гай Клавдий Нерон. Консулами на 211 г. до н. э. были избраны Публиций Сульпиций Гальба и Гней Фульвий Центумал. Они находились со своими армиями в непосредственной близости от Ганнибала — ближе к югу Италии — и шли за ним, куда бы он ни направлялся. Прошлогодние неудачи в Испании заставляли римлян удерживать в Цизальпинской Галлии армию Публия Семпрония на случай переправки через Альпы подкреплений для Ганнибала. С той же целью в Этрурии была размещена армия Марка Юлия. Учитывая армии в Италии, Испании, Сицилии, Сардинии, а также флоты Отацилия и Валерия, Рим мобилизовал 23 легиона.

Осажденные капуанцы вместе с нумидийскими конниками часто устраивали вылазки и так досаждали римлянам, что они вынуждены были использовать новый тип тактического формирования. Когда осажденные устраивали вылазку, на бой с ними отправлялись отряды римской кавалерии, причем позади каждого конника сидел легкий пехотинец. Эти летучие отряды оказались весьма эффективны в стычках. Римляне окружили Капую фортификационными сооружениями, но попыток штурма не предпринимали. Город решено было взять измором.

Капуанцы уже давно послали Ганнибалу призыв о помощи. Он двинулся от Торенто с 30 тыс. своих лучших воинов и 33 слонами, которых доставил Ганнон. Пройдя Венусию и Беневент, он появился вблизи своего старого лагеря у горы Тэфата. Ганнибал разработал следующий план: он атакует расположения римлян с севера, а капуанцы в это же время всеми силами выходят на вылазку. Состоявшееся сражение отличалось ожесточением обеих сторон. Испанская пехота Ганнибала почти пробилась сквозь ряды римлян навстречу капуанцам, но ей не хватило численности. Испанцы были отрезаны от основных сил Ганнибала, окружены и перебиты. Самых капуанцев римляне заставили отступить в город. Вскоре и Ганнибал отвел свои войска. Операция закончилась провалом.

Ганнибал видел, что ни по количеству, ни по качеству его армия не способна решить стоящую перед ней задачу, т. е. отбросить римлян от Капуи и снять осаду города. Поэтому он решил прибегнуть к хитрости, такой же, которую римляне использовали против него год назад. Он отдал приказ своим войскам двигаться на Рим, надеясь ввести римлян в заблуждение и заставить их преследовать его. 2 тыс. лет спустя такой же тактический ход использовал Наполеон, когда пытался оттянуть войска союзников от Парижа, выступив к границам Германии.

Чтобы запутать противника, Ганнибал двигался извилистым маршрутом. Он пошел через Самний на Сульмо, затем мимо города Альба Фуценсия (при раскопках здесь были найдены грубые скульптурные изображения двух слонов, несомненно африканских, судя по размерам их ушей). Проходя через Амитерн, Реате и Эрет, карфагеняне разоряли местность; затем они переправлялись на правый берег реки Анио и разбили лагерь всего в 6 милях от Рима на виду у потрясенных горожан. По Риму пронесся крик «Ганнибал у ворот!»,

и на некоторое время воцарилась паника, потому что нумидийских конников, которые служили в римской армии и состояли в гарнизоне города, кто-то принял за воинов Ганнибала и пустил слух о том, что враги уже в городе. Но римляне довольно быстро пришли в себя и подготовились к самому энергичному сопротивлению.

Публий Корнелий Азина предложил снять осаду с Капуи, но Фабий Максим разгадал маневр Ганнибала. Для осады Капуи были оставлены 50 тыс. воинов, а Квинт Фульвий с 15 тыс. двинулся к Риму. Гарнизон Рима в то время составлял 40 тыс. солдат.

Участок, на котором располагался лагерь Ганнибала, незадолго до этих событий был выставлен на продажу. Интересно отметить, что цена на него несколько не упала, настолько были уверены римляне в благополучном исходе дела.

Ганнибал двинулся вверх по правому берегу Анио, перешел ее выше по течению, спустился вниз по левому берегу и разбил лагерь еще ближе к городу. Затем он лично объехал город и близко подъезжал к Коллинским воротам. На следующий день римская армия вышла из города и изготовилась к бою. Неожиданно начался сильнейший дождь с градом. Римляне вернулись в город, а карфагеняне в свой лагерь. То же самое произошло и на следующий день. Ганнибал решил, что таким образом небеса предостерегают его от сражения. Кроме того, он получил известие, что римляне не сняли осаду Капуи. Его уловка не сработала, и падение Капуи стало лишь вопросом времени. Он ничем не мог помочь обреченному городу. Великий план разрушения римской конфедерации оказался нереальным, и теперь самой главной задачей Ганнибала стало удержание позиций на южном побережье Италии. Ганнибал оставил Рим и двинулся назад по Валериевой дороге. Римляне шли по пятам, нападая на его

тыловые отряды. Возле Тибура (Тиволи) они сумели захватить часть повозок с поклажей, но ночью Ганнибал вернулся назад, напал на римский лагерь, нанес врагу большие потери и обратил в бегство. Далее он пошел по земле пелигнов, повернул на юг, через Самний, Асернию, Бовиан и Гердонию достиг Апулии и направился к Таренту. Капуанцы узнали о том, куда движется Ганнибал, и поняли, что он не собирается выручать их. Капуя была охвачена гневом и отча-

Римская черепаха

янием. Консулы обнародовали декрет римского сената о том, что любой гражданин Капуи, добровольно сдавшийся римлянам, не понесет никакого ущерба и сохранит жизнь. Капуанцы не могли поверить этому обещанию, и многие покончили с собой, приняв яд или бросившись на меч. В конце концов истощенные голодом капуанцы согласились на безоговорочную капитуляцию. Римляне, войдя в город, учинили жестокую расправу над теми, кто нес ответственность за измену Риму.

Римляне вновь были хозяевами Кампании и могли теперь заняться Апулией и Луканией. Небольшим гарнизонам, которые Ганнибал разместил в городах этих областей, не суждено было долго продержаться и по политическим причинам, и в связи с отсутствием продовольствия. Теперь Ганнибал мог маневрировать только на южном побережье Италии и в Бруттии. Он продолжал надеяться, что еще сможет сломить сопротивление Рима, если получит помощь из Карфагена или от своих братьев из Испании. Ему предстояло еще 7 лет воевать в Италии. Армия его становилась все слабее, но он не сдавался и был готов продолжить жестокую схватку.

ГЛАВА VI. ЗАКАТ ЗВЕЗДЫ ГАННИБАЛА

Захват Нового Карфагена (Картахены)

Результаты затянувшийся войны остро ощущали граждане Рима, и выразалось это прежде всего в непрерывном росте цен на самое необходимое. Между тем жители Рима значительно отличались по уровню доходов, что вызывало дополнительное недовольство. Валерий Левин выступил в сенате с речью по этому вопросу и призвал сенаторов показать пример патриотизма и уверенности в будущем государства, передав личные драгоценности, золото и серебро на нужды войны, оставив только те ценности, которые имели их жены и дочери, а также предметы домашней утвари. Сенат одобрил предложение, и вскоре форум наполнился гражданами, тяжело нагруженными всевозможными изделиями из драгоценных металлов и камней, которые они передавали на нужды государства. Движение жертвователей приобрело массовый характер, но время показало, что это была не самая большая и не последняя жертва Рима, принесенная на алтарь победы.

На 210 г. до н. э. консулами были избраны Марцелл, вернувшийся с Сицилии в Италию, и Марк Валерий Левин, успешно действовавший против Филиппа Македонского в Греции. Перед тем как поки-

нуть эту страну он заключил договор с Этолийским союзом греческих городов и с государством Пергам о совместной борьбе против Филиппа. Теперь царю Македонии некогда было думать о вторжении на Апеннины и помощи Ганнибалу.

План римлян на предстоящую кампанию был прост: вернуть как можно больше потерянных городов, ограничить свободу действий Ганнибала, отсечь его от областей, из которых он мог получать пополнение и провиант. Для этого были использованы легионы Марцелла, размещенные в Самнии, два легиона проконсула Гнея Фульвия Центумала в Апулии и два легиона Квинта Фульвия, стоявшие у Капуи.

На сторону римлян перешел апулийский город Саллапия, в котором Ганнибал зимовал четыре года назад. В Самнии Марцелл захватил города Нарронею и Мелу. Фульвий Центумал разбил лагерь возле Гердонии и начал переговоры с той частью граждан города, которая выступала за возобновление союза с Римом. Ганнибал, находившийся в Бруттии, узнал об этом. С 30 тыс. пехотинцев и 6 тыс. кавалерии он совершил необыкновенно быстрый переход и неожиданно появился около города. Последовало сражение, в котором Ганнибал использовал уже проверенные уловки: его конница напала на лагерь римлян и атаковала легионеров с тыла, в то время как пехота нанесла удар в лоб. Римляне потерпели поражение: Фульвий Центумал погиб, не более 3 тыс. его воинов уцелели и присоединились к Марцеллу в Самнии. В этот раз римляне потеряли осторожность, встретившись со старым врагом и считая, что он слабее, чем есть.

Ганнибал больше не доверял жителям Гердонии и поэтому сравнял город с землей, казнив тех жителей, которые сносились с Фульвием, а оставшихся в живых отослал в Метапонт и Фурии. Затем он вернулся в Луканию и разбил лагерь возле Нумистро, наде-

ясь, что Марцелл последует за ним и вступит в сражение. Марцелл пришел, и битва состоялась, но никто из противников не достиг решающего перевеса. Совершив ряд маневров, Ганнибал вернулся к Таренту, а Марцелл стал на зимние квартиры в Венусии.

Римляне помнили о поражениях, которые они потерпели в Испании в предыдущем году, когда погибли братья Сципионы. В Испанию была отправлена армия под командованием Гая Клавдия Нерона. В его задачу входило не допустить Гасдрубала из Испании в Италию. Нерону удалось зажать Гасдрубала в горах и лишить его возможности маневрировать, но Гасдрубал вступил в переговоры, обманул Нерона и сумел вывести свою армию. Сенат заменил Нерона Публием Корнелием Сципионом. Этот молодой человек был еще мальчиком, когда спас своего отца — консула в первой битве с Ганнибалом на земле Италии у реки Ти-

Римские командиры и легионеры

цин. Ему было всего 24 года, и никогда еще он не занимал столь высокой должности. Его назначение главнокомандующим в Испании говорило о том, что Рим в случае необходимости готов идти на беспрецедентные меры.

Вскоре молодой Сципион показал, что он достоин высокого назначения и может выступать оппонентом Ганнибала. Он замыслил не что иное, как захват Нового Карфагена — Картахены — главной базы Ганнибала в Испании, где находилась лучшая на испанском побережье Средиземного моря гавань. Картахена являлась центром, в который стягивались все ресурсы Иберийского полуострова. Собрав 25 тысяч пехоты и 2,5 тыс. конников, Сципион перешел Эбро и вдоль побережья двинулся на юг. Об его истинных целях не знал никто, кроме командующего римским флотом Гая Лелия, который получил приказ: по морю приблизиться к Картахене, но не заходить в гавань.

Римляне подошли к Картахене и заняли позиции к северу от города. Гасдрубал Барка со своей армией находился у истока реки Таг; Гасдрубал, сын Гискона, стоял у ее устья, а Магон находился в Гадесе. Всех их отделяли от Картахены многие дни пути. Гарнизонном Картахены командовал еще один Магон.

Предмостные укрепления и высокие стены города были защищены большим гарнизоном. Вначале Сципион приказал заготовить достаточное количество приставных лестниц, чтобы идти на штурм, но затем узнал у местных рыбаков, что во время отлива в город можно легко проникнуть через лагуну. Римский флот предпринял ложную атаку на другом направлении, а сам Сципион с отрядом из 500 воинов дождался северного ветра, который гнал воду из лагуны, и устремился к городу. Однако римлянам пришлось преодолеть довольно значительную глубину, прежде чем они достигли невысокой стены, отделяющей лагуну от города.

Затем они проникли в город и напали на карфагенян, охранявших ворота изнутри. Ворота были открыты, легионеры хлынули в город, началась бойня, сопровождаемая грабежами. Римляне захватили огромную добычу: золото, серебро, оружие, катапульты, склады строевого леса и корабельной оснастки, а также 18 кораблей, которые были присоединены к римскому флоту, и 63 торговых судна.

В связи с захватом Картахены древние авторы сообщают один замечательный эпизод. Победенные, превратившиеся в пленников, должны были пройти перед победителями, и общее внимание привлекла юная девушка необыкновенной красоты. Сципион подошел к ней, расспросил и узнал, что она была невестой молодого вождя кельтиберов. Сципион приказал привести его и родителей девушки. Он сказал, что гордится тем, что римские воины не причинили ей никакой обиды, заметив, что это вообще характерно для римлян; передал девушку жениху и даровал им свободу, а взамен взял обещание, что молодой вождь всегда будет другом Рима. Родители девушки принесли золото в качестве выкупа за нее, а когда узнали, что никакого выкупа не требуется, умоляли Сципиона принять золото в дар. Он согласился, но немедленно передал золото жениху в качестве свадебного подарка. Сципион показал себя мастером ведения психологической войны, и уже через несколько дней молодой вождь прибыл в его лагерь с отрядом в 1 400 конников, чтобы воевать на стороне римлян.

Сципион дал отдых войнам, затем устроил смотр легионов, отослал знатных пленников и Лелия в Рим, чтобы сообщить о победе, оставил в Картахене гарнизон, а сам выступил на север к Таррако.

На Сицилии ситуация находилась под контролем римлян, сопротивление карфагенян в Агригенте было сломлено. Это давало возможность римлянам развить

успех. 50 римских кораблей под командованием Валерия Мессаллы отправились из Лилибея к Африке, чтобы собрать сведения о намерениях карфагенян. Римляне высадились возле Утики, захватили множество пленных и благополучно вернулись на Сицилию. Сведения, полученные у пленных имели огромную важность: они подтвердили информацию, которую передал в Рим из Испании Сципион. Армия из 5 тыс. нумидийских конников Масиниссы уже стояла в Карфагене, и туда же собирались новые отряды наемников, которые должны были вот-вот отправиться в Испанию. Таким образом, Гасдрубал Барка получал многочисленное пополнение, с которым он должен был перейти Альпы и присоединиться к Ганнибалу в Италии. Кроме того, Карфаген подготовил большой флот для завоевания Сицилии. Карфаген уже показал, что еще может осуществлять крупные морские операции, напад на города Олбия и Каралис на Сардинии.

Эти разведывательные данные вызвали смятение в римском сенате, который пришел к выводу о необходимости вновь назначить диктатора. Это решение было осложнено юридическими тонкостями, потому что по закону диктатор мог быть назначен только одним из консулов. Валерий Левин, находившийся в Риме, хотел назначить Валерия Мессаллу, который в это время был на Сицилии. Сенат же настаивал на том, что диктатором нельзя назначать человека, который находится за пределами Рима. Левин, поняв, что сенат не пойдет ему навстречу, сам уехал на Сицилию, и сенат вызвал в Рим второго консула — Марцелла. Последний приехал в Рим и назначил диктатором Квинта Фульвия Флакка.

Потеря Тарента

В 209 г. до н. э. произошло событие, которое доказало, что у Ганнибала были шансы на разрушение конфедерации, созданной Римом, и что Карфаген, не направивший ему вовремя пополнений, допустил трагическую ошибку, которая привела к захвату Капуи римлянами. Пока Ганнибал удерживал инициативу, римляне вынуждены были расплывать свои силы по Италии, Сицилии, Сардинии и Испании. Карфагену достаточно было оказать максимальную помощь Ганнибалу, и он мог бы добиться успеха. Но правители Карфагена не обладали способностью мыслить стратегически. В 209 г. до н. э. 12 городов, которые уже давно состояли в Римской конфедерации и являлись латинскими общинами, сообщили в Рим, что они не могут больше поставлять воинов, деньги, провиант и фураж. Это были города Ардея, Непет, Ситрий, Альба, Карсиоли, Сора, Суесса, Цирцеи, Сетия, Калес, Нарния и Интерамна. Инфляция подняла цены на хлеб в 3 раза с момента начала войны. Если бы нарушились поставки зерна из Египта, а Сицилия вновь не стала бы житницей Рима, то ситуация стала бы катастрофической. Эти города сообщили, что они абсолютно истощены и постоянно страдают от набегов нумидийской конницы Ганнибала. Это не был мятеж, но акт отчаяния. И если бы Ганнибал еще удерживал Капую, тенденция могла бы широко распространиться. Стало ясно, что некоторые из союзников Рима просто не в состоянии вынести тяготы войны.

Проблема имела и социальный аспект. Легионы, посланные на Сицилию, состояли в основном из лиц, имевших латинское гражданство; общины и города Лация протестовали по поводу того, что служба этих воинов чрезмерно затянулась — некоторые служили уже по девять лет. Карфагеняне часто от-

пускали пленников, не требуя никакого выкупа, и они возвращались по домам, но римляне рекрутировали их заново. Если опытные солдаты останутся в легионах, а римляне будут проводить новые наборы и уводить на войну молодых, то скоро не останется людей, которые станут обрабатывать землю, говорили латиняне.

Римляне собрали сведения о настроениях в других городах конфедерации и с облегчением узнали, что большинство их является надежными союзниками Рима. Борьба против Ганнибала вместе с Римом и дальше намеревались Сигния, Норба, Сатикула, Фрегелла, Луцерия, Венусия, Брундизий, Гадрия, Фирм, Аримин, Понтия, Пест, Коза, Беневент, Эсерния, Сполетий, Плаценция и Кремона. Примечательно, что всем этим городам раньше или позже угрожал Ганнибал. Те двенадцать городов, которые выступили с жалобами, получили передышку, а недостающие деньги, необходимые для войны, римляне взяли из сокровищниц храмов.

Консулами в 209 г. до н. э. были старый Фабий Максим и Квинт Фульвий Флакк. Перед ними стояла задача отобрать у карфагенян Тарент, в цитадели которого все еще держался римский гарнизон. Важность этого порта возросла после того, как в Риме узнали, что Карфаген собирается прислать в Италию пополнение воинов. Кроме того, из Тарента Ганнибал поддерживал контакты с Филиппом Македонским. Поэтому для римлян взятие Тарента становилось жизненно важным.

Штурмовать Тарент должен был Фабий. Ему помогали еще две римские армии: одна, под началом Фульвия Флакка, должна была активно действовать в Самнии, стремясь вернуть к союзу с Римом те города, которые перешли к Ганнибалу, но уже колебались, вторая армия — Марцелла — должна была завлечь Ганнибала на север Апулии, подальше от Тарента.

Римские войска с Сицилии должны были напасть на порт Кавлония и лишить Ганнибала еще одной гавани.

Римские военачальники заметили, что с недавних пор Ганнибал стал то и дело уклоняться от сражений, и решили, что армия его слабеет, падает ее боевой дух. Поэтому Марцелл сам пошел на Ганнибала — от Венусии на Канусию. Ганнибал отступил, перешел реку Ауфид и встал на равнине у города Аускул, между Аквилонией и Гердонией. Здесь произошла жестокая битва. К концу дня противники разошлись по лагерям, а на следующее утро возобновили сражение. Ганнибал ввел в бой слонов, которые сначала нанесли большой урон римлянам, но те сумели повернуть их, и слоны врезались уже в ряды карфагенян. Противники вновь укрылись в лагерях, но продолжать сражение Марцелл уже не мог — слишком велики были потери римлян. Поэтому Марцелл вернулся в Венусию, а оттуда — в Синуэссу в Кампании, и больше в этом году участия в битвах не принимал. Ганнибал пошел в Бруттий, снял осаду Кавлонии и захватил много пленных из осаждавших римлян.

Фульвий Флакк в Самнии почти не встретил сопротивления, и все города сдались римлянам без боя — надежды на поддержку со стороны Ганнибала у них больше не было. Тем временем Фабий начал операцию против Тарента. Сначала он захватил городок Мандурия, где Ганнибал оставил гарнизон, и таким образом обезопасил свой тыл. Среди военачальников Тарента был один бруттиец, влюбившийся в горожанку, брат которой служил в войске Фабия. Бруттиец понимал, что город обречен; он пошел на сговор с Фабием и снял охрану с участка городской стены. Ночью римляне пошли на приступ сразу в нескольких местах, а один отряд под покровом темноты взобрался на незащищенный участок стены, проник в город

и открыл городские ворота. Город был разграблен, уцелевшие жители обращены в рабов.

Одна из археологических находок, связанных с Ганнибалом, представляет собой каменную плиту с надписью на латыни, которая прославляет великого человека, покрывшего себя военной славой и взявшего город, ранее перешедший на сторону Ганнибала. Плита, найденная в Брундизии (Бриндизи), повреждена, и надпись сохранилась лишь частично, но Джованни Витуцци полагает, что город, о котором идет речь — Тарент, а великий человек, взявший его — Фабий Максим. Эта надпись содержит единственное современное Ганнибалу упоминание его имени, дошедшее до нас.

Ганнибал знал о том, что Таренту грозит опасность; он спешил к городу от Кавлонии и находился всего в трех милях от Тарента, когда его взяли римляне. Сообщают, что узнав эту плохую новость, Ганнибал сказал: «Значит, у римлян есть свой Ганнибал. Он взял Тарент тем же способом, что и мы» (т. е. благодаря предательству). Ганнибал запасся провизией и фуражом на юге Италии, причем римляне не мешали ему, и стал на зимние квартиры в Метапонте.

В Испании молодой Сципион поставил свой флот на якорь в гавани Тарракона — ударов с моря он больше не опасался, а экипажи влил в свою армию и двинулся с ними на юг, как бы приглашая Гасдрубала Барку на бой. Сражение произошло у города Бекулы, рядом с рекой Бетис (Гвадалквивор). Карфагеняне потерпели поражение, но Гасдрубал сумел отступить на север, за реку Таг; отсюда он собирался уйти в Италию. Все больше и больше племен кельтиберов переходило на сторону Рима, и надежды сохранить Испанию для Карфагена оставалось мало. Гасдрубал Гискон ушел в Лузитанию, Масинисса — на юг, защищать

Гадес, а Магон поплыл на Балеарские острова — набирать воинов для отправки в Италию.

Гибель Марцелла

В следующем, 208 г. до н. э., шансы Ганнибала на военную и политическую победу над Римом сократились до минимума. Он потерял все города, перешедшие к нему, в Самнии; он потерял Капую и Кампанию; его мечты о распаде конфедерации Рима растаяли в воздухе. Карфаген снова потерял Сицилию, а большая часть племен Испании перешла на сторону Рима. Ганнибал продолжал бороться и верить, что откуда-нибудь он все-таки получит подкрепление — из Карфагена, Испании или Македонии, и не хотел уходить из Италии, пока ему не прикажут из Карфагена или не разобьют в бою. Но разбить его римляне не могли, наоборот, он побеждал их, оставался в их стране, и Гасдрубал, его брат, все еще мог прийти в Италию. В начинающемся году многое должно было решиться.

Консулами в 208 г. до н. э. были Марцелл и Тит Квинтий Криспин; каждый располагал армией из двух легионов. Консульские армии стояли в Лукании и Апулии. Армией у Тарента командовал Клавдий Фламиний. Криспин начал осаждать Локры — один из последних портов Ганнибала на юге. Когда подошло войско Ганнибала, Криспин снял осаду и без боя ушел — он боялся оказаться зажатым на оконечности Бруттия — в «носке» итальянского «сапога». Возле Венусии Криспин соединился с Марцеллом. Ганнибал шел за ним и остановился у Бантии. Перед ним стояло две консульских армии, с его правого фланга — еще два легиона, находившихся в Таренте. Здесь Ганнибал узнал, что римские войска с Сицилии посланы возобновить осаду Локр, и туда же направился один легион из Тарента. Ганнибал устроил засаду возле Петелии, напал на

этот легион, две тысячи римлян погибли, 1 200 попали в плен, а остатки легиона бежали обратно в Тарент. После этого Ганнибал вернулся в лагерь у Бантии.

Тем временем Марцелл решил дать Ганнибалу генеральное сражение, тем более что, как ему казалось, Ганнибал старается избежать его. Между римлянами и карфагенянами располагался поросший лесом холм; Ганнибал спрятал на нем нумидийцев. Консулы решили, что этот холм прекрасно подходит для их лагеря, и с небольшим отрядом поехали осмотреть его. Нумидийцы напали на них, убили Марцелла и ранили Криспина, но он сумел бежать вместе с сыном Марцелла. Так погиб Марк Клавдий Марцелл, самый опасный враг Ганнибала, про которого, как сообщает Ливий, Ганнибал сказал после первого дня битвы у Аускула: «Как странно: мы имеем дело с врагом, который, мне кажется, не может ни одержать окончательную победу, ни потерпеть окончательное поражение; если он побеждает, то не оставляет в покое разгромленного противника, если проигрывает, то снова нападает на противника, который разбил его». Известно еще одно высказывание Ганнибала о Марцелле: «Это единственный военачальник, который, даже победив, не дает нам покоя, а будучи побежден, не успокаивается». Ганнибал предал тело Марцелла огню, а прах отослал его сыну в серебряной урне.

У Тразименского озера и у Канн Ганнибал убил по одному римскому консулу, и после того в сражениях погибло много римских военачальников. Теперь, когда и Криспин скончался от ран, получалось, что в боях с Ганнибалом за один год погибли оба консула. Но этот факт ничего не давал Ганнибалу ни в политическом, ни в военном отношении; мало того, он лишний раз подчеркивал, что победа в сражении сама по себе стоит не много.

Ганнибал снял с мертвого Марцелла кольцо с его консульской печатью. Римляне, узнав об этом, разослали по всем союзным городам предупреждение, опасаясь очередной хитрости со стороны коварного противника. И действительно, с помощью этой печати Ганнибал пытался взять город Салапию в северной Апулии. Ганнибал составил послание от имени Марцелла и скрепил его печатью покойного консула; в письме командиру гарнизона он сообщил, что Марцелл с войском прибывает якобы в Салапию на следующий день. Ганнибал подошел к городу и отправил вперед отряд солдат, которые дезертировали из римской армии; одеты они были как римляне и имели римское оружие. Они подошли к воротам и по латыни сообщили стражникам, что консул уже недалеко и пора открывать ворота. Стражники, уже предупрежденные об уловке врага, слегка приоткрыли ворота и впустили нескольких дезертиров, а потом захлопнули их перед Ганнибалом. Хитрость не удалась. Ганнибал ушел от Салапии; он повернул на юг и двинулся к Локрам, с которых еще раз снял осаду. Теперь под его контролем была только южная оконечность Италии. Зимовал он в Метапонте.

В Испании Сципион побеждал Гасдрубала Барку, но главный цели не достиг: не смог помешать ему направиться к Альпам. Уже на исходе года Сципион узнал из Массалии, что Гасдрубал перешел Таг, миновал исток Эбро, обогнул Пиренеи с запада и вошел в Галлию, где провел зиму 208—207 гг. до н. э., дожидаясь начала таяния снегов в Альпах.

Метавр

Маршрут похода Гасдрубала из Галлии в Италию и его детали точно неизвестны; сообщения античных авторов противоречивы. Марк Теренций Варрон пи-

сал, что Ганнибал шел через Альпы одним путем, Помпей — другим, а Гасдрубал — третьим. Ганнибал, как мы установили, прошел мимо пика Монте-Визо (перевалы Траверсетт или Мари), Помпей — севернее (перевал Мон-Женевр), значит, Гасдрубал шел еще севернее, где лежит перевал Мон-Сени. Он обошел Пиренеи с запада, прошел по южной Галлии, а значит, мог пойти далее долиной Изера, из бассейна которого через Альпы ведет именно перевал Мон-Сени.

Ливий и Аппиан, однако, сообщают, что Гасдрубал шел в точности тем же путем, что и Ганнибал. Возможно, они имели в виду, что он тоже пришел в Италию через Альпы. Как бы то ни было, Гасдрубал перевалил горы и оказался в долине По.

Консулами в 207 г. до н. э. были Гай Клавдий Нерон и Марк Ливий Салинатор. Легионы первого стояли у Венусии лицом к Ганнибалу, находившемуся на юге Италии, армия второго — в Сене Галльской лицом к северу, в ожидании Гасдрубала. Римляне не могли допустить соединения войск братьев Барка. Нерона поддерживали в Бруттии армии Фульвия и Квинта Клавдия. Армию Ливия в Цизальнинской Галлии подстраховывали легионы Луция Порция Лициния, а в Эртрурии стояла армия Варрона. Всего Рим мобилизовал к этому году двадцать пять легионов.

Взаимодействия между Гасдрубалом и Ганнибалом не было никакого. Гасдрубал перешел Альпы быстрее, чем брат, и появился в Италии раньше, чем кто-либо ожидал, но потерял много времени, безуспешно осаждая Плацентию. Затем он решил повременить в ожидании пополнений из галлов и лигуров, не подумав о том, что дает время римлянам также собраться с еще большими силами. Кроме того, он допустил трагическую ошибку: написал письмо к Ганнибалу, в котором открыто рассказал, по какому пути пойдет на соединение с ним — от Плацентии по Фла-

миниевой дороге вдоль Адриатики, где он рассчитывает встретиться с братом. Письмо повезли через всю Италию четверо галлов и два нумидийца; прибыть они должны были в Метапонт, но по ошибке приехали в Тарент и попали в руки римлян. Римляне узнали из письма весь план действий Гасдрубала. Ганнибал об этом ничего не знал.

Ганнибал двинулся из Метапонта на север к Грументу, в Луканию, надеясь хоть что-то узнать о брате. Нерон от Венусии вышел ему навстречу, но Ганнибал уклонился от боя — он не хотел рисковать до соединения с Гасдрубалом. Нерон устроил засаду, и стычка все же произошла; за ней последовали взаимные маневры и контрманевры, в ходе которых Ганнибал старался пройти дальше на север по Апулии. Нерон преследовал его, нападая и стараясь сбить с выбранного направления.

Используя уникальные данные о намерениях противника, Нерон спланировал свои действия. Часть армии он оставил на пути Ганнибала, а сам тайно с 6 000 пехоты и 1 000 конников быстрым маршем пошел на соединение с Ливием, который противостоял Гасдрубалу. План был рискованным, но за семь дней легионеры Нерона, не взявшие с собой поклажи, но ехавшие в повозках и на конях, преодолели 400 километров и прибыли в лагерь Ливия. Соединения двух войск также сохранили в тайне и не стали разбивать второго лагеря — все солдаты разместились в одном, который по размеру был обычным консульским лагерем. Гасдрубал подходил к реке Сена, когда разведчики сообщили, что в римском лагере знак к смене караулов подают два трубача, а значит, там стоит не одна консульская армия, а две. Гасдрубал растерялся и приказал воинам отступать на север, к реке Матавр. Отступление получилось хаотичным, и римляне напали на карфагенские тылы. Гасдрубал

успел построить войско на возвышенности: африканцев и испанцев на правом фланге, литуров и 10 слонов — в центре, галлов — на левом фланге. У римлян слева стояла армия Ливия, справа — Нерона в центре — прибывшая из Цизальнинской Галлии армия Порция.

Битва была ожесточенной, и сначала римляне не добились успеха: беспорядок в сражении внесли слоны, которые топтали и римлян, и их врагов, и носились по полю боя, как корабли без руля и парусов. Затем Нерон увидел, что противостоящих ему галлов, закрепившихся на возвышенности, можно обойти. Он вывел большую часть своих воинов из боя, прошел с ними позади строя римлян, обогнул их левый фланг, и напал на карфагенян с правого фланга и тыла. В результате римляне взяли реванш за Канны; вся армия Гасдрубала погибла. Точно место сражения определил Н. Альфьери, который обнаружил множество костей и даже чашу III в. до н. э. с надписью на иберийском языке. Римляне послали в Дельфы в дар оракулу золотой венец и серебряные статуэтки из взятой добычи.

Гасдрубал заплатил за все допущенные ошибки — за промедление в Испании с походом на Италию, за задержку в Галлии и возле Плацентии, за неосторожное письмо Ганнибалу, которое перехватили враги, и за то, что отправился на соединение с братом не по морю, а сушей. Гасдрубал погиб сражаясь, с мечом в руке, но римляне не оказали павшему противнику тех почестей, которые оказывал их погибшим командирам Ганнибал. Нерон увез с собой отрубленную голову Гасдрубала и, когда возвращался назад в Апулию, римляне подбросили ее в лагерь Ганнибала. Это была первая и последняя весть о судьбе брата, которую получил Ганнибал. Последняя надежда на пополнение армии рухнула. Передают, что, увидев голову Гасдру-

бала, Ганнибал сказал: «Я вижу перед собой судьбу Карфагена».

Проведенной операцией Нерон показал, что как военачальник превосходил Гасдрубала и мог поспорить с самим Ганнибалом. Бросок его отряда был дерзким, рассчитанным и быстрым (назад в лагерь в Апулии он вернулся за шесть дней). Гораций писал, что день битвы у Метавра стал первым, когда победа улыбнулась римлянам, с тех пор как ужасные карфагеняне обрушились на Италию подобно лесному пожару. Теперь можно было не опасаться за судьбу Рима, хотя война еще не была закончена. Римляне и их союзники воспряли духом. Консулов сенат наградил заслуженным триумфом.

Ганнибал забрал все гарнизоны из Метапонта и Лукании и отступил в Бруттий. Тем временем в Испании удача сопутствовала Сципиону. Он разгромил армии Магона и Ганнона в битве у Бетики (Андалузия); Ганнон попал в плен. Последние карфагеняне в Испании заперлись в Гадесе. Занавес медленно пошел вниз.

Испания потеряна

Консулы 206 г. до н. э., Квинта Цецилий Метелл и Луций Ветурий Филон, должны были продолжить войну против Ганнибала. Но период их правления отличался от предшествовавших двенадцати лет, потому что в этом году римляне не предпринимали против Ганнибала никаких действий. Со своей ослабевшей армией он отсиживался в Бруттии, и римляне были рады предоставить его самому себе хотя бы на время, тем более что и Ганнибал оставил их в покое. Произошла только одна стычка близ Козенции, когда на римский обоз напали бруттийцы и несколько нумидийцев, но были отбиты. Больше ничего примечательного в военном плане не случилось в Италии.

В Испании Сципион развернул против карфагенян масштабные действия. Используя прием Ганнибала, перед одним из сражений он рано утром заставил своих воинов плотно поесть, а затем напал на врагов, которые еще не завтракали. Он нанес крупное поражение Гасдрубалу Гискону и Магону у Бекулы. В итоге Гасдрубал бежал в Гадес, а оттуда — в Карфаген. Почти все кельтиберские племена перешли на сторону Рима. Некоторые из них под руководством вождей Мандония и Индибилиса подняли мятеж, но потерпели поражение, а города Илитурги и Кастуло, из-за предательства которых погибли отец и дядя Сципиона, он сровнял с землей. Случился мятеж и в войске самого Сципиона — часть солдат была недовольна платой и условиями лагерной жизни, но, несмотря на болезнь Сципиона, он был подавлен. Теперь Рим стал хозяином Испании, и кельтиберы даже предлагали Сципиону провозгласить его царем. Приобретение Испании стало большой удачей Рима.

Война в Испании почти закончилась, и Сципион уже начал подготовку к следующей крупной операции — экспедиции в Африку. С этой целью он вступил в переговоры с Сифаком и даже предпринял плавание в Африку на встречу с ним. Он приплыл почти одновременно с Гасдрубалом Гисконом и даже в ту же самую бухту. Два старых врага, римлянин и карфагенянин, находились во владениях Сифака, и они, никак не выказывая враждебности, вместе пришли на прием к царю. Сифак был необычайно горд тем, что два столь славных полководца, представлявших две самые могучие державы в мире, прибыли к нему, чтобы просить его дружбы. Он просил обоих быть его гостями и устроил в их честь пир. Сципион своим обаянием и красноречием совершенно очаровал Сифака, который был любезен и с Гасдрубалом. Последний хорошо понимал, что римлянин прибыл с одной це-

лю — подготовить вторжение в Африку, заручившись поддержкой Сифакса. Гасдрубал был прав; Сифакс заключило со Сципионом соглашение о союзе.

Оставался еще Масинисса, талантливый полководец, нумидийцы которого досаждали римлянам, как заноза в ладони. Сначала он находился в Гадесе, но затем уговорил Магона отпустить его с кавалерией в Испанию: он говорил, что боевые кони на острове чахнут и болеют. На самом деле он уже условился со Сципионом о встрече. Встреча состоялась, и Сципион так подействовал на Масиниссу, что последний перешел на сторону Рима.

Магону ничего не оставалось, как отплыть из Гадеса на Балеарские острова, где он надеялся набрать воинов. В Гадес, древнейшую колонию Тира, основанную девятьсот лет назад, вошли римляне. Магон отплыл на Эбус (Ибиза), где его хорошо приняли и дали пополнение людьми и припасами. На Майорке он получил отпор и направился к Минорке. Здесь он разбил лагерь возле гавани, смог набрать много воинов и остался зимовать. Сципион вернулся в Рим. Триумфа он не получил, потому что хотя и командовал в действующей армии, но высших должностей до этого не занимал. Тем не менее его возвращение было поистине триумфальным: его воины пронесли 14 342 фунта серебра в монетах, не считая слитков; все эти сокровища поступили в казну государства.

Подготовка экспедиции в Африку

Сципион был избран консулом на 205 г. до н. э.; его коллегой стал Публий Лициний Красс. На Капитолии Сципион принес в жертву Юпитеру сто быков, сдержав обет, данный во время войны в Испании. Он также исполнил обет, который дал, когда его солдаты подняли мятеж — устроить игры. Сенат своим указом

разрешил Сципиону покрыть издержки на игры из сумм, которые он доставил из Испании.

Как консул, Сципион получил провинцию Сицилию; и врагам, и друзьям было ясно, что вскоре война будет перенесена в Африку. Войну на Сицилии закончил Марцелл, в Греции — Публий Сульпиций, в Испании — сам Сципион, и только в Италии, в Бруттии еще тлела война с Ганнибалом. Всем было ясно, что второй фронт будет открыт в Африке, и лучшего трамплина для броска на врага, чем Сицилия, не существовало. Сципион начал готовиться. За сорок пять дней римляне построили двадцать кинкерем и десять квадрирем.

Крассу достался Бруттий и забота о Ганнибале. Неожиданно в сенате выступил Фабий Максим, который резко возражал против экспедиции в Африку. Фабий говорил, что Ганнибал остается непобедимым в Италии, где никто не осмеливается нападать на него, но он станет еще более непобедим, если вернется в Африку, на родную землю, где римляне могут положиться только на непредсказуемого Сифака, и римская армия будет разделена между Крассом и Сципионом. Лучше всеми силами нанести смертельный удар Ганнибалу в Италии, сказал Фабий. После длительных споров и интриг Сципион все же отстоял свою точку зрения, и приготовления продолжились.

Магон Барка зимовал на Минорке и набрал 12 000 пехоты и 2000 всадников. С этим войском он, вопреки всем опасностям, отплыл на Геную, которая располагалась в сердце Лигурии, добрался до города и захватил его. Двинувшись на запад (а следовательно, прочь от Ганнибала), он взял город Савон (Савона), где оставил награбленную добычу. Некоторые лигурские племена присоединились к нему, в основном альбингоны, жившие в районе Альбенги, но галлы наотрез отказались участвовать в походе, заявив, что они уже

достаточно натерпелись от двух римских армий, стоявших в Цизальпинской Галлии. В этот момент Карфаген нашел возможным послать Магону (а не Ганнибалу) семь тысяч воинов, семь слонов, двадцать пять кораблей и деньги, а также указание идти на Рим и быть поближе к Ганнибалу. Никогда еще помощь не присылалась в столь малых размерах, столь поздно да и не туда, куда нужно. Две римские армии — одна Марка Валерия Левина у Аримина, вторая Марка Ливия у Арреция — перекрыли Магону все пути, и он не мог проникнуть на юг Италии на соединение с Ганнибалом, да и галлы, даже если бы захотели прийти к нему на помощь, были теперь отрезаны от Магона.

В Бруттии война деградировала до мелких стычек. Единственной важной операцией стало нападение Сципиона на Локры. С помощью некоторых бывших жителей Локр, находившихся на Сицилии в изгнании, Сципион вступил в сношения с одним из гарнизонов города и договорился о сдаче одной из двух цитаделей римлянам. В Локры через Регий был послан трехтысячный отряд во главе с легатом Квинтом Племинием. Как только Ганнибал узнал о предательстве, он выступил к Локрам и приказал карфагенскому гарнизону, который удерживал вторую цитадель, произвести вылазку в то же время, когда он нападет на город и цитадель, захваченную римлянами. Сципион, находившийся в Мессане, в свою очередь узнал о приближении Ганнибала, подошел на кораблях к Локрам и высадил войско, которое спряталось в городе. Когда же Ганнибал пошел в атаку, Сципион с войском неожиданно вышел из городских ворот и атаковал карфагенян с тыла и с фланга. Воины Ганнибала уже давно не обладали качествами настоящих бойцов; они были деморализованы и бежали, укрывшись в лагере. Ганнибал вскоре ушел; никогда еще он не уходил с таким позором — он потерял Локры, а незадолго до

этого и Фурии. Примерно в это время в храме Геры Лацинии на мысе Лациний (Капо Колонне) он поместил табличку с надписями на пуническом и греческом языках, в которой перечислил отряды, пришедшие с ним через Альпы в Италию за тринадцать лет до этого: 12 000 африканцев, 8 000 испанцев, 6 000 конников. Об этом сообщает и Полибий, который пишет: «Рядом с Лацинием я нашел бронзовую табличку, на которой Ганнибал оставил этот перечень, будучи в этой части Италии». Табличка была помещена на алтаре, который Ганнибал посвятил этому храму, что свидетельствует о том, что он поклонялся греческим богам; это подтверждается и текстом его договора с Филиппом Македонским.

Еще одним ударом для Ганнибала стал мир, заключенный между Македонией и Римом. Война в Иллирии была закончена, потому что в восточном Средиземноморье произошло событие, сулившее Филиппу большие выгоды, чем поддержка Ганнибала. В Египте умер царь Птолемей IV Филопатор, а его преемник Птолемей V Епифан был крайне мал. Для Филиппа и Антиоха III Сирийского это была возможность захватить все владения Египта, в том числе которые не располагались в Африке. Филипп надеялся получить острова в Эгейском море и города во Фракии, Антиох — Финикию, Палестину и Кипр. Так начались события, которые впоследствии приобрели для Ганнибала важное личное значение.

Наилучший человек

Одна из самых загадочных черт римского характера — умение совмещать трезвый рационализм с необыкновенными суевериями. На протяжении долгой войны, где бы что-нибудь сверхъестественное ни происходило — падал ли каменный дождь, рождались ли

животные с уродствами, — консулы приказывали доставать Сивиллины книги и толковать эти предзнаменования, чтобы точно знать: какие шаги следует предпринять, а от каких необходимо воздержаться. Начиная кампанию, полководцы на Капитолии производили гадания по внутренностям животных, а в походах на суше и на море не расставались со священными курами, помещенными в золотые клетки.

В 204 г. до н. э. с неба падало особенно много камней, и в книгах пророчеств нашли предсказание, что чужеземец, вторгшийся в Италию, будет побежден, если из города Пессинунт во Фригии в Рим будет доставлено изваяние Кибелы, Матери богов.

Царь Пергала Аттал был расположен к римлянам, потому что имел общего с ними врага — Филиппа Македонского. К Атталу отправилась представительная делегация — Марк Валерий Левин, Марк Цецилий Метелл, Сервиций Сульпиций Гальба и другие участники длительной войны с Ганнибалом. По пути посольство посетило дельфийского оракула и получило ободряющие пророчества. Аттал принял делегацию хорошо и сопровождал ее в Пессинунт, где и передал римлянам священные изображение Кибелы.

Дельфийский оракул предупредил римлян, что изображение Матери богов должен доставить в Рим «наилучший» человек города. Неясно, какими соображениями руководствовался сенат, но он признал наилучшим гражданином Публия Корнелия Сципиона Назику, сына того Гнея Сципиона, который погиб в Испании, и двоюродного брата молодого Сципиона, который готовился к экспедиции в Африку. Наилучший человек отплыл из устья Тибра в море навстречу возвращавшемуся из Пергала посольству. На корабле он получил от жрецов изображение богини и сошел на берег, неся его на руках. Здесь он вручил его знатнейшим римским матронам, которые также переда-

вали священное изображение друг другу из рук в руки. Затем процессия внесла святыню в город; всюду раздавались благочестивые возгласы, произносились молитвы и курились благовония. Изображение Кибелы поместили в храм Победы на Палатине.

Сенат продемонстрировал, что и рационализм не чужд римлянам. Те двенадцать латинских городов, которые пять лет не давали Риму денег и воинов, теперь должны были давать вдвое больше прежнего пехотинцев, всадников и денег и вносить дополнительную специальную плату. Решено было также, что средства, добровольно пожертвованные сенаторами и прочими гражданами шесть лет назад, возмещаются им из государственной казны.

Сципион не был избран консулом на 204 г. до н. э., но как проконсул остался командующим на Сицилии. Консулами стали Публий Семпроний Тудитан, который присматривал за Бруттием и Ганнибалом, и Марк Корнелий Цетег, которому поручили Этрурию и борьбу с Магоном.

В Бруттии операции развивались следующим образом. Семпроний Тудитан рвался в битву, пошел на встречу Ганнибалу и встретился с ним у Кротона, который был практически последним оплотом Ганнибала в Италии. В сражении римляне не добились успеха, отошли и соединились с легионами проконсула Публия Лициния Красса. У римлян было 4 собственных легиона и 4 легиона союзников. Армия Ганнибала была вдвое меньше. Тем не менее он принял бой, но затем был вынужден отступить в Кротону. Римляне также отошли и взяли штурмом Клампецию. Козенция и Пандосия сдались им добровольно. Основные события развивались в Африке.

Пока Масинисса был в Испании, умер его отец царь Гала, и разгорелась борьба за трон, в которой погибли дядя и брат Масиниссы, а некий проходимец

по имени Мазетулл посадил на трон ребенка Лакумаза и стал править сам в качестве регента. Он женился на вдове покойного царя, которая доводилась Ганнибалу племянницей, и таким образом стал союзником Карфагена.

Масинисса покинул Испанию и отправился в Африку. На родную землю он ступил с небольшим отрядом нумидийцев. После первого же удачного сражения против самозванца к Масиниссе присоединилось множество нумидийских воинов. На Мазетулла поддержал Сифак, давший ему сильную армию. Масинисса вновь разбил противника, но впереди еще была долгая борьба.

Объединенные войска Сифака и Гасдрубала напали на Масиниссу и нанесли такое поражение, что он был вынужден бежать и скрывался в горах, добывая пропитание грабежом окрестностей. Сифак начал охоту за Масиниссой, и он едва спасся от смерти, спрятавшись в пещере, израненный, в сопровождении всего двух воинов. Сифаку сообщили, что он мертв, но как только раны немного зажили, он объявился в своей стране, набрал новую армию и вновь начал войну. Между Циртой и Гиппон-Регием произошла жестокая битва, и Сифак вновь победил; Масинисса бежал с отрядом в 60 человек и вновь был вынужден скрываться.

Сципион послал к берегам Африки флот Гая Лелия, чтобы узнать о намерениях карфагенян. Масинисса сразу же прибыл к Лелию и начал горько пенять на то, что Сципион медлит с вторжением в Африку, убеждать, что Карфаген сейчас слаб, что Сифак занят собственными делами, что он не является больше союзником Рима, но вынашивает коварные планы. Лелий, вернувшись на Сицилию, обо всем доложил Сципиону. Тем временем Карфаген послал к Сифаку Гасдрубала, чтобы склонить его к союзу. Для

закрепления союза Гасдрубал предложил царю в жены свою дочь, красавицу Софонисбу. Сифак влюбился в прекрасную карфагенянку, а Гасдрубал научил дочь убедить царя, чтобы он отправил посольство к Сципиону. Прибыв на Сицилию, послы Сифака заявили Сципиону, что ему не следует приезжать в Африку и разворачивать здесь военные действия, потому что Сифак теперь союзник Карфагена и по родству, и по договору; римляне могут воевать против Карфагена вдали от Африки, но если они ступят на ее землю, то он выступит на защиту владений Карфагена, т. е. общей для его и карфагенян родины.

Новость о прибытии посольства разнеслась по Сицилии, и в войсках началось волнение: легионеры поняли, что им предстоит бороться против двух сильных противников. Сципион применил все свое красноречие, чтобы успокоить солдат, убеждая их, что на самом деле Сифак боится вторжения римлян, которые могут оказать помощь его врагу Масиниссе, который призывает римлян в Африку. Сципион напомнил, что они отправляются на борьбу с врагом, от которого страдала Италия целых 12 лет. Среди воинов Сципиона было немало тех, кто пережил трагедию у Канн, а затем был наказан бесплатной службой на Сицилии. После этой речи командира легионеры воспряли духом и исполнились решимости продолжить борьбу с врагом.

Сципион в Африке

Весной 204 г. до н. э. Сципион отплыл из Лилибея и вскоре высадился рядом с Утикой. С ним было 30 000 воинов. Решив завладеть городом и гаванью, он осадил Утику. Карфаген был охвачен паникой и имел на это гораздо больше оснований, чем римляне, когда Ганнибал вторгся на Италию. У Карфагена не было

армии и крупного полководца под рукой. К Сципиону присоединился Масинисса, который воспыал желанием завладеть Софонисбой и готов был еще яростнее бороться с Сифаком. Как справедливо заметил Ливий, «нумидийцы превосходят всех остальных варваров по силе страстей».

Карфаген мог рассчитывать на прибытие небольшого отряда от Филиппа Македонского и на наемников-кельтиберов, которые должны были подойти из Испании. Небольшой конный отряд Ганнона Барки следил за операциями римлян. Сципион бросил на них нумидийцев Масиниссы, и отряд был уничтожен, а Ганнон погиб. Есть много обстоятельств, которые оправдывают Ганнибала, не пошедшего на Рим, но совершенно непонятно, почему Сципион немедленно не двинулся на совершенно беззащитный и охваченный паникой Карфаген. Он даже мог не штурмовать город, но полностью блокировать его. Сципион ничем не рисковал: у карфагенян не было ни гарнизона, ни союзников. Правда, вскоре появился Гасдрубал Гискон. Вместе со своим союзником Сифаком он привел пеструю толпу, которая называлась армией, но не могла противостоять римским ветеранам. Тем не менее, Гасдрубал пошел к Утике, и Сципион снял осаду, разбил укрепленный лагерь на полуострове у мыса Пульхра и остался там на зиму.

На 203 г. до н. э. консулами выбрали Гнея Сервилия Цепиона и Гая Сервилия Гемина. Сципион же был назначен командующим в Африке до конца войны. Он занялся сбором сведений о карфагенской армии и направил в лагерь Гасдрубала и Сифака посланцев якобы для переговоров о мире, хотя на самом деле не был уполномочен на это сенатом. Вместе с посланниками под видом слуг отправились опытные центурионы, которые быстро обнаружили, что в лагере противника очень слабая дисциплина и плохая охрана.

Отбросив комедию с переговорами, Сципион послал к Утике отряд воинов с осадными орудиями. Карфагеняне должны были подумать, что он возобновляет осаду. На самом деле Сципион подготовился и ночью напал на вражеский лагерь. Нумидийцы и карфагеняне спали в шалашах из веток. Воины Масиниссы и Лелия принялись поджигать их. Воины противника выбегали наружу и тут же падали под ударами римлян. Войско Гасдрубала было почти полностью уничтожено, но вскоре они собрали еще одно подобие армии, настоящими бойцами в которой были только испанские наемники и отряд, присланный из Македонии. Карфагеняне вновь атаковали Сципиона, который принял бой и нанес им огромные потери. Гасдрубал укрылся в Карфагене, а Сифакс бежал в Цирту — столицу Нумидии.

Сципион оставил для блокады Утики флот и часть воинов, а сам с армией пошел на Карфаген, разоряя страну. Воинов Лелия и Масиниссы он послал преследовать Сифака. В результате в одной из схваток царь был ранен и попал в плен. Цирта оказались в руках римлян. Цирта была столицей отца Масиниссы, и он был счастлив вернуться в родной город. Войдя во дворец, он был встречен Софонисбой, которая умоляла его спасти ее от римлян. Масинисса тут же влюбился в красавицу, обещал ей защиту и в этот же день женился на ней. Теперь она была женой царя Нубидии, а не римской пленницей Сципиона — живым трофеем на время его триумфа. Лелий, прибывший во дворец, разгневался и настаивал на том, что Софонисбу, Сифака и остальных пленников отослать к Сципиону. В итоге оба сошлись на том, что судьбу Софонисбы решит Сципион.

Представ перед Сципионом, Сифак, поглощающий ненавистью к Масиниссе, объяснил, что был ослеплен красотой дочери Тасурубала, которая сво-

ей любовью превратила его в раба, отравила своей страстью. Он говорил, что единственным его утешением является то, что его злейший враг сам теперь попал в ее сети. Потом приехал Масинисса, и Сципион, сначала поздравив его с победой, горько упрекал его за неспособность следовать доводам разума, поддаваться чувствительности, чего с ним самим, Сципионом, никогда не случилось. Он сказал, что Сифакс — пленник Рима, и Софонисба, как его жена, должна отправиться в Рим. Масинисса признался, что он дал Софонисбе обещание не передавать ее римлянам. Но Сципион был непреклонен. Тогда Масинисса вызвал доверенного слугу и в своей палатке вручил ему яд, «который все цари носят с собой на случай превратностей судьбы». Слуга отправился в Цирту и, подмешав яд в чашу с вином, поднес ее Софонисбе со словами о том, что она не должна забывать о том, кто является ее отцом. Дочь Гасдрубала Гискона поняла намек и выпила яд.

Теперь правители Карфагена могли надеяться только на войска, еще находившиеся в Италии. Ганнибалу и Магону были отправлены приказы возвращаться в Карфаген. Попытка уничтожить римский флот и снять блокаду с Утики не удалась; поражение Сифакса лишило Карфаген единственного союзника, и к власти в городе пришли сторонники немедленного мира с римлянами. Карфагеняне предложили Сципиону перемирие. Сципион выдвинул следующие условия: все карфагенские войска выводятся из Италии, все пленники, дезертиры и предатели передаются Риму, Масинисса признается царем Нубидии, к Риму отходят Испания и все острова на Средиземном море, Карфаген передает Риму весь флот и оставляет себе только 20 кораблей, а также поставляет 500 тыс. модиев пшеницы и 300 тыс. модиев ячменя и выплачивает издержки на ведение войны в размере 5 тыс. талантов сереб-

ра*. Карфагеняне приняли все условия, и договор был отправлен в Рим для утверждения сенатом. Римский сенат и Народное собрание уполномочили Сципиона поступать так, как он считает наилучшим, и договор был утвержден. Тем временем в Лигурии Магон вступил в землю инсубров в Цизальпинской Галлии и сразился с армией проконсула Марка Корнелия. Карфагеняне потерпели поражение. Сам Магон был тяжело ранен. Остатки его войска погрузились на корабли и отправились к берегам Африки. В дороге Магон умер. Ганнибал потерял своего последнего брата.

Ганнибал предвидел, что его отзовут из Италии, и готовился к этому. Он грузился на суда в Кротоне, но кораблей не хватало — Карфаген не прислал ни одного транспортного судна. Карфагеняне вынуждены были перебить всех своих боевых коней, чтобы они не достались римлянам. Эта потеря тяжело сказалась в следующем сражении Ганнибала, которое стало для него и последним. Из Италии вместе с ним отплыло 24 тыс. воинов. Из тех 36 тыс. человек, которые пришли в Италию 15 лет назад, выжили немногие ветераны. Осенью 203 г. до н. э. он высадился с армией в Лептисе и зимовал в Гадрумете. Италия наконец избавилась от ненавистного чужеземца, и Рим вздохнул свободно. Было подсчитано, что пребывание Ганнибала в Италии стоило Риму и его союзникам жизнью 300 тыс. человек. Сенат и Народное собрание признали огромные заслуги человека, который спас государство в минуту смертельной опасности — Квинта Фабия Максима. Его провозгласили «щитом Рима» и наградили венком. Вскоре после этого Фабий скончался. Другой герой войны в Италии Марк Клавдий Марцелл — «меч Рима» — погиб несколько лет назад.

Рим праздновал уход Ганнибала, а Карфаген ра-

* 1 модий = 8,75 л; 1 талант = 26,2 кг. — *Прим. ред.*

довался его возвращению. Прибытие этого великого человека, которого они так долго недооценивали, толкнуло карфагенян на необдуманный поступок: они отказались от мирного договора с Римом. Признав выдающиеся достижения Ганнибала в Италии, надеясь на его ветеранов и конницу, они думали, что он совершит чудо и в Африке. Но у Ганнибала не было того инструмента, с помощью которого можно побеждать — хорошо подготовленной и опытной армии. Карфагеняне захватили несколько кораблей, которые привезли Сципиону припасы из Рима, но штормом были занесены в бухту Карфагена. Не ограничившись этим, они пленили послов Сципиона, которые приехали требовать объяснений.

Все было сделано для наступления развязки.

Зама

Сципион и Ганнибал прежде никогда не встречались ни лично, ни на поле боя, за исключением битвы у Тицина, когда Сципион еще юношей спас жизнь своему отцу — консулу. И Сципион, и Ганнибал понимали, что война теперь идет между ними двумя. У противников не было других полководцев подобного масштаба. Правда, в Риме была сделана попытка убрать Сципиона с поста командующего в Африке. Консул Гней Сервий Цепион считал, что честь окончательной победы над Ганнибалом принадлежит ему, потому что карфагеняне покинули Италию в его консульство. Он прибыл на Сицилию с явным намерением переправиться в Африку, где его должность ставила его выше Сципиона. Сенат вышел из затруднения, назначив диктатором Публия Сульпиция, который приказал консулу вернуться в Рим.

Находясь в Гадрумете, Ганнибал получал лишь смутные слухи о Сципионе. Римлянин двинулся вверх

по долине реки Баград, опустошая окрестности, что было катастрофой для Карфагена. Масинисса соединился со Сципионом и привел 6 тыс. пехотинцев и 4 тыс. нумидийских конников, боевые качества которые Ганнибал отлично знал. Он также пошел от побережья вглубь материка, остановился у города Зама и пригласил Сципиона на личную встречу. Сципион согласился, и два полководца встретились на равном расстоянии от своих войск. Каждого сопровождал только переводчик.

О чем точно говорили собеседники, мы уже никогда не узнаем (это относится и к встрече Наполеона с Александром I через 2 тыс. лет), но несомненно, что встреча имела огромное значение для всей последующей мировой истории. Ливий сообщает, что они «долго стояли в молчании, рассматривая друг друга». Потом Ганнибал сказал, что пришел говорить о мире и рад, что именно со Сципионом ему приходится говорить на эту тему. Он признал, что был агрессором и что Карфаген совсем недавно вновь подорвал доверие к себе, разорвав мирный договор. Но если Сципион дарует противнику мир сейчас, то достойно увенчает все свои победы. Если же он решится вновь испытать фортуна, то она может отвернуться от него, и все его деяния будут перечеркнуты.

Сципион отвечал, что когда-то Карфаген уже нарушил условия гораздо более легкие, чем те, которые он предлагал совсем недавно. Теперь Карфаген согласен на все, что ему предлагают. Он, Сципион, готов ходатайствовать перед римским сенатом о даровании мира Карфагену, но для этого Ганнибал должен согласиться на безоговорочную капитуляцию. Если он не согласен, то рассудить их может только противоборство армий. На этом они расстались.

У Ганнибала было 50 тыс. воинов — африканцев, лигуров, галлов, италийцев, отряд македонян, при-

сланный Филиппом, балеарцы, немного нумидийцев и 80 слонов. В армию Сципиона входили 2 римских легиона, 2 союзных — около 20 тыс. человек, 40 тыс. легкой пехоты, 3 тыс. римской кавалерии и 6 тыс. всадников Масиниссы. Ганнибал построил свою армию тремя линиями: впереди лигуры, галлы, балеарцы и мавры — те части, на которые он меньше всего надеялся; во второй линии находились африканцы, карфагеняне и македоняне, недавно набранные и обученные; третья линия состояла из воинов, прибывших из Италии, в основном италийцев и бруттийцев. 80 слонов стояли перед первой линией по всему фронту.

Армия Сципиона была построена по римскому образцу, но манипулы размещались не в шахматном порядке, а друг за другом с интервалами, которые были заполнены легкой пехотой. В случае атаки слонов легкие пехотинцы должны были прятаться за манипулы,

Римский легкий пехотинец — велит

Финикийский стеклянный флакон для благовоний, выполненный в форме греческой амфоры (Кипр, V–IV вв. до н. э.)

Стеклянная подвеска в виде мужской головы. Подобные маски, производившиеся в Карфагене, археологи находят на Сардинии, Балеарских островах и на Ближнем Востоке

Аскос (маленький кувшин) в форме головы негритенка (IV–III вв. до н. э.). Найден на месте г. Лилибей

*Бюст эпирского царя Пирра
(319–272 гг. до н. э.)*

*Бюст Гиерона II Сиракузского
(269–216 гг. до н. э.)*

Этрусские воины несут погибшего товарища. Деталь крышки саркофага

Бюсты, которые некоторые исследователи считают портретами Ганнибала

Фрагмент барельефа с изображением римского боевого корабля

Римский боевой корабль. Гравюра XIX в.

Триумфальная ростральная колонна Гая Дуилия на форуме в Риме. Гравюра XVIII в.

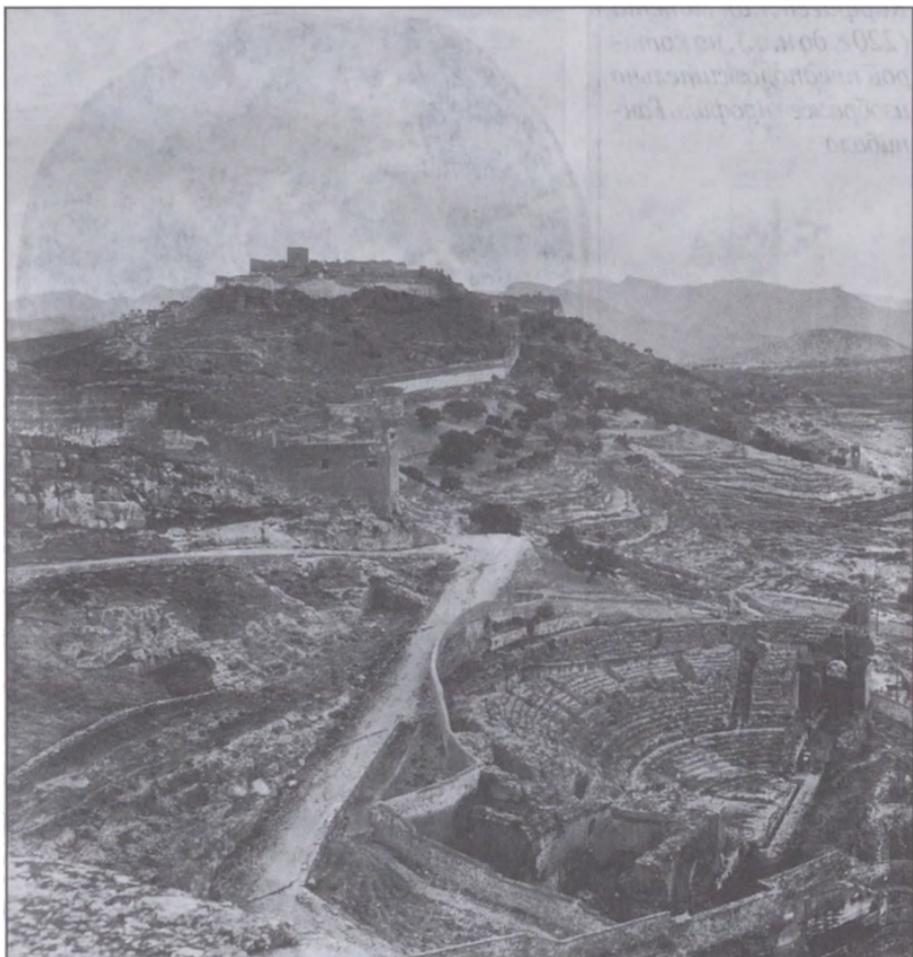

Монета из Нового Карфагена (230 г. до н. э.), на которой предположительно изображен профиль Гамилькара Барки

*Карфагенская монета
(220 г. до н. э.), на кото-
рой предположительно
изображен профиль Ган-
нибала*

Терракотовая статуэтка боевого слона (280–261 гг. до н. э.)

Общий вид местности, где располагался в древности город Сагунт, захваченный Ганнибалом в 219 г. до н. э.

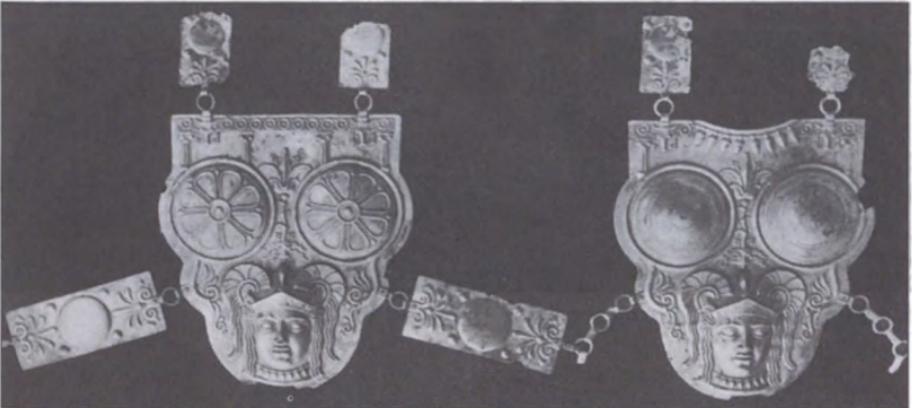
Серебряные карфагенские монеты времен Ганнибала

*Бронзовая статуэтка римского
легионера*

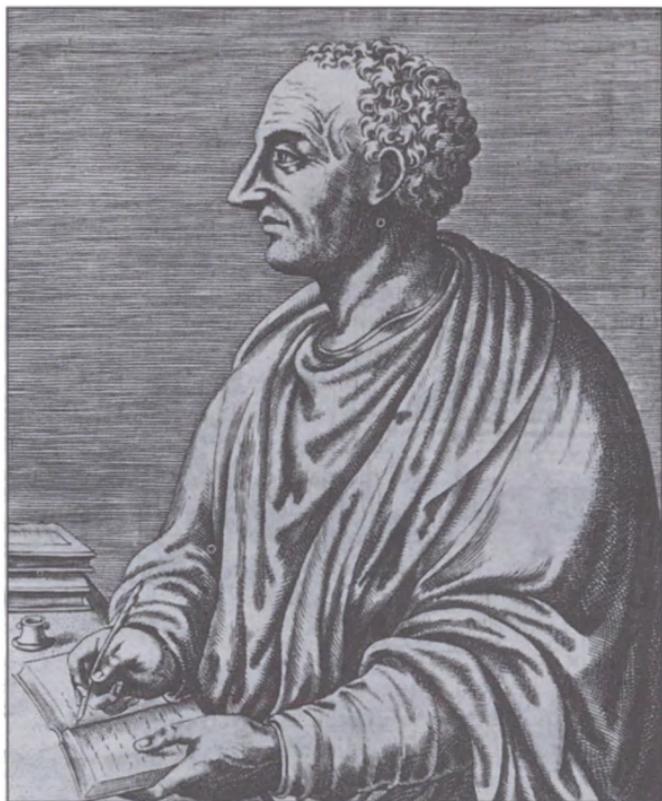
*Погребальная стела Фавония
Рацлия, центуриона XX легиона*

Карфагенские доспехи (III в. до н. э.)

Переправа Ганнибала через Рону. Гравюра XVIII в.

*Тит Ливий, рим-
ский историк.
Гравюра XVI в.*

*Западный вход на перевал Гримон. Именно здесь начался переход армии
Ганнибала через Альпы*

Гора Монте-Визо (3841 м), близ которой проходили карфагенские войска

Альпы позади. Ганнибал показывает своим воинам долину реки По. Гравюра XIX в.

Монумент в честь битвы при Каннах

Карфагенская монета (219–209 гг. до н. э.), на которой предположительно изображен профиль Гасдрубала Барки, брата Ганнибала

Монета с профилем нумидийского царя Масиниссы

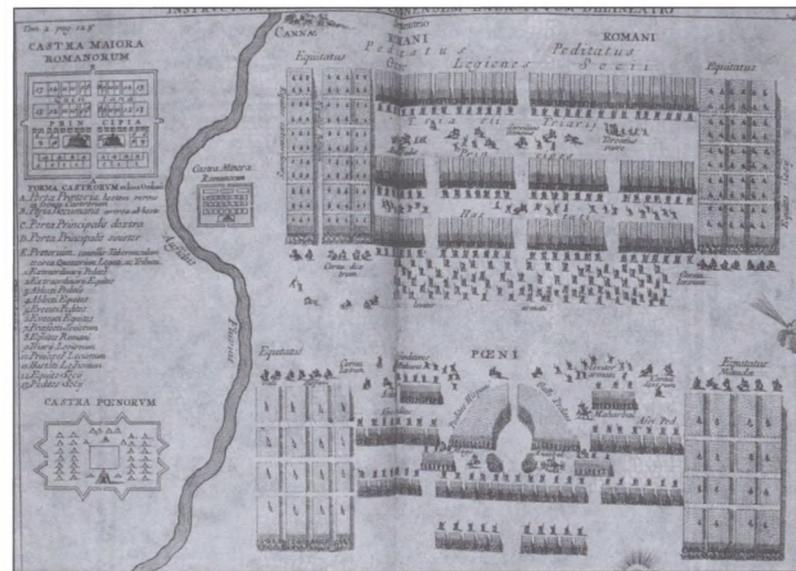
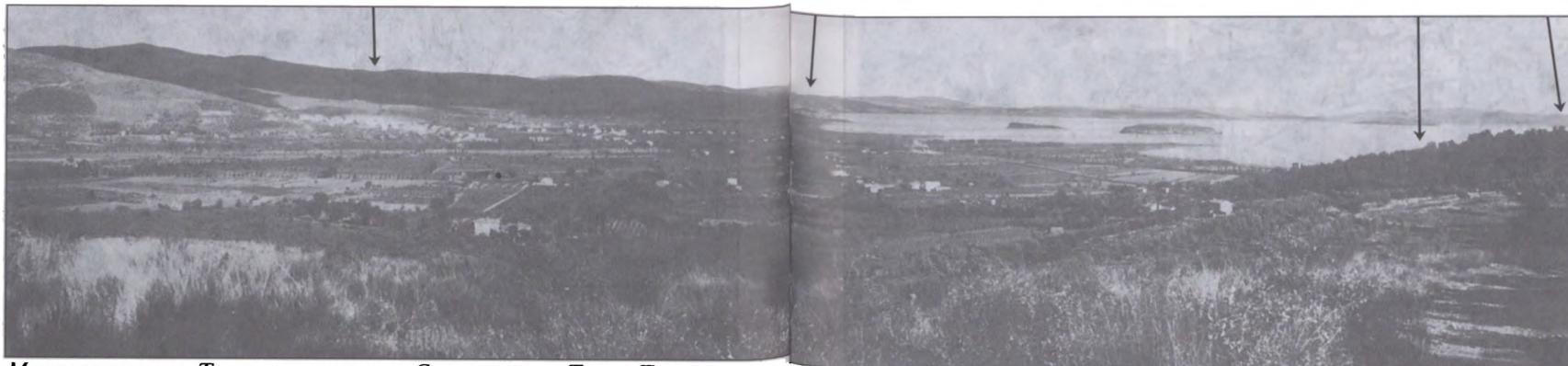

Схема сражения при Каннах. Из издания «Истории» Тита Ливия, XVII в.

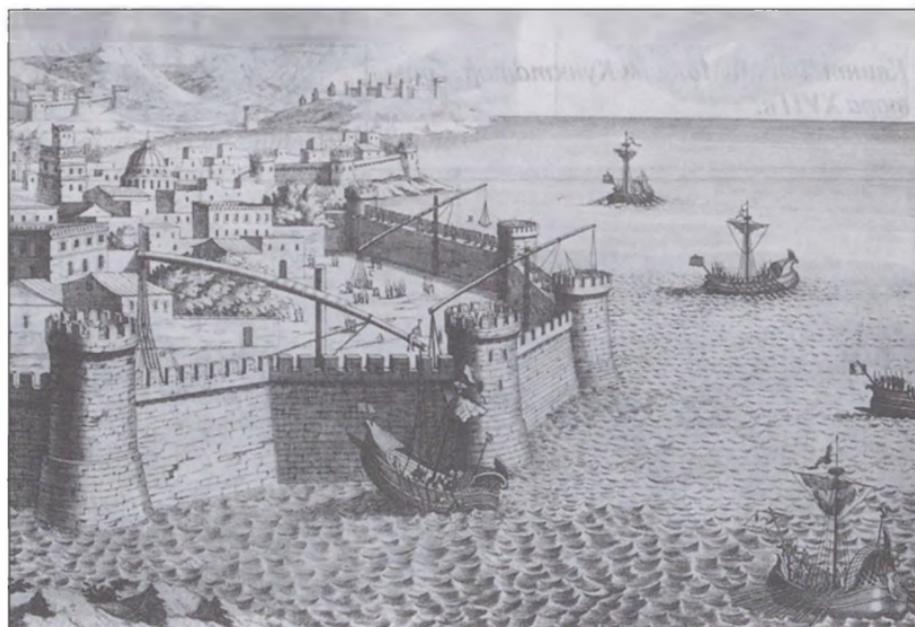
Квинт Фабий Максим Кунктатор. Гравюра XVII в.

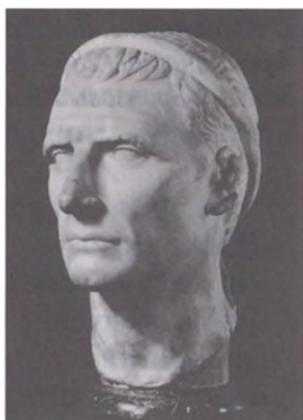
Место сражения у Тразименского озера. Слева направо: Туоро, Пассиньяно, Мальпассо, Борджетто

Гибель Архимеда в 212г. до н. э. Римская мозаика (ок. III в. н. э.)

Осада Сиракуз. Гравюра XVII в.

*Антиох III Сирийский
(223–187 гг. до н. э.)*

*Статуя Марка Клавдия
Марцелла*

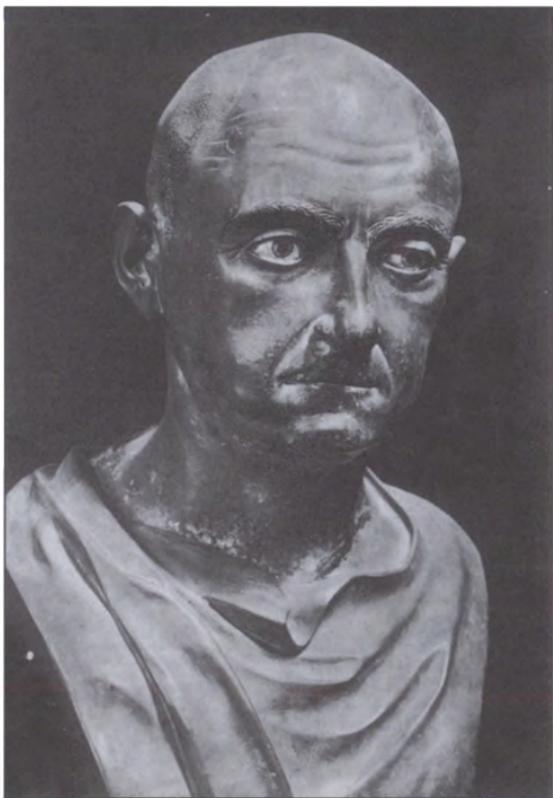

Профиль Филиппа V Македонского (220–179 гг. до н. э.) на серебряной монете

Монета с изображением Прусия I Вифийского, последнего союзника Ганнибала

*Публий Корнелий Сципион
Африканский (286—183 гг.
до н. э.). Бронзовый бюст*

*Все, что осталось от Карфагена.
Руины Акрополя*

освобождая для животных сквозные проходы. Масинисса с конницей стоял на правом фланге, римская кавалерия Лелия — на левом.

Слоны Ганнибала двинулись вперед, но они были плохо обучены, и большая их часть под стрелами и дротиками римлян повернула назад и внесла сумятицу в ряды карфагенян. Больше всего пострадала многочисленная нумидийская конница Ганнибала. Масинисса использовал эту возможность и атаковал со своими конниками левый фланг противника. Он быстро прогнал вражескую кавалерию с поля боя. Одновременно Лелий атаковал стоявшую перед ним африканскую кавалерию и начал теснить ее. Ганнибал остался без кавалерии, без слонов, с неприкрытыми флангами. Сципион быстро перестроил войска: интервалы между манипулами заполнились, образуя единый плотный строй, который двинулся на первую линию воинов Ганнибала. Лигуры и галлы не могли устоять перед легионерами, а вторая линия из африканцев и карфагенян не спешила оказать помощь первой. Поэтому лигуры и галлы бросились бежать назад и столкнулись со второй линией. Сзади их рубили римляне, а сами они старались прорубиться сквозь африканцев и карфагенян. Остатки первой линии бежали с поля боя, просочившись с флангов. Вторая линия несколько задержала римлян, но ненадолго. Вскоре атакующие прорвали ее и заставили в беспорядке отступать. У Ганнибала осталась только третья линия, за которой других резервов не было. Тем временем Лелий и Масинисса, прогнав конницу противника с поля боя, вернулись и ударили во фланги и в тыл последним воинам Ганнибала. Сражение было безнадежно проиграно. Ганнибал ускакал с поля боя и с небольшим отрядом направился к Гадрумету.

Сципион с армией двинулся к Карфагену. Предстояло решить вопрос, надо ли осаждать и разрушать

город. Сципион решил этого не делать. Он продиктовал карфагенянам новые условия мира: выдача всех дезертиров, пленников и обращенных в рабство; выдача всех слонов и запрет на обучение новых; выдача всех военных кораблей за исключением 10 трирем; карфагеняне не имеют права воевать где-либо без разрешения Рима; Масинисса признается царем Нумидии; Карфаген обязуется поставлять хлеб и деньги для союзных Риму армий; Карфаген выплачивает контрибуцию в 10 тыс. талантов серебра в течение 50 лет; в Рим отправляются 100 заложников, которых отберет Сципион. На этих условиях карфагенянам разрешалось свободно жить по отеческим законам в городах и на территориях, которыми они владеют в Африке.

Когда эти условия были зачитаны в Большом Совете Карфагена, один из членов Совета вскочил, чтобы возражать, но Ганнибал собственноручно заставил его сесть на место. Условия были приняты, и в Рим отправилось посольство для утверждения договора. Послов встретили холодно, а консул Гней Корнелий Лентул наложил на договор вето. Он хотел затянуть войну, чтобы затем, одержав легкую победу, самому прославиться как победителю Карфагена. Вопрос вынесли на обсуждение в Народном собрании, и оно решило даровать Карфагену мир, а человеком, который его подпишет и приведет армию домой, назначило Сципиона.

Послы вернулись в Карфаген, и Сципион заключил мир — ровно через 40 лет после окончания Первой Пунической войны. Все обещания карфагеняне выполнили — выдали провиант, пленников, сожгли свой флот. Потом перед ними встала проблема: где взять деньги на первую выплату по контрибуции. Этот вопрос долго обсуждался в Большом Совете. Внезапно Ганнибал поразил всех, начав громко хохотать. Его стали упрекать в том, что он смеется, когда все вок-

руг горюют. Он ответил, что его позабавило следующая мысль: они не горевали, когда отдавали врагам свое оружие и уничтожали свой флот; беда для них наступила, когда дело коснулось их личных интересов. Когда Карфаген разоружали, они не проронили ни слезинки. Теперь, когда им придется собирать деньги для римлян по собственным карманам, они рыдают, как на похоронах. Но это еще только начало тех бед, которые им предстоит пережить.

Масинисса получил свое царство и был коронован. Нумидия провозглашалась государством, находящемся под защитой Рима. Сципион с армией отплыл в Италию и получил триумф в Риме. Ему даровали дополнение к имени — Сципион Африканский.

Ганнибал в Карфагене

После всех бедствий, которые Ганнибал причинил Карфагену, удивительно, что по мирному договору римляне не потребовали его выдачи или включения в число заложников. Это может быть объясняться влиянием Сципиона, который питал к своему оппоненту чувство глубочайшего уважения и даже восхищения. Возможно также, что римляне понимали: без Ганнибала Карфаген распадется на части, и Рим не получит никаких репараций. Вернувшийся к мирной жизни Ганнибал получил возможность проявить качества выдающегося государственного деятеля, до тех пор затеняемые его военным гением. В Карфагене, который переживал политический кризис, у него было широкое поле деятельности.

Большой Совет назначил Ганнибала суффетом — высшим должностным лицом Карфагена. Прежде всего было необходимо выяснить, какими ресурсами располагает побежденная страна. Положение оказалось лучше, чем можно было ожидать. Город мог быстро

возродить былое процветание за счет развития торговли и прочей экономической деятельности. Но неожиданно разразился скандал. После первой выплаты по репарациям в 199 г. до н. э. из Рима пришло сообщение, что квесторы обнаружили недостачу: присланное из Карфагена серебро на одну четверть состояло из примесей. Интересно было узнать, как римляне это установили — со дня смерти Архимеда, открывшего метод определения массы тела по его объему, прошло всего двенадцать лет.

Разбирая происшествие, Ганнибал столкнулся с противодействием Совета судей, члены которого избирались пожизненно и были представителями аристократии, т. е. тех кругов, из-за непродуманных решений которых он упустил столько возможностей в Италии. Ганнибал провел через Большой Совет изменения в законодательстве, и судьи стали избираться на один год. Искореня взятки и злоупотребления, собирая невыплаченные налоги, Ганнибал показал, что можно выплачивать репарации и при этом не допускать роста цен и повышения налогов.

В Риме финансовая ситуация была гораздо хуже. Долгая война против Ганнибала привела к глубокой инфляции, которую не могли обуздать пятнадцать лет, пока в 187 г. до н. э. в Риме не была проведена денежная реформа. В результате главной монетой стал римский денарий, в обращении поступили серебряные и медные разменные монеты. За годы Второй Пунической войны римский ас стал легче в 12 раз своего первоначального веса.

Ганнибал столкнулся с еще одной трудной проблемой. Когда Магон покидал Геную, один из его офицеров, которого, к несчастью, звали Гамилькар, остался в Италии и возглавил мятеж лигурских и галльских племен в Цизальпинской Галлии. Мятежники напали на Плаценцию и Кремену. Римский сенат,

естественно, обратился к Карфагену и потребовал отозвать, арестовать и выдать бунтовщика, поступки которого нарушают мирный договор. На Ганнибала пало подозрение, что он причастен к мятежу, но Большой Совет ответил Риму, что Карфаген не имеет отношения к мятежу и может только объявить этого Гамилькара изгнанником и конфисковать его имущество.

Тем временем началась Вторая Македонская война (200 г. до н. э.). С 205 г. до н. э., когда на престол фараонов вступил Птолемей V Епифан, а Филипп Македонский и Антиох Сирийский разработали планы захвата египетских владений за пределами Африки, все государства Малой Азии и Эгейского моря лихорадило. Беспокоился Родос, живший за счет торговли, который не радовался перспективе захвата Дарданелл и Босфора Филиппом Македонским. Эвмен, царь Пергама, был обеспокоен тем, что к его границам приблизятся владения Антиоха Сирийского. Кроме того, египетская знать отдала своего юного фараона под защиту Рима. А Рим не забыл того, что Филипп, в нарушение мирного договора 205 г. до н. э., прислал отряд воинов Ганнибалу накануне битвы при Заме.

В 200 г. до н. э. Рим объявил войну Македонии, и это событие стало поворотным в римской истории. Воюя с Ганнибалом, Рим мог с полным основанием заявлять, что обороняется от агрессора. Воюя в Италии и даже на Сицилии, он как бы создавал кольцо обороны вокруг собственно Рима. Теперь римляне сами начали войну вдали от Италии. Кроме того, укрепляясь в Италии, Рим обращал свой взор прежде всего на запад — на Сицилию, Сардинию, Испанию, Карфаген. Теперь он обратился на восток — Иллирию и Грецию — и достиг Родоса, Пергама и Этолийского союза греческих городов. Наступал момент рождения великой Римской империи.

В первые два года войны против Филиппа V рим-

ляне не добились заметных успехов, но в 197 г. до н. э. командующим стал молодой консул Тит Квинций Фламинин, и ситуация резко изменилась. Тит объявил, что пришел освободить Грецию от македонского ига, и сумел разрушить союзные отношения между Ахейским союзом греческих городов и Филиппом V. В битве у Киноскефал он разбил войско македонян. Филипп был вынужден отказаться от всех владений в Греции, отдать свой флот, заплатить контрибуцию. Могущество Македонии было сломлено.

В следующем 196 г. до н. э. римляне совершили мастерский политический ход. Фламинин явился на Истмийские игры в Коринф и объявил во всеуслышание, что города Греции получают независимость, что она не будет платить дани Риму, а на земле Греции не будет римских гарнизонов. Эти слова вызвали взрыв ликования греков, но на самом деле это заявление было не более чем уловкой, проявлением римской политики «разделяй и властвуй». Во-первых, оно связало греков чувствами благодарности и восхищения по отношению к Риму и лишило Филиппа V возможности в свою очередь объявить, что он желает спасти Грецию от римского ига. Во-вторых, Греция теперь так и оставалась впредь скоплением маленьких самостоятельных государств и опасности для Рима не представляла. Попади Греция во власть Антиоха Сирийского, она вошла бы в состав сильного централизованного государства, соседство с которым было бы опасно для Рима.

Затем наступила очередь Антиоха, который успел захватить Финикию, Палестину, Кипр и другие владения Египта в Малой Азии. Филиппа V, своего союзника, Антиох сильно подвел — не пришел к нему на помощь против Рима, наоборот, воспользовавшись бедствиями Македонии, сам захватил Дарданеллы и несколько греческих городов в Малой Азии. Он наме-

ревался возродить державу Александра Великого — от Адриатики до Инда. Римляне могли относиться к Антиоху только как к сопернику. В свое время сложилась ситуация, когда Риму и Карфагену стало тесно вместе в Средиземноморье; теперь место должен был уступить либо Рим, либо Антиох.

В Риме подозревали, что Ганнибал контактирует с Антиохом. Конечно, это было бы нарушением мирного договора, по которому Карфагену запрещалось воевать без разрешения Рима и тем более помогать его явным врагам. Ганнибал вызывал в Риме тревогу еще по одной причине: благодаря его стараниям финансовое положение Карфагена улучшалось, репарации не истощили его, как надеялись римляне. Через 2 000 лет такое же разочарование постигло Пруссию, которая нанесла поражение Франции.

В 195 г. до н. э. в Карфаген из Рима прибыло посольство и обвинило Ганнибала в сношении с врагами Рима. Положение Ганнибала стало небезопасно, потому что борьба со злоупотреблениями в Карфагене дала ему много новых врагов. Он понимал, что римляне потребуют его выдачи, а Большой Совет не сможет ответить отказом, и решил бежать, применив для этого ряд хитростей. Заявив, что отправляется на короткую прогулку, он поехал в свое поместье на побережье. Все ценности он заранее погрузил на корабль, на котором отплыл к острову Церцине. Обнаружив стоящие близ острова карфагенские корабли, он попросил капитанов снять с рей паруса, чтобы создать навес от палящего солнца. Эта уловка понадобилась Ганнибалу, чтобы задержать карфагенские суда и известие о его бегстве. Ночью его корабль двинулся на восток. Он держал путь к Антиоху, единственному властелину Востока, который мог бы бороться с Римом.

Римское посольство, узнав, что Ганнибал бежал, пришло в ярость. Большой Совет объявил его вне за-

кона и конфисковал оставленное им имущество. Так отблагодарили Ганнибала на родине.

Последние годы Ганнибала

Ганнибал приплыл в Тир, когда-то — метрополию Карфагена, который теперь находился в руках Антиоха, и был очень гостеприимно встречен. Антиох в это время находился в Эфесе. Ганнибал отправился туда, был принят и обласкан царем и изложил ему свой план борьбы против Рима; он предусматривал передачу Ганнибалу армии в 10 000 пехоты, 1 000 конников и сто кораблей и высадку в Италии, в то время как Антиох должен был напасть на Грецию. Этот план римляне узнали от самих карфагенян, потому что в Карфагене был схвачен житель Тира, пытавшийся вступить в контакт со сторонниками Ганнибала. Римляне отправили в Эфес посольство, чтобы напрямую спросить Антиоха о его намерениях.

В посольство входил и Сципион Африканский. В Эфесе произошла его вторая встреча с Ганнибалом, и Ливий передает нам их примечательный разговор. Сципион спросил, кого Ганнибал считает величайшим в истории полководцем. «Александра Великого», — ответил Ганнибал. «Кто же на втором плане?» — спросил Сципион. «Пирр», — ответил Ганнибал. «Кто же третий?» — продолжал интересоваться Сципион. «Я», — отвечал Ганнибал. Сципион рассмеялся и спросил: «А что бы ты сказал, если бы победил меня?» Ганнибал ответил: «Тогда величайшим полководцем я считал бы себя самого». Сципион оценил комплимент.

Как передает Цицерон, в Эфесе произошел еще один занимательный эпизод. Некий философ по имени Формион читал лекцию о военном искусстве и достоинствах полководца, и Ганнибал пришел послу-

шать. После лекции у Ганнибала спросили, что он думает о выступлении мудреца. Ганнибал ответил так: «В своей жизни я видел много старых дураков, но этот превосходит их всех, вместе взятых».

Один из членов римского посольства, Публий Виллий, попросил Антиоха о личной встрече с Ганнибалом и беседе с глазу на глаз — якобы для того, чтобы узнать о его истинных намерениях. Это дискредитировало Ганнибала в глазах Антиоха, и полководец так и не получил ни воинов, ни флота для экспедиции в Италию. Рим послал Антиоху ультиматум: освободить все греческие города, которые он занял. Антиох ответил отказом, и Рим объявил войну. Сирийская война началась в 191 г. до н. э. Антиоху предстояло защищать Малую Азию, но небольшое войско он послал и в Грецию, и оно укрепилось в Фермопильском проходе. Римский консул Манлий Ацилий Глабр высадился в Греции и разбил отряд Антиоха на этом историческом месте. В бою отличился цензор Марк Порций Катон, который провел римский отряд в обход Фармопил и напал на противника с тыла.

Прежде всего Антиоху необходимо было сохранить Дарданеллы, установить контроль над Эгейском морем и не допустить римский флот до берегов Малой Азии. Чтобы помочь Антиоху, Ганнибал направился в Тир собирать корабли. Объединив флот Эфеса и Тира, Антиох мог бы разбить римлян на море. Но на пути в Эфес корабли Ганнибала подверглись нападению родосского флота. Родос был союзником Рима, и в битве у Адалии родосцы одержали верх над Ганнибалом. Провести корабли к Эфесу не удалось, Ганнибал вернулся назад. В результате флот Антиоха был уничтожен римским флотом в сражении у Мионеса. Теперь ничто не мешало римлянам войти в Дарданеллы и вступить в Малую Азию.

Римской армией командовал консул Луций Кор-

нелий Сципион, брат Сципиона Африканского, который находился тут же, при армии, в ранге проконсула, и на самом деле именно руководил операциями. Антиох отвел войска к Эфесу и спросил у Сципиона, каковы будут условия мира. Условия были просты: Антиох уходит и освобождает всю Малую Азию до реки Галис и гор Тавра на юге. Эти условия Антиох не захотел принять.

Противники сошлись на битву в 189 г. до н. э. у горы Магнезия, к северо-востоку от Смирны. У Сципионов было 30 000 воинов, включая отряд из Пергамма, у Антиоха — 70 000 пехоты и 12 000 кавалерии, а также 80 индийских слонов, боевые колесницы и верблюды. Говорят, что Ганнибалу показали список войск Антиоха и спросили, что он об этом думает, он сказал: «Да, римлянам будет чем здесь поживиться, как бы жадны они не были». Герцог Веллингтон, когда ему показали диспозицию войск Блюхера и попросили оценить ее, выразился более грубо: «Его чертовски крепко поколотят».

Ганнибал был прав: согласно Ливию, 54 000 воинов Антиоха погибли, в то время как римляне потеряли не более 4 000 человек. Антиох вновь спросил римлян, каковы будут условия мира. Сципион ответил, что условия прежние. Антиох отступил за горы Тавра.

После поражения Антиоха Ганнибал выступил в новой роли — эксперта по градостроительству. Страбон и Плутарх сообщают, что от Антиоха он направился в Армению, где объяснил царю Арташесу I все преимущества прямоугольной планировки городов и строительства кварталов квадратами. На этих принципах был построен город Арташат, ставший столицей Армении.

Ганнибал считал, что римляне договорились с Антиохом о его выдаче, а потому принял меры предос-

торожности. Погрузив свои сокровища на корабль, он отплыл на Крит. В Риме, который теперь стал господином Средиземноморья, Луций Корнелий Сципион получил прозвание «Азиатского».

На Крите Ганнибал подвергся опасности нового рода: жители острова слыли очень алчными людьми, и Ганнибал мог лишиться своих сокровищ. Тогда он пошел на следующую хитрость: в узкогорлые кувшины сложил кусочки свинца, а сверху — тонкий слой золотых монет, и отнес их в храм Артемиды, заявив, что отдает их на хранение богине. Стража бдительно охраняла храм днем и ночью, а настоящие сокровища Ганнибал спрятал в большие бронзовые статуи, полые внутри, которые просто валялись в саду его дома.

Потом Ганнибалу предоставилась еще одна возможность повоевать — если не с Римом, то с его союзником. Евмен, царь Пергам, воевал с Прусием, царем Вифинии; последнему Ганнибал и предложил свои услуги. Войско Пруссия было разбито на суше, но война продолжалась на море. Ганнибал предложил собирать ядовитых змей, складывать их в кувшины с землей, а в бою забрасывать этими кувшинами корабли противника. Прием оказался весьма эффективным; Трог Помпей пишет, что «он обеспечил победу». Это древнейший пример ведения биологической войны.

Малая Азия уже была римской сферой влияния, и Рим потребовал у Пергама и Вифинии прекратить эту малую войну. В Риме послы Пруссия выболтали, что им помогал Ганнибал, и сенат приказал схватить его. На этот раз спасения не было, потому что, как пишет Плутарх, «Ганнибал уже уподобился старой птице, потерявшей оперение и неспособной летать».

Это случилось в 183 г. до н. э., когда Ганнибалу было 64 года. Он вновь ушел от преследователей, приняв яд, и сказал перед смертью: «Снимем груз забот с плеч римлян, которые считают слишком трудным и

долгим делом дожидаться смерти ненавистного им старика».

Так умер Ганнибал, отвергнутый своей родиной, для которой он сделал очень много. В этом же году умер Сципион Африканский, и тоже в изгнании. В Риме его обвинили в том, что мир с Карфагеном он заключил ради своей выгоды, и в присвоении общественных денег. Вызванный в суд, он явился и принес документы, которые доказывали его невиновность, но посчитал ниже своего достоинства показывать их судьям. Он удалился в деревенское поместье возле Линтерно, а перед смертью велел выбить на своем мраморном камне: «Моя неблагодарная страна не получит моих костей».

В том же 183 г. до н. э., когда ушли из жизни величайшие полководцы Карфагена и Рима, умер и последний великий воин классической Греции — Филопмен. Он командовал войсками Ахейского союза, но во время вылазки против мессенцев, предавших союз, попал в плен и был брошен в застенок, где его и отравили. Прах военачальника возвратили в родной Мегалополис, а урну нес его согражданин, полководец Полибий.

Третья Пуническая война

Мирный договор, завершивший Вторую Пуническую войну, положил начало непрерывной холодной войне между Римом и Карфагеном. Упорным трудом и успешной торговлей карфагеняне сотворили экономическое чудо; их город вновь процветал, но постоянно страдал от нападений Масиниссы, который мечтал захватить богатый Карфаген и стать господином в Северной Африке.

Карфагеняне могли только жаловаться на Маси-

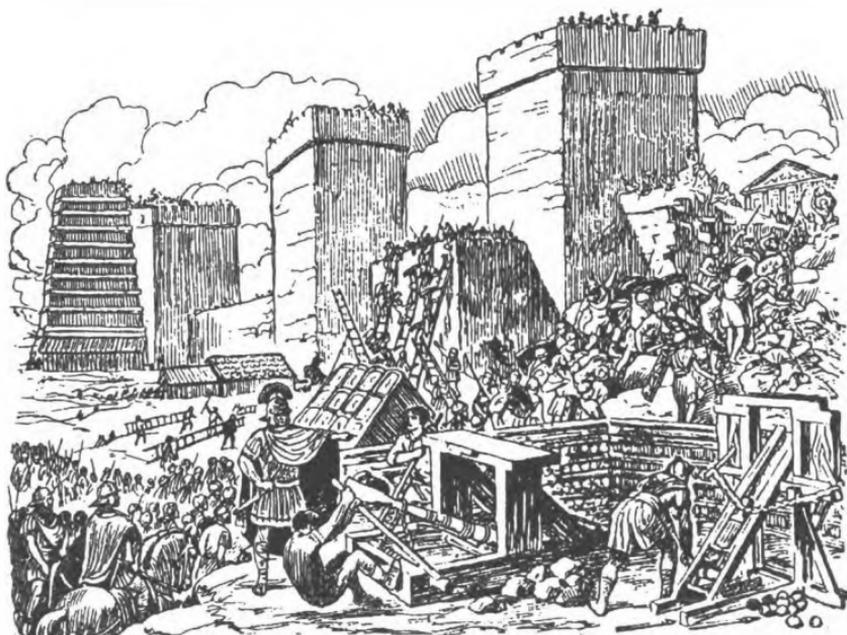

*Карфаген накануне Третьей Пунической войны.
Старинная гравюра*

нису в Рим; воевать с кем бы то ни было они могли только с разрешения римлян, но сенат, и это все сознавали, никогда бы не дал такого разрешения. Наоборот, римляне всячески поддерживали и поощряли Масинису. Однажды в Карфаген прибыло римское посольство во главе с Марком Порцием Катонем, связанным с римскими торговцами и ростовщиками, заинтересованными в ликвидации Карфагена, как конкурента. Он увидел, что Карфаген процветает, и, вернувшись в Рим, заявил в сенате, что Карфаген

снова стал угрозой. Катон достал из складок тоги ветвь фигового дерева с прекрасными плодами, привезенную из Карфагена, и сказал, что такие чудесные плоды зреют всего в трех днях пути по морю от Рима. Речь он завершил знаменитой фразой: «Другими словами, я считаю, что Карфаген должен быть разрушен».

Нападения Масиниссы продолжались, и, не дождавшись помощи от Рима, карфагеняне взялись за оружие. Это произошло в 149 г. до н. э. В ответ Рим объявил Карфагену войну. Большой Совет отправил в Рим посольство, которое заявило в сенате, что готово представить объяснение. Сенаторы ответили, что кар-

Штурм крепости римским войском.

Для разрушения стен применялись тараны. Противника обстреливали из метательных машин. С помощью осадных башен и штурмовых лестниц воины пытались ворваться на неприятельские укрепления

фагеняне сохраняют свободу, законы и земли, если пришлют в Рим в качестве заложников 300 юношей из самых знатных семей. Карфагеняне согласились.

Едва заложники прибыли в Рим, консулы Марк Манилий и Луций Марций Цензорин с армией в 80 000 человек отплыли из Италии и высадились в Утике, давая понять, что цель их похода — владения Масиниссы. Но затем они потребовали у карфагенян сдать все оружие, а жителям приказали очистить город и удалиться на расстояние не менее десяти миль от побережья и ближе к морю впредь не селиться. Карфагеняне протестовали и говорили, что сенат обещал сохранить им свободу, на что консулы ответили, что обещание касалось именно карфагенян, т. е. жителей, а не самого города. В этот раз римляне сами прибегли к тому, что называли «пунийским обещанием», намекая на коварство и лживость карфагенян, но сами оказались гораздо более коварными.

Тогда жители Карфагена решили взяться за оружие и оказать пусть последнее, но отчаянное сопротивление. Храмы стали мастерскими по изготовлению оружия, женщины остригли косы и сплели из них канаты для метательных машин. Два года римляне вынуждены были вести правильную осаду города.

В 147 г. до н. э. консул Публий Корнелий Сципион Эмилиан, сын Луция Эмилия Павла и внук того Эмилия Павла, что погиб в битве при Каннах, возглавил осаду города. Молодой Эмилиан воспитывался в доме у Сципиона Африканского, который его и усыновил, поэтому он носил имя приемного отца, Сципиона, и имя, указывающее на его родовое происхождение, — Эмилиан.

Когда римляне пошли на решающий приступ и ворвались в город, многие жители Карфагена сожгли себя заживо в храмах города. Город был полностью разрушен, а земля, на которой он стоял, посыпана

Бой в Карфагене

солью и посвящена богам преисподней. На ней никому не разрешалось селиться. Территории Карфагена — за исключением той части, что отошла Масиниссе, — стали римской провинцией «Африка». В 146 г. до н. э. Сципион Эмилиан получил почетное дополнение к имени — Африканский Младший.

Полибий, который долго жил в доме Сципиона и был учителем Эмилиана, присутствовал при разрушении Карфагена. Сципион в тот день сказал ему: «Народы, как и люди, имеют свой срок жизни; придет день, и пробьет час Рима».

Эпилог

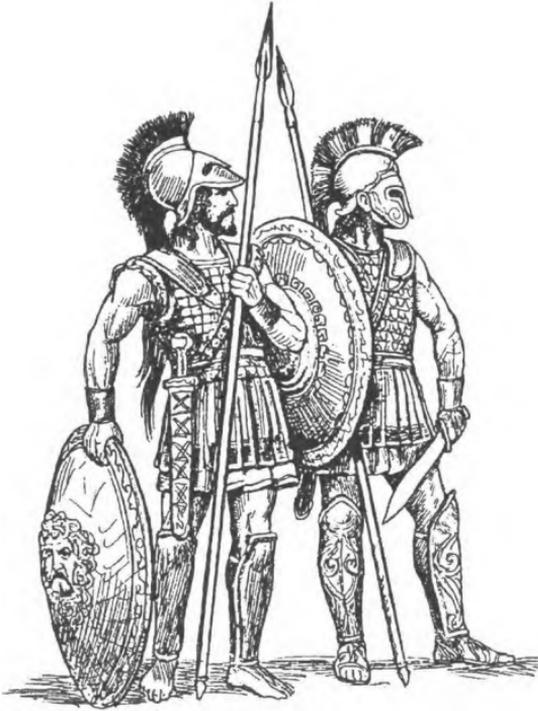
Ганнибал умер за полвека до того, как его надежды и начинания были окончательно перечеркнуты Римом, и это событие — гибель Карфагена — имело далеко идущие последствия для цивилизации, которая охватила Западную Европу, обе Америки, Южную Африку и Австралию. Начало этой цивилизации положил суровый индоевропейский Рим, а не роскошный семитский Карфаген. Для этого было много причин, политических и социальных, но главным было то, что граждане республиканского Рима были простыми крестьянами, которые пахали землю и с гордостью шли ее защищать, в то время как жители Карфагена процветали за счет торговли и предпочитали платить наемникам, которые за них воевали. Борьба Ганнибала была безнадежна с самого начала, и битву у Замы Карфаген проиграл за несколько веков до того, как она произошла.

Пьер Луи однажды сказал, что со времен античности человек придумал только одну новую вещь — сигареты. В политике и искусстве войны он сталкивался с новыми проблемами, которые были порождены применением новых источников энергии и неумением ограничивать рост численности населения. Но, например, феномен продажности правительств наблюдался в истории с замечательным постоянством. Нет ничего нового в сферах влияния, ограничениях на тор-

говлю, холодной войне, освободительной борьбе народов, психологической войне или тактике террора. Все это использовалось во времена Ганнибала и существует до сих пор, и в новейшей истории мы легко найдем аналоги «Сивиллиных книг», «Пирровых побед», «фабианской тактики» и «пунийских обещаний».

Немного изменилось, но века проходят, и кое-что меняется. Греки победили Трои, но сегодня, 3 000 лет спустя, большим комплиментом считается, когда человека сравнивают с троянским героем. Сципион победил Ганнибала, но сегодня именно Ганнибал празднует победу, потому что пользуется славой и известностью большей, чем у Сципиона. То же самое касается короля Артура и англосаксов, Гарольда и Вильгельма Завоевателя, Наполеона и Веллингтона. Восхищение человеком сродни выбору вероисповедания; как красноречиво заметил Шелли, это вопрос не воли, а темперамента и, следовательно, дело вкуса.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ПОЛИБИЙ
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

ОТ РЕДАКЦИИ

Древнегреческий историк Полибий родился ок. 200 г. до н. э. в городе Мегалополисе (Аркадия), в семье влиятельного политического деятеля Ахейского союза. Принимал активное участие в политической жизни Греции, командовал конницей ахейцев. Ахейский союз греческих государств являлся союзником Рима в войнах против Македонии, однако во время Третьей Македонской войны Полибий занимал нейтральную позицию, так как считал, что поражение македонян приведет к установлению римской гегемонии в Греции. После этой войны (в 166 г. до н. э.) Полибий в числе тысячи знатнейших граждан Ахейского союза был отправлен в Рим в качестве заложника. Знакомство с Римом, сближение с представителями римской аристократии, дружба с Публием Корнелием Сципионом (будущим завоевателем Карфагена) повлияли на политические убеждения Полибия; он стал искренним почитателем римского государства и римского величия, полагая, что историческая миссия римлян, в условиях упадка эллинской государственности, заключается в консолидации всех народов Средиземноморья. Сторонник аристократической формы правления, Полибий считал, что

демократия может привести общество к беззаконию, анархии и установлению тирании.

Полибий является автором «Всемирной истории» в сорока книгах (из них полностью сохранились лишь первые пять) . В труде, охватывающем период с 264 г. до н. э. до 146 г. до н. э., он предпринял попытку показать, как Рим обрел «мировое господство». «Всеобщая история» была написана Полибием вскоре после утраты независимости греческими государствами, и автор стремился донести до своих побежденных соотечественников идею необратимости хода истории и убедить их в благоприятности римского порядка и влияния для дальнейшего развития Греции.

Исторические события изложены у Полибия достоверно, он старался рассматривать их во взаимной связи. Большое значение древний историк придавал великим личностям, таким как Ганнибал, Фабий Максим, Сципион. «Всеобщая история» является не только памятником исторической мысли, но сохранила свое значение и как исторический документ.

В настоящем издании приводятся фрагменты «Всеобщей истории» Полибия, посвященные Первой и Второй Пуническим войнам и личности Ганнибала. Они позволяют полнее раскрыть черты характера и понять личность выдающегося полководца древности.

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Римляне выбрали в консулы Мания Отацилия и Мания Валерия, стали снаряжать войска с двумя вождями во главе в Сицилию. У римлян всего войска, не считая союзников, четыре римских легиона, которые набираются ежегодно; в каждом из них четыре тысячи пехоты и триста конных воинов. Когда войска эти явились в Сицилию, большинство городов отложилось от карфагенян и сиракузян и перешло на сторону римлян. Гиерон замечал тревогу и ужас сицилийцев, видел многочисленность и силу римских легионов и из всего этого заключал, что расчеты римлян на победу более основательны, чем карфагенян. Соображая это и склоняясь к такой мысли, он отправил посольство к римским вождям с предложением мира и союза. Римляне согласились на это, больше всего из-за продовольствия: они опасались, что при господстве карфагенян на море им отрезан будет подвоз съестных припасов откуда бы то ни было, тем более что и переправившиеся прежде легионы терпели сильную нужду. Вот почему они охотно приняли союз с Гиероном в ожидании от того больших для себя выгод. С этого времени римляне пользовались услугами сиракузян,

как друзей и союзников, а царь Гиерон поставил себя под покровительство римлян, коим по мере надобности он и доставлял все нужное, сам после этого спокойно царствовал над сиракузянами. И в самом деле, кажется, никогда не было столь знаменитого владыки, и никто дольше его не наслаждался плодами своей мудрости как в частной жизни, так и в делах государственных.

Когда условия договора стали известны в Риме, народ одобрил и утвердил заключенный с Гиероном мир, и римляне постановили посылать впредь не все свои войска, но лишь два легиона, как потому, что с присоединением царя бремя войны, казалось им, уменьшилось, так еще больше потому, что войска их, думали римляне, ни в чем не будут теперь нуждаться. Напротив, карфагеняне, видя, что Гиерон стал врагом их, что римляне все сильнее вмешиваются в дела Сицилии, почитали необходимым усилить свои военные средства, дабы иметь возможность бороться с врагом и удержать за собою сицилийские владения. Поэтому они набрали большое число наемников в противоположащей стране* из лигистинов, кельтов и особенно иберов, и всех их отправили в Сицилию. Они видели, что для этих вооружений наилучшее приспособлен самую природою город Аграгант, что он значительнее всех городов этой области, а потому собрали туда войска и запасы и решили сделать его опорным пунктом военных действий.

Что касается римлян, то консулы, заключившие договор с Гиероном, возвратились домой, а назначенные после них Луций Постумий и Квинт Мамиллий прибыли в Сицилию с своими легионами. Они постигали замыслы карфагенян, узнали и о военных приготовлениях в Аграганте, а потому нашли нужным

* Испании. — *Прим. ред.*

вести дело решительнее. Консулы приостановили военные действия в прочих частях Сицилии и обратили все силы против одного Аграганта, разбили лагерь на расстоянии восьми стадий от города и заперли карфагенян внутри стен. Так как наступила пора жатвы, а осада обещала затянуться надолго, то солдаты устремились собирать хлеб с большею поспешностью, чем следовало. Лишь только карфагеняне увидели, как неприятели рассеялись по полям, они сделали вылазку и напали на убиравших хлеб, быстро обратили их в бегство, и затем одни бросились грабить лагерь, другие ударили на сторожевые посты. Как случилось не раз и прежде, превосходство в дисциплине спасло римлян, ибо смертью наказывается у них каждый, кто покинет свое место или совсем убежит с поста. Поэтому и теперь римляне оказали мужественное сопротивление неприятелю, во много раз превосходившему их численностью, и, хотя много потеряли своих, еще больше истребили врагов. Наконец они окружили кольцом тех карфагенян, которые почти уже прорвали валы, часть их истребили, а остальных, тесня и избивая, загнали в город.

После этого карфагеняне делали вылазки не так смело, а римляне выходили за продовольствием с большею осторожностью. Так как карфагеняне не выходили против римлян и довольствовались мелкими стычками, то римские военачальники разделили свое войско на две части: одна оставалась на месте перед городом у святилища Асклепия, другая расположилась лагерем с той стороны города, которая спускается к Гераклею. Пространство между двумя лагерями по обеим сторонам города они оградил рвами. Один ров, внутренний, римляне провели против города для того, чтобы обеспечить себя на случай вылазки неприятелей; другой, наружный, шел кольцом и предназначался к ограждению от нападений извне, а также к

тому, чтобы препятствовать подвозу припасов и вступлению кого-либо в город, как бывает обыкновенно с городами осажденными. На промежуточном пространстве между рвами и лагерями поставлены были сторожевые отряды, а удобные пункты на некотором расстоянии один от другого были укреплены. Жизненные припасы и вообще все нужное собирали и доставляли в Гербес все союзники римлян, а из этого города, недалеко отстоявшего от лагеря, римляне сами непрерывно подвозили и переносили к себе припасы, так что имели все нужное в изобилии. Месяцев пять дела оставались в неизменном положении; решительного перевеса не имела ни одна сторона, и между противниками происходили только легкие схватки. Так как в городе заперто было много людей, не меньше пятидесяти тысяч, то карфагеняне стали терпеть голод. Тогда Ганнибал, начальник запертых в городе войск, и прежде уже удрученный таким положением дел, отправлял в Карфаген посла за послом с вестями о нужде и с просьбою о помощи. Карфагеняне поместили на корабли воинов и слонов, сколько могли собрать еще, и отправили их в Сицилию к другому военачальнику, Ганнону. Ганнон стянул в Гераклею войско, собрал там средства вооружения и прежде всего хитростью овладел городом гербесян, благодаря чему лишил неприятеля съестных припасов. Вследствие этого римляне оказались столько же осаждающими, сколько и осажденными, ибо нужда в хлебе и в прочих предметах необходимости угнетала их так, что они не раз помышляли о снятии осады и наконец сделали бы это, если бы Гиерон не действовал с большою ревностью и старанием и не доставил войскам нужнейших припасов хоть в умеренном количестве. Упомянутый выше Ганнон видел, что римляне живут в зараженном чумою воздухе, что болезнь и нужда ослабили их, напротив, свои войска считал достаточно сильными для

битвы. Тогда он взял с собою около пятидесяти слонов и все войско и поспешно выступил из Гераклеи, при этом отдал приказ нумидийской коннице идти вперед и, приблизившись к неприятельскому валу, дразнить и вызывать на бой неприятельскую конницу, затем оборачивать тыл и отступать до тех пор, пока не соединятся с ним. Нумидийцы исполнили приказание и бросились на один из неприятельских лагерей; римская конница тотчас устремилаь на нумидийцев и стала жестоко теснить их. Согласно данному приказанию ливийцы отступили, пока не достигли войска Ганнона; тут они оборотились лицом к неприятелю и ударили на него со всех сторон, многих убили, остальных преследовали до самого вала. После этого войска Ганнона разбили лагерь на виду у римлян, заняв так называемый холм Тор, стадиях в десяти от неприятеля. В продолжение двух месяцев стороны оставались в одном и том же положении, не предпринимая ничего важного, если не считать таковым ежедневных легких стычек. Так как Ганнибал посредством сигнальных огней и вестников из города не переставал уведомлять Ганнона, что голод становится невыносимым для массы населения и что многие из нужды перебегают к неприятелю, то военачальник карфагенян решил попытать счастья в битве, чего по объясненным выше причинам не меньше Аннона желали и римляне. Противники вывели войска на разделявшее лагерь пространство и ударили друг на друга. Сражение длилось долго, пока наконец римляне не обратили в бегство карфагенских наемников, сражавшихся в первых рядах. Когда бежавшие устремились на слонов и на задние ряды, все войско финикиян пришло в смятение. Бегство сделалось всеобщим, большинство карфагенян было истреблено, и лишь немногие спаслись в Гераклею; римляне захватили большую часть слонов и весь обоз. С наступлением ночи, когда

римляне от радости по случаю победы и вследствие усталости были менее бдительны на своих постах, Ганнибал, отчаявшийся было в успехе, решил, что теперь наступил удобный момент спасти остаток войска, и в полночь вышел из Аграганта с наемными войсками. Наполнив рвы плетенками, набитыми мякиной, он тайком от неприятеля увел свое войско. Римляне узнали о случившемся на рассвете, напали на отступающего Ганнибала, а затем все устремились к городским воротам. Не встретив здесь никакого сопротивления, они ворвались в город, разграбили его, захватили большое число пленных и множество всякой добычи.

Когда весть об аграгантском деле дошла до римского сената, римляне сильно обрадовались и воспрянули духом. Они не довольствовались уже первоначальными планами, ни спасением маметинцев, ни полученною в этой войне добычей, и надеялись даже совершенно очистить остров от карфагенян и тем усилить свое могущество. Что касается сухопутного войска, то они видели, что все идет как должно, ибо находили, что Луций Валерий и Тит Отацилий, выбранные после тех консулов, которые завоевали Аграгант, ведут сицилийские дела успешно. Но на море неоспоримое господство принадлежало карфагенянам. Вслед за покорением Аграганта многие города перешли на сторону римлян в страхе перед их сухопутными силами, зато большее еще число городов приморских отложилось от них из страха перед карфагенским флотом. По этой причине перевес в войне, как становилось для них яснее с каждым днем, клонился то на одну, то на другую сторону; кроме того, римляне видели, что Италия подвергается частым опустошениям от карфагенского флота, тогда как Ливия остается совершенно невредимою. Вот почему они решили померяться силами с карфагенянами и на море. Они ви-

дели, что война затягивается и истощает их, а потому в первый раз теперь принялись за сооружение судов в числе ста пятипалубных и двадцати трехпалубных. Но так как для сооружения пятипалубных судов не было опытных строителей, ибо в то время никто в Италии таких судов не употреблял, то предприятие это поставило римлян в большое затруднение. Но здесь-то и проявилось величие духа римлян и их отвага в начинаниях. Действительно, не имея средств к морской войне, никогда раньше не помышляя о морских завоеваниях и впервые задумав это теперь, они принялись за дело с такою уверенностью, что решились тотчас померяться силами в морской битве с теми самыми карфагенянами, которые со времен предков их неоспоримо владычествовали на море. В это время один палубный, неприятельский корабль очутился на берегу и попал в руки римлян; по образцу его римляне и соорудили весь свой флот, так что очевидно, не будь такого случая, они при своей неопытности не могли бы выполнить задуманное.

Пока одни заняты были сооружением судов, другие собирали команду и на суше обучали ее гребле следующим образом: они посадили людей на берегу на скамьи в том самом порядке, в каком они должны были занимать места для сидения на судах и приучали их откидываться всем разом назад, притягивая руки к себе, а потом с протянутыми руками наклониться вперед, начинать и кончать эти движения по команде. Когда люди были подготовлены, римляне спустились на море едва законченные корабли и направились по приказанию консула вдоль Италии. Дело в том, что командующий римским флотом Гней Корнелий отдал приказ корабельным начальникам плыть по снаряжению кораблей к проливу, а сам с семнадцатью судами за несколько дней раньше пошел в Мессину, чтобы принять необходимые меры к приему флота.

Когда представился случай овладеть городом на Липарских островах с помощью измены, Гней Корнелий слишком легковерно понадеялся на это и, отплыв с упомянутыми выше кораблями, пристал к самому городу. Получив известие об этом в Панорме, военачальник карфагенян Ганнибал отправил сенатора Боодеса с двадцатью кораблями. Подойдя к городу ночью, Боодес запер в гавани флот Гнея. На рассвете римляне решились бежать на сушу, а оробевший Гней не знал, что делать, и сдался неприятелю. Имея в своих руках неприятельские корабли и их начальника, карфагеняне тотчас возвратились к Ганнибалу. Несколькими днями спустя, когда несчастье Гнея было еще свежо и памятно, Ганнибал едва не стал жертвою подобной же ошибки. Он слышал, что римский флот, идущий вдоль Италии, уже близко; желая точнее узнать численность и вообще расположение сил неприятеля, Ганнибал пустился в море с пятьюдесятью кораблями. Он обогнул уже оконечность Италии, как столкнулся с неприятельским флотом, который шел в стройном порядке; большую часть своих кораблей он потерял, а с остальными успел бежать, хотя не имел уже никакой надежды на спасение.

По прибытии к Сицилии римляне узнали о поражении Гнея, тотчас послали за Гаем Дуилием, начальником сухопутных войск и поджидали его. Вместе с тем они стали готовиться к морскому бою, когда получили весть, что флот неприятельский не далеко. Так как корабли римлян вследствие несовершенства имели плохую маневренность то на случай битвы придумано было кем-то приспособление, в позднейшее время называвшееся вороном: на передней части корабля утверждался столб в четыре сажени длиною и в три ладони в поперечнике, с блоком наверху. К столбу прилажена была лестница, подбитая с помощью гвоздей поперечными досками в четыре фута ширины

и в шесть сажень длины. По обоим продольным краям лестницы сделаны были перила вышиною до колен. На конце лестницы-мостика прикреплен был железный заостренный шип, напоминающий клюв ворона, с кольцом наверху, через кольцо проходил канат, с помощью которого во время схватки судов ворон поднимался на блоке и опускался на палубу неприятельского корабля. Как только вороны пробивали палубные доски и таким образом зацепляли корабли, римляне со всех сторон кидались на неприятельское судно, если сцепившиеся корабли стояли бок о бок; если же корабли сцеплялись носами, тогда воины переправлялись по самому ворону непрерывным рядом по двое. При этом шедшие во главе воины держали щиты перед собою и отражали удары, направляемые с фронта, а следующие за ними опирались краями щитов о перила и тем ограждали себя с боков. Сделав такого рода приспособления, римляне выжидали благоприятного момента для морской битвы.

Как скоро Гай Дуилий узнал о неудаче, постигшей командующего морскими силами он передал сухопутное войско трибунам, а сам отправился на флот и отплыл со всеми и кораблями. При виде этого карфагеняне, преисполненные презрения к неопытности римлян, с радостью и поспешностью спустили на море сто тридцать кораблей, которые все пошли навстречу неприятелю; карфагеняне не находили даже нужным соблюдать боевой порядок и шли как бы на верную добычу. Флотом их командовал Ганнибал. Он шел на пятипалубнике, некогда принадлежавшем царю Пирру. По мере приближения карфагеняне замечали на передних частях всех кораблей [римлян. — Ред] поднятые вороны; сначала они недоумевали и удивлялись невиданным орудиям. Наконец движимые пренебрежением к врагу, первые корабли смело открыли сражение. Во время схватки суда каждый раз сцеплялись

с помощью описанных орудий, причем люди немедленно переправлялись по самому ворону, и бой происходил на палубах. Часть карфагенян была истреблена, другие в ужасе сдавались неприятелю сами, ибо морская битва обратилась в подобие сухопутной. Таким образом карфагеняне потеряли те тридцать кораблей вместе с командою, которые начали сражение; вместе с ними захвачено и судно начальника. Сам Ганнибал убежал в челноке. Остальной флот карфагенян продолжал путь, как бы собираясь напасть на врага, но по мере приближения карфагеняне узнавали об участи, постигшей передние корабли, а потому уклонялись от боя. Рассчитывая на быстроту своих кораблей, карфагеняне надеялись оградить себя от воронов, если будут заходить сбоку и с кормы неприятельских кораблей. Но орудия поворачивались во все стороны и направлялись на них отовсюду, так что приближающиеся корабли непременно слеплялись с римскими, пока наконец карфагеняне, уstraшенные необычайным способом битвы, не бежали, потеряв пятьдесят кораблей.

Когда вопреки ожиданию надежды римлян на море исполнились, военная ревность их удвоилась. Теперь они пристали к Сицилии взяли приступом город Макеллу.

Между тем военачальник сухопутных сил карфагенян Гамилькар, находясь у Панорма, узнал, что в римском лагере после морского сражения возникли распри между союзниками и римлянами из-за того, кому из них принадлежала в битве честь победы. По получении известия, что союзники располагаются отдельным лагерем, Гамилькар внезапно со всем войском напал на них в то время, как они разбивали лагерь, и истребил около четырех тысяч человек. После этой удачи Ганнибал с уцелевшими кораблями отплыл в Карфаген. Немного спустя он, увеличив число своих

судов, отправился к Сардинии. Вскоре после этого Ганнибал заперт был римлянами в какой-то сардинской гавани, потерял большое число кораблей, а вслед за этим спасшиеся карфагеняне схватили его и тут же распяли. Римляне же, как только вступили на море, стали помышлять и о завоевании Сардинии.

Находившиеся в Сицилии римские легионы не совершили в следующем году ничего достопамятного; затем они получили новых начальников Авла Аттилия и Гая Сульпиция, и пошли на Панорм, так как там зимовали карфагенские войска. Приблизившись к городу, консулы выстроили все войско в боевой порядок. Но неприятель не выходил; тогда римляне снялись отсюда, обратились против города Гиппаны и взяли его приступом. Взяли они и Миттистрат, долго выдерживавший осаду благодаря укрепленности своего положения. Городом Камарина, который отложился не задолго перед тем, римляне также овладели с помощью осадных орудий и срыли его стены; взяли они также Энну и большинство других меньших городов карфагенян.

В следующем году римский консул Гай Аттилий, стоя на якоре у Тиндариса и увидел проходящий мимо в беспорядке карфагенский флот; он приказал командам следовать за передними кораблями, а сам с десятью судами пошел вперед. Карфагеняне заметили, что часть неприятелей уже в открытом море, тогда как другая только садится на корабли, что передние далеко отошли вперед, а потому повернули назад, ударили на неприятеля и окружили его кольцом, причем потопили все корабли и едва не захватили консульский корабль вместе с командою; но он избежал гибели благодаря искусным гребцам и быстрому ходу. Тем временем подходил и мало-помалу собирался остальной римский флот. Выстроившись в боевую линию, римляне напали на врага, десять кораблей вме-

сте с командою взяли в плен, восемь затопили. Прочие суда карфагенян отступили к так называемым Липарским островам.

Вследствие этого сражения, в котором римляне и карфагеняне приписывали себе равный успех, каждая сторона еще больше была озабочена устройением своего флота и утверждением за собою господства на море. Сухопутные войска не совершили за это время ничего замечательного, довольствуясь легкими случайными стычками. В следующем году римляне вышли в море с тремястами тридцатью длинными палубными судами и высадились в Мессане. Снявшись оттуда, они продолжали путь, обогнули Сицилию и пристали у мыса Эконом, потому что в этих же местах находилось и их сухопутное войско. С другой стороны карфагеняне вышли в море с тремястами пятьюдесятью палубными кораблями, пристали к Лилибею, а оттуда перешли на стоянку к Гераклее Минойской.

Римляне намеревались плыть в Ливию и туда перенести войну, дабы угрожать карфагенянам не в Сицилии, а на их собственной земле. Обратные этому планы имели карфагеняне. Они понимали, что Ливия легко доступна; допускать до этого они не желали, а потому жаждали попытать счастья в морской битве. Так как одна сторона старалась воспрепятствовать тому, чего добивалась другая, то обоюдное упорство должно было неизбежно привести к ожесточенному столкновению.

Римляне делали соответствующие приготовления двоякого рода: на случай морских битв и для высадки на неприятельский берег. Поэтому они выбрали храбрейших солдат из пехоты и разделили все войско, которое намеревались взять в поход, на четыре части. Каждая часть носила два названия: первая называлась первым легионом и первым флотом; точно так же и остальные по порядку. Четвертая часть имела еще и

третье название; солдаты ее назывались триариями, как называют обыкновенно в сухопутном войске. Всего войска в римском флоте было около ста сорока тысяч, причем на каждом корабле помещалось по триста гребцов и по сто двадцать солдат. С другой стороны, и карфагеняне снаряжали свое войско с величайшим старанием, но вооружение их всецело рассчитано было только на морскую войну. Число войска их, судя по кораблям, превышало сто пятьдесят тысяч человек. Римляне знали, что им предстоит плавание в открытом море, что неприятель превосходит их быстротою кораблей, поэтому всячески старались обеспечить себя и сделать несокрушимым расположение своих сил. С этою целью они поставили впереди близко друг к другу два шестипалубника, на которых находились консулы Марк Аттилий и Луций Манлий. Корабли стояли один за другим так, что носы их обращены были наружу. Выстроив первый и второй флот правильным клином, римляне присоединили к нему третий, расположенный в одну линию, благодаря чему весь боевой строй их имел вид треугольника. За линией третьего флота они поместили грузовые суда и от них протянули канаты к кораблям третьего флота. За грузовыми судами поставлен был четвертый флот, так называемые триарии; он вытянут был в одну линию так, что с обеих сторон выступал за передние корабли. Когда все флоты были выстроены, общий вид строя представлял подобие клина, приспособленного к сопротивлению и нападению, в то же время разорвать строй было не легко.

В это самое время военачальники карфагенян обращались к войскам с краткими призывами и, напомнив, что в случае победы в морском сражении они будут вести войну за Сицилию, напротив, после поражения они подвергнут опасности собственную родину и своих родичей, затем отдали приказ садить-

ся на корабли. Все с ревностью исполняли приказание, бодро и угрожающе вышли в море. Правым крылом карфагенян командовал потерпевший неудачу при Аграганте Ганнон; в его распоряжении были боевые корабли и пятипалубники, по своей быстроте наиболее пригодные для того, чтобы обойти неприятеля с фланга; левое крыло поручено было Гамилькару, который сражался на море у Тиндариса. Он придумал следующую военную хитрость: когда римляне увидели, что карфагеняне выстроились в длинную тонкую линию, то устремились на центр; это и было началом сражения. Находившиеся в центре карфагеняне согласно команде быстро обратились в бегство, дабы расстроить неприятельскую линию. Чем быстрее карфагеняне отступали, тем ревностнее преследовали их римляне. Первый и второй флот напирала на бегущих; третий и четвертый отделились от них, потому что один буксировал грузовые суда, а другой находился при них для охраны. Когда первый и второй флот отошли, казалось, на значительное расстояние, Гамилькар подал сигнал со своего корабля, карфагеняне все разом повернули назад и атаковали римлян. Завязался жестокий бой, в котором карфагеняне имели значительный перевес благодаря быстроходности их кораблей. С другой стороны, и римляне питали не меньшую надежду на победу, в схватках дрались с ожесточением, зацепляли с помощью воронов всякий приближавшийся корабль; к тому же в битве участвовали оба консула, и солдаты сражались на виду у начальников.

В то же время правое крыло карфагенян с Ганноном во главе, при первой схватке находившееся на некотором расстоянии, пронеслось по морю и ударило на корабли триариев, чем поставило их в большое затруднение. Те из карфагенян, которые стояли было вдоль берега, переменили прежнее свое положение, вытянулись в линию и, обратив корабли носами впе-

ред, напали на флот, тянувший грузовые суда; но римляне сбросили канаты, сразились с неприятелем и держались твердо. Таким образом, завязалось три морских сражения на значительном расстоянии одно от другого. Так как силы противников были почти равны, то перевеса не было ни на одной стороне. Как бы то ни было, битва решалась отдельными схватками; наконец корабли Гамилькара были оттеснены и обратились в бегство. Тогда Луций взял на буксир захваченные корабли, между тем как Марк, увидев бой у флота триариев и у грузовых судов, поспешил к ним на помощь с нетронутыми еще кораблями второго флота. Когда он подошел к Ганнону и вступил в сражение, триарии быстро воспрянули духом и снова ринулись в битву. Карфагеняне, теснимые одними с фронта, другими с тыла, не выдержали и стали отступать в открытое море. В то же самое время Луций, уже собиравшийся уйти с места сражения, заметил, что бой продолжается — левое крыло карфагенян заперло третий флот у берега, и поспешил на помощь теснимым кораблям. Эти последние как бы находились уже в осаде, и они, наверное, давно бы уже погибли, если бы карфагеняне из страха перед воронами не довольствовались тем, что заперли корабли у берега и не выпускали их; нападать они не решались, потому что боялись быть захваченными, и держались вдали. Консулы окружили карфагенян, захватили пятьдесят неприятельских кораблей с командою; спаслись только немногие, проскользнувшие вдоль берега. Битва завершилась победой римлян. Из их кораблей погибло двадцать четыре, из карфагенских больше тридцати. Из римских кораблей, ни один не попал в руки неприятелей вместе с командою, тогда как карфагенских шестьдесят четыре.

После этого римляне вновь заготовили съестные припасы, исправили захваченные корабли, дали вои-

нам угощение, какое они заслужили победою, и пустились в открытое море к Ливии. Передовые корабли пристали к так называемому Гермесову мысу, который закрывает весь карфагенский залив и тянется в открытое море по направлению к Сицилии. Здесь они дождались следовавших за ними кораблей, собрали весь флот и направились вдоль страны, пока не достигли города Аспид. Там римляне высадились, вытащили корабли на берег, окружили их рвом и валом и приступили к осаде города, ибо жители его не желали сдаваться добровольно. Римляне овладели Аспидом, оставили в городе гарнизон, а кроме того, отправили в Рим посольство с известием о случившемся и за приказанием относительно дальнейших действий: что делать и как поступать в будущем. Затем римляне снялись со стоянки и начали опустошать страну. Противодействия они не встретили никакого, разрушили множество роскошных жилищ, захватили много скота и увели на корабли больше двадцати тысяч пленных. Тем временем явились из Рима гонцы с требованием, чтобы один из консулов с достаточными силами оставался на месте, а другой возвращался бы в Рим с флотом. Марк остался на месте с сорока кораблями, пятнадцатью тысячами пехоты и с пятьюстами всадниками, а Луций с большей частью войск и множеством пленников прибыл в Рим.

Когда карфагеняне увидели, что римляне готовятся к весьма продолжительной войне, выбрали прежде всего двух военачальников, Гасдрубала, а сына Ганнона и Бостара, потом послали к амилькару в Гераклею требование явиться поскорее домой. Гамилькар взял с собою пятьсот человек конницы и пять тысяч пехоты и прибыл в Карфаген. Там он был назначен третьим военачальником и держал совет с Гасдрубалом о настоящем положении дел. Военачальники решили оказать помощь населению страны и не допус-

кать безнаказанно разорять ее. Между тем Марк по прошествии нескольких дней стал совершать набеги на поселения, причем те из них, которые не имели укреплений, грабил с набега, а укрепленные осаждал. Подойдя к городу Адису, он обложил его войском и с поспешностью приступил к осаде. Карфагеняне, желая помочь городу, выступили с войском, заняли холм, господствовавший, правда, над неприятелем, но столь же неудобный и для их собственных войск, и расположились там лагерем.

Римляне не стали дожидаться, пока карфагеняне спустятся на равнину, выстроились в боевом порядке и с рассветом подошли к холму с двух сторон. Конница и слоны оказались совершенно бесполезными для карфагенян; зато наемники с жаром и стойкостью бросились в дело и заставили первый легион отступить и бежать. Но как только они прошли вперед, их окружили римляне, подоспевшие с другой стороны холма и обратили в бегство; вслед за этим все карфагеняне кинулись из лагеря; их отступление стало неизбежным. Римляне недолго преследовали врага, разграбили стоянку, а затем двинулись по всей стране и беспрепятственно разоряли города. Овладев городом Тунет римляне разбили здесь свой лагерь.

Карфагеняне, незадолго перед тем разбитые на море, а теперь по нерассудительности вождей и на суше, переживали весьма тягостные чувства. В довершение бедствия в одно время с римлянами нападали на них нумидийцы, причиняя стране не только не меньший вред, нежели римляне, но скорее больший. Напуганные этим карфагеняне искали убежища в городе, а скопление народа и ожидание грозящей осады вызвали в нем жестокий голод и повергли людей в унынье. Между тем Марк видел, что карфагеняне сокрушены на суше и на море, и рассчитывал вскоре взять Карфаген. Однако его сильно смущала мысль, что

консул, который явится из Рима ему на смену, присвоит честь окончания войны, а потому Марк обратился к карфагенянам с мирными предложениями. Карфагеняне с радостью выслушали эту весть и отправили к нему знатнейших граждан для переговоров. Марк, как бы одержав уже полную победу, полагал, что карфагеняне обязаны принять от него как дар и милость все, чтобы он ни предложил им. Карфагеняне же увидели, что самое завоевание их не могло бы повлечь за собою более унижительных последствий, чем предъявляемые Марком требования, а потому не только отвергли условия и возвратились домой, но и негодовали на беспощадность Марка. Сенат карфагенян, выслушав предложения римского консула, хотя не питал почти никакой надежды на спасение, обнаружил столько мужества и великодушия, что предпочитал претерпеть все, испытать все средства и ждать решения судьбы.

В это время прибыл в Карфаген один из раньше посланных в Элладу вербовщиков с огромным числом наемников. В среде их был некий лакедемонянин Ксантипп, человек превосходно испытанный в военном деле. Выслушав рассказы о понесенном поражении, о том, как и при каких обстоятельствах это произошло, рассчитав остающиеся военные силы карфагенян, количество конницы и слонов, Ксантипп тотчас сообразил все обстоятельства и объяснил друзьям, что карфагеняне понесли поражение не от римлян, а от себя самих благодаря неопытности своих вождей. Речи Ксантиппа, как и следовало ожидать, быстро распространились в народе, дошли до военачальников, а потому правители государства решили призвать иноземца к себе и испытать его искусство. Тот явился на собеседование, представил начальникам свои доводы и объяснил, почему до сих пор они терпели поражения, а также сказал, что, если они

последуют его совету, то одолеют противника. Начальники согласились с мнением Ксантиппа и тут же передали ему войска. Уже одна весть о таких речах Ксантиппа вызвала возбуждение в народе и говор, преисполненный надежд; но когда он вывел войско из города и выстроил его в порядке, когда начал передвигать с места на место отдельные части и командовать по правилам военного искусства, карфагеняне поняли огромную разницу между опытностью его и неумелостью прежних вождей, в громких криках выражали свою радость и жаждали поскорее сразиться с неприятелем: с Ксантиппом во главе, они были убеждены, им нечего бояться. При виде того, как необычайно народ воспрянул духом, вожди обратились к нему с подобающим случаю воззванием, а несколько дней спустя выступили в поход. Войско их состояло из двенадцати тысяч пехоты, четырех тысяч конницы; число слонов доходило почти до ста.

Когда римляне увидели, что карфагеняне совершают переходы по местностям открытым и разбивают свои лагери на равнине, то, хотя и были смущены этой неожиданной переменой, однако горели желанием встретиться с неприятелем. Приблизившись к карфагенянам, римляне в первый же день разбили свой лагерь стадиях в десяти от неприятеля. На следующий день вожди карфагенян советовались о том, как поступить и что сделать при таком положении. Войско рвалось в битву, воины собирались кучками; произносили имя Ксантиппа и требовали, чтобы он вел их возможно скорее в бой. В виду возбуждения и рвения массы и потому еще, что, как видел и сам Ксантипп, не следует пропускать благоприятного момента, войску отдан был приказ вооружаться, а Ксантиппу предоставлено действовать по своему разумению. Облеченный полномочиями он вывел слонов из стоянки и поставил их в одну линию во главе всего войска, фа-

лангу карфагенян выстроил за слонами на умеренном расстоянии. Одну часть наемников он поместил на правом крыле; другая часть, самая легкая, вместе с конницей заняла место впереди обоих флангов. Римляне видели, как строится неприятель в боевой порядок, и решительно пошли ему навстречу. Страхась нападения слонов, которого они ожидали, римляне выставили вперед легковооруженных, в тылу их поместили один за другим многочисленные манипулы, а конницу разместили на обоих флангах. Таким образом всю боевую линию они сделали короче, зато глубже, чем надеялись оградить себя от слонов, но против неприятельской конницы, во много раз превосходившей их собственную, не приняли никаких мер.

Лишь только Ксантипп отдал приказание вести слонов вперед и разорвать неприятельские ряды, а коннице велел окружить неприятеля с обоих флангов и напасть на него, как римляне по существующему у них обычаю забряцали оружием и с дружным криком ударили на неприятеля. Карфагенская конница была гораздо многочисленнее римской, а потому римская скоро на обоих флангах обратилась в бегство. Что касается пехоты, то левый фланг ее из желания уклониться от нападения слонов ударил в правый фланг карфагенян, принудил их к отступлению и гнал за ними по пятам до самого лагеря. Напротив, передние ряды, которые стояли против слонов, при столкновении с ними были опрокинуты и гибли толпами; благодаря многочисленности задних рядов, общий строй всего войска оставался некоторое время нерушимым. Но потом, когда последние ряды были окружены со всех сторон конницей и вынуждены оборотиться и вступить в битву с нею, когда те из римлян, которые пробились между слонов вперед и, находясь уже позади зверей, натолкнулись на стройную фалангу карфагенян, тогда положение римлян стало безнадежным:

большинство их было раздавлено мощными животными, остальные гибли на поле битвы под ударами копий многочисленной конницы, и лишь немногие бежали. Так как отступление совершалось по равнине, то часть римлян была истреблена слонами и конницей; около пятисот человек, бежавших вместе с консулом Марком, скоро попали в плен. Со стороны карфагенян пало около восьмисот наемников. Из римлян спаслось около двух тысяч человек.

Все прочее войско погибло. Уцелевшие манипулы римлян пробились сверх всякого ожидания в Аспид. Карфагеняне сняли доспехи с убитых и, ведя за собою консула с прочими пленниками, возвратились ликующие в город.

Поразмыслив над этими событиями, люди могут извлечь из них полезные уроки. Ибо участь Марка совершенно ясно показывает каждому, что не следует доверяться судьбе, особенно в счастье: тот самый Марк, который незадолго перед тем не оказал побежденному ни пощады, ни снисхождения, теперь сам приведен был к неприятелю и вынужден молить его о собственном спасении. Давно уже Еврипид прекрасно выразился, что «один мудрый совет стоит множества рук»; изречение это оправдалось теперь на деле. Один человек и один совет его сокрушили полчища, которые казались испытанными и неодолимыми, превознесли государство, которое, видимо, повергнуто было в прах, и подняли упавший дух воинов.

Карфагеняне дали полнейшее выражение своему ликованию, как в благодарственных жертвах божеству, так и в любезном обращении друг с другом. Между тем Ксантипп, столько содействовавший восстановлению сил карфагенян, вскоре после этого отплыл домой. И в самом деле, славные, необыкновенные подвиги порождают сильную неприязнь и злостную клевету... Впрочем, об отъезде Ксантиппа существует

и другой рассказ, для которого мы постараемся выбрать более подходящее место.

Получив неожиданные известия о событиях в Ливии римляне тотчас позаботились о пополнении своего флота и об освобождении граждан, оставшихся в Ливии в живых. С другой стороны карфагеняне после этого разбили лагерь у Аспида и занялись осадой города, желая захватить в свои руки бежавших сюда после сражения римлян. Но при мужестве и отваге осажденных они никак не могли овладеть городом и наконец сняли осаду. Когда карфагеняне прослышали, что римляне снаряжают флот и собираются идти вторично на Ливию, то начали чинить старые суда и сооружать новые. Быстро вооружили они двести кораблей и вышли в море, чтобы наблюдать за наступлением неприятеля. Римляне в начале лета спустили на море триста пятьдесят судов и под командою консулов Марка Эмилия и Сервия Фульвия отправили их на войну. Снявшись с якоря, они направились по пути в Ливию мимо Сицилии. У Гермесова мыса они встретились с карфагенским флотом и с легкостью при первом же натиске обратили его в бегство, причем захватили сто четырнадцать кораблей с командою; затем взяли с собою оставшихся в Ливии воинов из Аспида и направились к Сицилии.

Римляне счастливо переплыли уже море и подошли к берегу, как вдруг захвачены были такой бурей и подверглись таким злоключениям, которые превосходят всякое описание. Так, из трехсот шестидесяти четырех судов уцелело только восемьдесят; остальные или поглощены были волнами, или, разбившись о скалы и мысы, покрыли берег трупами и обломками. История не знает более тяжкого несчастья, разом обрушившегося на море; причина его лежит не столько в судьбе, сколько в самих начальниках. Дело в том, что кормчие долго и настойчиво убеждали не идти

вдоль берега Сицилии, обращенного к Ливийскому морю, так как море там глубоко и высадка на берег трудна. Всем этим консулы пренебрегли и пустились в открытое море, желая устрашить одержанную победою некоторые из лежащих по пути городов Сицилии и таким образом овладеть ими. Лишь только тогда, когда они попали в большую беду, консулы поняли свое безрассудство. Вообще римляне во всех случаях действуют силою, и раз какая-либо цель поставлена, они считают для себя обязательным достигнуть ее, и раз принято какое-либо решение, для них не существует ничего невозможного. Часто благодаря такой стремительности они осуществляют свои замыслы, но подчас терпят и тяжелые неудачи, особенно на море. Действительно, на суше, где они имеют дело с людьми и с человеческими средствами борьбы, римляне большею частью успевают, потому что равные силы они одолевают натиском; здесь лишь изредка терпят они неудачи. Напротив, большие бедствия постигают их всякий раз, когда они вступают в борьбу с морем и небом и действуют с тем же упорством.

Между тем карфагеняне узнали о гибели римского флота и решили, что они достаточно сильны на суше и на море, как вследствие одержанной перед тем победы, так и потому, что римлян постигло такое бедствие. Ревностно занялись они подготовкой морских и сухопутных сил к продолжению войны. Немедленно карфагеняне снарядили в Сицилию Гасдрубала, и кроме тех войск, которые раньше были под его командою, дали ему прибывших из Гераклеи воинов, а при них сто сорок слонов. После отправки Гасдрубала карфагеняне оснастили еще двести кораблей. Между тем Гасдрубал благополучно переправился к Лилибеи и занимался упражнением слонов и войска с целью помериться с врагом силами в открытом сражении. Римляне узнали о случившемся и были сильно огорчены;

но, не желая уступать ни за что, они постановили соорудить заново двести двадцать судов. Когда все это в продолжение трех месяцев было завершено, выбранные вновь консулы, Авл Аттилий и Гней Корнелий, снарядили флот и вышли в море. Переплыв пролив, они в Мессане взяли с собою спасшиеся от крушения суда, подошли к Панорму с тремястами кораблей и приступили к его осаде; в карфагенской части Сицилии это был самый значительный город. В двух местах римляне возвели осадные сооружения, затем подвезли машины. Так называемый новый город взят был приступом. Та же участь грозила и той части города, которая называется старым городом, поэтому жители скоро сдали ее неприятелю. Овладев Панормом, римляне отплыли назад в Рим, оставив в городе гарнизон.

В следующее лето выбранные в консулы, Гней Сервилий и Гай Семпроний, вышли в море со всем флотом, прибыли в Сицилию, а оттуда направились в Ливию. Проходя вдоль берега, они делали очень частые высадки, в которых однако не совершили ничего замечательного; наконец пришли к острову, именуемому Менингом, и по незнанию попали там на мелкое место, а когда с наступлением отлива корабли сели на мель, положение их стало весьма затруднительно. Впрочем, по прошествии некоторого времени неожиданно наступил прилив, и только выбросив весь груз, римляне едва облегчили свои корабли настолько, чтобы сдвинуть их с мели. После этого они пошли назад, что походило на бегство. Подойдя к Сицилии, римляне обогнули Лилибей и стали на якорю у Панорма. Отсюда они неосторожно пустились в Рим через открытое море и снова застигнуты были бурей, так что потеряли больше ста пятидесяти судов.

После этого испытания римляне, как ни велико было честолюбие их, вынуждены были самую громад-

ностью понесенных потерь отказаться от мысли снаряжать новый флот и, возлагая последние надежды на сухопутные силы, отрядили в Сицилию легионы с консулами Луцием Цецилием и Гаем Фурием и вооружили шестьдесят кораблей только для доставки войску продовольствия.

Упомянутые неудачи римлян снова поправили положение карфагенян, ибо с удалением врага они беспрепятственно распоряжались на море, а на сухопутные войска возлагали большие надежды, не без основания. Когда среди римлян распространилась молва о том, как слоны в ливийской битве разорвали боевую линию и растоптали множество воинов, они были так напуганы, что в продолжение двух лет, следовавших за этими событиями, строились в боевой порядок на расстоянии пяти-шести стадий от неприятеля и в страхе перед нападением слонов ни разу не отважились ни начать битву, ни спуститься в равнину. За это время они взяли с помощью осады только Фермы и Липары, держась всегда местностей гористых и трудно проходимых. Поэтому римляне, замечая упадок духа и уныние в сухопутных войсках, переменили решение и отважились снова выйти в море. Затем они выбрали консулов Гая Аттилия и Луция Манлия, соорудили пятьдесят судов и усердно занялись набором солдат.

Главкомандующий карфагенян Гасдрубал видел, что до сих пор римляне робели в боевых схватках; потом он знал, что один из консулов с половиною войска возвратился в Италию, а другой, Цецилий, с остальным войском находится в Панорме для охраны созревшей жатвы у союзников. По этим причинам он быстро выступил со всем войском из Лилибея и разбил лагерь на границах панормской области. Цецилий замечал самоуверенность Гасдрубала и с целью вызвать его на решительные действия не выводил своего войска из города. Воображая, что Цецилий не отважи-

ваются выйти против него, Гасдрубал становился все смелее и со всем войском стремительно двинулся в панормекую область. Хотя он истреблял жатву до самого города, но Цецилий оставался верен принятому раз решению, и наконец довел Гасдрубала до того, что тот переправился через реку, протекающую перед городом. Когда карфагеняне перевели слонов и войско, Цецилий отрядил легковооруженных воинов и тревожил неприятеля до тех пор, пока Гасдрубал не вынужден был выстроить в боевом порядке все свое войско. Таким образом план Цецилия удался. Тогда он поставил часть легковооруженных перед стеною и рвом и отдал приказание нещадно пускать стрелы в слонов. Он велел сносить метательное оружие и класть его снаружи стены у основания. Сам Цецилий с солдатами стоял у ворот против левого неприятельского крыла, посылая легковооруженным все новые и новые подкрепления. Когда битва разгорелась, вожатые слонов, желая стяжать себе честь победы, устремились все на передовой отряд, легко обратили его в бегство и преследовали до рва. Нападающие слоны получали раны от стрелков, поставленных на стене; вместе с тем в них метали с ожесточением и в массе дротики и копья те свежие еще воины, которые в боевом порядке стояли впереди рва. Тогда поражаемые со всех сторон дротиками раненые звери вскоре пришли в иступление и, повернув назад, кинулись на своих, причем отдельных воинов топтали и давили, а ряды их приводили в беспорядок. При виде этого Цецилий выступил поспешно с своим войском, не тронутым еще и стройным, ударил с фланга на расстроенные ряды неприятелей и вынудил их к поспешному отступлению, при этом многих карфагенян перебил, остальных обратил в стремительное бегство. Десять слонов вместе с индийцами были взяты в плен; остальные скинули с себя индийцев и, окруженные конницею,

были все захвачены после сражения. Этой удачей Цецилий, по общему мнению, восстановил бодрость духа в сухопутных войсках римлян, которые теперь снова отваживались овладеть полем сражения.

Когда в Рим прибыла весть об этой победе, римляне ликовали не столько потому, что с потерей слонов силы неприятеля были ослаблены, сколько потому, что победа над слонами ободрила собственных их граждан. Поэтому они снова смело обратились к первоначальному своему плану — отправить на войну консулов с флотом и войском и напрячь все силы для того, чтобы положить конец войне во что бы то ни стало. Заготовив все нужное к походу, консулы вышли по направлению к Сицилии с двумястами кораблей. Это был четырнадцатый год войны. Консулы пристали к Лилибею и, лишь только соединились с находившимися на Сицилии легионами, приступили к осаде города, ибо, имея Лилибей в своей власти, они легко могли перенести войну в Ливию. Почти так же, как римляне, думали об этом и начальники карфагенян; почти так же и они представляли себе ход дел. Поэтому, отложив все прочее в сторону, карфагеняне заняты были только тем, чтобы оказать этому городу помощь, иначе у них не оставалось никакой опоры в военных действиях, и вся Сицилия, за исключением Дрепан, попадала в руки римлян.

Город был укреплен сильными стенами, окружен глубоким рвом и лагунами. У этого города с обеих сторон его римляне расположились лагерем, а в промежутке между двумя стоянками провели ров с валом и стеною; затем начали придвигать осадные сооружения к башне, которая находится у самого моря. К прежним сооружениям они присоединяли постоянно новые, подвигаясь все дальше, пока не разрушили шесть башен с помощью тарана. Так как осаждающие действовали настойчиво и беспощадно, и каждый день

башни или грозили падением, или падали, а сооружения все дальше и дальше подвигались внутрь города, то среди осажденных распространилась сильная тревога и уныние, хотя в городе было, помимо массы граждан, около десяти тысяч наемников. Мало того: военачальник их Имилькон делал все, что было в его власти, он причинял врагу немало затруднений тем, что сооружал новые стены изнутри города или делал подкопы под сооружения неприятелей; в вылазках и стычках с неприятелем иной раз бывало убитых больше, нежели обыкновенно бывает их в правильных сражениях.

Тем временем некоторые из вождей наемников составили заговор для передачи города римлянам. Считая, что подчиненные последуют за ними, они ночью тайком прошли из города в римский лагерь и с консулом вступили в переговоры об этом. Однако Алексон, который первый узнал о заговоре, заявил о нем карфагенскому главнокомандующему. При этом известии главнокомандующий тотчас собрал оставшихся в городе вождей, убеждал и просил их, обещая при этом большие подарки и милости, если только они останутся верны ему и не примут участия в замыслах покинувших город товарищей. Так как предложение было принято охотно, то он немедленно отправил с ними к кельтам Ганнибала, сына того Ганнибала, который кончил жизнь в Сардинии, участвовал вместе с ним в походе и был им хорошо известен; к прочим наемникам послан был Алексон, пользовавшийся их расположением и доверием. Посланные созвали отряды, обратились к ним с увещаниями и, поручившись за подарки, обещанные каждому из них военачальником карфагенян, без труда уговорили их пребывать в верности договору. Поэтому когда заговорщики с целью склонить солдат к измене и передать им обещание римлян, наемники не только не последовали за ними,

но не хотели и слушать их; металы в них камни и стрелы и так прогнали от стены.

Между тем в Карфагене не знали об этом ничего. Принимая в соображение обычные нужды осаждаемых, карфагеняне посадили команду на пятьдесят кораблей и повелели начальнику их Ганнибалу, сыну Гамилькара поспешно выступать в поход, при этом велели не медлить и при первом удобном случае смело подать помощь осажденным. Ганнибал вышел в море с десятью тысячами войска. Воспользовавшись попутным сильным ветром, он распустил все паруса и за ветром понесся прямо к самому входу в гавань. Команду свою он вооружил и готовую к бою поставил на палубах. Римляне частью вследствие внезапности появления неприятеля; частью из опасения, как бы ветер не загнал их вместе с неприятелем в гавань противника, изумленные отвагою врага, остались на месте у морского берега. Между тем толпа людей, находившихся в городе, собралась на стенах в страхе за успех предприятия; теперь они были преисполнены радости по случаю неожиданного прибытия помощи и рукоплесканиями и криками ободряли подходящее войско. Смело и быстро пошел вперед Ганнибал, бросил якорь в гавани и беспрепятственно высадил свою команду. Все горожане радовалось не столько тому, что получили подкрепление, хотя от этого надежды и силы их значительно возросли, сколько тому, что римляне не осмелились воспрепятствовать движению карфагенян.

При виде возбуждения и ревности в горожанах по случаю прибытия вспомогательного войска, а равно и в новоприбывших воинах, которые не испытали невзгод осаждаемых, военачальник Имилькон пожелал воспользоваться не охладевшим еще пылом тех и других, чтобы напасть на неприятельские осадные сооружения и поджечь их, а потому созвал всех на

собрание. Он обратился к ним с пространной речью и воспламенил в них рвение к битве обещанием щедрых наград за храбрость, напоминанием о милостях и подарках от карфагенян. Все в один голос изъявили согласие и громко требовали, чтобы их немедленно вели в битву. Имилькон похвалил собравшихся за ревность и распустил, отдав приказ пока отдыхать и ждать дальнейших распоряжений начальников. Вскоре после этого он созвал начальников, разделил между ними удобные для нападения пункты, объявил время и сигнал к нападению и приказал быть с своими подчиненными на назначенных местах ранним утром. Распоряжения были точно выполнены. Тогда Имилькон на рассвете вывел свое войско из города и во многих местах напал на римские сооружения. Римляне предвидели нападение и потому были готовы и сражались мужественно. Вскоре все силы противников были в деле, и около стены завязался жестокий бой, ибо из города вышло не менее двадцати тысяч человек. Сражение было тем ожесточеннее, что боевой строй не соблюдался, солдаты дрались в беспорядке, кто с кем попало; в такой массе войск отдельные воины или отряды дрались между собой с жаром, обыкновенно отличающим единоборство. Шум и смятение были особенно слышны у самых сооружений. С обеих сторон воины проявляли величайшее усердие; сражающиеся погибали на тех самых местах, на которые поставлены были вначале. Между сражающимися кидались люди с факелами, паклей и огнем. Они нападали на машины разом со всех сторон и с такой отвагой, что римляне очутились в опаснейшем положении и не в силах были отражать нападение врага. Однако карфагенский военачальник видел, что многие его воины уже пали в битве, что он все-таки не может взять сооружений, ради чего и было начато дело; поэтому приказал отступить. Зато римляне, едва не потерявшие всего, ов-

ладели наконец своими укреплениями и все их удержали за собою нерушимо.

После этой битвы Ганнибал в ночную еще пору тайком от неприятеля отплыл во главе своих кораблей в Дрепаны к карфагенскому военачальнику Атарбалу. Удобства местоположения и высокие достоинства дрепанской гавани побуждали карфагенян неослабно заботиться об охране местности. От Лилибея она отстоит стадий на сто двадцать.

Остававшиеся дома карфагеняне желали узнать о положении дел в Лилибее, но не имели такой возможности. Тогда некий знатный гражданин Ганнибал, по прозванию Родянин, предложил, что он проникнет в Лилибей и потом как очевидец доставит обо всем точные сведения. С радостью выслушали это предложение карфагеняне, но не верили в его осуществление, как римский флот стоял на страже у входа в гавань. Между тем Ганнибал снарядил свой собственный корабль и вышел в море. Достигнув Лилибея, он, гонимый попутным ветром, вошел в гавань, на виду у всех римлян, пораженных его отвагой. На другой день он немедленно пустился в обратный путь. Между тем римский консул с целью надежнее охранить вход в гавань снарядил ночью десять быстрейших кораблей, сам стал у гавани и наблюдал за происходящим; корабли подошли возможно ближе и с поднятыми веслами выжидали момента, когда карфагенский корабль будет выходить, чтобы напасть на него и захватить. Родянин вышел в море на глазах у всех и до того изумил неприятелей дерзостью и быстротою, что не только вышел невредимым с своим кораблем и командой и миновал неприятельские суда, остававшиеся как бы в оцепенении, но, отойдя на небольшое расстояние вперед, остановился и вызывающе поднял весло. При быстроте его гребли, никто не дерзнул выйти против него в море, и Ганнибал с единственным кораблем

ушел, к стыду всего неприятельского флота. Так как он повторял то же самое многократно и впоследствии, то оказал карфагенянам большую услугу: их он извещал обо всех нуждах, осаждаемых ободрял, а римлян повергал своею смелостью в смущение.

Помимо смелости ему помогало больше всего то, что он по опыту в точности знал, как проникнуть в гавань между мелями.

Отвага Родянина внушала смелость многим другим людям, знавшим местные воды к подобному образу действий, что ставило римлян в затруднительное положение. Они попытались было запретить устье гавани плотиною. Но попытки их при значительной глубине моря не привели ни к чему: все, что ни бросали они в море, относилось в сторону и разбивалось на части волною и быстрым течением. Наконец в одном мелком месте удалось с большим трудом возвести плотину; на ней-то сел на мель четырехпалубник, выходящий в море по ночам, и попал в руки римлян. Захватив судно и передав его отборной команде, римляне наблюдали за всеми входящими в гавань, особенно за Родянином. Случилось как раз так, что в ночную пору он проник в гавань, а затем снова на виду у всех вышел в открытое море. При виде бросившегося в преследование четырехпалубника, Ганнибал пытался было ускорить ход и бежать, но, так как искусные гребцы уже настигали его, он вынужден был повернуть судно назад и вступить в борьбу с неприятелем. Однако римские корабельные воины, превосходившие карфагенян численностью, взяли верх, и Ганнибал попал в плен. Овладев и этим прекрасно сколоченным кораблем, римляне приспособили его к битве и теперь положили конец смелым попыткам проникать в Лилибей.

Между тем как осажденные настойчиво восстанавливали то, что разорял неприятель, и отказались

уже от мысли повредить или разрушить осадные сооружения римлян, поднялась буря, с такой силою и стремительностью обратившаяся на передние части машин, что сорвала навесы и опрокинула стоявшие перед навесами и прикрывавшие их башни. Некоторые из эллинских наемников находили этот момент благоприятным для разрушения неприятельских укреплений и сообщили свой план военачальнику. Имилькон принял совет, быстро изготовил все нужное для приведения замысла в исполнение, затем его воины в трех местах бросили огонь в осадные машины. Давность этих построек, казалось, подготовила легкое воспламенение их, к тому же ветер дул прямо против башен и машин; поэтому огонь распространялся быстро и неудержимо, и все меры римлян задержать пламя и защитить постройки оказывались бесполезными и недействительными. Пожар наводил ужас на римлян.

Многие из них, покрываемые налетавшею золою, искрами и густым дымом, падали и погибали прежде, чем подойти к огню и защитить горевшее. Наконец разрушение охватило все до такой степени, что осадные башни и тараны сделались негодными для дальнейшего применения. После этого римляне оставили надежду взять город с помощью сооружений и кругом обвели его рвом и валом, впереди своей стоянки возвели стену и предоставили все времени. Наоборот, жители Лилибея восстановили разрушенную часть стены и теперь спокойно выдерживали осаду.

Когда весть об этом пришла в Рим, а вслед за тем стали приходиться многие свидетели с извещением о гибели большей части воинов обслуживавших осадные машины, римляне поспешно набрали почти десяти тысяч человек и отправили их в Сицилию. Когда они прибыли в лагерь, консул Публий Клавдий собрал трибунов и объявил, что теперь пора идти всем

флотом в Дрепаны, ибо, говорил он, вождь карфагенян Атарбал, состоящий в городе начальником, не приготовлен к нападению, ничего не знает о прибытии подкреплений к римлянам и пребывает в убеждении, что римляне вследствие понесенных при осаде потерь не в силах выйти в море с своим флотом. Так как все одобрили его план, то Публий тотчас посадил на корабли команду; в воины выбрал способнейших солдат из всего войска; они шли охотно, потому что поход был недалекий и сулил верную добычу. Снарядив корабли, консул около полуночи выступил в море, незамеченным неприятелем. На рассвете передовые корабли начали показываться у Дрепан; увидев их неожиданно, Атарбал сначала смутился. Однако он скоро оправился, понял наступательные замыслы неприятеля и решил испробовать все меры, лишь бы не дать осаду. С этою целью Атарбал поспешно собрал команду на берег и вызвал из города наемников. Когда все были в сборе, он краткою речью постарался внушить им надежду на победу, если они отважатся на морскую битву, и напротив, предсказывал им лишения, сопряженные с осадю, если они не пойдут тотчас навстречу опасности. Собравшиеся жаждали боя и громко требовали вести их в дело немедленно. Атарбал отдал приказ садиться поскорее на корабли, не терять из виду его корабля и следовать за ним. Поспешно распорядившись, Атарбал отчалил первый и отправился в открытое море прямо под скалы не с той стороны гавани, по которой входил неприятель, а с противоположной.

Когда римской консул Публий увидел, что неприятель не смущается его появлением, но готовится к битве, что с другой стороны его собственные корабли находятся частью уже в гавани, частью у входа в нее, а третьи приближаются ко входу, он приказал всем кораблям повернуть назад и выйти из гавани.

Находившиеся в гавани корабли столкнулись при повороте с теми, что были у входа в нее, а это вызвало невообразимое смятение среди людей; кроме того, сшибающиеся корабли ломали весла. Невзирая на это, корабельные начальники ставили у самого берега в боевую линию каждый выходящий в море корабль и быстро поворачивали их носами против неприятеля. Что касается самого Публия, то его корабль занял место на левом крыле флота. В это самое время Атарбал с пятью боевыми кораблями миновал левое крыло неприятеля, свой собственный корабль поставил носом против неприятельского со стороны открытого моря и отдал приказ каждому подходящему кораблю становиться подле него. Когда все корабли выстроились в одну линию, он дал условленный сигнал к началу наступления на врага. Римляне все еще не приняли боевой порядок и ожидали выходящие из гавани корабли. Большие неудобства были для римлян от того, что им предстояло сражаться вблизи берега.

Когда противники приблизились друг к другу, последовала схватка. Сначала бой был равный, потому что с обеих сторон сражались лучшие войска. Однако все более и более перевес склонялся на сторону карфагенян, потому что положение их во всем этом деле было гораздо выгоднее неприятельского. Благодаря лучшему устройству кораблей и ловкости гребцов они далеко превосходили неприятеля в быстроте движений; помогала им и постановка флота их в открытом море. Действительно, когда корабли их были тесными неприятелем, они быстро и благополучно отступали в открытое место; поворачивали назад против выступивших вперед неприятельских, быстро огибали их, или нападали на них сбоку; в то время, как римские корабли при своей тяжести и неумелости команды поворачивались с трудом, карфагенские наносили им непрерывные удары и многие потопили.

Если опасность угрожала какому-либо из собственных кораблей, карфагеняне своевременно являлись на помощь без вреда и опасности для себя, ибо заходили от кормы по открытому морю. В совершенно ином положении были римляне, именно: теснимые корабли не имели возможности отступить, так как римляне сражались у самого берега; а всякий раз, когда судно подвергалось жестокому натиску со стороны стоящего напротив неприятеля, оно или попадало на мель и садилось кормою, или оттеснялось к берегу и разбивалось. При тяжести своих кораблей римляне не могли врываться в середину неприятельских кораблей или нападать с тыла на те корабли, которые уже сражались с другими, — полезнейший прием в морском сражении. Наконец римские корабли не могли помогать своим нуждающимся в помощи с кормы, ибо заперты были у берега, и желающие подать помощь не имели даже небольшого свободного пространства для движений. Вообще положение римлян в этой битве было весьма невыгодно. При виде того, как одни корабли садятся на мель, другие выбрасываются на берег, консул решил бежать, и с левого фланга пробираясь у берега с тридцатью кораблями, которые случайно были подле него. Прочими судами в числе девяноста трех завладели карфагеняне, равно как и всей их командой, за исключением лишь тех людей, которые вместе с кораблями выброшены были на берег и спаслись бегством.

Такой исход битвы стяжал Атарбалу славу у карфагенян, ибо успех ее они приписывали его личной проницательности и отваге. Напротив, Публий потерял всякое уважение у римлян и подвергся тяжким укорам за легкомысленное и безрассудное поведение, причинившее Риму столь большие потери. Вот почему даже спустя некоторое время он был предан суду, наказан большим штрафом. Однако и после этих не-

удач римляне до того были преисполнены жаждою всемирного владычества, что изыскивали все средства, какие были в их власти, дабы продолжать борьбу. Поэтому как только наступили выборы, они выбрали новых консулов и одного из них, Луция Юния, немедленно отправили в поход с тем, чтобы он доставил осаждающим Лилибей войскам хлеб вместе с другими жизненными припасами; сверх этого снарядили шестьдесят кораблей для прикрытия продовольственных судов. По прибытии в Мессану Юний присоединил к своим те корабли, которые вышли ему навстречу из римской стоянки, и поспешно переправился к Сиракузам, имея при себе сто двадцать судов и около восьмидесяти грузовых кораблей с продовольствием. Здесь он отпустил квесторов с половиною грузовых кораблей и с несколькими боевыми кораблями для возможно скорейшей доставки войску жизненных припасов. Сам он остался в Сиракузах, поджидая запоздавшие из Мессаны корабли и принимая еще хлеб от материковых союзников.

В это же время Атарбал отослал в Карфаген взятых в морском сражении пленных и захваченные корабли. Товарищу своему по командованию войском, Карфалону, он дал тридцать кораблей в дополнение к тем семидесяти, с которыми тот явился, и приказал ему напасть внезапно на неприятельские корабли, стоящие на якоре у Лилибея, захватить из них столько, сколько можно будет, а остальные предать пламени. Во исполнение приказания Карфалон к утру напал на врага, часть судов его сжег, другие увлек за собою, что вызвало сильное смятение в стоянке римлян. Римляне с криком поспешили на помощь к кораблям; наблюдавший за Лилибем Имилькон слышал это, а с рассветом увидел, что творится, и отрядил из города против неприятеля наемников. Опасность угрожала римлянам со всех сторон, и они пришли в большое

смущение. Между тем начальник карфагенского флота увлек на буксире несколько неприятельских судов, другие разрушил, затем прошел некоторое расстояние от Лилибея по направлению к Гераклее с целью загородить путь подходящим к стоянке римским судам. Когда соглядатаи известили, что подошло уже множество римских судов, он вышел в море, горя желанием сразиться, потому что после недавней победы презрительно относился к римлянам. В то же время легкие суда обыкновенно опережающие флот, дали знать квесторам, ранее отправленным из Сиракуз, о наступлении врага. Квесторы находили свои силы недостаточными для морской битвы, а потому причалили к одному из подчиненных римлянам городков; гавани город не имел, но представлял удобную якорную стоянку, будучи закрыт береговыми утесами. Здесь квесторы сделали высадку, поставили добытые из города катапульты и камнеметательницы и ожидали наступления врага. Подошедши к этому месту, карфагеняне сначала решили, что неприятель в страхе отступит в городок, а они беспрепятственно завладеют его судами. Но надежды карфагенян не оправдались, ибо римляне защищались храбро, к тому же самая местность представляла для карфагенян многие неудобства. Поэтому они довольствовались тем, что взяли на буксир несколько судов с съестными припасами и отошли к какой-то реке; там бросили якорь и наблюдали за выходом в море неприятелей. Между тем оставшийся в Сиракузах консул направился к Лилибею, ничего не зная о том, что случилось с отплывшими раньше судами. С другой стороны, начальник карфагенского флота, уведомленный о приближении нового врага своими лазутчиками, поспешно вышел в море, желая сразиться с римлянами возможно дальше от остального флота. Юний издали еще завидел карфагенский флот и многочисленность судов его; но не

решался вступить в бой, хотя не мог уже и бежать от неприятеля, который был близко; поэтому он уклонился к берегу и бросил якорь у крутой, во всех отношениях опасной местности. Начальник карфагенского флота заметил это движение неприятеля, но посчитал невыгодным давать бой поблизости от столь опасных пунктов; поэтому он занял некий мыс, стал там на якоре между обоими флотами римлян и внимательно наблюдал за ними. Когда поднялась буря, а море угрожало еще большими опасностями впереди, карфагенские кормчие благодаря знанию и опытности в своем деле предсказывали грядущее, советуя Карфалону обогнуть мыс Пахин и тем спастись от бури. Карфалон благоразумно последовал их совету, и карфагеняне, правда, с большим трудом и опасностями, обошли мыс и заняли надежную стоянку. Зато флоты римлян, стоявшие у берегов, лишенных гаваней, пострадали настолько, что от них остались ни к чему негодные обломки. Разрушение обоих флотов было полное, превосходящее всякое ожидание.

После этого карфагеняне снова воспрянули духом, и надежды их опять оживились. Напротив, римляне, и раньше испытавшие неудачу, а теперь потерявшие полное крушение, очистили море, хотя суша все еще была в их власти; карфагеняне господствовали на море, но не теряли надежды и на обладание сушею. Под тяжестью обрушившихся на них бедствий горевали все римляне; и все-таки не думали о снятии осады: одни с неослабным рвением подвозили по суше съестные припасы, другие напрягали все свои силы к осаде города. Консул Юний после кораблекрушения отправился в лагерь. Он жаждал новых славных подвигов, чтобы в бою загладить прежние неудачи. Поэтому лишь только представился ему удобный случай, Юний хитростью захватил Эрик, овладел святилищем Афродиты и городом. Эрик — тянущаяся вдоль моря гора

на той стороне Сицилии, которая обращена к Италии, между Дрепаном и Панормом; по величине Эрик далеко превосходит все горы Сицилии, кроме Этны. На плоской вершине этой горы находится святилище Эрикской Афродиты, по общему мнению, значительнейшее из всех святилищ Сицилии по богатству и роскоши. Город расположен ниже горной вершины; к нему ведет очень длинный и крутой путь. Гребень горы консул занял стражей, равно как и проход к ней от Дрепана, зорко оберегал он оба пункта, особенно подъем на гору, убежденный в том, что этим именно способом обеспечивает за собою обладание и городом, и целою горою.

Между тем карфагеняне избрали себе в военачальники Гамилькара, по прозванию Барка, и ему доверили командование флотом. Гамилькар взял с собою флот и отправился опустошать Италию. Был восемнадцатый год войны. По опустошении Локриды и Бруттийских полей Барка отплыл со всем флотом к панормской области и занял местность, лежащую между Ериком и Панормом и называющуюся «на Герктах»; по безопасности и удобствам для стоянки и долговременного пребывания войска она представляет наилучший пункт в Сицилии. Как со стороны моря, так и с той, которая обращена внутрь материка, гора имеет крутые неприступные обрывы; промежутки между ними могут быть легко и скоро укреплены. Кроме того, на плоской вершине возвышается бугор, который служить прекрасным наблюдательным пунктом над растилающейсся внизу страной. У подножья горы есть гавань, удобная для перехода от Дрепана и Лилибея к Италии. К горе этой существует всего три прохода, очень трудных; два из них идут из материка, а один от моря. То, что здесь расположился лагерем Гамилькар, было большою смелостью, ибо он не имел на своей стороне ни одного города, ни на какую помощь не

рассчитывал. Тем не менее он причинял римлянам большие затруднения и подвергал их серьезным опасностям. Отправляясь отсюда с своими кораблями, он прежде всего занялся опустошением италийского побережья до области кумеян. Потом, когда римляне расположились против него лагерем на расстоянии стадий пяти, Гамилькар в течение почти трех лет давал им битвы на суше, столь частые и многообразные, что подробное описание их было бы невозможно. Однако по многим причинам решительная битва была невозможна: силы противников были равны, укрепления их были одинаково сильны и недоступны.

Вдруг судьба подобно ловкому устроителю состязания вывела воюющих из описанного выше положения. Так как римляне занимали вершину Эрика и его подножье, о чем сказано у нас выше, то Гамилькар овладел городом, лежащим между вершиною и разбитым у подошвы горы лагерем. Теперь те римляне, которые занимали вершину горы, мужественно выдерживали борьбу и лишения осаждаемых. С другой стороны, карфагеняне обнаруживали невероятную стойкость, ибо неприятель теснил их со всех сторон, жизненные припасы получались с трудом, потому что сообщение с морем они имели в одном только месте. И здесь обе стороны пустили в ход одна, против другой всю изворотливость и силу, какие потребны в деле осады, испытали все виды нападения и обороны, пока наконец не сделались нечувствительными к страданиям и неодолимыми. И в самом деле, прежде чем одним удалось одолеть врага, хотя и на этом месте противники боролись в течение двух лет, конец войне положен был иным способом.

Таково было положение дел на Эрике и в сухопутных войсках, а государства противников уподоблялись породистым дышащим боем петухам. Не раз такие птицы, потеряв от изнеможения способность

владеть крыльями, находят себе опору в собственной отваге и продолжают наносить друг другу удары, пока наконец невольно не кидаются друг на друга, быстро сцепляются, и тогда один из них падает замертво. Подобно этому римляне и карфагеняне, утомленные трудами непрерывной борьбы, истощены были вконец, а налоги и расходы, удручавшие их долгое время, подорвали их силы.

Римляне сохраняли душевную твердость и решились в третий раз попытать счастья в морской войне. Средств в государственной казне не было; но они были добыты благодаря великодушию и любви к отечеству правителей государства. По мере своих средств каждый гражданин сам по себе или вдвоем и втроем с другими обязывался поставить оснащенное пятипалубное судно, причем издержки на это только в случае счастливого исхода предприятия должна была возместить казна. Таким способом быстро было подготовлено двести пятипалубных судов; сооруженных по образцу корабля Родянина; затем римляне выбрали в консулы Гая Лутация и в начале лета отправили флот в море. Неожиданно появился он у берегов Сицилии, овладел гаванью Дрепана и якорными стоянками у Лилибея, так как весь флот карфагенян возвратился домой. Возведя укрепления вокруг города Дрепана, римский консул повел осаду всеми возможными средствами. Вместе с тем он предвидел прибытие карфагенского флота и помнил о первоначальном решении, что война может быть кончена только морским сражением; поэтому он каждый день испытывал свою команду, делал с нею соответствующие упражнения и вообще прилагал все усилия к обучению ее, так что в самое короткое время сделал своих моряков совершенно годными для предстоящего дела.

Получив неожиданное известие, что римский флот находится в море и снова господствует на нем, кар-

фагеняне тотчас снарядили свои корабли. Нагрузив их хлебом и всеми нужными припасами, они немедленно отправили флот свой в море, будучи озабочены тем, чтобы войско на Эрике ни в чем не терпело недостатка. Начальником морских сил они назначили Ганнона. Выйдя в море и пристав к острову, именуемому Гиерой, Ганнон старался тайком от неприятелей проникнуть к Эрику с целью выгрузить там припасы и забрать с собою наемников в корабельные воины, в том числе Барку, и потом вступить в битву с неприятелем. Между тем Лутаций узнал о прибытии Ганнона с войском и угадал его замыслы, отобрал из сухопутного войска наилучших солдат и подошел к Этагским островам лежащим перед Лилибеем. Здесь он обратился к войску с воззванием, а кормчим объявил, что на следующий день будет морское сражение. Утром, когда рассвело уже, Лутаций видел, что неприятелю благоприятствует сильный ветер, что для его кораблей плавание будет затруднено противным ветром, притом на сильно волнующемся море; поэтому сначала колебался, как поступить. Но в то же время он соображал, что, если решится на бой невзирая на бурю, то будет иметь дело с Ганноном, только с его войсками и с флотом, нагруженным хлебом. Если, напротив, он будет выжидать погоды и медлительностью своею допустит, чтобы неприятель соединился с сухопутным войском, то будет сражаться против кораблей быстрых, не имеющих на себе груза, против отборнейшей части сухопутных войск и, что самое главное, против отважного Гамилькара: более грозной опасности тогда не было ничего. Лутаций решил не пропускать удобного случая. Завидев неприятельские корабли с распущенными парусами, он поспешно вышел из гавани. Ловкая команда с легкостью преодолевала силу волны, и поэтому он быстро выстроил свои корабли в одну линию и носами вперед поста-

вил против неприятеля. Когда карфагеняне увидели, что дальнейший путь им отрезан римлянами, они убрали паруса и начали битву. Сложилась ситуация противоположная той, в которой происходило сражение на море у Дрепана, соответственно и исход сражения должен был получиться обратный. Действительно, римляне изменили устройство своих кораблей и удалили с них весь груз, ненужный для морской битвы; хорошо обученные гребцы прекрасно исполняли свое дело; наконец, корабельными воинами у них были отборнейшие воины, не привыкшие отступать. Что касается карфагенян, то положение их было совершенно иное. Корабли их, нагруженные припасами, были неловки в движениях; гребцы их были совсем необучены и посажены на корабли лишь в минуту опасности; воины их были новобранцы и совершенно неиспытанные в трудностях и опасностях войны. Дело в том, что к морским силам римлян они относились весьма пренебрежительно и никак не рассчитывали, что римляне попытаются снова утвердиться на море. Вот почему с самого начала битвы карфагеняне оказались слабее римлян на многих пунктах боевой линии, были побеждены, причем пятьдесят кораблей их потоплено, а семьдесят вместе с командою взяты в плен. Остальной флот с распущенными парусами под попутным ветром отступил к острову Гиере; на их счастье ветер неожиданно переменился и вовремя помог им.

Итак, римский консул возвратился под Лилибей к своему войску и принял необходимые меры относительно захваченных кораблей и людей, что было нелегко; ибо пленных взято было немного меньше десяти тысяч человек. С другой стороны, карфагеняне, хотя потерпели неожиданное поражение, обнаруживали прежнюю готовность к борьбе, прежний воинственный дух и рвение, но затруднялись в способах

вести ее. Море было теперь во власти неприятеля, и они не могли уже доставлять продовольствие своему войску в Сицилии, а отказавшись от надежд на это войско и как бы даже выдав его неприятелю, карфагеняне не знали, откуда добыть для войны и солдат, и вождей. Поэтому они немедленно отправили гонцов к Барке и давали ему неограниченные полномочия. Барка исполнил долг военачальника, честно и разумно, а именно: до тех пор пока положение дел допускало какую-нибудь надежду на успех, он не останавливался ни перед какими усилиями и опасностями. Но когда положение ухудшилось, и у него не осталось более никакой надежды на спасение вверенных ему воинов, Барка сознательно и благоразумно покорился обстоятельствам и отправил к римлянам послов для переговоров об окончании войны и заключении мира. От вождя требуется, чтобы он умел одинаково верно определять моменты как для победы, так и для отступления. Лутаций с радостью принял предложение Барки, ибо ему известно было, что сами римляне истощены войною и тяготеют бременем ее; поэтому войне положен был конец на таких приблизительно условиях. На нижеследующих условиях, если они удобны будут и народу римскому, должна быть дружба между карфагенянами и римлянами: карфагеняне обязаны очистить всю Сицилию, не воевать с Гиеропом, не ходить войною ни на сиракузян, ни на союзников их; карфагеняне обязаны выдать римлянам всех пленных без выкупа; карфагеняне обязаны уплатить римлянам в продолжение двадцати лет две тысячи двести талантов серебра.

Когда условия эти были доставлены в Рим, народ не принял их и отправил десять граждан в Сицилию для расследования дела. По прибытии на место полномоченные оставили неизменным существо договора, лишь некоторые обязательства карфагенян усили-

ли, а именно: срок уплаты они сократили наполовину, прибавили еще тысячу талантов и обязали карфагенян очистить все острова, лежащие между Италией и Сицилией.

Такой конец имела война из-за Сицилии между римлянами и карфагенянами, и таковы были условия мира. Длилась она непрерывно двадцать четыре года и была продолжительнее, упорнее и важнее всех войн, какие известны нам в истории.

Как бы то ни было, в описанной выше войне оба государства оказались равносильными как по смелости замыслов и могуществу, так в особенности по ревнивому стремлению к господству; но что касается граждан, то во всех отношениях римляне проявили большую доблесть. Наконец, величайшим вождем того времени по уму и отваге должен быть признан Гамилькар по прозванию Барка, родной отец того Ганнибала, который впоследствии воевал с римлянами.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Причины войны

Первой причиной войны между римлянами и карфагенянами должно считать чувство горечи у Гамилькара по прозванию Барка, родного отца Ганнибала. Мужество его не было сломлено сицилийской войной, так как он находил, что сохраненные им в целости войска у Эрика одушевлены теми же чувствами, как и он сам; что договор он принял после поражения карфагенян на море, только уступая обстоятельствам, в душе же он оставался верен себе и постоянно выжидал случая для нападения. Таким образом, если бы не случилось восстание наемников против карфагенян*, то Гамилькар немедленно начал бы готовиться к новой войне, насколько от него зависело. Но, будучи захвачен внутренними смутами, он обратил свои силы на них.

Карфагеняне неохотно удалились из Сицилии, ибо бессильны были оказать какое-либо сопротивление;

* Восстание началось зимой 241 г. до н. э. и было подавлено Баркой лишь в 238 г. до н. э. — *Прим. ред.*

они согласились уплатить сверх выданных раньше тысячу двести талантов, лишь бы в тогдашнем положении избежать войны. Это мы должны считать второй, притом важнейшей причиной начавшейся войны, ибо к личному недовольству Гамилькара прибавилось теперь раздражение сограждан.

Обеспечив укрощением восставших наемников спокойное существование родины, Гамилькар немедленно обратил свои помыслы на дела Иберии, где рассчитывал изыскать средства для войны с римлянами. Следовательно, третьей причиною войны следует считать успехи карфагенян в иберийских делах, потому что, полагаясь на тамошние войска, они смело начинали названную выше войну.

Что возникновение второй войны было подготовлено большею частью Гамилькаром, хотя он умер за десять лет до начала ее, доказательств тому можно бы найти много; но для удостоверения сказанного достаточно будет и нижеследующего. Ганнибал* рассказал приблизительно следующее: в то время, как отец его собирался перейти с войском в Иберию, ему было девять лет, и когда отец приносил жертву Зевсу**, он стоял у жертвенника. «Когда жертва дала благоприятные знамения, богам сделаны были возлияния и исполнены установленные действия, отец велел остальным присутствовавшим при жертвоприношении удалиться на небольшое расстояние, а меня позвал к себе и ласково спросил, желаю ли я идти в поход вместе с ним. Я охотно изъявил согласие и подетски просил его об этом. Тогда отец взял меня за правую руку, подвел к жертвеннику, приказал коснуться жертвы и поклясться, что я никогда не буду другом римлян».

* Сын Гамилькара Барки. — *Прим. ред.*

** С Зевсом и Юпитером в эллинистический и римский периоды отождествлялся верховный бог карфагенян Баал (Ваал) Ханнон. — *Прим. ред.*

Мы имеем в этом неоспоримое свидетельство ненависти Гамилькара к римлянам и настроения его вообще; так оно, впрочем, проявилось и на самом деле. Действительно, зятю своему Гасдрубалу и родному сыну Ганнибалу он вселил такую вражду к римлянам, дальше которой нельзя идти. Но Гасдрубал умер слишком рано и не успел проявить своих намерений; напротив, Ганнибалу обстоятельства дали возможность обнаружить со всею ясностью ненависть к римлянам, унаследованную от родителя.

Начало войны

Таковы были причины Ганнибаловой войны, а началом ее послужило следующее. Карфагеняне с трудом переносили поражение в войне за Сицилию; огорчение их усиливалось судьбою Сардинии и громадною последней наложенной на них дани. Поэтому лишь только карфагеняне покорили своей власти большую часть Иберии, они готовы были воспользоваться первым удобным случаем для враждебных действий против римлян. По получении известия о кончине Гасдрубала, на которого со смертью Гамилькара возложено было управление Иберией, они сначала ожидали вестей о настроении войска; но когда получено было известие, что войска единодушно выбрали полководцем Ганнибала, карфагеняне тотчас собрали народ и единогласно утвердили выбор войска. Получив власть, Ганнибал немедленно двинулся в поход для покорения народа олькадов. По прибытии к Алфее, сильнейшему городу их, он расположил там свой лагерь; вслед за этим он быстро овладел городом с помощью жестокого приступа. После этого остальные города, объятые страхом, сами сдались карфагенянам. Собрав дань с городов, Ганнибал с большими суммами денег при-

был на зимнюю стоянку в Новый город*. Великодушным обращением с покоренными, выдачей жалования своим соратникам и обещаниями наград он стяжал себе глубокое расположение войска и возбуждал в них смелые надежды.

В начале следующего лета он снова пошел на вакцеев, внезапным нападением взял Гелмантику, а городом Арбакалой овладел только приступом после продолжительной трудной осады, так как город был велик и многолюден, а население его защищалось храбро. После этого на обратном пути Ганнибал подвергся величайшим опасностям, так как карпетанов, чуть не самый сильный народ в этих местах, неожиданно напали на него; с ними же соединились и толпы соседних народов, которых возбуждали больше всего олькадские беглецы и подстрекали уцелевшие жители Гелмантики. Если бы карфагеняне принуждены были вступить в правильную битву, то, наверное, потерпели бы поражение. Но Ганнибалу пришла счастливая верная мысль повернуть назад и отступить, причем он защитил себя рекой Таг, и у переправы через реку дал сражение; кроме реки, помогли ему слоны, которых он имел около сорока, так что все предприятие совершенно было сверх всякого ожидания так, как он рассчитал. Действительно, варвары во многих местах пытались переправиться через реку, причем большая часть их была истреблена при выходе на сушу, ибо вдоль берега шли слоны и, лишь только выходил кто из реки, давили его. Многие были перебиты в самой реке конными воинами. Наконец воины Ганнибала перешли реку обратно, ударили на варваров и больше ста тысяч человек обратили в бегство. Когда эти народы были побеждены, ни один из народов, живущих по южному берегу реки Ибер, кроме сагунтян, не отваживался противостоять карфагенянам. Что касается

* Новый Карфаген. — *Прим. ред.*

Сагунта, то Ганнибал всячески старался обходить его, чтобы не подавать римлянам явного повода к войне до тех пор, пока окончательно не покорит своей власти остальных частей Иберии: он поступал по правилам и советам отца своего Гамилькара.

Между тем сагунтяне отправляли в Рим одних послов за другими, как из страха за себя и в ожидании грядущих опасностей, так и потому, что не желали скрывать от римлян достигаемых карфагенянами успехов в Иберии. Много раз римляне оставляли посольства их без внимания, но теперь отправили своих послов для проверки полученных известий. Тем временем Ганнибал с войсками возвратился на зимнюю стоянку в Новый город, служивший для карфагенян в Иберии как бы столицей и царской резиденцией. Здесь он застал уже римских послов, допустил их к себе и выслушал их требования. Римляне заклинали Ганнибала не тревожить сагунтян, ибо они состоят под покровительством римлян, не переходить реки Ибер, как было условлено с Гасдрубалом. Ганнибал, как человек молодой, исполненный воинственного жара, счастливый в предприятиях и давно уже питавший враждебные чувства к римлянам, начал жаловаться послам на римлян, как бы заботясь о сагунтянах, на то именно, что незадолго до того во время междоусобицы в Сагунте римляне взяли на себя умиротворение города, а вместо этого незаконно казнили нескольких значительнейших граждан, чего он не оставит без отмщения, ибо карфагеняне искони блюдают правило защищать всех угнетенных. В Карфаген же Ганнибал отправил посольство за указанием, что делать, так как сагунтяне, опираясь на союз свой с римлянами, обижают некоторые подчиненные карфагенянам народы. Вообще Ганнибал преисполнен был в то время безумного, порывистого гнева. Поэтому о действительных причинах он молчал и подыскивал нелепые пред-

логи, как обыкновенно поступают люди, одержимые страстью и пренебрегающие требованиями пристойности. Было бы несравненно лучше заявить, что римляне обязаны возвратить карфагенянам Сардинию и отдать тогда же взятую дань: римляне взяли ее несправедливо, воспользовавшись трудным положением карфагенян, — и потом в случае отказа пригрозить римлянам войною. Теперь же Ганнибал умолчал о действительной причине и выдумал не существующую из-за сагунтян; благодаря этому казалось, что он начинает войну не только беспричинную, но и неправую. Римские послы ясно поняли, что война неизбежна, и отплыли в Карфаген, чтобы и там повторить те же требования. Однако они рассчитывали, что воевать будут не в Италии, а в Иберии, и воспользуются городом сагунтян, как опорным пунктом для войны.

Согласно с этим планом сенат постановил обеспечить себя со стороны Иллирии, ибо предвидел войну трудную, продолжительную, вдаль от родины.

На войну в Иллирию отправили Луция Эмилия с войском.

Между тем Ганнибал двинулся с войском из Нового города к Сагунту. Город этот лежит на отрогах хребта, простирающегося до моря от границы Иберии и Кельтиберии, стадиях в семи от моря. Жители города имеют в своем владении область, изобилующую всякого рода богатствами и по плодородию превосходящую всю остальную Иберию. Здесь-то расположился лагерем Ганнибал и повел осаду в ожидании важных выгод, какие завоевание этого города сулило ему в будущем. Действительно, он, во-первых, рассчитывал сокрушить надежды римлян на ведение войны в Иберии; во-вторых, не сомневался, что запугает все тамошние народы и тем сделает иберов, уже подчиненных, более покорными, а совершенно независимых более осторожными; всего же важнее было то,

что в тылу не оставалось бы больше врагов, и он мог безопасно идти вперед. Кроме того, Ганнибал надеялся приобрести обильные средства для осуществления своих замыслов, воодушевить войска ожиданием добычи, какая достанется на долю каждого, а отправкой добычи в Карфаген снискать себе благоволение остававшихся дома карфагенян. Побуждаемый такого рода соображениями, Ганнибал ревностно вел осаду, причем то подавал пример войску и сам принимал участие в тяжелых осадных работах, то ободрял солдат и смело шел в опасность. Он взял наконец город приступом после восьмимесячной осады. Имея в руках множество денег, людей и иной добычи, Ганнибал берег деньги для собственных предприятий, пленных распределил между соратниками по мере значения каждого, а всю иную добычу немедленно отправил карфагенянам. Он не обманулся в расчетах и не потерпел неудачи в первоначальных замыслах; напротив, воины шли теперь смелее в битву, карфагеняне готовы были охотно выполнять его требования, а сам он при помощи сделанных запасов мог удовлетворить многим нуждам.

Между тем римский консул Эмилий овладел Иллирией и, все устроив здесь по собственному усмотрению, возвратился в Рим уже в конце лета; вступление его в город сопровождалось блестящим триумфом. Действительно, по мнению римлян, он обнаружил в ведении дела не только искусство, но в большей еще мере и храбрость.

Римляне по получении известия о несчастьи сагунтян выбрали немедленно послов и со всею поспешностью отправили их в Карфаген с двумя предложениями на выбор. Принятие одного из них должно было принести карфагенянам вместе с имущественным ущербом и позор, принятие другого послужить началом больших затруднений и опасностей, а именно:

или карфагеняне должны выдать римлянам Ганнибала и находившихся при нем сенаторов или римляне объявляли им войну. Когда послы явились в Карфаген, вошли в сенат и представили эти требования, карфагеняне с негодованием выслушивали предложение о выборе; однако настаивали и опирались на последний договор, состоявшийся в Сицилийскую войну, а в нем по словам не сказано ни слова об Иберии, за то в определенных выражениях обеспечивается неприкосновенность союзников обеих сторон. При этом карфагеняне доказывали, что сагунтяне в то время не были союзниками римлян, в подтверждение чего многократно перечитывали договор. С своей стороны римляне решительно отказались отвечать на оправдания карфагенян и заявили, что рассуждения о праве и спорных пунктах были возможны до тех пор, пока город сагунтян оставался неприкосновенным; но раз он пал жертвою вероломства, карфагеняне обязаны или выдать римлянам виновных и тем ясно для всех доказать как свою непричастность к правонарушению, так и то, что деяние это совершено без их соизволения, или же в случае отказа признать себя соучастниками беззакония.

Тогда старший из римских послов указал сенаторам на свою тогу и прибавил, что здесь он принес войну и мир, и оставит им то или другое, как они прикажут. Сенаторы карфагенян предложили послу выбрать, что ему угодно. Лишь только римлянин объявил, что выбирает войну, тут же большинство сенаторов воскликнуло, что они принимают войну.

Между тем Ганнибал, зимовавший в Новом городе, прежде всего распустил иберов по родным городам их с целью внушить им охоту и ревность к предстоящим предприятиям. Потом, на тот случай, если бы ему самому пришлось отлучиться, брату своему Гасдрубалу он дал указания относительно того, как

он должен управлять и командовать иберами, как готовиться к войне с римлянами; в-третьих, позаботился о мерах безопасности для Ливии. Далее, руководствуясь верным, мудрым расчетом, он переместил ливийские войска в Иберию, а иберийские в Ливию и тем соединил обе части войск узами взаимной верности. Из иберийских племен набрано было всего тысяча двести человек конницы и тринадцать тысяч восьмьсот пятьдесят пехоты. Сверх этого числа было восьмьсот семьдесят человек балеарцев. Настоящее имя их пращники; употребление пращи дало одинаковое название как народу, так и занимаемому им острову*. Большую часть названных выше войск Ганнибал назначил в Карфаген; они должны были служить заложниками в вместе подкреплением ему. В Иберии Ганнибал оставил брату Гасдрубалу пятьдесят пятипалубных кораблей, два четырехпалубных и пять трирем.

Конницы оставил он четыреста пятьдесят человек карфагенян и ливийцев, триста лергетов, тысячу восьмьсот нумидийцев; пехоты оставил одиннадцать тысяч восьмьсот пятьдесят человек ливийцев, триста лигистян, пятьсот балеарцев и двадцать одного слона.

В Лации мы нашли этот перечень войск на медной доске, изготовленной по приказанию Ганнибала в бытность его в Италии, и признали, что начертанный на ней список вполне достоверен.

Приняв все меры безопасности относительно Ливии и Иберии, Ганнибал нетерпеливо поджидал отправленных к нему кельтами послов. Он собрал точные сведения и о плодородии страны у Альп и по реке Пад**, и о количестве населения, а также о военной отваге тамошнего народа, наконец, что самое важное, о присущей ему ненависти к римлянам. Вот по-

* Болеарскин острова. — *Прим. ред.*

** Река По. — *Прим. ред.*

чему сюда обращены были его надежды, и он давал всевозможные обещания через послов, поспешно отправленных к кельтским владыкам, обитающим по эту сторону Альп и в самих Альпах. Ганнибал был убежден, что тогда только в состоянии будет вынести войну с римлянами в Италии, когда ему удастся заранее преодолеть все трудности пути, прибыть в названные выше страны и приобрести в кельтах помощников и союзников в задуманном деле. Когда прибыли вестники и объявили о благоволении и ожиданиях кельтов, а также о том, что переход через Альпы слишком труден, хотя не невозможен, Ганнибал к началу весны стянул свои войска из зимних стоянок. Незадолго перед тем получены были известия о положении дел в Карфагене. Ободренный ими и преисполненный уверенности в сочувствии граждан, он стал теперь открыто воспламенять войска к борьбе с римлянами, говорил им о высоких достоинствах страны, в которую они придут, о благорасположении и союзе кельтов. Полчища с восторгом приняли его речь. Ганнибал в назначенный день выступил в поход, имея с собою около девяноста тысяч пехоты и тысяч двенадцать конницы. Перейдя через реку Ибер он покорил народы илергетов и баргусиев, а также авсетанов и лацетанов до Пиреней. Подчинив все эти народы своей власти и взяв приступом некоторые города, хотя и после многих жестоких сражений и с большими потерями в людях, Ганнибал оставил Ганнона правителем всей страны, что по сю сторону реки Ибер, и дал ему неограниченную власть над баргусиями: этим последним он доверял менее всего по причине сочувствия их римлянам. Из своих войск Ганнибал отделил Ганнону десять тысяч пехоты и тысячу конницы; ему же оставил и все припасы войск, вместе с ним выступивших в поход. Такое же количество войска он отпустил на родину с целью иметь друзей в покинутых

дома народах, вместе с тем внушить остальным надежду на возвращение к своим очагам, наконец с целью расположить к походу всех иберов не только тех, которые шли с ним, но и остающихся дома, на тот случай, если когда-либо потребуется их помощь. Остальное войско, таким образом облегченное, он повел за собою, именно пятьдесят тысяч пехоты и около девяти тысяч конницы; перевалил с ним через Пиренейские горы к месту переправы через реку Родан*. Войско его отличалось не столько многочисленностью, сколько крепостью здоровья, и было превосходно испытано в непрерывных битвах в Иберии.

Итак, Ганнибал намеревался переходить через Пиренейские горы, исполненный страха перед кельтами, самую природою защищенными в своих землях. Тем временем римляне узнали от посланных в Карфаген послов о принятом там решении и получили известие о переходе Ганнибала с войском через реку Ибер, постановили прежде всего отправить во главе легионов Публия Корнелия в Иберию и Тиберия Семпрония в Ливию. Пока они набирали легионы и делали прочие приготовления к войне, раньше выбранные люди для основания колоний в Галлии Цезальпинской спешили привести это дело к концу заблаговременно. Один город римляне основали по сю сторону реки Пад и назвали его Плацентией, другой — Кремону по ту сторону реки. Лишь только города были заселены, как галлы бойи давно уже готовые изменить союзу с римлянами воспрянули духом и, возлагая надежды на скорое прибытие карфагенян, о коем извещали их посланцы Ганнибала, отложились от римлян.

Бойи призвали к участию в восстании инсубров, соединились с ними благодаря давнему недовольству

* Река Рона. — *Прим. ред.*

последних против римлян, разорили страну, разделенную между римскими колонистами, бежавших преследовали до Мутины, римской колонии, и осадили их. Узнав об этом, претор Луций Манлий с войском поспешил на помощь к своим. Когда бои узнали о приближении римлян, то устроили засаду в лесах, и как только римляне вступили в покрытые лесом местности, бои со всех сторон ударили на них и многих перебили. Остальные сначала бросились было бежать; но кое-как собрались, так что отступление, хоть и с трудом, совершено было в порядке. Между тем бои, преследовавшие римлян по пятам, заперли и этих в деревне Таннет. По получении в Риме известия о том, что четвертый легион их окружен бойями и подвергается жестокой осаде, назначенные для Публия легионы были отправлены на помощь теснимому войску под начальством претора, а тому приказано было стягивать и набирать другое войско.

В таком положении были дела у кельтов с самого начала войны до прибытия Ганнибала.

Между тем римские консулы, по окончании всех приготовлений, с наступлением лета отправились с флотом к местам назначения, то есть, Публий в Иберию с шестьюдесятью кораблями, Тиберий Семпроний в Ливию с ста шестьюдесятью пятипалубными судами. Судя по тому с каким ожесточением Семпроний собирался вести войну, сколь значительны были вооружения его в Лилибее, куда он стягивал всех отовсюду, можно было подумать, что, пристав к берегу, он тотчас приступит к осаде самого Карфагена. Публий на пятый день прибыл от Пиз к Массалии. Бросив якорь у первого устья Родана, так называемого Массалиотского, он высадил на сушу свои войска; при этом получил известие, что Ганнибал уже переходит через Пиренейские горы, но был твердо убежден, что неприятель еще далеко от него, так как местности те

труднопроходимы, а пространство густо заселено кельтами. Однако Ганнибал с войсками явился внезапно у переправы через Родан, часть кельтов он склонил на свою сторону деньгами, через земли других пробился с войсками силою. Когда Публий получил весть, что неприятель уже прибыл, он, хотя и не доверял известию, — чересчур скорым казалось ему это прибытие, — однако с целью узнать истину снял войско с судов и устроил совещание с трибунами относительно местности, какую следовало выбрать для сражения с неприятелем. В то же время триста храбрейших конных воинов Публий послал вперед, дав им в проводники и помощники тех кельтов, которые состояли наемниками у массалийцев.

Переправа Ганнибала через Родан*

Вступив в прилегающую к реке область, Ганнибал немедленно стал готовиться к переправе в таком месте, где река течет еще по одному руслу; лагерь свой он разбил на расстоянии от моря днях в четырех. Он всякими способами расположил к себе береговых жителей и закупил у них все суда из цельного дерева, а также значительное количество лодок, потому что многие из природанских жителей занимаются морской торговлей. От них же он получил отборное дерево, пригодное для сооружения цельных лодок, благодаря чему в два дня изготовлено было бесчисленное множество судов, ибо каждый воин старался сам обеспечить себе переправу.

В это время на противоположном берегу собралось множество варваров с целью помешать перепра-

* Река Рона. — Прим. ред.

ве карфагенян. При виде их Ганнибал решил, что при таких обстоятельствах и ввиду столь значительного количества неприятелей ему нельзя будет ни переправиться силою, ни оставаться на месте, чтобы не подвергнуться неприятельскому нападению со всех сторон. Поэтому на третью ночь он отрядил часть своего войска под начальством Ганнона, сына Бомилькара. Воины направились вверх по реке и прошли стадий двести, пока не достигли такого пункта, где река разделяется и образует остров; здесь они остановились. Из стволов деревьев, добытых в ближайшем лесу, частью сколоченных, частью связанных, воины в короткое время снарядили множество плотов, пригодных для предстоявшего дела; на них-то без всякого препятствия воины переправились на другую сторону. Заняв укрепленный самою природою пункт, они остановились на один день, чтобы отдохнуть от недавних трудов и вместе с тем приготовиться согласно полученному ими приказанию к ближайшей битве. Ганнибал с своей стороны подобным же образом готовил оставшиеся при нем войска. Труднее всего было переправлять слонов, которых насчитывалось у него тридцать семь.

Как бы то ни было, на пятую ночь к рассвету воины, ранее переправившиеся через реку, двинулись вдоль нее на варваров, которые расположились против Ганнибала, а он приступил к переправе войска, причем послал на судах конницу и самых ловких пехотинцев. В верхней части реки по течению ее поставлены были большие лодки, ниже их помещены легкие, дабы они могли переправляться с большею безопасностью, когда почти вся сила течения будет сдержана большими судами. Лошадей они придумали тащить вплавать с кормы, причем один человек с каждой стороны лодки должен был тянуть на поводьях по три-четыре лошади; таким образом за один раз пере-

правлено было бы значительное количество лошадей. Завидя эти начинания неприятеля, варвары кинулись из лагеря в беспорядке и врассыпную в полной уверенности, что им легко будет не допустить карфагенян до высадки на берег. Между тем Ганнибал, лишь только заметил на противоположном берегу приближение своих воинов, которые согласно уговору дали знать о том дымом, он тотчас приказал всем воинам, получившим это назначение, садиться в лодки и грести с силою против течения. Приказание было быстро исполнено, а оба войска стояли тут же по обеим берегам реки, причем карфагеняне разделяли тревогу переправлявшихся воинов и с криком бежали вдоль реки, стоявшие против них варвары пели победную песню и требовали битвы — все это представляло грозное зрелище. Как раз в то время, как варвары покинули палатки, стоявшие на другом берегу карфагеняне (под командованием Ганнона) внезапно ударили на врага, причем одни из них предали пламени неприятельский лагерь, а большая часть поражала тех, которые следили за переправляющимися. Оборот дела был неожиданный для варваров, и потому одни из них бросались спасать палатки, другие отражали нападающих и вступали в битву с ними. С другой стороны Ганнибал, у которого все шло согласно задуманному плану, немедленно выстроил своих воинов, вышедших на берег первыми, и вступил в бой с варварами. Напротив, кельты частью по недостатку порядка, частью вследствие неожиданности происшедшего, быстро оборотили тыл и бежали.

Таким образом вождь карфагенян восторжествовал над трудностями переправы и одолел неприятеля; теперь он занялся переправкою остававшихся на другой стороне воинов. В короткое время переправив все войска, Ганнибал в ту же ночь расположился станом у самой реки. На следующее утро он прослышал, что

римской флот остановился на якоре в устье Родана; тогда он отрядил пятьсот отборных конных воинов из нумидийцев с приказанием разведать, где находится неприятель, как велики силы его и что он делает.

В то же время он выбрал умелых людей для переправы слонов. Сам Ганнибал собрал свои войска и вышел перед них с царьком Магилом и другими, явившимися к нему из равнин Пада, и через переводчика сообщил войскам решения кельтов. Больше, чем всякие речи, массу войска ободряло личное присутствие тех самых людей, которые звали карфагенян на помощь и предлагали свое участие в войне против римлян; во-вторых, ободряюще действовали обещания Магила и его товарищей, что они проводят карфагенян по таким местностям, в которых они не будут терпеть нужды ни в чем, что войска войдут в Италию кратчайшим и безопасным путем. Затем выступил сам Ганнибал. Сначала он напомнил войскам о прежних битвах, в которых, говорил он, карфагеняне, следуя его распоряжениям и советам, ни разу не терпели поражения, хотя отваживались на многие чрезвычайно трудные и опасные дела. Вслед за этим он советовал воинам сохранять бодрость духа, так как они видят, что важнейшее уже совершено, потому что переправа через реку кончена, а расположение союзников они видят сами. Поэтому Ганнибал требовал предоставить ему заботиться о подробностях дела и, повинувшись его распоряжениям, показать себя воинами доблестными и достойными прежних подвигов. Толпа отвечала на это выражением горячего сочувствия и готовности; Ганнибал благодарил воинов и, помолвившись за всех богам, распустил собрание, приказав всем подкрепить себя и поспешно приготовиться, ибо на заре предстояло выступление из стоянки.

Вскоре возвратились нумидийцы, посланные раньше на разведку; большинство их погибло, прочие спас-

лись стремительным бегством. Невдалеке от собственного стана они столкнулись с римскими конными воинами, которые с такою же целью были отправлены Публием: противники дрались с таким ожесточением, что из римлян и кельтов пало до ста сорока человек конницы, а из нумидян свыше двухсот. После этой стычки римляне в погоне за неприятелем приблизились к карфагенскому лагерю и, осмотрев его, быстро повернули назад, чтобы поскорее известить своего вождя о прибытии неприятеля. Возвратившись в лагерь, они доложили о виденном. Публий немедленно велел сносить припасы на корабли, сам снялся со всем войском и двинулся вперед вдоль реки, горя желанием сразиться с врагом.

Между тем Ганнибал на следующий день после собрания с рассветом поставил со стороны моря свою конницу, которая должна была служить прикрытием, а пехоту вывел из лагеря и двинул в путь. Сам он поджидал слонов и оставшихся при них воинов. Переправа слонов произведена была следующим образом: сколотив множество паромов, прилаженных один к другому, карфагеняне связали два из них, образовавшие площадь футов в пятьдесят ширины, и крепко вколотили их в землю на спуске к реке. К этим первым паромам карфагеняне прикрепляли с наружной стороны другие, выдвигая сооружение все дальше в реку. Обращенную к реке сторону помоста они укрепили на суше с помощью канатов, накинутых на деревья, которые росли на берегу, дабы все сооружение держалось неподвижно на месте и не было снесено течением. Когда вытянувшаяся в реку часть помоста достигла двухсот футов длины, карфагеняне присоединили к крайним паромам два новых, тщательно сколоченных. К паромам привесили множество канатов, благодаря которым буксирные лодки не давали течению унести их, лодки эти должны были сдерживать напор

течения и тащить находившихся на парамах слонов на другой берег. Кроме того, на все паромы снесено было много земли, которую бросали сюда до тех пор, пока не получилось подобие того пути, какой на суше вел к месту переправы. Так как слоны привыкли следовать за индийцами до воды и ни за что не решались войти в воду, то проводники вели их по насыпной земле таким образом, что впереди шли две самки, а остальные следовали за ними. Как только поставили слонов на крайних парамах, веревки, соединявшие эти паромы с остальными, были разрублены, канаты натянуты с помощью лодок, и слоны вместе с находившимися под ними паромами быстро отделились от помоста. Сначала испуганные животные поворачивались и метались во все стороны; но, будучи окружены отовсюду водою, они робели и по необходимости оставались на своих местах. Таким же способом прилаживались каждый раз два парома, и на них перевезена была большая часть слонов. Несколько животных в страхе кинулись посредине реки в воду; все, что были при них индийцы, погибли, но животные были спасены. Ибо благодаря своей силе и длине хоботов, которые они держали на поверхности воды, которыми вдыхали воздух и выбрасывали всю попадавшую в них воду, слоны большую часть пути под водою сделали стоя и выходили невредимыми на берег.

Когда слоны были переправлены, Ганнибал пометил их и конницу позади остального войска и двинулся вперед вдоль реки по направлению от моря, как бы подвигаясь внутрь материка Европы.

После четырехдневного непрерывного пути от места переправы он явился к так называемому Острову, стране густо заселенной и плодородной, которая названа так по своему положению. Родан и Исара*,

* Река Изер. — *Прим. ред.*

омывая эту землю с обеих сторон, придают ей у места своего слияния заостренную форму.

Переход Ганнибала через Альпы

По достижении Острова Ганнибал узнал, что два брата на нем находятся между собою в распри из-за царской власти и стоят друг против друга с войсками. Когда старший из них звал Ганнибала к себе и убеждал помочь ему в достижении власти, Ганнибал согласился в ожидании от того несомненной и скорой выгоды для себя. Вместе с старшим братом он напал на младшего и помог выгнать его, за что от победителя и получил сильную поддержку, а именно: этот последний не только доставил войску Ганнибала в изобилии хлеб и прочие припасы, но заменил старое, испорченное оружие новым и своевременно обновил все военное снаряжение. Кроме того, большинство воинов он снабдил платьем, обувью, чем значительно облегчил переход через Альпы. Наконец, что всего важнее, карфагеняне боялись перехода через землю галлов, именуемых аллоброгами; брат-победитель с своим войском прикрывал их с тыла, чем и обезопасил для них этот переход, пока карфагеняне подходили к альпийскому перевалу.

В течение десяти дней пройдя вдоль реки около восьмисот стадий, Ганнибал начал подъем на Альпы, причем подвергался величайшим опасностям. Ибо до тех пор, пока карфагеняне находились на равнине, аллоброги воздерживались от нападения частью в страхе перед конницей, частью из боязни сопровождавших их варваров. Но по возвращении тех в родную землю, когда войско Ганнибала вступило в труднопроходимую местность, вожди аллоброгов стянули довольно значительное войско и заблаговременно за-

няли удобные пункты, через которые Ганнибалу необходимо было проходить. Если бы варвары сумели сохранить в тайне свои замыслы, они истребили бы войско карфагенян совершенно; но их подготовка к нападению была обнаружена, и потому хотя они и причинили противнику большой урон, но не меньший потерпели и сами. Узнав, что варвары заняли уже удобные пункты, вождь карфагенян расположился станом у перевалов и там выжидал, а вперед послал несколько галатов из числа своих проводников, чтобы разузнать замыслы врага и весь план его. Посланные исполнили поручение. Ганнибал узнал теперь, что днем неприятели в строгом порядке и бдительно охраняют занятые места, а ночью удаляются в близлежащий город. Он придумал такого рода хитрость: взял с собою войско и на виду у неприятелей пошел вперед; приблизившись к теснинам и расположился лагерем невдалеке от неприятеля. С наступлением ночи Ганнибал велел зажечь огни, большую часть войска оставил в лагере, а с храбрейшими воинами налегке прошел ночью узкий проход и, воспользовавшись удалением варваров в город, овладел теми местами, которые раньше занял было неприятель.

Когда рассвело и варвары узнали о случившемся, первое время они вовсе не думали о нападении; но потом, при виде того, какое множество вьючного скота и конницы и с каким трудом выступает медленно в теснинах, они вознамерились потревожить движение неприятеля. Согласно этому решению варвары во многих пунктах ударили на карфагенян, которые при этом понесли большие потери, особенно в лошадях и вьючном скоте, не столько, впрочем, от нападающего врага, сколько благодаря трудностям перехода. Дело в том, что подъем на гору был не только узок и не ровен, но и крут, а потому многие животные вместе с поклажею падали в пропасть. Но наибольшее замешатель-

ство производили раненые лошади: одни из них в ярости от боли кидались на вьючный скот спереди, другие в стремительном движении вперед теснили все, попадавшееся им на пути в узком проходе, и тем производили большой беспорядок. При виде этого Ганнибал сообразил, что, если погибнет скот с ношей, то не уцелеет и та часть войска, которая избегнет опасности; поэтому он взял с собою воинов, в предшествующую ночь занявших перевалы, и поспешил на помощь к передовому отряду. Так как Ганнибал напал с высоты, то неприятель потерял много убитыми, хотя не меньшие потери были и у Ганнибала. Наконец, когда большая часть аллоброгов была перебита, а остальные вынуждены были искать спасения в бегстве и повернули домой, тогда и то с большим трудом удалось уцелевшему скоту и лошадям пройти через теснину. Сам Ганнибал после этой битвы собрал возможно больше войска и ударил на город, откуда совершилось неприятельское нападение. Город он нашел почти пустым, так как все жители ушли за добычей, и овладел им, что было очень выгодно: он уводил за собою множество лошадей, вьючного скота и взятых при этом пленников; приобрел в изобилии дня на два три хлеб и животных. Важные всего было то, что Ганнибал навел страх на ближайших варваров, что жили на пути его.

Здесь Ганнибал разбил свой лагерь, в котором и оставался один день; затем двинулся дальше. В ближайшие дни он с войском продолжал путь беспрепятственно и только на четвертый день снова подвергся серьезным опасностям. Жившие на пути его народы по коварному уговору между собою выходили навстречу ему с ветками и в венках, что у всех почти варваров служит знаком мира. Ганнибал отнесся весьма осторожно к этому выражению покорности и тщательно исследовал намерения и настроение варваров.

Хотя они сказали, что им хорошо известны и взятие города, и гибель всех тех, которые пытались повредить Ганнибалу, хотя и уверяли, что явились сюда для того, чтобы не причинять другим и самим не терпеть никакой обиды, и наконец обещали дать заложников из своей среды, Ганнибал долгое время колебался и не доверял речам их; потом сообразил, что принятие предложений от явившихся к нему людей, быть может, сколько-нибудь удержит их и смягчит; напротив, отказом он наживет себе в них открытых врагов, а потому благосклонно выслушал их и сделал вид, будто желает быть в дружбе с ними. Когда затем варвары передали ему обещанных заложников, доставили много убойного скота и вообще обращались среди них без всяких предосторожностей, Ганнибал и его товарищи начали относиться к ним доверчиво, так что воспользовались услугами их как проводников в следовавших дальше теснинах. В течение двух дней варвары шли впереди войска; потом упомянутые выше народы собрались вместе и, следуя за карфагенянами с тыла, напали на них в то самое время, как карфагеняне переправлялись по крутому, трудно проходимому оврагу.

В это время все войско Ганнибала было бы истреблено совершенно, если бы он, все еще испытывая некоторый страх и остерегаясь возможных случайностей, не послал вперед вьючного скота и конницы и не поставил тяжеловооруженных в тылу. Прикрытием этих последних потери были уменьшены, так как тяжеловооруженные сдержали нападение варваров. Не смотря на это, потери в людях, вьючном скоте и лошадях были очень велики. Занимая более высокие пункты и подвигаясь по склонам гор бок о бок с карфагенянами, варвары то скатывали глыбы, то метали в них камни, чем наводили на противников ужас и подвигали их большой опасности. Дело дошло до того, что Ганнибал вынужден был с половиною войска,

вдали от лошадей и вьючного скота, с целью прикрытия их ночевать на белой крутой скале, пока наконец они с трудом выбрались из ущелья; для этого потребовалась целая ночь. Наутро, когда неприятель удалился, Ганнибал снова соединился с конницей и вьючными животными и направился вперед к высочайшим альпийским вершинам, ни разу более не встречаясь с соединенными силами варваров, которые тревожили его теперь небольшими отрядами. Выбирая удобные моменты, они нападали то на задние ряды, то на передние и уводили часть скота. Величайшую услугу оказывали Ганнибалу слоны, ибо, в каком бы месте они ни появлялись, неприятель не решался подходить туда, устрашаемый видом неведомых ему животных. На девятый день Ганнибал достиг наконец вершины перевала, разбил там свой лагерь, в котором оставался два дня частью для того, чтобы дать отдохнуть уцелевшим воинам, частью потому, что поджидал запоздавших. В это же время большое число лошадей, которые в испуге убежали, и многие вьючные животные, сбросившие с себя ношу, пришли на стоянку по следам остальных животных.

Вершины Альп покрывались уже снегом. Ганнибал замечал упадок духа в войсках как следствие вынесенных уже лишений, так и ожидания предстоящих. Он собрал воинов и пытался было ободрять их, располагая единственным для этого средством — видом Италии. Она так расстилается у подошвы альпийских гор, что для путника, обнимающего одним взором горы и страну эту, Альпы имеют вид крепостных стен. Вот почему, указывая своим воинам на равнины Пада и вообще напоминая им о благоволении населяющих их галлов, а также указывая местонахождение самого Рима, Ганнибал успел немного ободрить их. На следующее утро он снялся со стоянки и начал нисхождение с гор. На этом пути он не встречал более неприят-

телей; однако из-за трудностей пути и снега он потерял почти столько же людей, как и при подъеме на горы. Действительно, нисхождение совершалось по узкой, крутой дороге, а снег не давал различать место, куда поставить ногу, поэтому всякий, кто сбивался с дороги и падал, низвергался в пропасть. Однако и это карфагеняне переносили терпеливо, потому что привыкли уже к такого рода тяготам.

Но лишь только они подошли к узкому месту, по которому не могли пройти ни слоны, ни вьючные животные, — ибо обрыв, крутой и до того стал еще круче после новой лавины, — войско снова упало духом и затрепетало от страха. Сначала вождь карфагенян пытался обойти это трудное место, но путь сделался совершенно непроходимым и он отказался от этого.

Обстоятельства сложились необыкновенно: на прежний снег, оставшийся от прошлой зимы, выпал в этом году новый; он был неглубок. Но, пробив верхний слой и ступая по нижнему, отвердевшему, солдаты скользили обеими ногами; упавшие старались подняться на ноги и для этого опереться коленями или руками, они скользили еще больше, так как места были весьма обрывисты. Напротив, вьючные животные пробивали нижний снег, а пробив его стояли неподвижно вместе с ношею как заледеневшие, не имея возможности двигаться дальше частью вследствие собственной тяжести, частью потому, что замерзший раньше снег был крепок. Поэтому Ганнибал потерял всякую надежду добраться до цели таким путем и расположил свой лагерь у самого гребня горы, приказав расчистить лежавший там снег; затем руками солдат, расставленных по сторонам, он с великим трудом проложил себе дорогу. Для скота и лошадей был приготовлен достаточно удобный проход на один день; немедленно он повел животных и, разбив лагерь в та-

ких местах, где уже не было снега, послал их на пастбище. Нумидийцев он отряжал по сменам для прокладки пути, и через три дня после усиленных трудов ему удалось провести слонов, которые сильно страдали от голода. Дело в том, что альпийские вершины и ближайšie к перевалам места совсем безлесны и обнажены, ибо снег лежит там всегда, зимою и летом; напротив, средние области по обоим склонам гор имеют леса и деревья и вообще удобообитаемы.

Собрав в одно место все войско, Ганнибал продолжал нисхождение с гор; на третий день он спустился с крутизны и достиг равнины. На всем пройденном пути он потерял множество воинов частью от рук неприятеля и от рек, частью в альпийских обрывах и теснинах; еще больше, чем людей, потерял он лошадей и вьючного скота. Совершив весь путь от Нового города за пять месяцев и переход через Альпы за пятнадцать дней, Ганнибал наконец бодро вступил на равнины Пада и в землю народа инсубров. С ним было уцелевшего войска ливийцев двенадцать тысяч пехоты и иберов около восьми тысяч, всей конницы не более шести тысяч, как сам он исчисляет свое войско в надписи на лацийской плите.

В то же самое время консул Публий Корнелий оставил войска свои брату Гнею, поручил ему деятельно заняться делами Иберии и мужественно вести войну против Гасдрубала, а сам с небольшим числом воинов вернулся в Италию. От города Пизы он вступил в равнины Пада, присоединил к своим воинам легионы преторов, стоявшие на страже этих земель и воевавшие с боями и расположился лагерем в ожидании неприятеля, решившись вступить в битву с ним.

Ганнибал в Италии

По вторжении в эту страну он расположился станом у самой подошвы Альп и прежде всего занялся восстановлением сил своих войск. Действительно, все войско его не только было до крайности изнурено восхождением на горы и нисхождением, а также трудностями перевалов, но и сильно терпело от скудости припасов. Среди лишений и непрерывных трудов многие совершенно упали духом. Действительно, карфагеняне не в силах были везти по таким дорогам съестные припасы в количестве, необходимом для столь значительного числа людей; да и то, что провозилось, большею частью гибло вместе с погибающими вьючными животными. По этим причинам Ганнибал, отправлявшийся в путь от переправы через Родан с тридцатью восемью тысячами пехоты и с восемью с лишним тысячами конницы, потерял во время перевалов почти половину войска, как сказано выше. И все те воины, которые уцелели, вследствие постоянных перечисленных нами лишений как бы одичали по наружному виду и по характеру. Поэтому Ганнибал прилагал большие старания к восстановлению душевных и телесных сил своих воинов, да и лошадей также. Затем, когда войско уже отдохнуло, он старался прежде всего войти в дружбу и союз с тавринами, которые живут у подошвы гор; они вели в то время борьбу с инсубрами и недоверчиво относились к карфагенянам. Когда таврины не вняли его предложениям, Ганнибал обложил войском значительнейший город* их и взял его после трех дней осады. Избиением сопротивлявшихся ему жителей Ганнибал навел такой ужас на соседних варваров, что все они тут же являлись к нему

* Ныне г. Турин. — *Прим. ред.*

и отдавали себя под его покровительство. Остальное кельтское население равнин согласно первоначальному обещанию охотно соединилось бы с карфагенянами; но кельты не трогались с места, а некоторые вынуждены были идти в поход вместе с римлянами, ибо римские легионы, проникшие вглубь страны, большую часть их окружили и отрезали от карфагенян. Поэтому Ганнибал решил не медлить более и идти вперед, дабы каким-либо деянием поощрить тех, которые желали делить с ним его судьбу.

Приняв такое решение и получив известие, что Публий с войском перешел уже Пад и находится вблизи, Ганнибал сначала не поверил этим вестям. Но слухи эти подтверждались многими достоверными известиями; Ганнибал недоумевал над планом римского полководца вообще, и способом его осуществления. Подобные соображения занимали и Публия. Вначале он никак не думал, что Ганнибал отважился перейти Альпы с войсками; если же и решился на это, то, думал он, неминуемо погибнет. Когда среди таких размышлений получались известия, что Ганнибал уцелел и уже осаждает некоторые города в Италии, Публий поражался необычайной отвагой этого человека. Такое же действие производили вести и в Риме. Едва только затихли разговоры о последней новости, о взятии Сагунта карфагенянами, едва римляне приняли соответственное решение и послали одного из консулов в Ливию для осады самого Карфагена, а другого в Иберию для ведения там упорной войны с Ганнибалом, как пришло известие, что Ганнибал с войском находится в Италии и осаждает уже некоторые города. Смущенные неожиданностью событий, римляне немедленно отправили вестника к консулу Тиберию в Лилибей с уведомлением о прибытии неприятеля и требовали оставить тамошние дела и спешить на помощь родному городу. Тиберий тотчас собрал флот-

ских воинов и отправил их в путь с приказанием плыть домой, а сухопутные войска обязал через трибунов клятвою прибыть всем в назначенный день в Аримин. Город этот лежит у Адриатики, на южной окраине падуанских равнин. Все разом пришло в движение, наступавшие события были неожиданностью для всех, а потому везде с напряженным вниманием ожидали, что будет дальше.

Тем временем Ганнибал и Публий, подходя уже близко друг к другу, решили обратиться к своим войскам с увещанием, причем каждый из них говорил, сообразуясь с обстоятельствами. Так, с целью ободрить своих воинов Ганнибал поступал следующим образом: он собрал войска и поставил перед ними тех молодых людей из числа пленников, которые тревожили его войска во время переходов через альпийские теснины и были тогда же захвачены. К этому моменту он подготовлял их жестоким обращением: пленников держали в тяжелых оковах, мучили голодом, тела их были измождены ударами. Ганнибал поставил юных пленников впереди собрания, перед ними велел положить несколько полных наборов гальского вооружения; кроме того, он велел поставить тут же лошадей и принести нарядные военные плащи. После этого Ганнибал спросил юношей, кто из них желает вступить в единоборство друг с другом с тем, что победитель получит в награду выставленные предметы, а побежденный найдет в смерти избавление от удручающих его зол. В ответ на это все громко заявили, что желают идти на единоборство. Тогда Ганнибал приказал бросить жребий и распорядился, чтобы первые два пленника, вытянувшие жребий, надели на себя доспехи и сразились друг с другом. При этих словах юноши подняли руки и молились богам, ибо каждый из них жаждал вытянуть жребий. Когда решение жребия стало известно, вытянувшие его ликовали, а прочие опеча-

лились. С окончанием поединка оставшиеся в живых пленники одинаково благословляли как победителя, так и павшего в бою, потому что и этот последний избавлялся от тяжких страданий, какие им самим предстояло терпеть еще. Подобные же чувства разделяло и большинство карфагенян: они раньше видели страдания уцелевших пленников, которых теперь уводили из собрания, и жалели их, а умершего по сравнению с ними все почитали счастливецом.

Когда этим способом Ганнибал вызвал в душах воинов желательное для него настроение, он выступил вперед и объяснил, с какою целью выведены были пленники: для того, говорил он, чтобы воины при виде чужих страданий научились, как лучше поступать самим в настоящем положении; ибо и они призваны судьбою к подобному состязанию, и перед ними лежат теперь подобные же победные награды. Им предстоит или победить, или умереть, или живыми попасть в руки врагов, но при этом победными наградами будут служить для них не лошади и плащи, но обладание богатствами римлян и величайшее блаженство, какое только мыслимо для людей. Если они и падут в битве, сражаясь до последнего издыхания за лучшие свои стремления, то кончат жизнь как подобает храбрым бойцам без всяких страданий; напротив, если в случае поражения они из жадности к жизни предпочтут бежать или каким-нибудь иным способом сохранить себе жизнь, на долю их выпадут всякие беды и страдания. Ибо, говорил он, нет между ними такого безумца или глупца, который мог бы льстить себя надеждою возвратиться на родину бегством, если только они вспомнят длину пути, пройденного от родных мест, множество отделяющих их неприятелей, если они помнят величину рек, через которые переправлялись. О том, чтобы жить после поражения, они не должны и думать. Если таковы будут намерения их и

промыслы, за ними, наверное, последуют и победа, и спасение.

Речь Ганнибала и приведенный им пример были встречены толпою сочувственно; она восприняла то чувство решимости, которое Ганнибал старался пробудить.

Теми же днями Публий, перешедший уже реку Пад и решившийся переправиться дальше через Тицин, приказал положить мост через эту реку, а остальное войско созвал и обратился к нему с речью. Большая часть ее посвящена была прославлению отечества и подвигов предков. «Решимость карфагенян идти на римлян должно считать необычайною наглостью, так как много раз они терпели поражение от римлян, заплатили большую дань и уже столько времени были чуть не рабами их. Мы знаем по опыту, что и стоящий против нас неприятель не дерзает глядеть нам прямо в лицо, чего следует нам ждать от будущего? Разве вы не знаете, что карфагенская конница не вышла с честью из столкновения с нашей у реки Родана; что с большими потерями она бежала позорно до самой стоянки? Вождь их вместе со всем своим войском при известии о прибытии наших воинов перешел в отступление, походившее на бегство, и из страха, вопреки собственному решению направился через Альпы». «И теперь, — говорил Публий, — Ганнибал явился к нам, потеряв большую часть своего войска; а уцелевшие воины вследствие перенесенных лишений обессилены и не пригодны к битве. Точно так же потерял он и большую часть лошадей, да и оставшиеся ни к чему не годны после столь длинной и трудной дороги». Этою речью Публий старался внушить римлянам, что им стоит только показаться перед неприятелем. Доверие, каким пользовался военачальник, а также правда слов его воодушевили всех воинов.

Битва при Тицине

На следующий день оба полководца двинулись вперед вдоль реки со стороны Альп, причем римляне имели реку с левой стороны, а карфагеняне с правой. На другой день полководцы узнали, что находятся близко друг к другу, а потому расположились лагерями и не шли дальше. На третий день оба, во главе своей конницы каждый, двинулись дальше по равнине с целью узнать силы противника, причем Публий взял, кроме конницы, и метателей дротиков из пехоты. Лишь только они сблизились и увидели поднимающуюся пыль, тотчас стали строиться в боевой порядок. Публий поставил впереди копьеметателей и вместе с ними галльских конных воинов, остальных выстроил в линию и медленно пошел вперед. Ганнибал поставил всю тяжелую часть конницы прямо против неприятеля и пошел навстречу ему; нумидийскую конницу он поместил на обоих флангах с целью охватить неприятеля кольцом. Первая стычка кончилась тем, что метатели дротиков, едва успели выпустить по одному дротику, быстро подались назад и бежали между отрядов стоявшей за ними конницы: стремительное нападение навело ужас на римлян, и они страшались, как бы не быть растоптанными несущимися на них лошадьми. Тогда сразились войска главной линии, и долгое время это было вместе и конное, и пешее сражение, так как в самой схватке многие конные воины спешили. Но когда нумидийцы окружили римлян и ударили на них с тыла, пешие метатели дротиков, вначале уклонившиеся было от стычки с конницей, были теперь растоптаны массой напавших на них всадников. Тогда те римляне, которые сначала сражались с карфагенянами во фронте, потерявшие много своих и еще большие потери причинившие карфагенянам,

обратились в бегство под натиском нумидийцев с тыла; большинство их рассеялось в разные стороны, а некоторая часть столпилась около полководца.

После этого Публий снялся со стоянки и через равнины направился к мосту на Паде, стараясь заблаговременно переправить по нем свои легионы. Соображая, что местность открытая, а неприятельская конница превосходит его собственную, страдая сам от раны, Публий решил, что необходимо поставить войска в безопасном месте. С другой стороны, Ганнибал некоторое время выжидал, что римляне отважатся на битву с пехотой; но заметив, что неприятель покинул лагерь, он последовал за ним до первой реки* и положенного через нее моста. Большую часть бревен Ганнибал нашел уже снятыми, но поставленный для охраны моста отряд он настиг и овладел им; в отряде было около шестисот человек. Так как остальное войско по слухам прошло уже далеко вперед, то Ганнибал переменял путь и вдоль реки направился в противоположную сторону, желая подойти к Паду в таком месте, где можно было бы легко перекинуть мост. На другой день он остановился и, устроив переправу из речных лодок, приказал Гасдрубалу переправлять войско на другой берег; сам он переправился тотчас и принял послов, которые явились из соседних местностей. Дело в том, что, лишь только одержана была победа, все окрестные кельты согласно первоначальному плану спешили предложить карфагенянам свою дружбу, снабдить их припасами и принять участие в походе. Ганнибал ласково принял явившихся послов, а переправив войска через реку, пошел вдоль нее по течению, чтобы поскорее встретиться с неприятелем. Между тем Публий переправился через Пад, разбил лагерь подле города Плацентии, римской колонии,

* Река Тицин. — *Прим. ред.*

где занялся лечением себя и прочих раненых и пребывал в бездействии, полагая, что войску не угрожает здесь никакая опасность. На другой день после переправы Ганнибал близко подошел к неприятелю, а на третий выстроил свое войско на виду у него в боевой порядок. Так как никто не выходил против него, то Ганнибал расположился там лагерем на расстоянии стадий пятидесяти от римских легионов.

Те кельты, что были в римском стане, видели перевес на стороне карфагенян, а потому сговорились между собою напасть на римлян. Когда после ужина находившиеся на укреплениях римляне пошли спать, кельты большую часть ночи ждали спокойно, потом в пору утренней смены взялись за оружие и напали на римлян, находившихся в ближайших палатках; многих перебили, немало ранили, наконец отсекали головы убитым и удалились к карфагенянам в числе тысяч двух человек пехоты и немного менее двухсот конницы. Ганнибал радушно принял явившихся кельтов, тотчас ободрил их, обещал каждому приличные дары и отослал их в родные города с тем, чтобы они уведомили о случившемся своих граждан и склонили их к союзу с ним. Ганнибал был убежден, что кельты вынуждены будут примкнуть к нему, когда узнают о вероломстве своих братьев по отношению к римлянам. Вместе с ними явились к Ганнибалу и бойи; они доставили ему трех римских граждан, которые отправлены были из Рима для раздела полей, и которых они предательски захватили в начале войны. Ганнибал похвалил боев и вступил по договору в дружбу и союз с явившимися; пленников он отдал им и приказал стеречь, дабы согласно первоначальному решению бойи могли взамен их получить обратно собственных заложников.

Огорченный вероломством кельтов и уверенный в том, что в силу давнего нерасположения их к рим-

лянам все окрестные галлы перейдут на сторону карфагенян, Публий сознавал, что необходимо принять меры предосторожности. Поэтому в следующую ночь к рассвету он снялся со стоянки и направился к реке Требии и к близлежащим высотам, рассчитывая на укрепленность этого места и на близость союзников.

Битва при Требии

Узнав о выступлении римлян из лагеря, Ганнибал тотчас выслал за ними нумидийскую, а потом и остальную конницу; сам он с войском следовал за нею по пятам. Нумидийцы ворвались в покинутый лагерь и предали его пламени. Это было очень выгодно для римлян; ибо, если бы нумидийцы следовали за ними неотступно и настигли обоз их, римляне на открытом месте потеряли бы много убитыми при нападении конницы. Теперь же большинство римлян успело заблаговременно переправиться через реку Требию и только отставшие воины были частью перебиты карфагенянами, частью взяты в плен.

Перейдя реку, Публий разбил свой стан на ближайших высотах, окружил лагерь рвом и валом и дождался Тиберия с войсками. Ганнибал расположился лагерем в расстоянии стадий сорока от неприятеля. Между тем кельтское население равнин, вставшее заодно с карфагенянами, снабжало их в изобилии нужным продовольствием и готово было делить с карфагенянами всякую опасность.

Находившиеся в городе римляне по получении известий о сражении* удивлялись неожиданному для них исходу, однако имели достаточно оснований к

* При Тицине. — *Прим. ред.*

тому, чтобы не считать его поражением. Одни взваливали всю вину на опрометчивость полководца, другие на нерадивость кельтов. Вообще до тех пор, думали римляне, пока пехота их не пострадала, ничего еще не потеряно. Поэтому, когда явился Тиберий и вместе с легионами проходил через Рим, они убеждали себя, что один вид его решит сражение в их пользу. Когда воины собрались в Аримин, Тиберий двинулся с ними вперед, поспешая соединиться с войсками Публия. Пришедши к Публию, Тиберий расположил свои войска и дал отдохнуть им, потому что люди его шли пешком непрерывно в течение сорока дней от Лилибея до Аримина; тем временем делал все приготовления к битве. Сам он часто беседовал с Публием, обсуждая вместе с ним настоящее.

В это самое время Ганнибал увидел, что некоторые кельты, обитающие между Падом и рекою Требией и вступившие с ним в дружественный союз, поддерживают сношения и с римлянами считая, что таким образом они обезопасят себя с обеих сторон. Он отправил две тысячи человек пехоты и около тысячи кельтской и нумидийской конницы с приказанием вторгнуться в их землю. Когда посланные исполнили приказание и собрали большую добычу, то вслед за этим явились в лагерь римлян кельты и просили у них помощи. Тиберий давно уже ждал случая к действию и послал в дело большую часть своей конницы, вместе с нею около тысячи человек метателей дротиков. Они поспешно перешли Требию и сражались с неприятелем из-за добычи с таким успехом, что кельты и нумидяне оборотили тыл и отступили к своим укреплениям. Карфагенские воины, поставленные для охраны лагеря, заметили это, покинули свои посты и поспешили на помощь тесным воинам; тогда римляне поворотили назад и отступили к своему стану. При виде этого Тиберий послал в наступление всю

конницу и всех метателей дротиков. Кельты снова подались назад и отступили к своему убежищу. Между тем вождь карфагенян не был приготовлен к решительной битве, притом, как свойственно хорошему полководцу, он держался правила, что без заранее составленного плана, по ничтожному поводу не следует отваживаться на решительное сражение, а потому теперь ограничился тем, что остановил своих воинов и снова оборотил их лицом к неприятелю; но не дозволил им преследовать римлян и вступать в битву. Римляне, прождавши некоторое время, отступили; потери их были не велики, гораздо больше пострадали карфагеняне.

Тиберий, ободренный и сильно обрадованный удачею, горел желанием дать решительную битву возможно скорее. Так как Публий все еще был не здоров, то ему можно было бы действовать по собственному усмотрению; однако Тиберий желал иметь за себя и голос товарища, а потому совещался с ним об этом деле. Но Публий был противоположного мнения. Он полагал, что военные упражнения в течение зимы принесут большую пользу легионам, что, с другой стороны, кельты при непостоянстве нрава их не останутся верными карфагенянам и снова обратятся против них, если карфагеняне приостановят военные действия и вынуждены будут оставаться в покое. Он убеждал Тиберия не предпринимать ничего. Тиберий сознавал верность и основательность доводов товарища; но побуждаемый честолюбием и преисполненный слепой самоуверенности, он спешил дать решительную битву прежде, чем Публий в состоянии будет принять участие в деле, а вновь избранные консулы вступят в должность: тогда было время выборов. Тиберий должен был неминуемо потерпеть неудачу, ибо в выборе времени для битвы руководствовался собственными выгодами, не сообразуясь с положением дела.

Ганнибал старался поскорее сразиться с неприятелем, чтобы, во-первых, воспользоваться не остывшею еще воинственностью кельтов; во-вторых, чтобы вступить в битву с неиспытанными, недавно набранными легионами римлян; он желал этого и больше всего потому, что не хотел терять времени в бездействии. В самом деле, для человека, вторгнувшегося с войском в чужую страну, единственное средство спасения — непрерывно питать все новые и новые надежды в своих соратниках. Ганнибал знал, как горячо желает битвы Тиберий, и потому принял следующий план действия:

Давно уже высмотрел он место между двумя лагерями, ровное и чистое, но весьма удобное для засады благодаря ручью с высоким берегом, густо поросшим терном и кустарником, и готовился применить против неприятеля военную хитрость.

Любой ручей с приподнятым берегом, там и сям растущий тростник, папоротник или какой-нибудь терновник могут скрыть не только пеших солдат, но иногда и конных, если только принять некоторые меры предосторожности, положить бросающееся в глаза оружие на землю, а шлемы спрятать под щитами. Ганнибал призвал к себе брата своего Магона, человека молодого, но пылкого и с ранних лет обученного военному делу, и ночью послал в засаду в числе тысячи человек конницы и столько же пехоты; брату он дал необходимые указания относительно времени нападения. Сам же на рассвете собрал нумидийскую конницу, народ замечательно выносливый, ободрил их речью, обещал награды за храбрость и приказал переправиться через реку, подойти к неприятельскому валу и метанием дротиков вызвать неприятеля на бой: он желал захватить римлян до завтрака, не приготовленными к сражению. После этого он созвал прочих начальников, к ним также обратился с ободряющей

речью, велел всем завтракать и внимательно осмотреть вооружение и лошадей.

Заметив приближающихся нумидийских всадников, Тиберий тотчас отрядил только свою конницу и приказал ей вступить в битву с неприятелем. Вслед за нею он послал в дело и около шести тысяч пеших метателей дротиков; затем вывел из лагеря остальное войско, полагая, что один вид его решит участь битвы: уверенность эту питали в Тиберии многочисленность воинов и успех конницы накануне. Дело происходило в пору зимнего солнцестояния; в этот день выпал снег, и погода стояла очень холодная; кроме того, все почти воины и лошади вышли до принятия пищи. Вначале войска горели желанием боя, но потом, когда нужно было переправляться через реку Требию, вода в которой поднялась за ночь после дождя, пехота переправлялась с трудом, потому что вода доходила солдатам по грудь. Вследствие этого войско страдало от холода и голода. Между тем карфагеняне подкрепили себя пищей и питьем в своих палатках, накормили лошадей и подле костров намазывались маслом и вооружались. Ганнибал, выждавший благоприятного момента, лишь только увидел, что римляне перешли реку, послал вперед для прикрытия нумидян копейщиков и балеарских пращников числом около восьми тысяч и затем сам двинулся с войском. Он выстроил в одну прямую линию свою пехоту в числе тысяч двадцати человек: иберов, кельтов и ливийцев. Конницу, которой насчитывалось вместе с кельтскими союзниками больше десяти тысяч, он разделил на два отряда и поставил их на обоих флангах; между флангами разделил он также слонов и поставил их впереди. В это самое время Тиберий отозвал свою конницу назад, ибо видел, что она не знает, как ей быть с неприятелем: нумидийцы то быстро и враспынную отступали, то возвращались назад, с отвагой

переходя в наступление: таков свойственный нумидийцам способ битвы. Пехоту он выстроил по римскому способу: пеших римлян у него было тысяч шестнадцать, а союзников тысяч двадцать. Такова была у римлян полная численность войска для решительных битв. После этого на обоих флангах он поставил конницу в числе тысяч четырех воинов, и гордо пошел против неприятеля тихим шагом в боевом порядке.

Когда войска сблизились, началась битва между передовыми легкими отрядами. Уже в это время обнаружилось, что римляне во многом уступают неприятелю, и что перевес в сражении находится на стороне карфагенян. Дело в том, что римские метатели дротиков были изнурены битвою с самого утра и в стычке с нумидийцами выпустили большую часть дротиков, а оставшиеся сделались вследствие продолжительной сырости негодными к употреблению. Почти то же самое было и с конницей, и со всем войском римлян. Положение карфагенян было совсем иное: со свежими, нетронутыми силами встали они в боевую линию, с легкостью выполняли все, что требовалось. Поэтому, лишь только передовые бойцы отступили между рядами позади стоявших воинов и сразились тяжеловооруженные войска, карфагенская конница тотчас стала теснить неприятелей на обоих флангах. Когда римская конница отступила и тем открыла фланги пехоты, карфагенские копейщики и масса нумидийцев быстро ударили на фланги римлян. Между тем тяжеловооруженные занимавшие с обеих сторон передние и средние ряды всего боевого строя, одни сражались долго, упорно и с равным успехом.

В это время карфагеняне поднялись из засады, внезапно напали с тыла на центр неприятельского войска и тем произвели в римских войсках сильное замешательство. Наконец оба фланга Тибериева войска, теснимые спереди слонами, а кругом и с боков

легковооруженными, оборотили тыл и оттеснены были к протекавшей позади их реке. Задние ряды римлян, сражавшихся в центре, сильно пострадали от нападения воинов из засады; напротив, те, что были впереди, воодушевляемые трудностью положения, одержали верх над кельтами и частью ливийцев и многих из них положили на месте, прорвали боевую линию карфагенян. Хотя римляне и видели, как фланги их были смяты, но не решались ни помочь своим, ни отступить назад в собственный лагерь: многочисленность неприятельской конницы пугала их; препятствовали им также река и проливной дождь с сильным ветром. Поэтому римляне, сомкнувшись и в боевом порядке, отступили к Плацентии, куда и прибыли благополучно в числе не менее десяти тысяч человек. Что касается остальных, то большинство их было истреблено у реки слонами и конницей; те же из пеших воинов, которые спаслись бегством, и большая часть конницы отступили к упомянутому выше отряду и вместе с ним достигли Плацентии. С другой стороны войско карфагенян преследовало неприятеля до реки, но по причине бурной погоды не могло идти дальше и возвратилось в свой лагерь. Здесь все ликовали по случаю счастливого исхода битвы. Случилось так, что из иберов и ливийцев погибло немного; большую часть погибших составляли кельты. Однако от дождя и следовавшего за ним снега войско сильно пострадало: пали все слоны кроме одного, много людей и лошадей погибли от холода.

Тиберий знал все, что случилось, но, желая скрыть по возможности правду от находившихся в Рим граждан, он послал уведомление, что хотя сражение было, но победе помешала бурная погода. Первое время римляне верили донесению; но вскоре стали приходить известия, что карфагеняне занимают и римский лагерь, что все кельты примкнули к ним, что, напро-

тив, их войско ушло с поля сражения, и все воины собрались в городах; тогда они ясно поняли, чем кончилась битва. Все это было для римлян совершенно неожиданно, но они с величайшим усердием занялись подготовкой к защите страны: отправили войска в Сардинию и Сицилию; кроме того, послали гарнизон в Тарент и во все другие удобно расположенные пункты; вооружили шестьдесят пятипалубных кораблей. Гней Сервилий и Гаий Фламиний, избранные в то время консулами, стягивали силы союзников и набирали легионы в самом Риме. Жизненные припасы велели они доставлять частью в Аримин, частью в Этрурию, так как намерены были выступить в эти местности.

И в самом деле, римляне как государство, так и отдельные граждане, бывают наиболее страшными тогда, когда им угрожает серьезная опасность.

Битва при Тразименском озере

Проводя зиму в долине Пада Ганнибал замечал недовольство галлов тем, что война тянется долго в собственной их стране, видел также, с каким нетерпением ждут они вторжения в неприятельскую землю, почему и решил поскорее сниматься со стоянки и удовлетворить желание войска. С этою целью Ганнибал, лишь только пора года изменилась, посредством расспросов узнал от знатоков местности, что все пути в неприятельскую землю длинны и проходят на виду у неприятелей, за исключением одного, ведущего через болото в Этрурию, хоть и трудного, зато короткого и совершенно не принятого во внимание Фламинием. Всегда по природе склонный к такого рода предприятиям, карфагенянин избрал этот последний

путь. Когда в войске распространилась молва, что вождь их намерен идти через болота, все со страхом думали о походе.

Ганнибал снялся со стоянки и поставил впереди ливийцев, иберов и вообще лучшую часть войска; к ним он присоединил и обоз, дабы воины на первое время не нуждались в продовольствии. О запасах на будущее он нисколько не заботился, рассуждая так, что по достижении неприятельской страны ему в случай поражения припасы будут вовсе не нужны, в случае же победы в продовольствии не будет недостатка. За названными выше войсками он поставил галлов, а позади всех конницу. Начальником тыла войска он оставил брата своего Магона. Если бы галлы по причине неудобств перехода вздумали повернуть назад, Магон должен был удерживать их с помощью конницы и силою заставлять идти дальше. Итак, иберы и ливийцы терпели мало, ибо они проходили через болота еще не тронутые, к тому же все они выносливы и свыклись с такого рода тягостями. Напротив, галлы подвигались вперед с трудом по болотам уже взрытым и глубоко протоптанным; они выносили путь с мучительным нетерпением, но податься назад мешала им наступавшая с тыла конница. Вообще жестоко терпели все войска, больше всего от бессонницы, потому что они шли непрерывно по воде в течение четырех дней и трех ночей подряд; больше всех страдали и гибли галлы. Что касается вьючных животных, то большая часть их падала в грязи и погибала; впрочем, падением своим они оказывали людям и услугу: сидя на животных и на куче поклажи, люди поднимались над водой и только таким образом могли спать хоть небольшую часть ночи. Многие лошади обезножили, потому что шли непрерывно по грязи. Сам Ганнибал едва спасся и то с большим трудом на уцелевшем слоне. Сильные страдания причиняла ему тяжелая глаз-

ная болезнь, от которой он лишился даже одного глаза: обстоятельства не позволяли ему ни остановиться, ни полечить глаза.

Неожиданно для Фламиния, который стоял лагерем перед городом Аррецием Ганнибал вышел из болот; он остановился, чтобы дать войску отдохнуть, а равно узнать положение неприятеля. Им получены были сведения, что расстилающаяся впереди страна обещает большую поживу, что с другой стороны Фламиний не искусен в ведении серьезных военных предприятий, к тому же слишком уверен в своих силах. Ганнибал соображал, что, если он обойдет неприятельский стан и проникнет в далее лежащие местности, то Фламиний, с одной стороны, не в силах будет глядеть спокойно на опустошение страны, с другой — будет чувствовать себя посрамленным, появится тотчас, будет следовать за неприятелем всюду и не станет дожидаться прибытия товарища, облеченного равною с ним властью, чтобы самому добыть победу. Поэтому Ганнибал рассчитывал, что противник доставит ему не раз удобный случай для нападения. Все эти предположения были здравы и основательны.

Лишь только Ганнибал двинулся из окрестностей Фезолы и, миновав римский лагерь, вторгся в лежавшую далее область, Фламиний тотчас потерял самообладание и пришел в ярость, потому что в поведении неприятеля усматривал пренебрежение к себе. Когда же вслед за этим область подверглась разорению и отовсюду подымался свидетельствовавший о том дым, он негодовал, считая это тяжкою для себя обидою. И потому когда кое-кто настаивал, что не следует опрометчиво кидаться за неприятелем и вступать с ним в сражение, что необходимо остерегаться многочисленности неприятельской конницы, дождаться другого консула и отваживаться на битву только с соединенными легионами, Фламиний не обращал на эти

речи никакого внимания и даже не выслушивал их до конца. «Следует подумать только, что станут говорить дома сограждане, если страна будет разорена чуть не до самого Рима, тогда как мы стояли бы лагерем в тылу неприятеля». Сказав это, Фламиний велел сниматься со стоянки и двинулся вперед с войском, увлекаемый только жаждою битвы и уверенный в победе. Действительно, ту же уверенность он сообщил и войску до такой степени, что у него было меньше людей вооруженных, чем безоружных, следовавших за войском в расчете на добычу; они несли цепи, кандалы и другие принадлежности победителей. Между тем Ганнибал шел вперед по направлению к Риму через Этрурию, с левой стороны имея город Киртоний и его горы, а с другой озеро, именуемое Тразименским; на пути своем он жег и опустошал поля. Когда наконец он увидел, что Фламиний уже близко, то выбрал удобную для сражения местность и стал готовиться к битве.

На пути его лежала ровная долина, по обеим продольным сторонам которой тянулись высокие горы; на широкой передней стороне ее возвышался крутой, трудно доступный холм, а на задней находилось озеро, оставлявшее очень узкий проход в долину у подошвы горы. Ганнибал прошел эту долину и, направляясь вдоль озера, занял возвышавшийся против него холм, на котором и расположился лагерем с иберами и ливийцами; балеарских пращников и копейщиков, находившихся во главе войска, он растянул в длинную дугообразную линию и скрыл за высотами, замыкающими долину справа; конницу и галлов он также повел в обход левых возвышенностей и выстроил их в длинную сомкнутую линию таким образом, что крайние воины находились у входа в долину.

Приготовления эти сделал Ганнибал ночью; окружив долину помещенными в засадах войсками, он

держался спокойно. Тем временем Фламиний следовал за ним с тыла, желая поскорее настигнуть неприятеля. Накануне поздним вечером он расположился лагерем у самого озера, а на следующий день ранним утром повел передовые ряды вдоль озера в открывающуюся перед ним равнину с целью вызвать неприятеля на битву.

День был очень пасмурный. Лишь только большая часть его войска вошла в долину, Ганнибал дал сигналы, послал приказание помещенным в засадах воинам и разом со всех сторон ударил на врага. Появление карфагенян было неожиданно; к тому же густой туман не давал разглядеть окружающие предметы; наконец карфагеняне стремительно нападали с высот во многих пунктах. Вследствие всего этого центурионы и трибуны не только не могли подать помощь там, где она требовалась, но даже не понимали, что делается. И в самом деле, неприятели нападали на римлян разом с фронта, с тыла и с боков. Вот почему они перебиты были большею частью, будучи как бы выданы неприятелю безрассудством предводителя. Пока римляне совещались о том, что делать, смерть настигала их внезапно. В это же время часть галлов напала на Фламиния и убила его, когда он раздумывал, как помочь себе, и совершенно отчаялся в спасении. Римлян пало в долине около пятнадцати тысяч человек. Напротив, те из римлян, которые на пути в долину заперты были в теснине между озером и склонами гор, погибли позорной и еще более жалкой смертью, именно: прижатые к озеру, одни из них безумно кидались вплавь вместе с оружием и тонули; другие, огромное большинство, шли в озере все дальше, пока можно было, а потом останавливались; поверх воды виднелись только головы их. Когда затем появилась конница, и гибель была неизбежна, несчастные с поднятыми руками, с просьбами о пощаде, со всевоз-

можными мольбами на устах погибали от рук неприятеля или просили друг друга покончить с ними или же сами лишали себя жизни. Тысяч шесть из числа римлян, проникших в долину, одержали победу над стоявшим против них неприятелем; но они не могли ни помочь своим, ни обойти противника, ибо не понимали ничего, что случилось. Устремляясь все дальше вперед, они наконец никем не замеченные взошли на высоты. Поднявшись на вершину, когда туман уже рассеялся, они поняли весь ужас бедствия и, бессильные сделать что-либо против неприятеля, одержавшего полную победу, они сомкнутыми рядами отступили к какой-то деревне. После сражения вождь карфагенян отрядил иберов и копейщиков с Магарбалом во главе, которые и окружили эту деревню; терпя тяжкие лишения во всем, римляне сдались неприятелю под условием, что жизнь им будет оставлена. Так завершилась битва между римлянами и карфагенянами, происшедшая при Тразименском озере.

Когда к Ганнибалу привели римлян, которые сдались при условии пощады, а равно и прочих пленных, он собрал всех вместе, больше пятнадцати тысяч человек, и прежде всего объяснил, что Магарбал не имел полномочий даровать неприкосновенность сдавшимся ему римлянам, и затем произнес против римлян обвинительную речь. По окончании ее он роздал пленных римлян своим войскам на сбережение, а всех союзников римских отпустил домой без выкупа. При этом Ганнибал сказал то же, что и раньше, именно, что он пришел воевать не с италийцами, но с римлянами за освобождение италийцев. Своему войску он дал отдохнуть и похоронил трупы знатнейших воинов числом до тридцати; всего из его войска пало до полутора тысяч человек, большинство коих были галлами. После этого Ганнибал совещался с братом и друзьями о том, куда и каким образом направить даль-

нейшее наступление: теперь в окончательной победе он был вполне уверен.

Когда весть о понесенном поражении пришла в Рим, стоявшие во главе управления лица не могли ни скрыть случившегося, ни умалить значение его, потому что несчастье было очень велико, и вынуждены были, созвавши народ в собрание, сообщить ему происшедшее. Поэтому как только претор с трибуны возвестил перед столпившимся народом: «Мы побеждены в большом сражении!» наступило такое уныние, что людям, присутствовавшим при битве и теперь находившимся в Риме, бедствие представилось гораздо более тяжким, чем во время самого сражения. Это совершенно понятно: римляне, коим давно уже не было известно решительное поражение, горевали теперь без меры. Один сенат не потерял подобающего ему присутствия духа и занялся обсуждением того, что и каким образом должен делать каждый гражданин.

Ко времени этого сражения консул Гней Сервий, поставленный для защиты Аримина, получил известие о том, что Ганнибал вторгся в Этрурию и расположился станом против Фламиния. Он решил соединить все свои войска с войсками товарища, и поспешно отрядил вперед Гая Центения с четырьмя тысячами конницы, дабы они в случае нужды могли оказать своевременную помощь Фламинию до прибытия его самого. Между тем Ганнибал, получив известие уже после сражения о вспомогательном отряде неприятеля, послал против него Магарбала с копейщиками и отрядом конницы. Они встретились с войсками Гая и в первой же стычке истребили почти половину неприятелей, остальных загнали на какой-то холм и на следующий день всех забрали в плен. Лишь за три дня до этого в Риме получена была весть о битве при Тразименском озере, и скорбь как пламя терзала еще сердца граждан, когда пришла весть о новом

бедствии: на сей раз не народ только, но и самый сенат повергнуты были в уныние. Римляне отказались теперь от обычного ведения дел с помощью выборных должностных лиц на год, и решили, что при настоящем положении нужен полномочный вождь.

Между тем Ганнибал, хотя и уверенный в окончательной победе, не считал пока нужным приближаться к Риму; он исходил страну в разных направлениях и беспрепятственно разорял ее. К побережью Адриатики он прибыл после десятидневного перехода через землю умбров и пиценов, причем собрал такое множество добычи, что войско его не могло везти за собою всего.

Расположившись в это время лагерем у Адриатики, в стране, изобилующей богатствами, Ганнибал прилагал большие старания к тому, чтобы дать отдохнуть и оправиться как людям, так и лошадям.

Ганнибал заменил вооружение ливийцев отборным римским оружием, так как в его руках было огромное его количество. В это же время он отправил морем в Карфаген вестников с уведомлением о случившемся. Полученные вести сильно обрадовали карфагенян, которые старались придумать и сделать все возможное для того, чтобы каким бы то ни было способом подкрепить свои войска в Италии и Иберии.

Диктатор Квинт Фабий Максим

С другой стороны, римляне выбрали в диктаторы Квинта Фабия, человека с выдающимся умом и прекрасно одаренного от природы; носившего добавочное название Максима, что значить величайший, как

свидетельство славных подвигов этого человека. Отличие диктатора от консула состоит в следующем: за каждым из консулов следует по двенадцати секир*, за диктатором двадцать четыре; тогда как консулы во многих делах нуждаются в согласии сената для осуществления своих планов, диктатор — полномочный вождь, с назначением которого все должностные лица в Риме, за исключением народных трибунов, немедленно слагают с себя власть. В одно время с диктатором римляне выбрали в начальники конницы** Марка Минуция. Хотя начальник конницы находится в подчинении у полномочного вождя, однако он как бы заступает место этого последнего в случае отсутствия его.

Ганнибал продолжал оставаться на Адриатическом побережье; он вылечил раненых воинов, всех остальных привел в хорошее состояние и вдохнул им бодрость к предстоящим битвам. Затем Ганнибал прошел и опустошил окрестности Адрии и устремился в Апулию. Начав от Луцерии, римской колонии, он опустошал поля.

В это время Фабий, по вступлении в должность, выступил в поход вместе с товарищем своим и четырьмя наскоро набранными легионами. Соединившись с войсками, которые шли от Аримина, он освободил Гнея Сервилия от должности начальника сухопутных войск и послал его в Рим, причем отдал приказание являться своевременно всюду, где только карфагеняне попытаются тревожить римлян с моря. Сам же с войсками расположился лагерем против карфагенян на расстоянии стадий пятидесяти от неприятеля.

Узнав о прибытии Фабия и желая устрашить неприятеля первым нападением, Ганнибал выступил с

* Ликторов. — *Прим. ред.*

** Помошником диктатора. — *Прим. ред.*

войском и вблизи римского лагеря выстроился в боевом порядке. Простояв здесь некоторое время и не дождавшись наступления врага, он отошел назад в свой лагерь. Между тем Фабий оставался верен первоначально принятому решению не действовать опрометчиво и не подвергать себя случайностям битвы. Сначала такой образ действий возбуждал презрение к Фабию и вызывал толки, что он трусит и боится сражения. Но с течением времени все вынуждены были признать, что в данных обстоятельствах нельзя было бы действовать разумнее и осмотрительнее. Впрочем, события не замедлили оправдать расчеты Фабия — и совершенно понятно. Ибо войска неприятеля упражнялись непрестанно в военном деле с ранней юности, находились под начальством вождя, выросшего вместе с ними и с детства испытанного в лагерной жизни; к тому же много раз они побеждали в Иберии и одну за другою одержали две победы над римлянами и союзниками их; наконец, что было самое важное, карфагеняне все покинули за собою и единственным средством спасения оставалась для них победа. Положение римского войска было совсем иное. Поэтому Фабий предвидел неизбежное поражение в решительной битве и не мог отважиться на нее; поняв, в чем состояли выгоды его положения сравнительно с неприятелем, он на них только и рассчитывал и сообразно с ними вел войну; преимущества же римлян состояли в неистощимости запасов и в численном перевесе их войска.

Вот почему все последующее время Фабий шел стороною от неприятеля и заблаговременно занимал удобные ему пункты. Имея в тылу войска обильные запасы, он ни разу не посылал воинов за сбором продовольствия и не отпускал их лагеря; он держал их вместе, плотной массой, всегда готовый воспользоваться удобствами местности и времени. Действуя таким образом, он захватывал и убивал многих непри-

ятелей, когда они из презрения к римлянам удалялись от своей стоянки за продовольствием. Делал он это с двойкою целью: чтобы постоянно мало-помалу уменьшать ограниченную численность неприятеля и вместе с тем небольшими победами укреплять понемногу и восстанавливать бодрость духа в войсках, сокрушенную прежними большими поражениями. Но отважиться на открытую решительную битву он никак не мог. Такого плана действий вовсе не одобрял товарищ его Марк. Разделяя настроение массы войска он в присутствии всех и каждого поносил Фабия, говоря, что он ведет себя недостойно и трусливо; сам он горел желанием померяться с неприятелем в битве.

Ганнибал в Кампании

Между тем карфагеняне перевалили через Апеннины и спустились в самнитскую область, плодородную и с давнего времени не знавшую войны; здесь они жили в таком достатке, что не могли истощить запасов своей добычи ни потреблением ее, ни уничтожением. Кроме того, они совершили набег на Беневент, римскую колонию, и взяли город Венузию, не имевший стен и изобиловавший всевозможным добром. Римляне неустанно следовали за ними на расстоянии одного-двух дней пути, не решаясь приближаться к неприятелю и вступать в битву с ним. Ганнибал видел, что Фабий явно избегает сражения, но вовсе не думает удалиться, а потому смело двинулся в окрестные равнины Капуи.

Он рассчитывал добиться этим одного из двух: или вынудить неприятеля к сражению, или показать всем воочию, что он одержал полную победу и что римляне уступили ему поле сражения. Ганнибал надеялся, что все это наведет ужас на города и побудит их отло-

житься от римлян. Дело в том, что, невзирая на поражение римлян в двух битвах, до сих пор ни один из городов Италии не перешел на сторону карфагенян; все они оставались верными данным римлянам обязательствам, хотя некоторые из них жестоко терпели от неприятеля. Отсюда всякий может видеть, с каким страхом и уважением относились союзники к римскому государству.

Однако расчеты Ганнибалла были не напрасны. Равнины Капуи славятся во всей Италии своим плодородием, близостью к морю и такими торжищами, в которые заходят плывущие в Италию суда чуть не всей обитаемой земли. На этой равнине находятся знаменитейшие и красивейшие города Италии. В центре равнин лежит благодатнейший из городов — Капуя.

Поэтому следовало ожидать, что карфагеняне, расположившись здесь станом, приведут всех в смущение необычайностью своего появления, обличат трусость неприятелей, уклоняющихся от сражения, а сами предстанут общепризнанными обладателями поля битвы.

Из этих соображений Ганнибал прошел из самнитской области в Кампанию. Стоянка его находилась на той стороне равнины, которая обращена к Риму, фуражиры Ганнибала совершали набеги во все стороны и безнаказанно опустошали равнину. Фабия смутила смелость врагов; но тем с большим упорством он оставался верен своему решению. Напротив, товарищ его Марк, все трибуны и центурионы полагали, что настал момент преградить путь неприятелю, и настойчиво доказывали, что необходимо поскорее сойти в равнину и не отдавать врагам на разорение великолепнейшую область. Фабий торопливо шел к этой местности и показывал вид, что разделяет воинственное настроение товарищей; но, подойдя к Фалерну, он показался только на горных склонах и про-

следовал бок о бок с неприятелем для того, чтобы союзники не могли думать, что он покидает поле битвы; в равнину он не спускался с войском потому, что опасался вступить в решительную битву.

Между тем Ганнибал после напрасных попыток вызвать неприятеля на битву и по опустошении всей равнины собрал добычу в громаднейшем количестве и стал готовиться к дальнейшему движению. Фабий постиг замыслы Ганнибала, собиравшегося отступить тем самым путем, по которому он вошел в эту область, и соображал, что узкий проход удобен для нападения из засады, а потому у самого прохода поставил около четырех тысяч воинов, причем убеждал их воспользоваться удобствами места и времени и доказать свою храбрость, а сам с большею частью войска расположился лагерем перед тесниной на господствовавшем над нею холме.

Когда явились карфагеняне и разбили свои палатки на равнине у подошвы горы, Фабий рассчитывал не только отнять у них без труда добычу, но, что гораздо важнее, положить конец самой борьбе, воспользовавшись столь удобным местоположением. Поэтому он был всецело поглощен своими планами и соображениями о том, где поставить ему войско и каким образом выгоды местоположения обратить в свою пользу, с какого места и какие части войск должны совершить нападение на врага. Но пока римляне заняты были приготовлениями к следующему дню, Ганнибал проник в замыслы врагов и не дал им ни времени, ни возможности осуществить задуманное. Он тотчас призвал к себе Гасдрубала* и распорядился связать поскорее и побольше факелов, потом велел взять из всей добычи отборных, самых сильных рабочих быков тысячи две и собрать их перед лагерем. Ког-

* Один из карфагенских военачальников. Тезка брата Ганнибала. — *Прим. ред.*

да это было сделано, он созвал воинов-погонщиков и указал им на высоты, лежащие между его лагерем и тем проходом, через который собирался проходить. К этим высотам он велел по данному сигналу гнать быков быстро, подгоняя их ударами, пока они не достигнут вершин возвышенности. На исходе третьей части ночи Ганнибал немедленно вывел погонщиков и велел привязать факелы к рогам быков. При множестве людей приказание это исполнено было быстро. Тогда Ганнибал распорядился зажечь все факелы, и отдал приказ гнать быков к противоположащим высотам. Копейщиков он поставил сзади погонщиков и приказал им овладеть высотами и занять заблаговременно вершины их. К тому же времени снялся со стоянки и сам Ганнибал, причем впереди поставил тяжеловооруженную пехоту, за ними конницу, дальше добычу, наконец иберов и галлов, и подошел к узкому проходу.

Что касается римлян, то одни из них, охранявшие проход, как только завидели огни в направлении высот, подумали, что туда идет Ганнибал, покинули теснину и поспешили к вершинам. Приблизившись к быкам, римляне недоумевали при виде огней, и воображали себя в большей опасности, чем какая угрожала им в действительности. С появлением копейщиков обе стороны обменялись легким нападением; но когда быки подбежали и разделили сражающихся, противники на небольшом расстоянии друг от друга стали ожидать рассвета. Фабий, частью недоумевая, что творится, и частью памятуя первоначальное решение не пытаться счастья и не отваживаться на решительную битву, оставался спокойно у своей стоянки и дожидался дня. Тем временем Ганнибал, у которого все шло согласно замыслу, беспрепятственно провел свое войско и добычу через теснину, ибо те римляне, которые должны были охранять ее, покинули свои

посты. На рассвете он увидел неприятеля, стоявшего против его копейщиков на вершине возвышенности, и отрядил туда часть иберов; когда произошла схватка, иберы положили на месте около тысячи римлян, без труда соединились с своими легковооруженными и спустились с высот.

Таким способом Ганнибал вышел из Фалернской области. Между тем о Фабии шла дурная слава, что по недостатку мужества он выпустил неприятеля из рук, несмотря на все удобства местности; от плана своего Фабий однако не отказывался. Спустя несколько дней он вынужден был ради жертвоприношения возвратиться в Рим, причем передал войска товарищу: уходя, он настойчиво наказывал заботиться не столько о том, чтобы нанести вред неприятелю, сколько об охране римлян от какой-либо беды. Но Марк не обращал на это внушение никакого внимания, все помыслы его были обращены к тому, чтобы померяться с неприятелем в битве.

Тем временем Ганнибал узнал через своих соглядатаев, что окрестности города Герония изобилуют хлебом, поэтому Ганнибал вознамерился перенести туда зимнюю стоянку. По прибытии к Геронии, он быстро овладел им, всех жителей его велел истребить, а стены и большую часть жилищ оставил нетронутыми, желая воспользоваться ими для хлебных складов на время зимовки. Войско свое он расположив лагерем перед городом и оградил стоянку рвом. После этого он отрядил две трети своего войска за сбором хлеба, причем отдал приказ, чтобы каждый солдат ежедневно доставлял определенную меру хлеба особым лицам, заведовавшим этим делом. С третьей частью войска Ганнибал охранял стоянку и прикрывал отряды, собиравшие продовольствие.

Принявший войска от Фабия Марк первое время шел по горам в стороне от неприятеля в надежде, что

ему удастся наконец дать битву карфагенянам на высотах. Но с получением известия, что Героний уже занят войсками Ганнибала, которые собирают хлеб на полях, что войска расположились укрепленным станом перед городом, Марк покинул вершины гор и спустился вниз по горному хребту, ведущему в равнину. Заметив приближение врага, Ганнибал отпустил третью часть войска за сбором хлеба, а с двумя другими отошел от города в направлении к неприятелю на шестнадцать стадий и на некоей возвышенности расположился лагерем, желая в одно и то же время и навести страх на врагов, и надежное прикрытье собирающих хлеб отряды. После этого ночью он отрядил около двух тысяч копейщиков к холму, находившемуся между двумя лагерями, удобно расположенному и господствовавшему над неприятельским станом, — и занял его. На следующий день Марк увидел это, вышел с легковооруженным войском и повел их на приступ. В жаркой схватке римляне одержали полную победу, после чего целиком перенесли свою стоянку на это место. Ганнибал некоторое время удерживал большую часть войска в сборе при себе, но вскоре вынужден отрядить одну часть войска пасти скот, другую послать за продовольствием.

Марк, заметив, что большая часть неприятельского войска, рассеялась по полям, выступил с войском из лагеря нарочно в самый полдень. Приблизившись к стану карфагенян, он выстроил в боевом порядке тяжело вооруженных, разделил конницу и легкое войско на несколько отрядов и послал их против фуражиров, приказавши не брать никого в плен. Меры эти поставили Ганнибала в большое затруднение, ибо он не был достаточно силен ни для того, чтобы выйти против выстроившихся неприятелей, ни для того, чтобы подать помощь рассеявшимся по полям воинам. Что касается римлян, то те из них, которые были по-

сланы на карфагенских фуражиров, многих перебили, а выстроившиеся в боевом порядке воины в пренебрежении к неприятелю зашли так далеко, что почти осадили карфагенян. Положение Ганнибала было трудное; но он стойко выдерживал натиск, отражая наступающих врагов и едва защищая свой лагерь. Наконец на помощь ему явился Гасдрубал с теми четырьмя тысячами воинов, которые с полей бежали было в лагерь перед Геронией. Немного ободренный, Ганнибал перешел теперь в наступление, выстроился недалеко от лагеря и, хотя с трудом, все-таки отразил обрушившуюся на него беду. Большое число неприятелей Марк положил на месте в сражении у валов, еще больше истребил на полях и затем, преисполненный смелых надежд на будущее, возвратился в стоянку. На следующий день, когда карфагеняне покинули лагерь, Марк возвратился и овладел им. Дело в том, что Ганнибал сильно опасался, как бы римляне не захватили в ночную пору лагерь перед Геронией, покинутый без охраны, и не завладели обозом и складами припасов, а потому сам решил отступить туда же и снова расположиться там станом. С этого времени, чем осторожнее и боязливее выходили карфагеняне на фуражировку, тем смелее и опрометчивее нападали римляне. По получении преувеличенных известий об этих событиях римляне возликовали, во-первых, потому, что в положении дел, которое приводило их в отчаяние, как бы наступала перемена к лучшему; во-вторых, теперь казалось, что бездействие и уныние легионов происходили не от трусости, воинов, но от чрезмерной осторожности военачальника. Поэтому все в городе обвиняли и поносили Фабия за то, что он не умел пользоваться обстоятельствами с надлежащею смелостью; заслуги Марка, напротив, превозносили до такой степени, что сделали по отношению к нему нечто небывалое еще, именно: в той

уверенности, что он быстро положит конец войне, они и его назначили полномочным вождем, таким образом получилось два диктатора для ведения одной и той же войны, чего раньше у римлян не бывало никогда. Когда Марку сделалось известным народное благоволение к нему и дарование ему власти народом, он с удвоенным рвением искал случая померяться с неприятелем и вызвать его на битву. Фабий также явился к войскам; обстоятельства нисколько не изменили его образа мыслей; напротив, с большим еще упорством он придерживался первоначального плана действий. Однако, замечая, как возгордился Марк, как во всем он противодействует ему и вообще рвется в битву, Фабий предложил ему на выбор или командовать войском по очереди, или поделить войска и каждому с своими легионами действовать по собственному усмотрению. Так как Марк охотно согласился на разделение войск, то диктаторы поделили между собою легионы и расположились двумя лагерями на расстоянии друг от друга стадий на двенадцать.

Частью со слов пленников, частью из того, что сам видел, Ганнибал заключал, что между вождями римлян существует соревнование, что Марк преисполнен воинственного духа и честолюбия. Такое положение дел у неприятеля он находил не вредным для себя, скорее выгодным, и наблюдал за Марком с целью укротить его отвагу и предупредить нападение. Между стоянками, его собственной и Марка, находилось некое возвышение, которое могло стать опасным для одной и другой стороны, а потому решил занять его. Он не сомневался, что после недавней удачи Марк кинется тотчас, чтобы помешать этой попытке, и придумал такого рода хитрость: окрестности холма были совершенно открыты, но имели множество всевозможных неровностей и углублений; Ганнибал ночью отрядил к удобнейшим для засады

впадинам по двести и по триста человек зараз, пятьсот конных воинов, всего тысяч пять легковооруженных и тяжелой пехоты. Из опасения, как бы воины эти не были замечены неприятелем, выходящим за продовольствием, Ганнибал на рассвете занял холм легкими войсками на глазах в римлян. При виде этого Марк решил, что для него наступил удобнейший момент, и тотчас послал легковооруженный отряд с приказанием отбить у неприятеля занятый пункт, затем послал и конницу; в тылу вслед за ними шел он сам во главе сомкнутых рядов тяжеловооруженного войска.

Хотя и рассвело, залегшие в засаде воины не были замечены, потому что помыслы и взоры всех римлян обращены были на сражающихся на холме. Между тем Ганнибал посылал на холм подкрепление за подкреплением и сам следовал за ними неотступно с конницей и войском; вскоре завязалась битва и между конными войсками. В то время как масса конницы теснила легкие отряды римлян, которые бежали к тяжелой пехоте и произвели в ее рядах замешательство, находившиеся в засаде карфагеняне поднялись со всех сторон и ударили на врага, что повергло в великое смятение не только легковооруженных, но и все войско римлян. При виде происходящего и в тревоге за судьбу всего войска, Фабий вывел свои войска из лагеря и поспешил на помощь сражающимся. Лишь только он приблизился, римляне снова воспрянули духом и, хотя ряды их были совершенно расстроены, они опять собрались вокруг знамен и бежали под прикрытие подходящих воинов, потеряв много убитыми из легковооруженных и еще больше из легионеров, причем пали храбрейшие воины. С другой стороны, Ганнибал, устрешенный видом свежего войска, шедшего на помощь своим в боевом порядке; отказался от преследования и дальнейшего боя. Для участников сраже-

ния было ясно, что Марк своей отвагой погубил было все дело, а Фабий и на сей раз, как и прежде, спас его осторожностью. В это время и в Риме все поняли, насколько предусмотрительность полководца и умно рассчитанный план выше солдатской суетной опрометчивости. Как бы то ни было, римляне, наученные опытом, все возвели снова один общий лагерь и занимали его вместе, впредь следуя указаниям Фабия и исполняя его распоряжения. Что касается карфагенян, то они провели ров между высотами и собственным лагерем, а вершину занятого холма окружили валом, поставили там стражу и спокойно подготовились к зимовке.

Тем временем наступили выборы должностных лиц в Риме, и римляне выбрали в консулы Луция Эмилия и Гая Теренция. С новым назначением диктаторы сложили с себя власть. Прежние консулы, Гней Сервий и Марк Регул, назначенный на место умершего Фламиния, облечены были Эмилием властью проконсулов и, получив командование над частью войск, вели военное дело по собственному разумению. Эмилием с товарищем тотчас пополнил новым призывом недостававшее число воинов и отправил их на поле сражения. Гнею дано было знать, чтобы ни под каким видом он не вступал в решительную битву, но возможно чаще давал мелкие схватки и тем упражнял бы новобранцев и готовил их к решительным битвам. Прежние неудачи они объясняли главным образом тем, что употребляли в дело легионы совершенно неопытных новобранцев. Претора Луция Постумия с легионом консулы отправили в Цизальпинскую Галлию с целью отвлечь галлов, участвовавших в походе Ганнибала, обратно на родину. Они были озабочены и тем также, чтобы зимовавший у Лилибея флот вернуть назад в Италию, а командующим войсками в Иберии отправили все нужное для войны.

Битва при Каннах

Итак, в течение зимы и весны противники оставались во своих лагерях друг против друга. Лишь только тогда, когда настала пора уборки новых плодов, Ганнибал вывел свое войско из лагерей под Геронией. Находя для себя выгодным всячески побуждать неприятеля к битвам, он занял город, именуемый Каннами; ибо в город этот римляне свозили хлеб и прочие припасы из окрестностей, а оттуда каждый раз, когда требовалось, доставляли их войску. Самый город раньше уже был разрушен; теперь потеря запасов поставила римские войска в большое затруднение. Поэтому проконсулы посылали в Рим вестника за вестником и спрашивали, как им поступить, ибо, сообщали они, с приближением к неприятелю битва становится неизбежною ввиду того, что страна разоряется, и общее настроение союзников возбужденное. Сенат высказался за то, чтобы дать битву неприятелю; Гнею с товарищем он приказал выжидать еще, а сам послал на войну консулов. Решено было вести войну восемью легионами, чего раньше никогда не было у римлян; при этом в каждом легионе числилось без союзников до пяти тысяч человек. Римляне набирают ежегодно четыре легиона, а легион имеет в себе около четырех тысяч пехоты и двести человек конницы. Если же предстоит более важное дело, тогда каждый легион составляют из пяти тысяч пехоты и трехсот человек конницы. Что касается союзников, то пехота их равняется по численности римским легионам, конница же обыкновенно втрое многочисленнее римской. Половина этого числа союзников и два легиона даются каждому из двух консулов и отправляются на войну. Чаще в войне участвовали один консул и два легиона, а также союзники: лишь в редких случаях

римляне пользуются одновременно для войны всеми военными силами. В описываемое нами время римляне находились в такой тревоге и в таком страхе за будущее, что решили употребить на войну не четыре, а восемь легионов.

Консулы прибыли с войском и, собрав воинов, произнесли подобающие данному положению речи, причем в словах Луция выражались переживаемые им самим чувства. Большая часть речи его направлена была к тому, чтобы ослабить впечатление понесенных недавно неудач; действительно, они до такой степени напугали массу воинов, что слово ободрения было необходимо. Вот почему Луций старался доказать, что не одна и не две, но много было причин, почему предшествовавшие битвы кончались для них поражениями, что если только воины будут мужественны, нельзя назвать ни одной причины, ни одного препятствия к тому, чтобы победа была за ними. До сих пор, говорил Луций, никогда еще оба консула не стояли вместе во главе сражающихся легионов, в дело употреблялись войска необученные, новобранцы, незнакомые с опасностями; кроме того, — что самое важное, — римляне до сих пор мало знали своих противников. «Так, разбитые у реки Требии войска только накануне прибыли из Сицилии, а на рассвете следующего же дня выстроились против неприятеля. Потом сражавшиеся в Этрурии не только до битвы, но даже в самой битве не могли видеть неприятеля по причине пасмурной погоды. Теперь все совершенно иначе».

«Вы не только знаете вооружение, строй, численность неприятелей, вы второй год уже чуть не каждый день сражаетесь с ними. Таким образом, теперь у нас все противоположно тому, как было в прежних битвах; поэтому нужно ждать, что и исход борьбы будет на сей раз совершенно иной.

Когда, граждане, имеется все нужное для побе-

ды, требуется еще одно только — ваша добрая воля и усердие; но говорить вам об этом пространно я нахожу излишним. Отечество не имеет других сил сверх этих для одоления врага. В вас вложило оно всю свою ревность и мощь; на вас покоятся все надежды его на спасение. Оправдайте эти надежды, докажите преданность отечеству, покатыте всем народам, что прежние поражения произошли не от того, что римляне уступают будто бы карфагенянам в доблести, но от неопытности сражавшихся тогда воинов и от случайных обстоятельств».

На следующее утро консулы выступили в поход по направлению к тому месту, где, как они слышали, находится неприятельская стоянка. После двухдневного перехода они расположились лагерем стадиях в пятидесяти от неприятеля. Луций видел, что окрестность представляет совершенно открытую равнину, и полагал, что в виду превосходства неприятельской конницы необходимо воздержаться от битвы, вести войско дальше и увлекать за собою неприятеля туда, где битва будет вестись главным образом пехотными войсками. Но Гай был противоположного мнения, что породило разногласия и взаимное недовольство между вождями, а это было опаснее всего. На следующий день, когда очередь главнокомандования перешла к Гаю, — по обычаю консулы чередовались властью через день, Теренций с целью приблизиться к неприятелю велел сниматься со стоянки и двинулся вперед, как ни упрасивал и ни удерживал его от этого Луций. Ганнибал с легковооруженными и конницей пошел ему навстречу, ударил на римлян, в то время, как те были еще на ходу, неожиданно вовлек их в сражение, чем произвел в их рядах большое замешательство. Первый натиск римляне выдержали, поставив впереди отряд тяжеловооруженных; затем, выпустив на врага метателей дротиков и конницу, они одержали в схватке

решительную победу, ибо карфагеняне не имели сколько-нибудь значительной поддержки с тыла, тогда как у римлян заодно с легковооруженными сражалось несколько манипулов легионеров. С наступлением ночи противники разошлись, причем исход нападения не оправдал расчетов карфагенян. На следующее утро Луций не решался вступать в битву, но не мог и увести свое войско назад беспрепятственно, а потому с двумя третями его расположился станом подле реки Ауфид. Третью часть войска он расположил по другую сторону реки, к востоку от места переправы, стадиях в десяти от собственной стоянки и немного дальше от неприятельской. Сделано это было для того, чтобы прикрывать своих воинов, выходящих из противоположного лагеря за продовольствием, и угрожать карфагенским фуражирам.

Ганнибал сознавал, что обстоятельства вынуждают его к битве с неприятелем, но в то же время опасался, что недавнее поражение напугало его воинов; поэтому он решил, что следует ободрить войско и созвал собрание. Когда воины собрались, Ганнибал предложил всем им бросить взгляд на окрест лежащие страны и затем спросил: о чем при настоящих обстоятельствах они могли бы больше всего молить богов, как не о том, чтобы, если можно, дать неприятелю решительную битву в такой местности, как эта, при значительном превосходстве конницы их над неприятельскою? Последовало всеобщее одобрение. «Поэтому, — сказал вождь, — прежде всего возблагодарите богов; ибо уготовляя нам победу, они завели неприятеля в такие места. Потом благодарите и нас за то, что мы довели неприятеля до необходимости принять битву, ибо он не может более уклониться от нее и вынужден принять сражение в условиях бесспорно выгодных для нас. Но, мне кажется, не подобает теперь обращаться к вам с пространною речью, ибо вы бод-

ры духом и горите желанием боя. Пока в борьбе с римлянами вы были не опытны, я должен был это делать; тогда я держал к вам пространные речи, изобилующие примерами. Теперь, когда в трех столь важных сражениях, следовавших одно за другим, вы одержали решительные победы над римлянами, неужели какая-либо речь способна поднять дух ваш сильнее, чем самые подвиги ваши? Благодаря предшествующим победам вы вступили в обладание этими полями и благами их... теперь предстоит борьба за города и их достояние. С победою в этой битве вы тотчас станете господами целой Италии; одна эта битва положит конец нынешним трудам вашим, и вы будете обладателями всех богатств римлян, станете повелителями и владыками всей земли». Войско выразило ему горячее сочувствие, а он похвалил воинов, благодарил их и затем распустил собрание.

На следующий же день Ганнибал приказал всем войскам готовиться к битве, а еще через день выстроил войска в боевой порядок вдоль реки, и было ясно, что он ждет только случая сразиться с врагом. Между тем Луций, недовольный местоположением, замечал, что карфагеняне вскоре вынуждены будут перенестись с лагерем на другое место ради снабжения себя продовольствием; он оградил оба лагеря сильными сторожевыми постами и не двигался с места. Ганнибал ждал довольно долго, но, так как никто не выходил против него, он увел все войско обратно в лагерь.

Между тем Гай, очередь которого в главнокомандовании наступала на следующий день, разом двинул войска из обоих лагерей, лишь только показалось солнце. По мере того как воины из большого лагеря переходили реку, он тут же строил их в боевую линию; потом присоединил к ним воинов из другого лагеря, поставил их в одну линию с теми, так что все войско обращено было лицом к югу. Римскую конницу Гай

поместил у самой реки на правом крыле; к ней в той же линии примыкала пехота, причем манипулы поставлены были теснее, чем прежде, и всему строю дана большая глубина, чем ширина. Конница союзников поставлена была на левом крыле. Впереди всего войска в некотором отдалении поставлены легкие отряды. Всей пехоты, считая и союзников, было до восьмидесяти тысяч человек, а конницы немного больше шести тысяч.

В это же самое время Ганнибал переправил через реку балеарцев и копейщиков и выстроил их впереди войска; остальные войска выстроил против неприятеля. У самой реки, на левом фланге против римской конницы он поставил конницу иберов и галлов, вслед за ними половину тяжеловооруженной ливийской пехоты, за нею пехоту иберов и галлов, а подле них другую половину ливийцев. Правый фланг заняла нумидийская конница.

Построив всю рать в одну прямую линию, Ганнибал выдвинул вперед стоявших в центре иберов и галлов; к ним присоединил он остальное войско таким образом, что получалась кривая линия на подобие полумесяца. Этим он желал достигнуть того, чтобы ливийцы прикрывали собою сражающихся, а иберы и галлы первыми вступили в битву.

Ливийцы вооружены были по-римски; всех их снабдил Ганнибал тем вооружением, какое было взято в предшествовавших битвах. Щиты иберов и галлов были сходны между собою по форме, а мечи тех и других сильно разнились: иберийским мечом одинаково удобно колоть и рубить, тогда как галльским можно только рубить. Галлы были обнажены по пояс, а иберы одеты были в короткие туники, отделанные пурпуром, что придавало воинам необычайный и внушительный вид.

Всей конницы у карфагенян было до десяти ты-

сяч, а пехоты вместе с галлами немного больше сорока тысяч. Правым флангом римлян командовал Эмилий, левым Гай, центр занимали консулы предшествующего года, Марк и Гней. У карфагенян левое крыло занимал Гасдрубал, правое Ганнон, в центре находился сам Ганнибал вместе с братом Магоном. Так как римское войско обращено было к югу, а карфагенское к северу, то восходящее солнце не мешало ни одному из них.

Когда произошла первая схватка между передовыми войсками, легкие отряды вначале сражались с равным успехом; но с приближением к римлянам иберийской и галльской конницы с левого фланга карфагенян завязалась жестокая битва по способу варваров. Не наблюдался более обычный порядок сражения, по которому отступление сменяется новым нападением; сражающиеся, раз кинулись друг на друга и спешили, дрались один на один. Наконец легкие отряды карфагенян одолели; хотя все римляне сражались отважно и стойко, но очень многие из них были убиты в самой схватке, а остальных неприятель погнал вдоль реки, рубил и избивал беспощадно. Тогда легковооруженных заступили пешие войска, и они ударили друг на друга. Некоторое время ряды иберов и галлов выдерживали бой и храбро сражались с римлянами; но затем, подавляемые тяжелой массой легионов, они подались и начали отступать назад. Римские манипулы стремительно преследовали врага, без труда разорвали неприятельскую линию, потому что строй галлов имел незначительную глубину между тем, как римляне столпились с флангов к центру, где шла битва. Дело в том, что у карфагенян фланги и центр вступили в битву не разом, центр раньше флангов, ибо иберы и галлы, выстроенные в виде полумесяца, выступило стороною обращенного к неприятелям, выступали далеко вперед от флангов. В погоне за отступа-

ющими римляне теснились к центру, туда, где подавался неприятель, и прошли так далеко вперед, что с обеих сторон очутились между тяжеловооруженными ливийцами, находившимися на флангах. Ливийцы правого фланга сделали поворот влево и, стали наступать против неприятеля как и левое крыло ливийцев, сделавшее такой же оборот направо. Вышло так, как и рассчитывал Ганнибал: в стремительной погоне за галлами римляне кругом отрезаны были ливийцами. Не имея более возможности вести сражение по всей линии, римляне в одиночку и отдельными манипулами дрались с неприятелями, теснившими их с боков.

Хотя Луций с самого начала стоял на правом фланге и участвовал в битве конницы, но пока еще он не был убит. Ему хотелось исполнить обещание, данное в речи к воинам, а потому, сознавая, что участь всей битвы зависит от легионов пехоты, он верхом на лошади прискакал к центру, сам кинулся в бой и рубил неприятелей, в то же время ободряя и воодушевляя своих воинов. Но подобным образом действовал и Ганнибал: и он с самого начала находился в той же части войска. Нумидийцы, с правого фланга нападавшие на неприятельскую конницу левого фланга не причиняли неприятелю большого урона и сами не терпели такого, благодаря обычному у них способу сражения; тем не менее, непрерывно атакуя на римлян со всех сторон, они лишали их возможности действовать. Затем, когда на помощь нумидийцам подоспело войско Гасдрубала, истребившее стоявшую у реки конницу, тогда конница римских союзников, издали завидя неприятеля, подалась назад и начала отступать. В этот момент Гасдрубал, как рассказывают, придумал мудрую, соответствующую обстоятельствам меру, именно: принимая во внимание многочисленность нумидийцев и зная, насколько они опасны и страшны для неприятеля, обратившегося в бегство, он предоста-

вил бегущих на волю нумидийцев, а сам устремился на место сражения пехоты с целью поскорее помочь ливийцам. Подойдя к римским легионам с тыла и направив на них ряды своей конницы, Гасдрубал ободрил ливийцев, а на римлян навел смущение и ужас. В это самое время пал в схватке тяжело раненный Луций Эмилий, человек, всегда до последней минуты честно служивший отечеству, как подобает каждому. До тех пор, пока римляне составляли круг и сражались лицом к лицу с неприятелем, оцепившим их кольцом, они держались еще; но стоявшие на окружности воины падали один за другим; римлян теснили со всех сторон все больше и больше, наконец все легли на месте, не исключая Марка и Гнея, консулов предшествующего года, людей доблестных и в битве показавших себя достойными сынами Рима. Пока шла эта смертоносная битва, нумидийцы преследовали бегущую конницу, большую часть воинов перебили, других скинули с лошадей. Лишь немногие спаслись бегством в Венузию, в числе их и римской консул Гай Теренций, человек, постыдно бежавший и власть свою употребивший во зло собственной родине.

Так кончилась битва римлян и карфагенян подле Канн, битва, в которой и победители и побежденные отличились величайшею храбростью. Ясно свидетельствуют об этом сами последствия. Так, из шести тысяч конницы в Венузию спаслось бегством вместе с Гаем семьдесят человек, и около трехсот человек из союзников укрылись врассыпную по городам. Что касается пехоты, то из нее в сражении взято было в плен около десяти тысяч человек; были и другие пленные, не участвовавшие в деле; из участвовавших в битве бежало в окрестные города лишь около трех тысяч человек. Все остальные числом около семидесяти тысяч человек пали с честью в сражении. Как в этот раз, так и раньше победе карфагенян наиболее помогла много-

численность конницы. Будущим поколениям преподан был этот урок, что для войны выгоднее иметь половинное количество пехоты сравнительно с неприятельскою и решительно превосходить врага в коннице, нежели вступать в битву с силами, совершенно равными неприятельским.

Из Ганнибалова войска галлов пало около четырех тысяч, иберов и ливийцев тысячи полторы, конных воинов около двухсот. Взятые в плен римляне были в стороне от сражения по такому поводу: Луций оставил у своей стоянки десять тысяч пехоты с тем расчетом, чтобы они, если Ганнибал не позаботится об охране лагеря и выведет в поле все войска, напали на неприятельский обоз во время битвы и завладели им; если же Ганнибал, предугадывая будущее, оставит в лагере значительный гарнизон, то настолько же уменьшатся силы неприятеля для решительной битвы. Пленение римлян произошло приблизительно при таких обстоятельствах: достаточно сильный гарнизон оставлен был Ганнибалом у стоянки, и лишь только началась битва, римляне согласно сделанному распоряжению повели приступ против воинов, оставленных в карфагенских укреплениях. Первое время карфагеняне выдерживали натиск одни, а когда положение их сделалось трудным, явился Ганнибал, который везде уже покончил с сражением, теперь помог своим, обратил римлян в бегство и запер их в их собственной стоянке; при этом две тысячи неприятелей было убито, все прочие взяты в плен. Точно так же нумидийцы принудили к сдаче и привели пленными в лагерь тысячи две конных воинов, которые обращены были в бегство и пытались укрыться в укреплениях.

Исход сражения имел решительные последствия, а именно: ценою этой битвы карфагеняне вступили в обладание почти всем остальным морским побережьем, ибо тарентинцы сдались им тотчас, а часть капу-

анцев звала к себе Ганнибала; все остальные племена Южной Италии тогда уже обращали свои взоры к карфагенянам, которые питали в них смелую надежду, что с первого набега возьмут Рим. Напротив, римляне вследствие поражения немедленно утратили господство над италийцами; они пребывали в сильном страхе и опасении за собственное существование и за родную землю, так как ожидали скорого появления Ганнибала у самого города, тем более что судьба как бы желала дополнить и завершить постигшие их беды: несколько дней спустя, в то время, как город объят был страхом, посланный в Галлию претор попал неожиданно в засаду и вместе со всем войском погиб от рук галлов.

И все-таки сенат делал все, что мог: ободрял народ, укреплял город, мужественно обсуждал положение дел. Так, невзирая на решительное поражение, понесенное в это время, невзирая на то, что военная слава померкла, римляне благодаря особенным свойствам своих учреждений и мудрости своих решений не только одолели карфагенян и тем возвратили себе владычество над Италией, но немного спустя стали обладателями всей обитаемой земли.

Осада и взятие Сиракуз римлянами

...Когда Эпикид и Гиппократ завладели Сиракузами, римляне, раньше еще уведомленные о насильственной смерти сиракузского тирана Гиеронима, выбрали в проконсулы Аппия Клавдия, дали в его распоряжение сухопутное войско, а начальство над флотом возложили на Марка Клавдия. Начальники расположились станом невдалеке от города и решили, что сухопутное войско поведет приступ против города

со стороны Гексапил*, а флот против Ахрадины**, где стена тянется вдоль моря. Приготовив осадные башни, метательные орудия и все прочее, нужное для осады, римляне надеялись при многочисленности рабочих рук опередить неприятеля. Но при этом они не приняли в расчет искусства Архимеда, не догадались, что иногда дарование одного человека способно сделать больше, чем огромное множество рук. Теперь они убедились в этом по опыту. Город был достаточно крепок тем уже, что облегающая кругом стена покоилась на высотах и поднимающемся перед городом утесе; к ним трудно подойти даже и тогда, если бы осаждаемые не оказывали никакого сопротивления. Кроме того, Архимед заготовил внутри города, а равно и против нападающих с моря такие средства обороны, что защитникам не предстояло нужды утруждать себя непредусмотренными работами на случай неожиданных способов нападения; у них заранее готово было все к отражению врага на всякие случаи.

Аппий сделал попытку приблизиться с осадными башнями и лестницами к той части стены, которая с востока упирается в Гексапилы; а Марк с шестьюдесятью пятипалубными судами направился против Ахрадины. Находившиеся на каждом судне люди вооружены были луками, пращами и легкими дротиками, чтобы прогонять врага. Вместе с тем римляне связали восемь судов попарно и, действуя веслами только с наружных боков, стали подвозить к городской стене так называемые самбики. Устройство этого осадного орудия следующее: делается лестница в четыре фута ширины и такой длины, чтобы и при установке она достигала верхнего края стены; потом кладут ее вдоль соприкасающихся связанных между собою судов, так что лестница выступает далеко за корабельные носы.

* Район города. — *Прим. ред.*

** Район города. — *Прим. ред.*

На вершинах мачт укрепляют блоки с канатами. Когда нужно действовать, канат привязывают к верхнему краю лестницы, и люди, стоящие на корме, тянут его на блоке, а другие, находящиеся на передней части корабля, следят за правильным подъемом лестницы и подпирают ее шестью. Наконец, при помощи гребцов, размещенных по обеим наружным сторонам, римляне подходят с кораблями к суше и стараются только что описанное сооружение приладить к стене. На вершине лестницы находится доска, с трех сторон огороженная плетнем; на ней стоят четыре человека, которые и ведут борьбу с неприятелем, находящимся на стене и мешающим установке самбики. Как только лестница установлена так, что возвышается над стеною, воины тотчас сторон взбираются на зубцы или башни; прочие товарищи их следуют за ними по самбике, надежно прикрепленной канатами к обоим кораблям.

Изготовив самбики, римляне решились подойти к башням. Однако Архимед соорудил машины способные метать снаряды на любое расстояние. Так, если неприятель подплывал издали, Архимед поражал его из дальнобойных камнеметов тяжелыми снарядами или стрелами. Если же снаряды начинали летать поверх неприятеля, Архимед употреблял в дело меньшие машины, каждый раз сообразуясь с расстоянием, и навел на римлян такой ужас, что они никак не решались идти на приступ или приблизиться к городу на судах. Наконец Марк, раздосадованный неудачами, вынужден был сделать еще попытку — тайком ночью подойти к городу на кораблях. Когда римляне подошли к берегу на расстоянии выстрела, Архимед употребил другое средство, направленное против воинов, сражавшихся с судов, именно: он велел сделать в стене приблизительно на высоте человеческого роста множество отверстий, с наружной стороны имевших

в ширину пальца четыре, у отверстий изнутри стены он поставил стрелков и маленькие скорпионы, через отверстия обстреливал корабельных воинов и тем отнимал у них всякую возможность сделать что-нибудь. Таким образом, далеко ли, или близко находился неприятель, Архимед не только разрушал все его планы, но и производил в его рядах большие опустошения. Как только римляне покушались поднять самбики, Архимед приводил машины в боевое состояние по всей стене. Все время они оставались невидимы, но лишь только требовалось употребить их в дело, машины выдвигались над стеною и простирали свои жерла далеко за зубчатые укрепления. Некоторые машины метали камни весом не менее десяти талантов, другие выбрасывали груды свинца, поражая осадные сооружения римлян, корабли, и находившихся на них солдаты.

Некоторые машины отражали нападения неприятеля, защищенного и прикрытого плетнем от стрел, тогда бросаемые камни соответствующей тяжести прогоняли с передних частей корабля нападающих римлян. Кроме того, с машины спускалась прикрепленная к цепи железная лапа; управлявший этой машиной захватывал лапой нос корабля и потом опускал нижний конец машины. Когда нос судна был таким образом поднят, лапа и цепь при помощи веревки отделялись от машины. Вследствие этого некоторые судна ложились набок, другие совсем опрокидывались, третьи, большинство, от падения с значительной высоты погружались в море, наполнялись водой. Изобретательность Архимеда приводила Марка в отчаяние; с прискорбием он видел, как осажденные глумятся над его усилиями и какие они причиняют ему потери. Однако подшучивая над своим положением, Марцелл говорил, что Архимед угощает его корабли морской водой, а его самбики как бы с позором прогнаны с

попойки палочными ударами. Так кончилась осада сиракузян с моря.

Аппий с войском очутился в столь же трудном положении и потому совсем отказался от приступа. И действительно, находясь еще на далеком расстоянии от города, римляне сильно терпели от камнеметальниц и катапульт, из которых их обстреливали; ибо сиракузяне имели в запасе множество метательных орудий превосходных и метких. Когда же римляне приблизились к городу, часть их попала под непрерывный обстрел через отверстия в стене, потерпела урон и не смогла продолжать наступления, другие, рассчитывавшие пробиться вперед силою и огражденные плетенками, гибли под ударами камней и бревен, падавших сверху. Много бед причиняли сиракузяне римлянам и теми лапами при машинах, о коих я говорил раньше: лапы поднимали воинов в полном вооружении и кидали их оземь. Наконец Аппий с товарищами возвратился в стоянку, устроил совещание с трибунами, на котором и принято было единогласное решение испытать всевозможные иные средства, но отказаться от надежды взять Сиракусы приступом; согласно принятому решению они и действовали. Так, в течение восьми месяцев римляне оставались под стенами города, но ни разу уже не осмеливались идти на приступ. Такова чудесная сила одного человека, одного дарования, умело направленного на какое-либо дело. Вот и теперь: располагая столь значительными силами сухопутными и морскими, римляне могли бы быстро овладеть городом, если бы кто-либо изъясил из среды сиракузян одного старца. Полагая, что осажденные при своем многолюдстве вернее всего могут быть вынуждены к сдаче голодом, римляне решили этим способом добиваться цели, и потому, пользуясь флотом и сухопутным войском, задерживали подвоз припасов в город морем и сушею. Но вместе с тем

римские военачальники не желали понапрасну тратить время под Сиракузами, и с целью извлечь из своего пребывания в Сицилии какую-либо выгоду вне этого города, разделили войска между собою, причем Аппий с двумя третями их продолжал осаду города, а Марк с остальнойю третью ходил войною на сицилийцев, действовавших заодно с карфагенянами.

...Перебежчик известил, что жители города уже третий день празднуют всенародное жертвоприношение Артемиде, причем питаются скудно из-за недостатка съестных припасов, но вина пьют вдоволь; большое количество его доставляется как Эпикидом, так и сиракузянами. Тогда Марк снова обратил внимание на ту часть стены, где она была ниже, и решил попытаться счастья предполагая, что люди должны предаваться пьянству. Быстро сколочены были вместе две лестницы; затем Марк переговорил о всех подробностях предприятия с людьми, способными исполнить первое и опаснейшее дело, именно взобраться на стену, и посулил им щедрую награду. Напротив, тем солдатам, которые должны были помогать первым и привести лестницы до стены, он ничего не объяснял, приказав только быть готовыми исполнить, что им прикажут. Когда все сделано было согласно распоряжению, Марк выждал удобный час ночи и разбудил солдат. Он послал их с лестницами вперед в сопровождении манипула с трибуном, предварительно напомнив о наградах, ожидающих их за храбрость, потом велел разбудить остальное войско и выстроить по манипулам. Когда основной отряд в числе тысячи человек вышел из лагеря, Марк, прождав немного, последовал за ним с остальным войском. Люди, шедшие с лестницами, беспрепятственно и незаметно для неприятеля приладили их к стене; за ними тотчас устремились воины. Когда и эти не были замечены и стали

на стене, прочие воины уже не соблюдали первоначального порядка, все стали взбираться по лестницам. Вначале люди, взошедшие на стену, не нашли там стражи, ибо враги по случаю жертвоприношения собрались в башнях и частью пили еще, частью, опьяненные, давно почивали. Вот почему и первые попавшиеся неприятели и за ними следовавшие застигнуты были врасплох, и большинство было перебито без всякого сопротивления. Затем, когда римляне спустились и подошли к Гексапилам, они взломали ближайшие в этом месте ворота и пропустили в них военачальника и остальное войско. Так римляне овладели Сиракусами.

Битва при р. Метавре. Поражение Гасдрубала

Гасдрубал видел, что враг двинулся из лагеря и наступает, а потому и сам вынужден был выстроить в боевой порядок иберов и находившихся при нем галлов. Впереди Гасдрубал поставил десять слонов, увеличил глубину рядов, все силы стянул на узком пространстве, наконец сам занял место в середине боевой линии, там именно, где впереди стояли слоны, и повел войско против левого неприятельского крыла, заранее решив или победить в предстоящей битве, или пасть мертвым. Но Ливий* гордо шел навстречу врагу, и в последовавшей схватке войска его дрались мужественно. Напротив Клавдий**, командовавший правым крылом, не мог ни двинуться вперед, ни обойти неприятеля с фланга; ему мешали неровности по-

* Консул Марк Ливий. — *Прим. ред.*

** Консул Гай Клавдий Нерон. — *Прим. ред.*

чвы, на которые именно и рассчитывал Гасдрубал, когда сделал нападение на левое неприятельское крыло. Обреченный на бездействие, Клавдий наконец сообразил, что делать: сами обстоятельства научили его тому. Всех своих воинов, стоявших в тылу боевой линии, он увел с правого крыла, обошел с ними левое крыло римского войска и напал на карфагенян с фланга, где в передней линии стояли слоны. До сих пор битва шла с переменным счастьем: противники не уступали друг другу в мужестве, потому что как римляне, так равно иберы и карфагеняне почитали себя в случае поражения погибшими, а слоны вредили в битве одинаково обеим сторонам. Отрезанные и с обеих сторон обстреливаемые, звери производили расстройство в рядах и римлян, и иберов. Но исход битвы был решен, когда Клавдий ударил на врага с тыла, и теперь римляне теснили иберов спереди и сзади. Благодаря этому большинство иберов было изрублено на месте сражения. Шесть слонов из десяти пали тут же вместе с воинами, а четыре прорвались сквозь ряды сражающихся и были пойманы потом одни, без погонщиков.

Гасдрубал кончил жизнь в пылу битвы. Как в прежнее время, так и в последней битве он показал себя доблестным мужем, поэтому несправедливо было бы обойти его похвалою.

Что касается римлян, то немедленно по окончании победоносной битвы они принялись за расхищение неприятельского лагеря, перерезали наподобие жертвенных животных множество галлов, в пьяном виде спавших на соломе, потом собрали вместе доставшихся в добычу пленных, от продажи коих поступило в государственную казну больше трехсот талантов. Карфагенян пало в сражении не менее десяти тысяч человек, а римлян около двух тысяч. Немногие знатные карфагеняне попали в плен, прочие все были

перебиты. Когда весть о победе пришла в Рим, там сначала не поверили: так горячо было у римлян желание победы.

Встреча Публия Корнелия Сципиона с Ганнибалом накануне битвы при Заме

Публий послал сказать военачальнику карфагенян, что готов видеть его и беседовать с ним. При этом известии Ганнибал снялся с места, подошел к неприятелю стадий на тридцать и разбил лагерь на возвышенности, которая, казалось, была удобна для этого во всех отношениях, только отстояла немного далеко от воды, так что солдаты Ганнибала сильно терпели от жажды.

На другой день Публий и Ганнибал вышли каждый из своей стоянки в сопровождении небольшого числа конных воинов, которых оставили потом назад, и одни с переводчиком вышли на середину. После приветствия первым заговорил Ганнибал, что он желал бы, чтобы ни римляне никогда не простирали своих вожделений за пределы Италии, ни карфагеняне за пределы Ливии. Ибо страны эти, говорил он, и сами по себе представляют прекраснейшие владения, и границы их как бы намечены самою природою. «Так как мы первую распря нашу и войну подняли из-за Сицилии, потом из-за Иберии, так как наконец мы, все еще не наученные превратностями счастья, дошли в своем ослеплении до того, что одним из нас угрожала, другим угрожает теперь опасность утратить родную землю, то долг наш — положить конец нынешней распре, если будет на то милость богов. Посему я готов кончить вражду, ибо собственный опыт

научил меня понимать, сколь изменчиво счастье, по каким иногда маловажным причинам судьба дает решительный перевес одной или другой стороне, обращаясь с нами как с неразумными детьми. Только, Публий, я сильно боюсь, что ты не внемлешь моим увещеваниям при всей убедительности их, ибо ты слишком молод еще, и превратностей судьбы ты не испытал на себе до сих пор. Но вот тебе один достаточный пример человеческой судьбы, не из далекого прошлого взятый, но принадлежащий нашему времени: тот самый Ганнибал, который после битвы при Каннах был чуть не обладателем всей Италии, вскоре затем подошел к самому Риму, в сорока стадиях от города разбил свой лагерь и уже держал совет о том, что делать с вами и с землею вашего города. Теперь я в Ливии, прихожу к тебе, римлянину, для переговоров о жизни моей собственной и карфагенян. Советую тебе памятовать эту превратность и, не возносясь гордынею, принимать решения, приличествующие смертному, то есть каждый раз брать наибольшее из благ и наименьшее из зол. Неужели рассудительный человек по доброй воле может предпочесть миру такую войну, какая предстоит тебе? Ибо даже победою ты не умножил бы славы ни твоей, ни твоего отечества, в случай же поражения погубишь собственными руками славу и почет, добытые раньше. Каково же заключение моей настоящей речи? Все, из-за чего до сих пор мы враждовали, пускай принадлежит римлянам, именно Сицилия, Сардиния, Иберия, и никогда карфагенянин да не поднимает войны из-за этих земель против римлян; римлянам точно так же должны принадлежать и все прочие острова между Италией и Ливией. Заключенный на таких условиях мир, как я убежден в том, вернейшим образом сохранит безопасность карфагенян в будущем, а тебя и всех римлян покроет величайшей славой».

Так говорил Ганнибал. В ответ ему Публий напомнил, что не римляне, а карфагеняне были виновниками войны за Сицилию и за Иберию, и что это верно, знает прекрасно и Ганнибал. «Сами боги свидетели в том, даровав победу не той стороне, которая несправедливо нападала, но той, которая защищалась от нападения. Если бы ты предложил эти условия мира раньше, до перехода римлян в Ливию и добровольно очистил Италию, ты не ошибся бы, я полагаю, в своих ожиданиях. Но тебя вынудили удалиться из Италии, а мы перешли в Ливию, так что положение дел сильно изменилось.

Что остается делать? Вам остается или отдать себя и отечество ваше на наше благоусмотрение, или победить нас на поле сражения».

С этими словами Ганнибал и Публий разошлись в разные стороны, не придя ни к какому соглашению.

Битва при Заме

На следующий день, чуть рассвело, противники вывели свои войска из лагерей и выстроились к бою: карфагенянам предстояло бороться за свое существование и за господство над Ливией, римлянам за мировое владычество.

Публий построил свои войска в следующем порядке: впереди поставил манипулы гастатов в некотором расстоянии один от другого, за ними принципов, но не против промежутков в передних манипулах, как бывает у римлян обыкновенно, а за самыми манипулами, в некотором расстоянии от них, ибо у неприятеля было множество слонов. Последними поставлены были триарии. На левом фланге Публий поместил Гая Лелия во главе италийской конницы, на правом —

Масиниссу со всеми подвластными ему нумидийцами. Промежутки между передними манипулами он заполнил отрядами легковооруженных, которым и отдал приказ начинать битву; если бы они не устояли перед натиском слонов, то должны были опустить часть из них в самый тыл войска через промежутки между манипулами, другие в боковые проходы между рядами манипулов.

Покончив с расположением войска, Публий обходил ряды и обращался к воинам с краткими речами. Так, он просил их во имя прежних битв показать себя и теперь доблестными воинами, достойными самих себя и отечества, и живо памятовать, что победа над врагом не только прочно утвердит власть их над Ливией, но стяжает им и государству их неоспоримую власть и главенство над целым миром. Если же битва кончится несчастливо, павшие в честном бою воины найдут себе в смерти за родину прекраснейший памятник, а бежавшие с поля трусы покроют остаток дней своих позором и бесчестьем. Ибо нигде в Ливии беглецы не найдут для себя безопасного пристанища, а всякого, попавшего в руки карфагенян, ждет участь, которую легко угадает каждый здравомыслящий человек. «Никому бы я не пожелал, — продолжал Публий, — на себе испытать эту участь!»

Впереди всего войска Ганнибал поставил слонов, числом больше восьмидесяти, за ними отвел место наемникам, коих насчитывалось до двенадцати тысяч. Это были лигийцы, галлы, балеарцы, мавры. За наемниками выстроены были ливийцы и карфагеняне, а последними стояли войска, прибывшие вместе с Ганнибалом из Италии. Фланги Ганнибал обезопасил с помощью конницы, на левом крыле он поставил союзных нумидийцев, а на правом карфагенскую конницу. Потом он отдал приказ, чтобы начальники наемных войск ободряли каждый своих солдат напо-

минанием, что надежды на победу покоятся на Ганнибале и явившихся с ним войсках. Карфагенянам через начальников их велел он исчислить и ярко изобразить все беды, какие угрожают детям их и женам в случае несчастного исхода войны. Сам Ганнибал в это время обходил собственные свои войска, настойчиво просил и убеждал их не забывать, что они семнадцать лет были вместе, много сражений дали римлянам, что всегда выходили победителями и в противнике ни разу не оставляли даже надежды на победу.

Потом, когда все приготовления к битве были кончены, произошло несколько схваток нумидийской конницы с обеих сторон. Ганнибал приказал вожатым двинуться со слонами на врага. Но раздавшиеся со всех сторон звуки труб и рожков смутили нескольких слонов, которые повернули назад и кинулись на нумидийцев, союзников карфагенян. Благодаря этому отряд Масиниссы быстро оттеснил конницу от левого крыла карфагенян. Прочие слоны столкнулись с римскими легковооруженными воинами на пространстве между боевыми линиями, причем и сами сильно пострадали, и врагам причинили большой урон, наконец одни из них кинулись на римское войско, которое благодаря предусмотрительности вождя могло пропустить их через свободные промежутки без всякого урона для себя, другие перебежали на правое крыло и, обстреливаемые конницей, попали за боевую линию. В это время Лелий воспользовался смятением слонов и обратил в беспорядочное бегство карфагенскую конницу. Он с ожесточением теснил бегущих; то же сделал Масинисса. В это самое время тяжелые пешие войска обоих противников мерным шагом грозно наступали друг на друга; только войска, прибывшие из Италии вместе с Ганнибалом, оставались неподвижно на месте. Когда враги сблизились, римляне согласно исконному обычаю издали друж-

ный боевой клич, ударили мечами в щиты и начали напирать на врага. С другой стороны карфагенские наемники подняли беспорядочный дикий шум.

Сначала, пока битва была только рукопашная и противники дрались один на один, пока сражающиеся действовали не копьями, а мечами, перевес был на стороны наемников благодаря их ловкости и отваге, и многие римляне были ранены. Однако, полагаясь на превосходство своего военного строя и вооружения, римляне подвигались все дальше вперед. Кроме того, у них за передовыми бойцами следовали другие, поддерживавшие бодрость духа в сражающихся, тогда как на неприятельской стороне оробевшие карфагеняне не спешили к наемникам и не подавали им помощи, благодаря чему варвары стали наконец отступать. Во время отступления наемники наталкивались на стоявших позади карфагенян и, будучи твердо убеждены, что те покинули их, рубили своих же. Многие карфагеняне пали поэтому геройскою смертью, ибо вынуждены были обороняться и от своих воинов, и от римлян. С яростью и отчаянием кидаясь в битву, карфагеняне перебили множество своих и врагов, стремительным нападением расстроили даже манипулы гастатов. Огромное множество наемников и карфагенян пало на поле брани. Тех из наемников, которые искали спасения в бегстве, Ганнибал не допустил до соединения с его войсками, приказав воинам протянуть вперед свои копья и не допускать к себе бегущих. Вследствие этого бегущие вынуждены были укрываться на флангах и выходить на прилегающие к ним открытые поля.

Пространство, разделявшее войска, которые еще уцелели, все было залито кровью, наполнено ранеными и убитыми, и эти последствия поражения сильно затрудняли действия римского военачальника. И в самом деле, кучи трупов, истекающих кровью и нава-

ленных друг на друга, а также вооружение, разбросанное повсюду в беспорядке вместе с людьми, мешали движению правильно построенного войска. Тем не менее Публий распорядился перенести раненых в тыл, гнавшихся за неприятелем гастатов отозвал звуками трубы назад, поставил их впереди поля сражения против неприятельского центра, а принципам и триариями велел тесно сомкнуться в ряды на обоих флангах и проходить вперед мимо трупов. Когда пространство это было пройдено, полчища с величайшей яростью и стремительностью ударили друг на друга. Воюющие были почти равносильны по численности и воодушевлению, равно по вооружению и храбрости, посему исход битвы долгое время оставался неизвестным, ибо сражающиеся считали долгом своим держаться на своих местах до последнего издыхания. Наконец возвратились из погони за конницей Масинисса и Лелий и каким-то чудом вовремя подоспели к делу. Нападение произведено было ими с тыла, благодаря чему большая часть воинов Ганнибала истреблена была на месте, а из бежавших уцелели лишь весьма немногие, потому что в деле участвовала конница, и местность была ровная. Потери римлян убитыми превышали тысячу пятьсот человек, карфагенян было убито больше десяти тысяч и немного меньше взято в плен.

Так завершилась последняя битва, окончательно решившая распрю в пользу римлян. После сражения Публий пустился в погоню за карфагенянами, разграбил их стоянку и возвратился к себе в лагерь. Ганнибал с немногими конными воинами отступал безостановочно к Гадрумету и там укрылся. Во время битвы он сделал все так, как только может и обязан делать доблестный вождь, искушенный во многих битвах.

И если Ганнибал, до сего времени непобедимый, сражен был теперь, невзирая на то, что сделал все

возможное для достижения победы, то нельзя осуждать его строго. Иной раз судьба противодействует замыслам доблестных мужей, а иногда, как гласит пословица, «достойный встречает в другом достойнейшего». Это, можно сказать, и случилось тогда с Ганнибалом.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Сцена и актеры	6
Глава II. Враги: Карфаген и Рим	61
Глава III. Через Альпы и дальше	99
Глава IV. Ганнибал громит римлян	152
Глава V. Рим приходит в себя	199
Глава VI. Закат звезды Ганнибала	224
Эпилог	273
Приложение. Полибий. Всеобщая история	275
От редакции	277
Первая Пуническая война	279
Вторая Пуническая война	325

Научно-популярное издание
Серия «Популярная историческая библиотека»

Гейвин де Бир

**Ганнибал: борьба за власть
в Средиземноморье**

Ответственный редактор *О. Ю. Иванова*
Редактор *Р. А. Халхатов*
Дизайн обложки *С. А. Сидоркин, Е. Г. Власова*
Технический редактор *Е. А. Цветкова*
Корректор *Т. В. Новик*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.10.2004.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Times ET».
Объем 13 печ. л.
Тираж 4000 экз. Заказ 2858.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 04277 от 15.03.2001.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.
E-mail: rusich@keytown.com — редакция.
E-mail: salerus@keytown.com — отдел реализации.

При участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

**Издательство «РУСИЧ» представляет
новинки книжной серии**

«ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»,

книги которой живо, увлекательно и научно достоверно рассказывают о важнейших событиях мировой и отечественной истории, о древних цивилизациях, обычаях, быте и нравах людей различных исторических эпох и культур.

Разнообразие тематики и точек зрения авторов обогащает кругозор читателя, в популярной форме знакомит его с многообразием жизни прошедших веков.

Издательство «РУСИЧ» представляет
книжную серию

«ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Вышли в свет:

В. Сидихменов. Маньчжурские правители Китая

У. Черчилль. Рождение Британии

Российские государи: 862–1598

Российские государи: 1598–1917

Э. Фукс. История нравов

История пиратства

История масонства

Жизнь и нравы старого Китая

Астольф де Кюстин. Николаевская Россия

Г. В. Штоль. История Древней Греции в биографиях

Джеймс Клуг. История гарема в культурах народов мира

Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина. Властители судеб Европы:

императоры, короли, министры XVI–XVIII вв.

С. Г. Лозинский. История папства

Дж. Фрили. Тайны Османского двора. Частная
жизнь султанов

**Издательство «РУСИЧ» представляет
книжную серию**

«ПАМЯТНЫЕ МЕСТА РОССИИ»

7 БЦ, 84×108/32, объемом 208–352 с.

Издания этой серии рассказывают о знаменательных в истории России местах, древних городах, сохранивших шедевры архитектуры и искусства, а также о талантливых людях, внесших вклад в создание русского культурного наследия. Читатели смогут найти здесь не только описание, но и схемы, планы, рисунки, а также множество цветных фотографий.

Вышли в свет:

**Ю. Иванов «Санкт-Петербург и пригороды:
Путеводитель по культурно-историческим памятникам»**

Ю. Иванов «Великие крепости России»

О. Иванова «Монастыри России»

З. Пастухова, Е. Пономарева «Древнерусские города»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУСИЧ»

214016, Смоленск, ул. Соболева, 7

Тел./факс (0812) 68-36-99

E-mail: rusich@keytown.com (редакция)

E-mail: salerus@keytown.com (отдел реализации)

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

в Смоленске «Русич»

Офис: 214016, Смоленск,

ул. Соболева, 7

Тел.: (0812) 68-36-87

51-41-00

Мелкооптовый магазин и служба «Книга-почтой»

214016, Смоленск,

ул. Соболева, 7

Тел.: (08122) 32-65-96

в Москве «Вишневый сад-М»

129626, Москва,

3-я Мытищинская, 16,

кор. 47, 9 этаж

Тел.: (095) 684-10-54

тел./факс (095) 684-10-56

E-mail: cherry@bestcom.ru

в Санкт-Петербурге «Русич +»

Тел.: (812) 588-51-92

589-29-75

E-mail: rusich@home.ru

в Новосибирске «Топ-книга»

630117, Новосибирск,

ул. Арбузова, 1/1

(Академгородок),

Тел.: (383-2) 36-10-26

E-mail: office@top-kniga.ru

Web: www.top-kniga.ru

Сочинение Гейвина де Бира – авторитетное исследование биографии известного полководца древности Ганнибала (247/246–183 гг. до н. э.). На страницах книги читатель познакомится с событиями Первой и Второй Пунических войн, найдет описание похода Ганнибала из Испании в Италию и его знаменитого перехода через Альпы, побед карфагенского полководца при Тразименском озере, в битве при Каннах и его поражения в битве при Заме в 202 г. до н. э. Гейвин де Бир не оставил без внимания и последний период его жизни – правление в Карфагене, службу у сирийского царя Антиоха III и гибель.

ISBN 5-8138-0572-9

9 785813 805721